

## *Аркадий Левин*

### ЛЯГУШКА В МОЛОКЕ (Все о нас)

Часть 1

1937 год

Поздний вечер. Мы возем санки полные книг. Мы это я и Аня. Мне три года. Ане пятьдесят четыре. Аня это моя бабушка, но все ее зовут просто Аня и я тоже.

У нас в старой квартире много книг и нам приходится ездить за ними несколько раз, потому, что мы переезжаем на новую квартиру.

Сначала я стою у подъезда нашего дома, где мы жили раньше в большой квартире с Аней, папой, мамой и нянькой Таней и сторожу, чтобы никто не украл наши санки, а Аня носит и укладывает на них книги.

Когда санки наполняются, мы тащим их к другому дому, в котором теперь будем жить. Я стою внизу и сторожу санки и книги, а Аня носит их понемногу на пятый этаж в мансарду.

Там у нас одна комната и в квартире, кроме нас, живут еще разные люди. Мы возем санки и молчим.

После того как однажды не вернулся с работы мой отец мы совсем мало стали говорить. Молчит Аня, приходя поздно вечером с работы, молчит мама, возвращаясь из института. Говорит только Таня.

Таня, это моя нянька. Говорит она с Аней и мамой и всегда одно и то же.

Говорит, что есть Бог и он рассудит и что все равно надо жить потому, что есть Аркашенька.

Аркашенька это я.

Не понимаю, почему надо жить для меня и кто такой Бог? Но я не спрашиваю. Я ни о чем, ни кого не спрашиваю. Я молчу.

Кто вбил в мою голову, что теперь надо молчать и ни о чем никого не спрашивать? Никого и ни о чем.

Отец не вернулся с работы и в этот миг все изменилось. Изменился мир, в котором я теперь живу, в котором живет Аня, моя мать и нянька Таня.

Если хорошая погода мы с нянькой Таней не играем во дворе, а идем в ботанический сад.

Это совсем близко от нашего дома. Надо только перейти широченную Колхозную площадь и еще немного пройти по улице.

Мы уходим в самый конец липовой аллеи, садимся на лавочку. Нянька Таня достает из сумки книгу и читает мне вслух. У меня две самые любимые книги: Сказки дядюшки Римуса про братца кролика и братца лиса, а еще там есть

тетушка черепаха и тетушка Медоуз с дочками. Про черепах я знаю. Я видел их в зоопарке куда мы ездили с папой и мамой. А вот кто такая тетушка Медоуз с дочками?

Нянька Таня пытается мне объяснить про тетушку Медоуз и ее дочек, но я не понимаю. А у няньки Тани не то настроение, что бы без конца объяснять мне одно и то же.

Вторая книга считается почти для взрослых и мне наверно неинтересна, так считали Аня с нянькой Таней, когда выбирали книги, что бы мне читать, но я слушаю няньку Таню затаив дыхание. Я не задаю никаких вопросов, не ерзаю на скамейке, не переспрашиваю. Я живу в этой книге. Мне в ней так хорошо и спокойно.

Книга называется Таинственный остров.

Этот Таинственный остров мне снится почти каждую ночь. Снится моряк Пенкров, и юный Герберт, и сам капитан Немо. А однажды мне приснилось, что на этом острове отец.

Я хотел спросить об этом у Ани, но не стал.

Мы молчим.

Когда нянька Таня заканчивает читать книгу я прошу прочесть ее снова. И нянька Таня послушно начинает сначала про воздушный шар и океан, и бурю...

Мне очень хочется попасть на этот остров к этим людям потому, что они честные и добрые и совсем не похоже на тех людей из нашего двора, которые смотрят на нас либо злобно, с какой то страшной для нас радостью или стараются как можно быстрее отвернуться при встрече с нами.

Даже те люди, которые раньше встречали нас с улыбкой и говорили, что они самые лучшие наши друзья. А теперь они запрещают играть со мной своим детям.

Если мы с нянькой Таней не идем в ботанический сад, то я сижу все время дома. Мне не хочется выходить во двор. Там я чужой и вокруг меня недруги. Так я чувствую.

Мы с мамой спим на широченной тахте.

Раньше на ней спали в своей комнате мама с папой. Аня спит на диване, а нянька Таня в громадном, окованном железными черными полосами, зеленом сундуке с литыми массивными ручками по бокам.

Честное слово она спит в сундуке. Нянька спит в сундуке, так как крышка его горбатая, и лежать на ней невозможно. Обязательно свалишься.

Около крышки сундука на его стенке есть такое специальное отверстие куда вставляют большой и очень красивый ключ потом поворачивают его, крышка сундука открывается и начинает играть нежная, нежная музыка, как будто звенят сотни маленьких колокольчиков. Эта музыка совсем не подходит этому громадному черно-зеленому чудовищу. Я почему-то боюсь этого сундука. А Аня как-то сказала, что он спас ей жизнь.

Как сундуки могут спасти жизнь людям? Потом я догадался, что сундук

раньше был кораблем, а корабли ведь могут спасать людей.

Каждое утро Аня виновато спрашивает няньку Таню:

- Тебе удобно? Может, купим кровать?

– Стерпится слюбится, - ворчит нянька Таня вылезая из сундука закрывая крышку и сундук, словно соглашаясь с ней, поет свою веселую песню.

День проходит за днем. Кончилось лето. Мне кажется, что, все как-то успокаивается и налаживается. Аня каждое утро уходит на работу и возвращается очень поздно, когда я уже сплю. Мама тоже все время пропадает на своем рабфаке. Остаемся мы с нянькой Таней. Если она не гуляет со мной она все время возится на кухне и, забегая иногда в комнату, шепотом ворчит, что паек не тот, но жить можно.

Однажды среди ночи меня разбудили.

Я сидел сонный, со слипающимися глазами, и ничего понять не мог.

В комнате горел свет. Кругом по полу были разбросаны всякие вещи, одежда, бумаги, книги, фотографии.

За столом сидел человек в военной форме, другой, тоже военный, рылся в нянькином сундуке. Было очень тихо. Мама и Аня стояли около буфета. Нянька Таня тихо плакала сидя на стуле в углу.

- Все, - сказал человек, в военной форме, вставая из-за стола, - Можете прощаться.

Мама подошла ко мне, подняла на руки и поцеловала два раза в щеки, а еще в макушку. Потом, как будто падая, обняла Аню, и они постояли так недолго.

Мама как будто отодвинула Аню и махнула рукой няньке Тане:

; Прощай, крестная!

; И первая направилась к двери не оборачиваясь. За ней суетливо кинулся тот, что рылся в сундуке.

- Распишитесь, - обратился к кому-то человек в военной форме и тут оказалось, что в комнате стояли наши соседи. Они подошли к столу и стали что-то писать.

Подошла к столу и Аня.

; Вам не надо, - буркнул военный, взял бумаги, медленно, словно нарочно, убрал их в кожаную сумку и, кивнув в сторону соседей, с усмешкой сказал: - Вы свободны, - помолчав, добавил — Пока.

; - Ложись, - сказала мне нянька Таня и пошла к своему сундуку.

Я лег и сразу уснул. А может быть я и не просыпался, а все это мне приснилось?

На следующий день Аня не пошла на работу.

Вместе с нянькой Таней она до позднего вечера убиралась, раскладывая вещи по местам, мыли пол в комнате. А потом Аня взяла ведро и тряпку и пошла мыть пол в коридоре.

; Зачем в коридоре-то, - сердилась нянька Таня. - Небось не наша очередь.

; Но Аня упрямо мыла пол в коридоре, а соседи выглядывали из своих комнат и выходить из них не решались пока она не закончит свою работу.

Целый день нянька Таня прятала что-то в кармане фартука и уже под самый

вечер протянула Ане клочки бумаги. Это была порванная на четыре части фотография моего отца в военной форме с двумя ромбами в петлицах.

- Это нелюди! Это преступники и сволочи, - сказала нянька Таня.

; Молчи — приказала Аня.

; - Чего молчи! Чего молчи! Ты Нарым и Томск вспомни.

; - И там все было, - ответила ей Аня.

; Она достала лист бумаги, пузырек с клеем и склеила порванную фотографию, тщательно подобрав кусочки друг к другу.

; - Жизнь так не склеишь, - всхлипнула нянька Таня.

; Я долго думал: что такое клеить жизнь и зачем это надо делать? Но ничего толкового не придумал, а спрашивать у няньки Тани или у Ани не стал. Раньше бы спросил, а сейчас нет.

В этот вечер Аня решила уложить меня спать сама, вместо няньки Тани, укрыла одеялом до самого подбородка и стала баюкать, как совсем маленького.

На следующий день я проснулся поздно. Было совсем светло. За столом, положив голову на руки, спала Аня.

Няньки Тани нигде не было.

Ее не было и на следующий день, и на следующий...

Сундук больше не играл свою веселую музыку.

Мы с Аней остались вдвоем.

1909

Эта история началась давным давно на Васильевском острове в городе Петербурге весной 1909 года.

Ему удивительно повезло. Резко завернув за угол, он наткнулся на телегу груженную ящиками у которой отвалилось колесо. Телега кренилась, возница упирался руками в борт телеги, не давая ей перевернуться.

Лошадь, повернув свою длинную голову назад, наблюдала за усилиями возницы несколько отстранено, явно не желая вмешиваться в происходящее.

Мужик кряхтел, поминая и бога и черта. Ноги его скользили по мокрой булыжной мостовой. Груз вот-вот должен был съехать на бок и тогда уж он наверняка не справился бы и телега, перевернувшись, обязательно придавила его собой.

Ни минуты не раздумывая, он, нырнул под телегу и лежа на спине, уперся в днище ее руками и ногами.

Краем глаза он увидел пробежавших мимо него троих: того в штатском и двух жандармов.

- Повыше, еще повыше, - хрипел возница стараясь надеть колесо на ось, - Разом! Разом!

Топот ног удалялся.

Колесо встало на свое место.

- Есть бог на свете! - убежденно изрек возница тяжело дыша, - Вылезай.

Приятели твои убежали. Резвы, однако.

; Он с трудом выполз из-под телеги, привалился к кирпичной стене дома рядом с возницей. Ноги дрожали от напряжения.

; - На убивца ты вроде не похож, - утвердительно заметил мужик, утирая мокрое лицо рукавом, - Однако вижу, бегают за тобой народу много, а мне кажинный раз не твоим пути ломаться — самому в убыток. – Возница похохатывал, довольный собой и тем, что счастливо вылез из этой передряги. - Ты помог мне, я тебе. Значит квиты.

На том и разошлись.

Думается, что наступило самое время познакомить вас с господином, которому так удачно удалось отделаться от полицейской слежки, а может и ареста.

Разрешите скромно представить вам:

Студент Петербургского университета, член Российской социал-демократической рабочей партии, делегат Лондонского съезда РСДРП, агент Центрального комитета партии Аркадий Федорович Иванов.

Он медленно брел по Среднему проспекту, периодически переходя на другую сторону, что бы иметь возможность незаметно осмотреться.

Все, что произошло в этот день, окончательно убедило его в том, что положение его стало критическим.

Каждый раз, после очередной смены квартиры, на следующий же день он обнаруживал за собой слежку. Кто то, кого он никак не мог вычислить, «сидел у него на хвосте», постоянно информируя сыск о любых его перемещениях.

Стало ясно, что бы не предстать в очередной раз перед «сильными мира сего» и не отправиться в «места не столь отдаленные», в которых он уже не раз успел побывать, необходимо было ему исчезнуть из Петербурга немедленно.

Поразмыслив как следует, посоветовавшись с товарищами, принял он решение отправиться в Великое княжество Финляндское, где тамошняя охранка о существовании вышеуказанного студента, в то время, подробными сведениями не располагала, а значит и особых претензий к нему не имела тоже.

Для проживания и дальнейшей работы был им выбран город Выборг.

С одной стороны не столица, но с другой - город не маленький. Есть и заводы и фабрики, а значит рабочего люда достаточно.

И был этот люд к тому времени более или менее организован. Самые активные периодически собирались на высокой горе Папуле, проводили там митинги, а потом проходили колонной через город. И не просто так проходили, а с красным знаменем. Знай наших!

Полиция смотрела на эти игры, до поры до времени, снисходительно, тщательным образом выслеживая руководителей и наиболее активных граждан. До арестов пока не доходило, зато дела на них в охранке пухли и ждали своего часа.

Короче говоря, лучшего места, что бы на время скрыться от охранки, но продолжать работать, не придумаешь.

Дорога до Выборга прошла без приключений. Выбравшись из вокзальной

толчеи Аркадий вышел на набережную. Стоял у парапета и смотрел, как на том берегу бухточки одевается в паруса яхта.

Подошли двое. Обменялись условными фразами.

; Пошли. Устроим тебя на квартиру.

; - Квартира большая? - интересовался по дороге Аркадий, - Я смогу договориться с хозяином, что бы народ у себя собирать? Из каких хозяин то будет?

; - Для начала вопросов многовато, - засмеялись встречающие. - Хозяин добрый, гостей любит, но не всех. Разборчивый.

Организовать работу в Выборге ему не представлялось особого труда.

Во первых у Аркадия Иванова было с собой рекомендательное письмо к активному члену РСДРП Эйно Рахья.

Вы наверно не знаете кто такой этот Эйно Рахья? Ну, это тот боевик которому в 1917 году доверили охрану Ленина. Коренастый такой, белобрысый и молчун.

Из него слово клещами не вытянуть.

Про Ленина вы конечно все знаете, так что я об этом рассказывать сейчас не буду.

Во вторых цель организации кружка: «Изучение русского языка в среде Выборгской молодежи» преследовала вполне безобидную и даже благородную цель — нести грамотность в массы. Тут властям не запрещать, а помогать, вроде как бы, надо.

Вначале вели кружок вместе - Эйно и Аркадий. Лекции читал, в основном, Аркадий, а Эйно иногда вставит слово, другое. Но так получалось, что слова эти произносились им в самое нужное время.

И Аркадий и Эйно тщательно присматриваясь, друг к другу и к ребятам, приходившим на занятия. Проверяя и перепроверяя их и, наконец, решили: пора начинать настоящую работу.

Правдами и неправдами сумели приобрести печатный станок и шрифта.

Основная заслуга тут конечно была Эйно.

Дело было за малым: где поместить типографию. Город не большой и не маленький, но полиции достаточно. Типография — дело не шуточное. Это практически центр агитационной работы и, при провале, верная путевка на каторгу.

Среди ребят, посещаемых кружок, Эйно обратил внимание Аркадия на молоденькую миниатюрную брюнетку с пышной черной косой. Кончалась коса где-то далеко ниже тонкой талии. Брюнетка не только плохо читала и писала по русский, но и говорила с таким ужасным акцентом, что слушать ее речь без смеха было невозможно. Сразу представлялся южный портовый город и шумный привоз.

Зная это, барышня предпочитала помалкивать и тихо сидела в уголочке, стараясь не привлекать к себе внимания.

; - Кто такая? – интересовался Эйно у знающих людей.

; - Эта крошка – кошка, которая ходит сама по себе, - качая головами, ответили знающие люди. – Родители для нее не указ. Мечтает бороться за справедливость, а, главное, за равноправие всех народов на земном шаре. Меньшая цель в жизни ее не устраивает.

; - По моему очень хорошая девушка, - сказал Эйно Аркадию. - Ты не поверишь, она из семьи довольно богатого фабриканта. Отец ее вышивальную фабрику имеет. Подумай, как следует. Вполне возможно привлечь ее к серьезной работе.

; - А не молода ли? - усомнился Аркадий

; - Молодость это тот недостаток, который, к сожалению, быстро проходит. - печально промолвил Эйно.

На следующий день, закончив урок, Аркадий, остановил девушку.

; - Как вас зовут, милая барышня?

; - Хана, Хана Иоффе.

Глаза опущены. Руки теребят платочек.

; - Вы все понимаете, о чем я рассказываю?

; - Нет. Не очень.

; - Вы умеете писать и читать? – он наклонился к ней и увидел большие черные глаза полные слез.

Господи только бы она не расплакалась!

; - Вы знаете, я писать по-русски не умею очень. И говорить я по-русски очень плохо. – Она прикусила нижнюю губу, блеснув белоснежными зубками.

; - Да не волнуйтесь Вы так, Хана. Я вам искренне хочу помочь. Пройдет немного время, и вы прекрасно будете читать, и писать по-русски. Вы узнаете прекрасный язык Александра Сергеевича Пушкина, Льва Николаевича Толстого и многих других великолепных русских авторов. Вы просто обогатите себя. Приходите обязательно завтра. Смотрите, какие чудесные люди занимаются у нас в кружке! Придете?

; - Да.

Она замялась, не зная как проститься, потом резко подняла голову, посмотрела на него внимательно. Также неожиданно повернулась и убежала, бросив через плечо.

; - Я приду завтра.

; Действительно хорошая девушка, - согласился Аркадий с Эйно, - но насчет серьезной работы, что-то я сомневаюсь.

Через месяц наш студент начал заниматься с девицей Иоффе индивидуально.

Самым удобным местом для занятий молодые выбрали губернский парк.

Ах, эти губерnsкие парки с вековыми липами! Вечерними темными аллеями. На веранде играет гарнизонный оркестр. По аллеям гуляют парочки и местные барышни непременно замечают все, все, что происходит вокруг. Особенно появление новенькой пары.

Должным образом барышни оценили статную фигуру молодого человека, коротенькую, но густую бородку и усы, студенческую куртку и еще много-

много того, что замечают девушки, исподтишка разглядывая нового кавалера. Соответственно была дана характеристика девице, которую он выбрал.

Характеристика, безусловно, была отрицательная.

И что он в ней нашел в этой чернавке? А косы-то, косы! Ниже талии. Можно спорить, что накладные! Он наверняка за большим приданным погнался. Фу, какой у него вкус! И разве он не знает, из каких она? Разве мы видели ее хоть один раз в церкви? А его видели?

Через пару месяцев занятий в кружке разгорелся между участниками спор об эмансипации. Договорились до того, что равноправие женщин может быть достигнута только при условии их материальной независимости.

По совету Аркадия Хана устроилась работать на вышивальную фабрику отца ученицей.

- В шестнадцать лет пора начинать самостоятельную жизнь. Тот путь борьбы за справедливость, которому вы решила себя посвятить, требует от человека продуманных и решительных действий.

Довод был нешуточный.

Ох, сколько для воплощения этого решения ей пришлось выслушать от отца!

А мама ее просто молча плакала, давно поняв, что старшая дочь слушает только себя и поступает так, как считает нужным.

За что так наказывает их бог? За что такие напасти!

- Послушай, товарищ, - Обратился однажды Эйно к Аркадию. - Под старинным зданием, в котором помещается вышивальная фабрика господина Иоффе, находятся глубокие подвалы. Они существуют еще с тех пор, когда крепость Выборг переходила из рук в руки очередных завоевателей и местным жителям надо было где-то прятаться самим и прятать добро от разорения.

Слава Богу эти времена прошли. Выборг окончательно и навечно присоединили к Российской Империи и нужда в подвалах отпала.

Был я там недавно. Хранят там всякую рухлядь. Подвалы, практически не используются. Для хранения продукции фабрики или сырья там сыровато. Что очень интересно – есть там два входа. Один прямо с улицы. Чем не место для типографии?

Эйно многозначительно посмотрел на Аркадия. Тот, в ответ, почесал затылок.

- Типография – проблема каторжная.

- Конечно, - Согласился Эйно. – Я готов выслушать любое твоё предложение.

Оказалось, что хозяина фабрики, достопочтенного господина Иоффе, провести было не так уж трудно, тем более, что Хана оказалась девушкой весьма сообразительной и предприимчивой.

Однажды ночью печатный станок благополучно был спущен в подвал, установлен в захлавленной и давно заброшенной его части, отгорожен старой мебелью и ящиками, в изобилии хранящихся в подвале и, спустя несколько дней заработал.

Весело позванивала тарелка для растирки краски, шелестели валики, постукивал

тигель. Шлеп, шлеп. Прокламация за прокламацией, листовка за листовкой. Предварительно, по настоянию Ханы, на фабрику были приняты двое мастеровых.

Чем они занимаются в действительности никого не интересовало. Раз хозяин принял их на работу, значит так надо. Тем более когда надо было чинить или настраивать ткацкие и вышивальные станки, обращались к ним. Ребята оказались рукастые и начальство ими было весьма довольно. Особую плату за свой труд они не просили, а вполне довольствовались тем, что им платили за ремонтные и наладочные работы.

Знал ли почтенный господин Иоффе, что в действительности происходит у него на фабрике? Думается, что знал. Не так уж он был прост, этот господин Иоффе, как это казалось на первый взгляд.

Возможно, что был он просто сочувствующим, а возможно... Нет, не думаю, что можно обвинить его в принадлежности к какой-то партии, разделяющей взгляды социал-демократов. Но, во всяком случае, оказался он господином рискованным!

Думается мне, что мировоззрения Ханы формировались не только и не столько в некоем учебном заведении, которое она благополучно бросила несмотря на все уговоры родителей, но и за домашним столом, когда собирались гости и начинались бесконечные разговоры о том как дальше жить.

Все возможно.

Через некоторое время Хана, по совету своего руководителя, перешла работать на табачную фабрику к господину Якобсону.

; От греха подальше, - сказал Аркадий.

; - От какого греха,— насторожилась Хана. - Мы что-то делаем не так, Аркадий Федорович?

; - Ты понимаешь, чем мы занимаемся? - Наверно первый раз Аркадий прямо посмотрел ей в глаза. - Ты понимаешь, какой опасности мы подвергаемся?

Вернее я подвергаю тебя.

; - Да, - сказала она твердо, - но они никогда не найдут ничего.

; - А если?

Тут уже начинается совершенно другая область человеческих отношений.

Имеешь ли ты право не рассказывать человеку всю рискованность дела в которое ты вовлек его, человеку, который доверяет тебе полностью, который слишком молод и неопытен, что бы понять всю опасность дела, которым он занимается вместе с тобой?

Можно ли недоговаривать что-то человеку, при виде которого сердце начинает стучать все сильнее и требуется мобилизация всех сил, что бы сдержать порыв?

- Слушай, девочка. Я оказался в таком положении, что должен рассказать тебе все, хотя я на это не имею права. Это значит, что я отдаю свою жизнь в твои руки. И не только мою жизнь, но и жизнь своих товарищей. Ты это понимаешь? Ох как много она могла бы ответить ему. Ну почему он ничего не понимает, не

видит? Но она просто тихо сказала:

; - Я понимаю. Все понимаю. Вы, Аркадий Федорович не думайте, что я маленькая. То, что мы делаем, это ведь для счастливой жизни всех людей, правда?

; - Вот как бывает между людьми! Говорят, казалось бы об одном, а чувствуют совсем другое. И за каждым сказанным словом стоит не произнесенное, другое, более важное в эту минуту для них и вообще в их жизни слово.

Но для этих слов не пришло еще время. Для созревания необходим срок.

Должен я вам сказать, да вы и сами давно догадались, что изучение русского языка было далеко не основным занятием молодежи, занимающейся у Аркадия Иванова.

Кружковцы хранила у себя дома нелегальную литературу, распространяли листовки в солдатских казармах. Хана организовала хранение типографских шрифтов для подпольной типографии у себя дома.

Было ей тогда шестнадцать лет.

Что послужило поводом для девушки из довольно богатой семьи бросить школу, настоять на том, что бы ее взяли на работу ученицей швеи, а после очередного семейного скандала по совету Аркадия, перейти работницей на табачную фабрику? Но и этого мало! Что заставило ее рисковать судьбой и жизнью своей семьи, помогая организовывать подпольную типографию?

Вполне возможно, что тут немаловажную роль сыграли индивидуальные занятия в губернском парке со студентом Петербургского университета.

Во время прогулок узнаешь что он окончил Царскосельскую гимназию и воспитывался в семье известного не только в России, литературного деятеля Скабичевского.

Ко всему же прочему, он занимается такой таинственной и романтической революционной деятельностью, и, ко всему прочему, проживает не нелегальном положении.

А какое счастье испытываешь, когда идешь под руку с молодым статным красавцем и ловишь завистливые взгляды встречных девиц.

Как ты растешь в своих глазах и готова на все, лишь бы быть ему вровень.

Иметь право вот так спокойно идти с ним под руку по парковой аллее и совершенно не обращать внимание на косые взгляды встречных. Разве этого мало, что бы совершенно потерять голову, когда тебе всего шестнадцать лет?

Она еще не знала, что до их встречи Аркадий уже три раза арестовывался царской охранкой. Что в результате его активной деятельности в охранном отделении появился документ утверждающий, что Аркадий Иванов является Агентом Центрального Комитета РСДРП.

Но вот чего и он не знал, что чаша терпения министра внутренних дел и председателя Совета Министров Российской Империи переполнилась.

Без суда и следствия Столыпин утвердил предложение Особого присутствия признать «пребывание Иванова А. Ф. в европейской части России весьма

вредным для общественной безопасности».

Положение Иванова осложнялось на столько, что перед ним стала реальная угроза каторги.

1910

А пока в их распоряжении были тихие аллеи губернского парка, волнующие случайные прикосновения рук, разговоры о счастливом будущем, когда они победят.

К великому сожалению каждое счастливое время когда-нибудь да заканчивается.

Как не были они осторожны, проверяя и перепроверяю людей с которыми они работали, а предателя проморгали.

В мае 1910 года провокатор выдал выборгское подполье властям. Вместе с другими членами кружка за решеткой оказалась и Хана.

Тут я предлагаю вам должным образом оценить дальнейшие события:

При первом своем аресте в полицейском участке девушка предъявила паспорт на имя Ханы Иоффе.

Началось следствие.

Арест Ханы, как гром с ясного неба, поверг в отчаяние ее семью.

В солидном кабинете владельца табачной фабрики напротив господина Якобсона сидел, ссутулившись Иоффе.

Надо спасать девочку. - старательно обрезаю сигару молвил Якобсон. - и потом, что ты собираешься делать со всеми этими железками, что они натащили в твой подвал? Никто не поверит тебе, что это станок для вышивания постельного белья или сорочек.

; Я ей говорил, я ее предупреждал, я просил ее! Она меня слушалась? Она говорила о равенстве и братстве! Зачем нам это равенство и братство на каторге? Ей нужно на каторгу? Мне нужно на каторгу? Тебе нужны все эти неприятности? - Иоффе вытер вспотевшее лицо платком, - Утоплю все в заливе! Я утоплю это все сегодня ночью, пока они ко мне не пришли.

Якобсон качнул головой.

; Я тебя очень хорошо понимаю, дорогой мой. Но не надо так спешить. Надо все обдумать и сделать, что бы всем было хорошо.

; По поводу железок: Есть у меня один знакомый, некто Рахья. Я поговорю с ним. Это одно дело. А о судьбе девочки мы с тобой подумаем. Это другое дело. Тут тоже, как ты знаешь, есть с кем поговорить, есть с чем поговорить. Я в доле. Девочку спасать надо. Красавица она у тебя какая!

; Эта красавица стоит мне жизни. - простонал Иоффе, - Совершенная сумасбродка. Это надо такого натворить! Что скажут люди! - он долго сморкался в большой носовой платок.

А затем произошла фантастическая метаморфоза.

Сидя в Выборгской тюрьме Хана Иоффе исчезла, как будто ее и не было вовсе, а вместо нее появилась девица Анна Ион-оглы. Так, во всяком случае, гласили

документы.

Почему и причем тут Ион-оглы? Понятия не имеем! Но никто этому не удивился, а кто и удивился, то промолчал. А, что главное - всех это устроило. В конце-концов Ион-оглы звучит не так плохо. Даже очень замечательно звучит.

Конечно Хана Иоффе звучит лучше, но если нельзя, так нельзя. И потом это временно. Наверно временно. Обязательно временно.

В связи с тем, что деятельность девицы Анны Ион-оглы никак не могла сравниться с прегрешениями против властей Ханы Иоффе, суд присудил ей не каторжные работы, как в общем-то полагалось в те времена, а ссылку в Нарымский край на пять лет и полностью снимались все подозрения с дома господина Иоффе.

Во все времена и у всех народов периодически происходят чудеса. Главное — вера в возможность чуда и приложения некоторых усилий для его возникновения.

Эта же участь постигла наиболее активных членов кружка любителей русского языка, включая и его руководителя.

Остальных отпустили с миром до времени.

Думается мне что хозяин вышивальной фабрики достопочтенный господин Иоффе предпочел бы, что бы Аркадия Иванова отправили бы не в ссылку, а именно на каторжные работы. И для этого, как считал Иоффе, у него были веские основания.

Разве можно желать добра человеку отнявшего у тебя ребенка? Разве можно простить человека, который воспользовался наивностью и простодушием девочки и довел ее до суда и тюрьмы?

Но обстоятельства сложились так, что у Иоффе, его друга Якобсона и у других многих людей, прилагающих все свои силы, что бы облегчить судьбу кружковцев, вариантов не было.

Им прозрачно намекнули: либо всю компанию на каторжные работы, либо в ссылку.

Иоффе махнул рукой. Большого он сделать не мог. Теперь надо думать о том, как вытаскивать бедную девочку из этой переделки.

Думал ли он, старый Иоффе, что видит Хану в последний раз? Думала ли Хана, что увидит свой родной Выборг только спустя половину века. Пятьдесят лет. А родителей — никогда.

Но прежде чем отправиться по этапу, за теперь уже Анной Ион-оглы, в далекую Сибирь, мы должны сказать, что ее отношения со студентом из Петербурга и руководителем кружка по изучению русского языка Аркадием Федоровичем Ивановым стали не столько дружескими, сколько...

Как бы это вам попонятнее объяснит?

Короче говоря, образовалась реальная возможность создания счастливой ячейки общества, которая поставила перед собою благородную цель и задачу сделать

так, что бы все общество было бы также счастливо как и она.

Не надо думать, что поездка в место, указанной властями для ссылки, похоже на романтическое путешествие. Продолжалось оно, это путешествие, целый год в Столыпинском вагоне.

Из одной тюрьмы в другую из другой в третью. Есть такие сведения, что Анне Ион-оглы даже в Петропавловке (Имеется ввиду Петропавловская крепость) удалось побывать, а уж в Крестах — обязательно.

Сколько за этот год «путешествия» повидала Анна, с какими людьми сумела она познакомиться, подружиться, или наоборот, приобрести врагов. А сколько опыта сумела приобрести, который ей так понадобится в будущем о котором она просто боялась думать.

Как вы понимаете, мужчины и женщины перевозились разными этапами.

Весь этот год она ничего не знала о судьбе Аркадия. Только вера в то, что они когда ни будь будут вместе, спасала ее в этом страшном одиночестве среди людей.

Тюремные вагоны везли ее все дальше и дальше. Сначала на восток, а затем на север. В конце-концов она попала в Томскую городскую тюрьму.

Однажды утром всех ссыльных вывели на пристань и стали загонять в трюм парохода «Братья Колесниковы»

Там на пристани ей показалось, что среди этапированных, окруженных охранниками, мелькнул человек до боли похожий на Аркадия. Но особенно всматриваться ей не дали.

А сердце подсказывало, что это был он, конечно он.

Разве не было у нее предчувствия, что это страшное одиночество скоро должно кончиться, ведь только вера в то, что они обязательно встретятся и будут вместе, помогала прожить этот страшный год.

Теперь постарайтесь себе представить себе ту бурю эмоций, которую она ощутила встретившись с любимым в трюме парохода, направлявшегося вниз по Оби на север в Нарым.

Тут даже охранники не смогли их растащить, настолько крепкими были их объятия.

А может и не очень хотелось этим охранникам мешать влюбленным, так неожиданно нашедшим друг друга через год полный страданий, надежд и сомнений. Охранники разные бывают.

Они сидели обняв друг друга и разговаривали шепотом:

; Ты совсем другая стала.

; Какая?

; Взрослая.

; Ты меня все время помнил?

; Я тебя все время любил.

1911 год

Прибытие парохода в Нарым всегда было событием. На причале собиралось все

население поселка. Естественно, что в июньский день 1911 года пароход встречали все политические ссыльные.

Идя рядом с Аркадием Анна старалась аккуратно придерживать платье, которое стало ей коротко и узко. Оно стало ей естественно мало, ведь в семнадцать лет люди растут быстро. Вот и Анна выросла за долгое время путешествия по этапу. А то, что у нее было, кроме этого платьишка, годилось еще меньше.

Они спускались по сходам в окружении стражников, а с берега им радостно что то кричали люди. Размахивали руками, узнавая знакомых.

; Дайте мне ваш мешок, я помогу, - обратился к ней молодой человек с густой копной каштановых волос, предварительно обняв и расцеловав Аркадия, - давайте знакомиться:

; Я Валериан Владимирович Куйбышев. А Вас как зовут?

; Хана — ответила девушка, но тут же прикусила язык и зардевшись ярким румянцем поправилась, - Анна, Анна Ион-Оглы.

; Валериан и Аркадий расхохотались и строго погрозили ей:

; За языком, мадемуазель, следить надо!

; Они поднимались по песчаному склону.

; А вот это Сольц, - представлял Валериан встречающих, - а это Ястребов, а это Голощекин...

; Как же хорошо было Анне среди этих, улыбающихся и раскланивавшихся с ней людей. Казалось, что она их всех знает давным-давно и всех их любит, а они знают и любят ее. И Аркадий все время смотрит на нее и улыбался.

; – Я такая смешная? – спрашивала его Анна.

; Какая же ты смешная? Ты совсем не смешная. Ты красивая!

Она смотрела на дома, сложенных из почерневших от времени, бревен. На черневший вдалеке лес, на широченный, белесый разлив Оби. И понимала, что здесь ей предстоит жить не один год.

Рядом шел любимый человек, но как сложится их судьба? И в душе у нее было и радостно, и печально.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма хранятся записные книжки Надежды Константиновны Крупской. В них внесены самые важные и самые конспиративные адреса для переписки с местными партийными организациями России. На одной из страничек мелким почерком Надежды Константиновны записан адрес: «г. Нарым (для писем) Томской губ. Вас. Вас. Пермитину» Это был конспиративный адрес Аркадия Иванова.

В доме Василия Васильевича Пермитина, коренного нарымчанина, правнука основателя города и поселились Аркадий и Анна.

Дом был двухэтажный, рубленый, выделявшийся среди прочих домов в поселке.

Не то, что бы он был самым большим. Были дома и побольше. Но он был чуть основательнее построен. Любви, при его строительстве, было вложено чуть побольше. Так, во всяком случае, ей казалось.

Они поднялись на высокое крыльцо, прошли через темные сени.

Не успели постучать, как дверь отворилась и на пороге появился хозяин:

; Оповещен, оповещен о вашем прибытии, любезный мой Аркадий Федорович, - басил Пермитин внимательно осматривая Анну.

Она смутилась от этого, откровенно оценивающего, взгляда.

; Надо бы несколько дел весьма срочно справиться. - продолжал басить хозяин, хитро подмигивая гостям, - Перво- наперво значит платишко какое-никакое Аннушке справиться, обратно значит пимы с тулупчиком. Одеты они, - он указал на Анну, - прямо сказать, не для Сибири.

За его широкой спиной мелькали детские лица, слышалось веселое шушуканье. Вошла хозяйка, с достоинством поклонилась гостям.

; Не держи гостей в сенях, Василий Васильевич. Вводи в дом, - властно сказала она мужу и обратилась к Анне:

; Пойдем со мной, милая.

; Прошли залу и оказались в небольшой комнате.

Анна огляделась.

Одно окно, около печки стоит единственная узкая железная кровать. В другом углу, наверно самодельный, но справно сработанный, большой, зеленого цвета, сундук обитый крест накрест железными черными полосами с литыми фигурными ручками по бокам. Крышка у сундука была горбатой. На такой не то что лежать - сидеть невозможно. Посередине комнаты стол и пара табуреток.

; Меня зовут Наталья, - представилась хозяйка, - а тебя, я знаю Анной зовут.

Сели на табуреты друг против друга.

; Как у тебя с ним? - Наталья качнула головой в сторону залы, где слышались мужские голоса. - Жить то вам с ним тут вместе. Другой комнаты нет.

; Никак, - покраснев прошептала Анна. - Я не знаю... Мы же год не виделись.

Она почему-то сразу поверила этой большой, властной женщине, приняла ее как свою защитницу и опору в этой кошмарной жизни в судах, в тюрьмах, на этапах, куда она попала и существовала целый год.

; А как жить с ним в одной комнате собираешься?

; Я не знаю, - совершенно растерялась Анна. Прижала к груди свой тощий мешок и собралась было встать, но хозяйка положила на ее плечо теплую руку, не давая подняться.

; Хоть целовались? - насмешливо спросила Наталья.

; - Два раза. - словно оправдываясь прошептала Анна. - Один раз в парке и один раз когда суд кончился. Нет, еще на пароходе.

; А знакомы сколько.

; Два, почти три года.

; Эх, сколько время зря потеряли, - Наталья встала, подняла вверх руки, закинула их за голову, потянувшись всем крепким телом, рассмеялась и вновь уставилась на гостью, - А мылась последний раз когда?

; Перед пароходом. В томской тюрьме. - Это пять дней немывшись? А

переодеться есть во что?

; - Есть. У меня тут в мешке...

; Покажи! - посмотрела, перебирая вещи, - Небогато – констатировала хозяйка. Анна вышла из парной, села на пахнущую смолой лавку. Голова вдруг закружилась, все вокруг качнулось, куда-то поехало, расплылось...

Она очнулась от легких шлепков по щекам. Над ней склонилась Наталья и еще какая-то молодая женщина.

; Давай-ка , молодка одеваться. Ух, какие у тебя волосы! Ты не из цыганок, поди? Как ты их сохранить-то во время этапа смогла?

Женщины привели Анну в залу и посадили на диван. Из отведенной им с Аркадием комнаты раздавался стук молотка, мужчины что-то двигали тяжелое, ухая и похохатывая.

Наконец дверь распахнулась и Анна увидела, что кровать перетащили на то место, где стоял раньше сундук, над потолком, приколотили длинный тонкий шест и прикрепили к нему большую занавеску из ситца, отгораживающую кровать. А у другой стены стояли козлы. На них был положен дощатый щит на который был брошен туго набитый сенник.

; Чем богаты! - широко раскинул руки Василий Васильевич. - Не обессудьте.

; Спать, Аннушка, - Аркадий подошел к ней, взял на руки.

Анна обняла его за шею и крепко поцеловала. Четвертый раз в своей жизни или пятый. Анна уже со счета сбилась.

; За что?

; Сам все знаешь и понимаешь. Как хорошо, что ты все понимаешь! - и посмотрела на стоящую в зале, ободряюще улыбающуюся ей Наталью.

На следующий день Аркадий обходил дома, где расквартировались ссыльные, в поисках литературы для Анны.

Первый к кому он зашел был Сольц.

- Здравствуйте, господин Сольц! Разрешите выразить вам мое почтение. - расшаркался Аркадий.

- Разрешаю — величественно согласился Сольц, оперевшись о косяк двери.

- Я шел и, по пути решил заглянуть к вам, хотя я уверен, что совершенно напрасно. Вы, насколько, я понимаю, совершенно тут одичали.

- В этом нет никаких сомнений — небрежно согласился Сольц, - Как только начинается зима я ложусь спать и сосу лапу. Вот эту. – И он продемонстрировал свою правую руку.

- Я так и думал — горестно вздохнул Аркадий. - но на всякий случай решил выяснить, а не завалилась ли в вашей берлоге случайно какая ни будь литература. Вы понимает, что я имею ввиду?

Сольц недоуменно пожал плечами.

- Я же информировал вас, господин Иванов. Зимой я сплю и сосу лапу. Вот эту. – И он показал на свою левую руку.

- Вы еще и лапы путаете? – Посочувствовал Аркадий. – Как же мне вам

объяснить попонятней что есть книга, - Аркадий снял шапку и почесал затылок.  
- Ну это несколько листов бумаги сшитые вместе. Для начала мне бы что ни будь для начальных классов гимназии.

Сольц участливо поинтересовался: - Для мальчика или для девочки?  
Иванов нахмурился.

Сольц оживленно предложил:

; Вот есть азбука. Очень крупный шрифт и прелестные цветные картинки.  
Прошу учесть, на экземпляре нет ни одной кляксы и он совершенно не замусолен.

; Кто-то очень соскучился по общению после спячки, - Изрек Аркадий, развернулся и направился проч.

; Стойте, стойте! - закричал Сольц ему во след, - Я совершенно неправильно понят вами. Для восстановления статус-кво разрешите предложить вам Андерсена. - Он запустил руку в поседевшую гриву волос, - Ну вот, например «Сказка о гадком утенке».

; Это с намеком? - грозно поинтересовался Аркадий.

; Нет! Ну что вы! - Сольц приложил ладони к груди, - Это с примесью большой, большой зависти. Примите мои самые искренние поздравления. Я глубоко уверен, что ваша сказка закончится волшебным появлением прекрасного лебедя. Поверьте мне, я ведь почти все знаю про это. Лебеди черные тоже бывают.

; Сольц проводил Аркадия сочувственным взглядом и, стоя на крыльце, дал ему отойти на достаточно большое расстояние.

; А еще у меня есть сочинения незабвенного Пушкина Александра Сергеевича. - прокричал он уходившему товарищу, - Если вы еще помните, был такой поэт. У него тоже есть что-то про лебедя, Так что это прямо в вашу тему. Для вашей, воспаленной счастьем, головы.

; Да буду я отмщен, - пообещал Иванов возвращаясь, - Гоните книги!

; Анна печально спросила : - Я похожа на гадкого утенка?

; Послушала бы ты, что о тебе говорил Сольц.

; Анне очень хотелось узнать, что же такого о ней сказал Сольц, но спрашивать было неудобно.

С нежностью она перелистывала томик Андерсена и вспоминала, как в детстве мама ей читала на ночь эти сказки только на другом языке. Это было давным-давно, совсем в другой, такой прекрасной жизни. Только бы не заплакать.

А сегодняшняя жизнь налаживалась плохо.

Прожить на те деньги, что платило ссыльным государство было невозможно. Тем более, что почти все они были потрачены на одежду для Анны и Аркадия. Что-то из еды подбрасывали Пермитины, но так долго продолжаться не могло.

; Сегодня вечером ты побудешь одна. – сказал однажды Аркадий и ушел.

Анна обиделась, но промолчала.

Постучалась и вошла Наталья.

; Одна кукуешь?

; Кукую – вздохнула Анна. - Но знаете, вот мне обидно, а я понимаю, что обижаться нельзя. Что толку обижаться? Я ведь понимаю, что раз он не сказал куда идет, значит нельзя. Когда можно, он всегда мне говорит.

Наталья оглядела комнату.

; Долго вы так жить собираетесь? Жениться пора. Он в своих империях все вивает, а ты сказать должна. Раз сказать, два сказать. Потихонечку, полегонечку мужиков на путь истинный наводить надо. Поняла? Разговоры - то идут всякие.

; Я разговоров не боюсь – нахмурилась Анна. – На все рты замков не хватит. Говорить Аркадию я ничего не буду. Пусть идет, как идет. Если любит по настоящему, то все образуется.

Анна хотела сказать Наталье, что самое главное в их жизни это то дело, которым они занимаются. Самое главное – добиться свободы и равноправия всех людей в громадной империи, а потом уже заниматься всякими пустяками, такими как женитьба.

Но ничего такого она Наталье говорить не стала, а только упрямо наклонила голову.

; Ну и дура – в сердцах сказала Наталья. – Не ты, так я скажу, - и ушла к себе, хлопнув дверью.

Наталья ушла, а Анна стала думать чем кормить Аркадия утром. А может быть он захочет кушать когда вернется. Последнее время он похудел очень, да и она одни кости да кожа. На таких разве женятся? Она вздохнула и раскрыла книгу.

Буря мглою небо кроит  
вихри снежные крутя.

То как зверь она завоет,  
то заплачет, как дитя

А говорить о том, куда и зачем шел Аркадий, действительно не стоило. Даже Анне. В этот вечер в доме ссыльного Филиппа Исаевича Голощекина собралась небольшая группа большевиков. Разговор зашел о создании в Нарыме подпольной большевистской организации.

В инициативную группу вошли Валериан Владимирович Куйбышев, Александр Николаевич Асаткин, Аркадий Федорович Иванов, Владимир Михайлович Косарев, Александр Владимирович Мендельштам и естественно сам Голощекин.

Постепенно организация пополнялась новыми членами из числа ссыльных большевиков. Собирались регулярно вечерами в разных квартирах.

Как-то в отсутствие Аркадия к Анне пришел исправник, тщательно осмотрел комнату, заглянул за занавеску, перелистал книги.

; А где ваш сожитель? Вы я вижу, вечерами все одна, да одна.

; - Он у товарищей, играет. – Как можно небрежнее сказала Анна. - И не сожитель он мне. Я живу отдельно. Вы это знаете и оскорблять вы меня не имеете право.

; - Играют, говорите? Ну, ну. Так и запишем. - Оскалился усмешкой исправник. Встал, опрокинув табурет, гремя сапогами, вышел.

Заглянула Наталья. - Что ему надо было ?

; Аркадием интересовался.

; Ты, если что, меня клич.

Вернулся Аркадий. Анна рассказала о разговоре с исправником.

; Про игры, это ты не так уж плохо придумала. Надо подумать. Через несколько дней после этого разговора официально было объявлено, что в Нарыме организуется шахматный турнир.

Во время одного из вечерних собраний взял слово Куйбышев:

; Товарищи, - Валериан старался говорить убедительно, к этому решению он готовился долго. Впервые он ставит вопрос об объединении ссыльных, принадлежащих к различным партиям.

; Мы с вами находимся на осадном положении. С одной стороны произвол властей имущих с другой — местные хулиганы распоясались. Не говоря уже о женщинах, мужчинам вечером по одному не выйти на улицу, опасно, с третьей стороны — голод и эпидемические болезни.

Какой выход из создавшегося положения? Организация! Имею в виду то, что нам необходимо объединиться. Всем ссыльным, независимо от партийной принадлежности.

В комнате воцарилась тишина.

- Я понимаю, вы считаете, что объединить людей с различными мировоззрениями невозможно?

А начать надо с самого простого и жизненно важного - организации коллективной столовой.

У нас достаточно женщин, что бы работать на кухне по очереди и мужчин, организующих рыбалку, дрова, воду и прочие необходимые работы. Ну и хулиганам отпор необходимо организовать коллективный. Это значит нужна дружина. Ваше мнение, товарищи?

В самом центре поселка стоял большое одноэтажное здание. Когда-то оно принадлежало местному жителю Филлипу Колотовкину. Но что-то в жизни у Филлипа не сложилось. Дом стоял бесхозный и постепенно разрушался.

Рано утром Анна проснулась от осторожного стука. Отодвинув ситцевую занавеску, укрывавшую выделенный ей угол, она увидела Аркадия с большим свертком в руках.

; Одевайся, Анюша. Умывайся и бегом на кухню. Завтрак я приготовил. Не бог весть что, но с голоду не умрешь, - Аркадий помолчал, посмотрел на Анну как будто оценивая ее и добавил, - С этого дня пойдем работать, - и как бы извиняясь добавил, - Иначе не проживем. Понимаешь?

Становой пристав Овсянников сообщил томскому жандармскому управлению, что в среде политических ссыльных замечено необычная активность.

«Большинство, включая особ женского пола, работают на ремонте дома

Колотовкина и собираются открыть там общественную столовую для своего пропитания в общем котле».

Анна и Аркадий вернулись домой поздно. Девушка прижала красные, после мойки полов холодной водой, руки к теплой печке. Ей вспомнились комнаты родного дома, мебель укрытая белыми чехлами, как подавали вечерний чай с вареньем и только что испеченными булочками. А еще ей вспомнился услышанный разговор стражников в Томске во время этапа: «Нарым - это тюрьма без решетки». Тоска сжала сердце.

; О чем ты думаешь? - Аркадий подошел к ней и положил ей руки на плечи.

; Я вспоминаю как надо печь булочки и мне надо приготовить ужин и вымыть голову, но без тебя я не справлюсь. Я боюсь стать обузой. И себе тоже – Тихо прошептала она.

; Ты хочешь, что бы я тебя успокаивал? Но слова помогают только слабым и то временно, а ты сильная. Оцени, пожалуйста, через что ты прошла. Одна. Без меня.

; Нет – Анна качнула головой, - не одна. С тобой. Если бы я поверила хоть на одну минуту, что одна, я бы всего этого не выдержала.

Лето заканчивалось. Промелькнула осень, замела, запур-жила сибирская зима, засыпая снегом дома под самые окна.

Тусклый свет керосиновой лампы до дальних углов комнаты и не добирается. Гудит в трубе ветер. Гудит сегодня, завтра утром, днем, вечером, ночью... Где то далеко в губернском парке играет оркестр, плещется вода в заливе. Что будет дальше?

Любимым временем для Анны стали вечера, когда они вдвоем с Аркадием сидели около печки. Потрескивали дрова в топке.

; А почему ты никогда не рассказывал мне о своих родителях, о доме, где ты жил? - в один из таких вечеров спросила Анна.

; - О! Это такая история. - Аркадий сел поудобнее. - Вот слушай! Совсем недалеко от Петербурга есть такой маленький, маленький городок Павловск. А в городке этом есть дом, который все называют до сих пор Тургеневским. Ты знаешь кто такой Тургенев? Ну, вот. Тургеневским его называют потому, что он действительно принадлежал раньше писателю. Но однажды Тургенев решил подарить его одной прекрасной женщине Анне Ивановне Топоровой.

С мужем ее Александром Васильевичем у Тургенева была большая дружба. И уже когда писатель был смертельно болен, он завещал похоронить себя в России своему другу.

Торопов пережил Тургенева не на долго. Вдова его, Анна Ивановна вскоре вышла замуж за Александра Михайловича Скабичевского.

Александр Михайлович известный литератор. Сотрудничал он у Некрасова в «Современнике» и в «Отечественных записках»

; А какое отношение все это имеет к тебе?

; А такое. Девичья фамилия Анны Ивановны была Иванова. Другими словами

это моя тетка, сестра моего отца.

; Так у нас жизнь сложилась, что воспитывался я, так же как мой брат Слава и сестры Люба, Оля и Аня у нее.

; Каждый понедельник в доме у Скобичевских собирались гости. Обо всех я тебе рассказывать не буду, а вот о писателе Станюковиче, Дмитрие Ивановиче Менделееве, Федоре Александровиче Юровском и его дочери Марии расскажу, но в следующий раз.

; А знаешь, Александр Михайлович однажды не без гордости сказал: «Нынче в России все порядочные молодые люди проходят через тюрьму».

Как хорошо сидеть у огня и слушать бесконечные рассказы любимого человека о его детстве. О том как всей семьей ходили на вокзал.

; Почему на вокзал? - удивлялась Анна.

; Так это не простой вокзал. В зале Павловского вокзала давались концерты. Там однажды играл сам Штраус.

; - Сам Штраус — эхом повторила Анна.

; Это совсем в другой жизни, - печально думает она.

В другой раз она спросила, - Ты им не пишешь?

; Нет — сухо ответил Аркадий. - Александра Михайловича уже нет. Скончался в прошлом году. Даже проститься не удалось.

; - Разве тетя и сестры тебя не любят?

; Он ничего не ответил.

Больше она никогда его об этом не спрашивала.

Анна чувствовала, что за его отношениями с родными кроется какая-то тайна, причинявшая ему боль. Конечно ее обижало то, что он не до конца откровенен с ней. Очень обижало. Но когданибудь, думала она, все образуется и встанет на свои места.

А посиделки вечерами у печки продолжались. Аркадий стал ей рассказывать про гимназию, про университет.

Рассказы были очень смешными и они оба хохотали над разными проделками гимназистов и студентов. А еще он научил ее очень смешным студенческим песням.

Уложив младших, к ним заглядывали Пермитины и все дружно пели:

От зари до зари,

Чуть зажгут фонари

Все студенты в кабак собираются...

А за окнами метет, ветер в трубе воет.

Прочитав очередное донесение охранного отделения, генерал-губернатор Восточной Сибири Игнатов, возвращая бумагу чиновнику, задумчиво сказал:

; Нарым — это особый вид смертной казни.

; Совершенно верно, ваше сиятельство. Нарым в переводе с местного — болото, топь.

; Все так. Но они не учели одного.

; Вот я вам сейчас назову несколько человек, отбывавших в то время ссылку в Нарыме. Возможно вы и не знаете всех. Тогда загляните, не поленитесь, в Большую Советскую Энциклопедию.

В Нарыме отбывали ссылку члены «Общества объединенных славян» декабристы Н. О. Мозгалеvский и П. Ф. Выгодovский, большевики Ф. И. Голощекин, Я. М. Свердлов, В. В. Куйбышев, В. М. Косарев, А. В. Шотман, А. А. Сольц, А. В. Мендельштам, И. Я. Жилин, Николай и Варвара Яковлевы. Всех я перечислить не берусь.

Вот в какую компанию попала Анна Ион-оглы.

Семнадцатилетняя провинциальная девушка. Каково ей!

Что эти люди могли противопоставить ужасу Нарымской ссылки?

Выжить там можно только при условии объединения. Создание коллектива и коллективной работе.

Сначала мало кто верил в скорый успех затеянного дела. Но столовая заработала. Загорелся огонь в плите, Закипела вода котлах, начищенных до блеска. Поплыл запах по округе.

Первые, кто безоговорочно поверили в успех предприятия, были местные собаки.

Вокруг дома-столовой обосновалась приличная свора.

Любопытно, что ни на одного из ссыльных, посещавших столовую, они совершенно не обращали внимания. В крайнем случае выражали свои чувства помахиванием хвостов. Но стоило приблизиться жандарму или исправнику поднимался истошный лай.

Из этого ссыльные сделали заключение, что собаки политически вполне подкованы и имеют право на свой кусок от общего пирога.

На кухне работали все женщины из числа ссыльных несмотря на партийные различия. А всего в Нарыме отбывали ссылку представители 15 партий.

Большевички, меньшевички, народоволки, бундовки и прочее и прочее варили, жарили, мыли посуду, строжайшим образом следили за гигиеной, варили хвойные настои. Чеснок был на вес золота. Что такое цинга знали не понаслышке.

Мужчины взяли на себя доставку и колку дров, закупку провизии. Сговорились с местными жителями и достали рыбо-ловные снасти, научились подледному лову. Меню стало разнообразным.

Что было очень важно, организовали охрану не только столовой, но и следили за безопасностью ссыльных на улице. Но это была работа не из легких!

Большинство из ссыльных — люди не привыкшие к физическому труду. А им приходилось валить лес, пилить и колоть его на дрова. Таскать воду. Заниматься подледным ловом рыбы?

- Товарищи! Сенсация! Мы прославились! - однажды влетел в столовую, размахивая листом газеты Аркадий, вот послушайте, что о нас пишет томская «Сибирская жизнь»

« Не удивляйтесь, читатель! Во всех столовых ссыльных сами товарищи доставляют дрова, воду и прочее, прислуги не полагается, каждый сам себе слуга. И вот получается оригинальная картина: инженер, студент, врач, адвокат, учитель колют дрова, чистят картофель, ловят рыбу...»

В этот вечер дежурные по столовой задержались до позднего вечера.

Куйбышев подошел к устало сидевшей на лавке Анне.

; Ты уж извини нас, Аня. Придется задержать нам твоего Аркадия сегодня.

Не волнуйся, сейчас выберем тебе провожатого.

- Я спокойно доберусь одна.

Одеваясь Анна обратила внимание, как вся компания загадочно подмигивала друг другу, перешептывалась. До Анны донесся только обрывок фразы:

«Должна быть определенность во всем и в особенности в отношениях» Кажется это сказал Валериан.

Она вышла на улицу. Мороз укусил ее за щеку. Анна подняла воротник полушубка. Было тихо и безветренно.

Собачья сходка немедленно окружила ее и, размахивая хвостами, как флагами организовала почетное сопровождение, по дороге облаев приходского священника, который попался им на встречу и загнав его в сугроб, гордо последовала Анной

; И совершенно напрасно вы устроили этот гвалт — укоряла собак Анна, - Батюшка производит на всех очень приятное впечатление. Нечестного человека в Нарым не сошлют, будь он даже священник.

Беседуя по дороге с собаками, Анна старалась отогнать странные мысли, приходящие ей в голову.

Поднявшись на крыльцо помахала благодарно рукой своему сопровождению, скинула овчинный полушубок в сени, поколотила пимами, отбивая снег, ушла в свой уголок и, сев на кровать, стала ждать чего то, что непременно должно было произойти сегодня.

Зашли Наталья и ее старшая дочь Ольга.

; Ты что сама не своя? Что случилось?

; Я не знаю. Я боюсь! Вот я чувствую, - она прижала ладони к груди, что-то случится сегодня. Они там все перешептывались и на меня как-то так посматривали. Аркадия задержали, а меня выгнали домой.

Хлопнули двери в сени, послышались приглушенные голоса Василия Васильевича и Аркадия.

; Давай, с богом, - уже громко сказал Василий Васильевич и, судя по скрипу ступеней лестницы, ушел наверх к себе.

Наталья и Ольга выскользнули из комнаты.

; Аннушка, - голос Аркадия за занавеской почему-то чуть хриловатый, - я хочу тебе сказать, что я очень тебя люблю!

Анна встала с кровати, отодвинула занавеску.

; Я обещаю тебе, что сделаю тебя счастливой. Я все для этого сделаю. Я хочу

что бы ты стала моей женой.

; Я и так счастлива.

Утром Василий Васильевич и Наталья обняли обоих. Пермитин, чуть хмурясь, сказал:

; Конечно поздравляю, дело такое, но вот как вы собираетесь законно оформить свое бракосочетание? Ты, Аркадий — православный, а Анна — мусульманка

; Как мусульманка? Почему мусульманка? - у Анны аж перехватило дыхание.

; По документам — мусульманка, - пожал плечами Пермитин,

; Вот тут такая история. На этапах какой-то писарь увидел твое имя. Долго думать не стал. Раз «Оглы» — значит мусульманка. Так и записал в графе «вероисповедание» Теперь вам думать, как из этой истории выпутываться.

Аркадий сел за стол подперев голову руками. Анна прижа-лась к печке.

; Что вы ерунду затеяли, - Наталья обняла Анну. – Ты в бога веришь? А он один.

Один у всех и православных и мусульман, и у прочих народов. Главное, что бы любовь была. Он тебя любит, ты его любишь? Нечего антимионии разводить!

Аркадий встал из-за стола:

; Ты была Хана Иоффе, потом стала Анной Ион-Оглы, теперь я предлагаю тебе стать Анной Ивановой. Согласна?

; Да!

Для получение разрешения на бракосочетание пришлось идти к становому.

; Как насчет венчания? — поинтересовался Овсянников.

; Нет, - сказала Анна, - Мы еще подумаем.

; Смотрите! - усмехнулся становой, - Вам виднее.

Свадьбу сыграли в столовой. Анна и мечтать не могла о такой пышной свадьбе.

Ох сколько было народа!

В самый торжественный момент женщины позвали двух самых сильных мужчин и они, под аплодисменты гостей и новобрачных, вынесли громадный котел полный пельменей.

А потом, конечно, пели песни. И «Вихри враждебные», и «Славное море, священный Байкал», и много всяких других. А еще свою, сочиненную в Нарыме.

Куйбышев брал в руки мандолину и на мотив «Камаринско» ко всеобщему удовольствию, начинал

По приказу жандармерии

На обширнейшей империи,

Что Россией называется

И кретином управляется.

Собрались в Нарыме грязном и гнилом

Ожидать, когда случится перелом

В их отечестве придушенном,

Черной сотнею приглушенном

Три сотни разудалых молодцов,

Развеселых разыдейных храбрецов  
Уж кого вы тут не встретите,  
Уж кого тут не приметите!  
Есть эсеры долгогривые,  
Чернобровые и сивые,  
Есть анархи полудикие,  
Беспринципные, безликие.  
Два десятка теоретиков,  
Полдесятка полумедиков,  
Все усердно занимаются в кружках  
Экономикой со Марксом на руках.  
Изучают астрономию,  
Счетоводство, агрономию,  
Когда захочется немного отдохнуть,  
Повеселиться, поразвлечься, «крутануть»  
От дел идейных политических,  
Мыслей мудрых и критических,  
К услугам братии является артист,  
Веселый трагик, грустный комик, куплетист.  
Поведенья бесшабашного  
И так далее. До бесконечности. Пока фантазия исполнителя не иссякнет.  
Далеко за полночь продолжалось веселье...

Николай Заинчковский, славившийся на всю ссылку ехидным характером, расшаркался перед Анной:

; Сударыня, от имени всех товарищей, в такой многозначный для вас день я от души вас поздравляю. Я вам желаю счастья и скорой свободы. Что может быть желаннее свободы и покоя? – Черные масляные глазки чуть приищу-рились, будто пытались раздеть ее. - Кстати, что вы решили в отношении вероисповедания? Вы ведь мусульманка или иудейка?

; Анна резко на каблуках повернулась к нему,

; Вам очень хочется испортить мне настроение, сударь? Что вы почувствуете если сейчас получите пощечину? Или вы предпочитаете затрещину?

; Голубушка! Аннушка! Да я не единым духом, что б я посмел?...

И он исчез, словно его и не было вовсе.

А жизнь продолжалась.

Становой пристав Овсянников в каждом своем рапорте томскому начальству жаловался, что ссыльные организуются, а у него людей раз, два и обчелся и держать более трехсот человек ссыльных своими силами он не может, а посему просит добавить ему людей. В ответ ему рекомендовалось опираться на верноподданную часть населения.

Анна гладила белье тяжелым чугунным утюгом, наполненным раскаленными углями. Стол, на котором она гладила, стоял на кухне около маленького оконца

выходящего на улицу. День был на редкость тихим и солнечным. Чуть задувал ветерок, пригибая дымы из труб к крышам домов.

В конце улицы показались Аркадий и Сольц. Мужчины о чем-то горячо спорили.

Долговязый Сольц все время обгонял Аркадия, преграждая ему дорогу, оборачивался, мешая ему идти и, размахивая руками, пытался что-то доказать. Аркадий смеялся и отрицательно качая головой обходил Сольца, как естественное препятствие и продолжал идти дальше.

Сольц останавливался о чем то размышляя, потом спохватывался, догонял Аркадия и все начиналось с начала.

Что-то заставило Анну посмотреть в другую сторону улицы. Сердце у нее сжалось. В конце ее, навстречу мужу и Сольцу шла группа местных парней. В руках они держали обломки от старых весел. Парни были явно навеселе. Ссылные, увлеченные спором, их не видели.

Схватив утюг, в чем была, Анна выскочила на улицу и бросилась навстречу хулиганам. За ней хвостом стелился дым из утюга.

Увидев ее, окутанную дымом, простоволосую с распущенной косой, компания ребят в растерянности остановилась.

Размахивая утюгом, приплясывая от холода на ледяной дороге, Анна продолжала нестись им навстречу в каком-то диком танце окутанная клубами дыма.

Ей казалось, что время остановилось. Группа ребят была все ближе и ближе. Она услышала за собой стук хлопнувшей двери и крик Пермитина. Он бежал за ней, держа что-то в руках. Сначала ей показалось, что у него в руках было ружье. И она перепугалась, что сейчас начнется стрельба. Потом оказалось, что это был лом.

Лихая компания развернулась и бросилась наутек.

; Ну, ты... - подбежал к Анне Аркадий

; Ну, вы... - развел руками Сольц и закричал на Аркадия, что тот немедленно нес Анну домой и, стараясь вырвать из ее рук утюг, уговаривал:

; – Да отдайте его мне наконец! Что вы в него вцепилась? Он вам родственник, что ли?

Все закончилось.

Пермитин подошел к сидевшей на кровати укутанной в одеяло Анне.

; Натек-ка, воительница, что б простуды не было, - Василий Васильевич протянул Анне чашку, - выпейте-ка.

Жгучая жидкость обожгла горло. Анна открытым ртом ловила воздух, словно рыба выброшенная на берег. Не вздохнуть, не охнуть.

; Сердитая штука однако, - согласился с ней Василий Васильевич, - но помогает.

На следующий день по дороге в столовую она заметила, что с ней раскланивается местный люд. Такого раньше не наблюдалось.

За своей спиной однажды услышала:

; Ну чистая ведьма. Лохмы черные распущены. Вся в дыму. Пляшет босиком по льду и утюгом машет. Только метлы не хватало. Жуть!

Однажды вечером, спустя несколько дней после истории с утюгом, Аркадий, обняв жену, признался:

; Я все время чувствовал себя безмерно виноватым перед тобой, что втянул тебя во всю эту историю. И ты была все это время своя не своя, словно спала и видела ужасный сон. А сейчас у меня такое чувство, что ты проснулась. Я не знаю, как тебе это по другому объяснить. Ты совсем другая стала.

Она сидела, сложив ладони между коленями и тихо покачивала головой.

- Ты просто ничего не понимаешь. Я расту среди вас. Я пытаюсь догнать вас. Порой я чувствую себя лишней и это угнетает.

; Что ж ты молчишь, родная?

; А всего не скажешь. Я начинаю понимать, что помочь себе могу только я сама. В доме Филиппа Колотовкина было шесть комнат. Одну отвоевали у столовой под библиотеку.

Ссылные в письмах к родным и товарищам просили присылать книги.

Удивительно быстро библиотека стала пополняться периодическими изданиями, беллетристикой, справочниками, словарями, русской и мировой классикой.

В этой массе поступающий в Нарым литературы все чаще и чаще стала проникать литература политическая.

Заведующий библиотекой Косарев к лету 1911 года отчитывался:

; Сегодня, дорогие товарищи, у нас имеется более четырех тысяч названий. А сейчас я объявлю о тех, кто непростительно долго задерживает книги.

Любезные мои, помните, что в них нуждаются многие. Вот так!

Все это прекрасно, но среди ссыльных не все товарищи, в силу своей безграмотности и плохого знания русского языка, могут пользоваться библиотекой. Необходима помощь.

Быт ссыльных более или менее стал налаживаться. Во всяком случае проблема с питанием была решена.

Дальше — больше.

; Нам в самый раз, товарищи, организовать партийную школу — высказал идею Косарев.

; Естественно, что назовем мы ее, без лишней скромности, университетом.

Скоро образовался преподавательский коллектив: Свердлов читал политическую экономику, Куйбышев — историю России и географию, Историю литературы и историю партии — Мендель-штам, историю культуры — Жилин, математику и черчение — Иванов, Политэкономиию — Сольц. Занятия велись у каждого преподавателя на дому.

К Анне, изучавшей русский язык и литературу, присоединились желающие из рабочей молодежи, те кому уровень преподавания в университете был сложен. Пришлось открыть общеобразовательную школу. Уроки вел Иванов.

Занимались три раза в неделю по вечерам.

; Пимы снимать! Дом топлённый – командовала учениками Наталья.

; И не вздумайте курить! Враз выгоню.

Ссылные обратили внимание еще на одно полуразвалившееся здание, принадлежащее купцу первой гильдии Родюкову старшему из трех братьев.

; И зачем вам эти руины? — поинтересовался купец, - Театр решили организовать? – и, широко раскинув руки изрек: - Под театр отдаю! Владейте! После этого широкого жеста в народе Родюкова старшего стали звать «Меценатом».

Становой пристав Овсянников зашел как то к Родюкову.

; Зря разрешили! Со мной не посоветовался.

; А бог с ними! Пусть ремонтируют. Раз я меценат, так пусть приведут в порядок дом. А за порядком смотреть тебе надлежит, коль ты на это поставлен. И вновь закипели строительные работы в те дни, когда погода милостиво позволяла.

Ссылные сами восстановили стены и крышу, сами сложили печи своей конструкции, построили сцену и лавки для зрителей.

В Нарыме открылся театр!

; Наконец то для тебя нашлось настоящее дело, - радовался за Анну Аркадий, - Твоими костюмами все в восхищении.

Всеобщий энтузиазм ссыльных подогрела статья в газете «Сибирская жизнь». В газете писалось: «Успех театр имеет огромный. Через два часа по открытии кассы, будьте уверены, не достанешь ни одного билета. Приходиться дежурить, как в Художественном или Мариинском».

Постановка пьесы «Власть тьмы» была приурочена к кончине Льва Толстого. Становой пристав Овсянников сообщал томскому жандармскому управлению: «Перед началом представления с обозрением писаний сочинителя выступил ссыльный Куйбышев Валериан Владимирович. Слушали стоя, как завороженные».

Как-то вечером сидя около печки Анна положила голову на плечо Аркадия и сказала:

; Все спектакли хороши, но на меня самое большое впечатление произвел занавес, - и протянула Аркадию исколотые иголкой пальцы.

И общественная столовая, и библиотека, а тем более театр, никак не вязались с «Положением о полицейском надзоре»

Анна как-то спросила Аркадия об приставе Овсянникове:

; Он что либерал? А может он просто мало что знает?

; Аннушка, да у него осведомителей пруд пруди, а полиции недостаточно. - рассмеялся Аркадий, - Нас то вон сколько нагнали сюда! Вот он и побаивается применять дубину. Держит порядок мелкими уступками да подачками. Ведь начальство в Томске судит о нем так: держит порядок — молодец, а не держит, так и не нужен. Либерал в овечьей шкуре!

Потом об этом времени вспоминали как о «золотом периоде ссылки».  
В комнате библиотеки полумрак. В печке трещат дрова. Скоро полночь.  
Шестеро, склонив друг к другу головы тихо разговаривают.  
; Теперь последний вопрос. С моей точки зрения, главнейший.  
Аркадий еще понизил голос, - Надо решать с Заинчковским. Доказано, что он провокатор и заслуживает наказания. По моему ни у кого сомнений в этом нет.  
И о том, как его наказывать у нас договоренность была. Промедление — смерти подобно.  
Аркадий вопрошающе посмотрел на товарищей.  
Стукнула входная дверь. Раздались быстрые шаги. В комнату влетел Голощекин. – Вы о Заинчковском? Поздно, батенька!  
; Что значит «Поздно»? - нахмурился Аркадий.  
- С час назад пропала самая лучшая в поселке упряжка и один местный житель, а вместе с ним и ваш приятель.  
Куйбышев поднялся, - Безусловно, Заинчковский был предупрежден и побег ему организовали власти. А отсюда вопрос: Кем предупрежден? Значит кто-то еще есть.  
Надо продолжать работу. Мы постоянно находимся в поле зрения охраны. У меня есть сведения, что начальство предупредило местных жителей, владеющих лошадьми, что в скором времени они понадобятся.  
Он не успел договорить как с треском распахнулась дверь и в комнату ворвались жандармы.  
; Ни с места! - гаркнул жандармский ротмистр Кирпотенко.  
; Стоять и не шевелиться! Приступаем к обыску!  
Один из жандармов протянул ротмистру скрученные в трубочку тонкие бумажки, изъятые из нагрудного кармана Косарева.  
Пробежав текст глазами Кирпотенко радостно воскликнул: «Вот они, голубчики! Все семнадцать!»  
Ссылные переглянулись. Жандармам было известно точно количество членов подпольной организации.  
Обыски производились во всех домах, где квартировали ссылки.  
Жандармами были найдены: устав общей организации ссылки, протоколы съездов ссылных, протоколы общего собрания ссылных и восемь рукописей в разорванном виде, касающихся деятельности организации ссылных.  
Большинство документов было найдено у Ивановых. В том числе разорванные рукописи. В попытке уничтожить документы была обвинена Анна.  
; А вы докажите, что я уничтожала их! Вы присутствовали при этом? У вас есть свидетели? - наступала Анна на жандармов.  
; Всех семнадцать человек, значившихся в списке найденном у Косарева, арестовали. Ночь их продержали в промозглой каталажке, а ранним утром по замерзшей Оби повезли на санях в Томск. Путешествие длилось восемь суток. На конец в Томске им было предъявлено обвинение в создании организации

«имеющей целью насильственное ниспровержение существующего строя».

; Как ты? – пришла к Анне Наталья.

; Я хочу поехать к нему.

; Знаешь, девочка, раз ты выбрала себе такую судьбу, то учись главному, что помогает жить – терпению. Терпению и веры. Это ведь при тебе его первый раз арестовывают. А дальше что будет? Вот и готовься к этому. Раз такого человека выбрала.

; Посмотрела на Анну внимательно. - Не жалеешь, красавица?

Анна ничего не ответила, только плечами повела.

Утром к Анне пришел жандарм: «Господин пристав к себе вас требуют»

Пристав Овсянников встретил Анну широкой улыбкой, пригласил сесть в кресло и поинтересовался здоровьем. Похихатывая вспомнил историю с утюгом и танцем на ледяной дороге. Оценил по достоинству храбрость молодой женщины. Наконец, сев за стол, и сцепив пальцы рук на животе, перешел к делу:

Почетные граждане города Выборга и многие из уважаемых граждан этого города обратились к его превосходительству министру внутренних дел с ходатайством о смягчении вашей судьбы, сударыня. Его превосходительство министр, естественно направил запрос на имя нашего господина губернатора о вашем поведении и тот, в свою очередь, потребовал от меня характеризовать вас.

Помолчал, пристально глядя на Анну, и продолжил:

– Теперь ваша дальнейшая судьба, сударыня, зависит целиком и полностью от вас, от того как и каким образом вы докажете мне свою верноподданность. Вы понимаете меня? Мне кажется, что вы, разумная женщина, можете поделиться со мной своими впечатлениями о тех господах, что вас окружают. И вы конечно должны понимать, как ваше поведение отразится на судьбе вашего мужа.

Анна сидела на краешке кресла, опустив голову и зажав ладони коленями. Она чувствовала, как что-то липкое обволакивает ее, не дает сосредоточиться, парализует волю.

Неожиданно ей помог сам пристав:

; Да я не требую от вас предательства, голубушка! О доносах речи быть не может! Вы просто поделитесь со мной своими впечатлениями, больше ничего. И поедете в свой Выборг к папе, к маме. К стати, замечательный, говорят город. Но к сожалению я там не был.

; Анна подняла голову и с трудом разжимая губы сказала: «Нет!»

Следствие над большевиками тянулось до самой весны, но в конце концов стало ясно, что организовать громкий политический процесс не удастся. Не хватало вещественных доказательств.

Что касается списков, найденных у Косарева, то он «на голубом глазу» заявил, что это список его приятелей, которые интересуются проблемами русского языка. Вот и все!

- Что касается запрещенной литературы, то она досталась нам от старых, давно ушедших на волю или сбежавших ссыльных. Ну, сами посудите, откуда такую литературу мы могли бы достать. Охрана за почтой следит в оба — отдал должное бдительности охраны Косарев.

Дело было прекращено.

Начальник губернского жандармского управления рапортовал томскому генерал-губернатору: «...все семнадцать подлежат освобождению из-под стражи с передачей их в распоряжение уездного исправника для отправления в Нарымский край по месту водворения».

Из безбрежной ледяной дали замерзшей Лены показались черные черточки обоза.

; Везут! Везут! - закричали на берегу встречающие.

; Вот уже сани подъезжают к самому берегу.

Красные, обветренные на морозе лица.

Самые нетерпеливые выпрыгивают из саней и бегут, скользя по наезженному тракту.

; Ну, здравствуй! Ждала?

; Дождалась! – и вся утонула в его огромном тулупе.

Летом в Нарым приехал новый губернатор П. К. Гран. Ознакомившись с порядками, царившими в местах ссылки, отреагировал круто: «Закрывать театр, прекратить деятельность столовой, пекарни и потребиловки, библиотеки.

Но люди и тут вышли из создавшегося положения: в доме, где квартировал Мендельштам открыли маленькую столовую, как будто семейная, а затем и библиотеку. Там же шли и спектакли. Овсянников на это прикрыл глаза.

Начальник Томского охранного отделения под грифом «Совершенно секретно» доводил до сведения департамента полиции:

«...имею честь донести Вашему превосходительству, что мною получен агентурным путем один экземпляр «Рабочей газаты» № 6, издания Российской Социал-Демократической Рабочей партии направляемой из города Берна по адресу « Нарым, Аркадию Федоровичу Иванову.»

Затем уведомитель ротмистр Знаменский напоминает начальнику охранного отделения о том, что «названный Аркадий Иванов — административный ссыльный Нарымского края, привлекался... по делу Нарымской группы РСДРП...»

Тучи над Аркадием сгущались, о чем его предупредили люди, имевшие соответствующую информацию.

Наверно это был самый трудный разговор для них обоих за то время, пока они были вместе.

Аркадий нервничал, ходил по комнате, натываясь на табуретки.

Анна молча сидела на кровати склонив голову.

; Ну не молчи, пожалуйста! – взмолился Аркадий.- Скажи хоть, что ни будь!

; Ты наверно прав. Если нет другого выхода. Только это большой риск.

Аркадий задумал побег.

Становой Овсянников докладывал томскому губернатору: «Через агентурные сведения стало известно, что ссыльный Иванов Аркадий Федорович готовит побег».

Через неделю нарочным пришло предписание: «Сослать Иванова Аркадия Федоровича в село Каргасок» Село это находилось в восьмидесяти верстах севернее Нарыма на берегу одноименного притока Лены.

1912

Река освободилась от ледяного панциря в этом году необычайно рано, но вода еще не спала и единственным средством передвижения – лодка по Оби.

Уговорить Анну остаться в Нарыме не удалось никому: ни ссыльным, ни становому.

Как ни упрашивали, как ни пугали – Анна стояла на своем.

На сборы дали два дня. Все вещи и немного провизии сложили в подаренный Пермитинами, зеленый сундук. С утра, в сопровождении охранника, с пакетом-предписанием погрузились в лодку.

На пристани было непривычно тихо. Провожали молча. Народ опытный. Знали, что предстоит путникам и каково им будет на новом месте. Мужчины поставили в лодку сундук, помогли забраться в лодку Анне. Аркадий обнял жену и махнул рукой провожающим.

; Давай, трогай! – приказал охранник перевозчику.

Отвязали веревку, удерживающую лодку, от сваи и, упершись шестом в борт, отвели ее от пристани, словно толкнули от привычной жизни в неизвестное.

Перевозчик несколько раз гребнул веслами, и лодку подхватило сильное течение. Понесло. Теперь только не зевай! Рули.

Перевозчик заорал какую то песню. Слов разобрать было невозможно.

; Он что, пьян? – Аркадий на всякий случай перебрался поближе к мужику.

Анна вцепилась в кованую ручку сундука.

Стремнина несла лодку все быстрее и быстрее. Перевозчик вдруг замолчал и начал, что-то искать у себя под ногами. Охранник закутавшись в шинель, подремывал на носу, время от времени похрапывая.

Прошли уже больше половину пути. Вдали показались рыбацьи лодки.

Перевозчик достал из под ног початую бутылку водки, открыл зубами пробку и, задрав голову, стал жадно пить.

Аркадий придвинулся к нему: - Дай мне руль!

Тот вцепился обеими руками в ручку руля и мотал головой из стороны в сторону. Он действительно был пьян.

Они приближалась к рыбацким судам. Две рыбацкие лодки шли им навстречу. Скорее всего между ними была натянута сеть и их лодка стремительно плыла прямо в нее.

– Куда ты правишь? – закричал Аркадий, - Дурья твоя башка! Отворачивай в сторону!

От его крика встрепенулся охранник:

; Что кричишь?

; Да сам посмотри, он же пьян!

Охранник, кряхтя, стал перебираться к ним. Ему мешал, стоявший посередине лодки, сундук. Он путался в полах длинной шинели.

С рыбацких лодок что-то кричали им и размахивали руками.

В этот момент перевозчик, очевидно осознавший опасность, потянул рукоять руля на себя. Лодка резко повернула от надвигавшихся на нее рыбацких судов, обходя их накренилась на правый борт.

Охранник не удержался, взмахнув руками, опрокинулся в воду.

Лодка кренилась все больше и больше. Левый борт ее стал подниматься все выше и выше. Сундук сдвинулся с места и начал сползать в воду, потащив за собой Анну, вцепившуюся в его ручку. Ледяная вода накрыла ее с головой.

Сундук в воде встал «на попа», но в этот момент лодка перевернулась. Ударил бортом по торчащему из воды концу сундука, но он выдержал удар. Под давлением навалившейся лодки противоположный край сундука всплыл, вытаскивая из воды вцепившуюся в него женщину.

Анна не выпускала из рук ручку сундука, который держался на воде и, мерно покачиваясь, тащил ее по течению. Пытаясь взобраться на сундук она, одновременно, искала глазами Аркадия. Наконец она увидела его, плывущего к берегу и закричала что есть силы.

Их вытащили из воды подоспевшие во время рыбаки. Не нашли только охранника.

Весь мокрый перевозчик сидел на корточках у самой кромки воды и, лязгая от холода зубами, то ли пел какую-то песню, то ли молился своему богу, то ли просто выл от страха.

У самого берега на окраине Каргасока стоит остяцкая юрта из березовой коры, да неподалеку от нее две какие-то пустые изрядно покосившиеся, хибары.

Стоявшая группа людей на берегу подхватили мокрых Анну и Аркадия и бегом потащила их к одной из хибар. Внутри было сумрачно и сыро. В первое мгновение казалось, что в хибаре холоднее чем на улице.

Местные мужики притащили несколько вязанок дров. С большим трудом им удалось развести огонь в давно нетопленной печи.

С берега притащили сундук. Мужики и бабы, те, что натопили хибару и те, что с любопытством заглядывали в маленькие оконца, тактично ушли, давая прибывшим, с таким приключениями, «путешественникам» переодеться. На их счастье вода не попала внутрь сундука и вещи, находившиеся в нем, остались сухими.

Аркадий уложил Анну в постель, предварительно дав выпить запасенную еще с Нарыма водку, и накрыл всем теплым, чем обладала молодая семья. Сам сел у печи поддерживая огонь. И суша промокшую одежду. Постепенно дом наполнился теплом и смрадным запахом промокшей овчины.

Анна проснулась от холода. Огонь в печи погас. Рядом с печкой на полу лежал Аркадий. Она сунула ноги в еще не высохшие пимы и наклонилась над ним. Ей показалось, что он без сознания. Нет, постанывает. Дотронулась ладонью до лба. Жар.

С трудом она перетащила Аркадия на кровать, укрыла его тулупом. Она ясно понимала, что первым делом необходимо растопить печь. Огляделась. Дров нигде не было. Все, что им принесли местные сельчане очевидно успели сжечь. Вышла во двор и первое, что ей бросился в глаза - полуразвалившаяся ограда. Ей удалось оторвать достаточное количество ветхих досок, переломить на короткие куски. Из сундука она достала большой охотничий нож и коробок спичек, молясь на Пермитиных, помогавшим им собираться в дорогу.

Настрогав лучину, Анна довольно быстро растопила, еще не остывшую до конца, печь. Подошла к Аркадию. Он хрипло дышал и сбрасывал с себя тяжелый тулуп.

Подбросив побольше дров в печь и укутав мужа, вышла на улицу. Вспомнила, что в Нарыме товарищи, обеспечивая их кое какими лекарствами и инструкциями к ним, предупредили – в Каргасоке никакой медицины нет.

Анна чувствовала, происходящее с Аркадием слишком серьезно, что бы можно было бы полагаться на свои скудные познания в медицине.

Самое поразительное – она была абсолютно спокойна. Только действовать! Все теперь зависела только от того какое решение она примет и будет ли оно единственно правильным.

Всю свою жизнь Анна не могла объяснить себе, что заставило ее идти не в поселок, а в остяцкую юрту. Посередине юрты горел костерок. Дым от него клубился в верхней части под острым куполом юрты.

Анне пришлось нагнуться, что бы не надыхаться дымом. Вокруг костерка сидело несколько человек. Все они разом повернулись к ней.

; Ты та, которую с мужиком вытащили из воды? – спросил ее один из сидящих.

; Мой мужик очень заболел, - Анне казалось, что если она будет говорить так же как они, ее быстрее поймут, - Он очень заболел и я прошу помощи.

Сидящие у костра о чем-то стали тихо совещаться на незнакомом Анне языке.

; Иди к своему мужику и приготовь горячую воду, - приказал тот же голос.

Анна выскочила из юрты и побежала к, уже своей, лачуге. Она успела сбегать к реке и принести в кастрюле воды, подбросить в печь дров.

Вода в кастрюле начинала уже кипеть, когда дверь открылась и без стука, вошли трое. Впереди шел тот, что послал Анну домой, а за ним две женщины. У одной из вошедших в руках был мешок. Она под села к столу, достала из мешка маленькие матерчатые мешочки и выдолбленные из дерева плошки.

Вторая из женщин подошла к печке и бросила в топку пучок каких-то сухих растений.

По избе распространился горьковатый запах трав, вытеснивший запах мокрой одежды и плесени необжитого помещения.

; У тебя деньги есть? – спросила та, что сидела у стола и колдовала с принесенными снадобьями.

; Есть, – Анна открыла сундук и достала кожаную сумочку и протянула ее женщине.

Та открыла ее, качнула головой.

; А еще есть?

; Нет, - вздохнула Анна, - больше нет. Все тут.

; В сундуке что?

Анна открыла сундук и обе женщины склонились над ним.

Та, что спрашивала о деньгах, опять покачала головой и отошла к печке.

Закончив колдовать с порошками, растворяя их в плошках, старшая из женщин повернулись к Анне:

; Будешь поить его сначала из этой, потом из этой. Много будешь поить. Всю ночь поить будешь. Завтра придем, - и направились к двери.

; А деньги? – Анна схватила со стола сумочку с деньгами.

Старшая из женщин остановилась и обернувшись к Анне спросила:

; Тут все, что у тебя есть? Последнее отдаешь?

Анна промолчала.

; А на каком ты месяце, молодка?

; Что? - не поняла Анна.

Женщины молча повернулись и вышли, аккуратно прикрыв за собой двери.

Анна села на лавку. Сердце стучало так, словно в груди гремел набат. О чем они спросили? О том, в чем она боялась себе признаться все последнее время?

На завтра женщины пришли еще в утренних сумерках, внимательно осмотрели Аркадия. Прислушивались как он хрипит. Помогли поднять его с кровати и перестелить белье. Опять варили отвары. Велели, что бы пил больше.

Собрались уходить.

; Погодите, - голос у Анны задрожал, - Вы думаете, что я?... Вы меня вчера спросили...

Женщины ничего ей не ответили. Ушли.

Остяки приходили каждый день. Приходили люди и из села, топтались у дверей, качали головами, сочувствуя Анне. Иногда приносили дрова или что-то из еды, Денег не брали.

А однажды явился жандарм. Орал, тыча пальцем в наполовину разобранный забор. Грозил всяческими карами.

Анна сначала молча терпела его ругань и, вдруг сорвавшись, стала кричать, наступая на жандарма, угрожая написать жалобу на него самому губернатору.

; Вы убийца, - кричала Анна, - смотрите, что вы с человеком сделали. Смотрите! Жандарм пытался что-то возразить, но Анна его не слушала,

; Нас, что, на смерть сюда послали? Вам приказали нас измором взять? Все министру напишу! - Она в отчаянии махала перед его лицом руками и топала ногами.

Жандарм поспешил ретироваться.

Анна захлопнула за ним дверь и неожиданно стала хохотать. Она смеялась и никак не могла остановиться. На-чалась истерика.

На ее счастье в этот момент пришли женщины из поселка. Напоили Анну водой, собрали скопившееся, пропитанное потом, белье и исподнее Аркадия. Унесли на реку стирать.

Анна, еще всхлипывая, постепенно успокаивалась, сначала сопротивлялась, старалась отнять у них сверток с бельем, но женщины настояли на своем и она смирилась.

; Зря к нам не ходишь, - упрекнули ее женщины уходя, - Остячки свое дело, конечно, знают, но и мы не лыком шиты. В баню его надо. Баня всю хворь смоем.

; Да разве его одного оставишь! - оправдывалась Анна.

Жар у Аркадия постепенно спадал. Он начал вставать с постели, но был еще очень слаб. Пытался помочь жене, но сил не было и он с тоской смотрел как Анна носит дрова, бегаем на реку за водой, варит еду, стирает белье.

Так прошел месяц, второй.

Теперь Анна уже знала, что старшую из женщин-остяков зовут Марья, а младшую, ее дочь, Оленка, мужчину кличут Иваном и он муж Оленки.

Однажды Иван тронул Анну за рукав,

; Ты писать умеешь?

; Умею. Тебе надо что-то написать?

; Не, - Иван покачал головой, - тебе надо писать. В Нарым надо писать. Сама знаешь, кому писать надо. Вот им и пиши. Мужика твоего поднимать надо. А тут не поднимешь. Тут ему конец придет. Письмо напиши и мне дай. Скажешь мне кому отдать. Я кому надо отдам. Ты не бойся.

Собравшиеся у Куйбышева большевики обсуждали известие, пришедшее из Каргасока:

; Судя по тому, что пишет Анна, и как она описывает течение болезни Аркадия, у Иванова возвратный тиф. Лекарство, что взяли с собой кончились. Врача в Каргасоке нет.

Куйбышев постукивал кулаком по столешнице,

; Анна молодец, но девочке девятнадцать лет. Их надо немедленно оттуда вывозить.

Ссылные обратились с письмом к губернатору, обрисовав положение товарищей, попавших в опасную для их жизни ситуацию.

Ответа не последовало.

И тогда Аркадия и Анну без разрешения властей вывезли на санях по первому снегу в Нарым.

; Все вы, любезнейшая, Анна... Простите, как вас величать по батюшке? - доктор тщательно вытирал руки полотенцем.

; Можно просто Анна.

; Вот, я констатирую, что вы молодец. Своего благоверного выхаживали правильно, конечно с учетом своих возможностей. А продолжать лечение мы будем уже вместе с вами. Сейчас я вам пропись напишу, а вы уж, голубушка, выполняйте их наистрожайшим образом.

Анну вызвал исправник Овсянников:

; Самовольничаете! Кто разрешил вам вернуться?

; Суд нам присудил ссылку, а не смертную казнь!

; Анна сама не ожидала от себя такой смелости. В таком тоне она еще никогда не позволяла себе говорить с исправником.

; Вы специально послали нас с таким перевозчиком и, в результате этого, погиб ваш же человек. Вас, что, за это по головке погладят?

; Зубки показываешь, девочка? - Прищурился исправник. – А ты не думаешь, что вас сослать можно еще дальше?

Но на следующий день ничего не случилось, и через неделю тоже все было тихо.

До поры, до времени.

Только спустя месяц Аркадий смог подняться с постели.

Там, в Каргасоке, за бесконечным решением проблем, беспокойством за мужа, порой переходящее в отчаяние, отупевшая от усталости, Анна о своем положении не думала.

Сейчас, убедившись в правоте своих подозрений, она понимала, что это не во время. Что это очень осложнит их жизнь. Как сказать Аркадию, еще такому слабому после болезни? А как он отреагирует, узнав такую новость?

Она просыпалась среди ночи и мучительно думала, как это все отразится на их отношениях. Какова их дальнейшая судьба?

Аркадий видел, что с Анной что то происходит:

; Что с тобой, родная? Что тебя мучает?

Она отнекивалась.

Наконец решила и пошла к Пермитиной.

Господи! Как же ее Наталья ругала.

; Объясни мне пожалуйста, он муж тебе или кто? Что ты все бормочешь «не во время, не во время». Ребенок не бывает «не во время». Он бывает только к счастью! Марш к нему!

; Аркашенька, я должна сказать тебе одну важную вещь. - Анна шмыгнула носом, - У нас будет ребенок.

Уже после того, как кончилось ликование и дикие танцы вокруг стола, после того, как ушли Пермитины, прибежавшие на шум, доносившейся из комнаты постояльцев, она сказала ему:

; Я тебя, оказывается, совсем не знала.

; Ну да, - согласился Аркадия, - ты живешь с совершенно незнакомым человеком. Ты, хоть знаешь как меня зовут?

Анна тихо смеялась, но, почему-то из глаз капали слезы.

Утром, провожая постояльцев на работу в столовую, Пермитина строго посмотрела на Анну — Теперь, дорогая моя, у тебя начинается совершенно новая жизнь. Да и у вас, Аркадий Федорович ответственности то прибавится. Аркадий снова приступил к занятиям с Анной русским языком. Скоро к ним присоединился еще один ученик.

Почти каждый вечер в комнате Ивановых собирались трое: Аркадий, Анна и прибывший с августовской партией ссыльных Иосиф Джугашвили. Занимались русским языком, правописанием.

; Ах, какой у тебя почерк, Анна - Цокал языком Иосиф, - прямо как у писаря в Тифлисе!

Почерк у Анны действительно был каллиграфический. С необыкновенной тщательностью она выводила каждую букву.

Потом они яростно спорил о преимуществе перьев.

; Только перо «86»! - хитро прищурившись утверждал Иосиф, - Твое «Рондо», которым ты пишешь, генацвале — ерунда. Зачем ты в это «рондо» влюбилась? Посмотри: «86» - это наконечник стрелы или копья. Это боевое оружие. А «Рондо» - гнилая интеллигенция.

Но споры были жаркие, но заканчивались шутками и чаепитием.

Анна и Аркадий чувствовали, что Иосиф, на людях, как правило, молчаливый, хмурый и замкнутый, в их доме был более раскованным и свободным.

Практически в Нарыме он поддерживал отношения только с Ивановыми.

Несколько дней его не было на занятиях. Не видно было его и в столовой.

Однажды вечером в окно комнаты Ивановых постучали. На стук вышла Анна.

Мальчишка из местных протянул ей вставочку с пером «86» и убежал.

; Что у нас еще приключилось? Спросил Аркадий у хмуро сидящего Куйбышева.

; Ушел в бега Джугашвили

; Чем это нам грозит?

- Ужесточением режима, но, в любом случае, это его право.

Полицейский надзиратель за административными ссыльными Федор Титков рапортовал приставу:

«Проверяя по обыкновению каждый день свой участок в городе Нарыме я зашел в дом Алексеевой, где квартируются Джугашвили Иосиф и Надеждин Михаил, из них первого не оказалось дома. Спрошенная мною хозяйка квартиры Алексеева заявила, что Джугашвили сегодняшнюю ночь не ночевал дома, и куда отлучился, не знает. Надеждин же, его товарищ, заявил, что Джугашвили в субботу уехал в село Колпашево, Кетской волости. О изложенном доношу вашему высокоблагородию.»

Сразу после побега Джугашвили ссыльные не почувствовали особого ужесточение режима. У большинства сложилось мнение, что начальство выжидает, копит компрометирующие материалы, готовит серьезный процесс. Но в действительности дело обстояло намного хуже. Положение ссыльных

должно было совершенно измениться.

В адрес директора департамента полиции направлено было предложение томского губернатора:

«1. Ссылные должны водворяться в село Васюгане и ближайших юртах по реке того же названия.

2. Для размещения поднадзорных в местах водворения следует построить за счет казны особые здания-казармы.

3. Выдача поднадзорным денежного от казны пособия отменяется, взамен этого им предоставляется жилое помещение, одежда и питание из общего котла.

4. Означенные лица должны быть подчинены надзору, приближающемуся к тюремным порядкам.

Сообщая об изложенном на усмотрение Вашего превосходительства, пользуясь случаем покорнейше просить Вас, милостивый государь, принять уверения в глубочайшем уважении и совершенной преданности.»

Что-то, уважаемый читатель, это нам с вами, должно напоминать? Что-то такое предлагалось организовать, чего до сих пор не было в Российской Империи. По моему, для нас с вами, очень знакомая конструкция должна была получиться.

А жизнь продолжалась.

1913

Пришла настоящая весна.

Утро 1 мая началось для Анны с необычного туалета. Наталья и Ольга вплели в ее косы две широкие алые ленты.

По сложившемуся к тому времени обычаю большевики собрались на маевку в Колином бору в полутора верстах от Нарыма. Не прошло и часа появились стражники, но разогнать собравшихся, не решились.

На следующий день после маевки пристав Овсянников донес томскому губернатору:

«Ссылные приблизительно в версте от города собрались вместе, водрузи два красных флага, и устроили нечто вроде митинга с произнесением речей и пением песен возмутительного содержания.

3 мая с первым парходом, пришла почта. Первая в этом году.

На дню Куйбышева сюрприз. Императорская российская армия желает иметь его в своих рядах. Потребность в нем на столько велика, что его освобождают из ссылки досрочно.

Великий либерал становой Овсянников приносит Валериану свое поздравление.

Он-то знает, что на одном парходе поплывет призываемый в солдаты Куйбышев и подробнейший донос на него, как на главного организатора первомайской демонстрации ссылных в Нарыме.

Из Нарыма в Томск Куйбышев добрался благополучно.

В почтовой конторе, куда заглянул он за конвертами и бумагой для писем, ему на глаза попала открытка, сюжет которой ему очень понравилась и, с его точки зрения, соответствовал создавшейся ситуации. На открытке была

напечатана репродукция художника Хотулева «В Крестах. Охота» Сцена из тюремной жизни.

Валериан спешит поделиться впечатлением с другом.

Тут же в конторе он пишет: « г. Нарым, Томской губернии. Аркадию Федоровичу Иванову с чадами и домочадцами.

Вглядись в открытку. Правда, даже на сердце щиплет от умиления. Родная картина! Желаю и вам того же. Ехал почти неделю, прожив здесь три дня двигаюсь далее по направлению к солдатчине. «Колпашевец» пойдет к вам только через три дня, поэтому корзину пошлет Вам уже сестра, я взял с нее слово, что она с этим парохом пошлет. Крепко жму руки, Валериан.»

Все так бы и проходило бы дальше, если бы в Томском губернском жандармском управлении не столкнулись бы два документа:

Первый — это проходное свидетельство № 620, которое должно было быть выданным гражданину Куйбышеву В. В. для следования до воинского присутствия в г. Омске

Второй - донос на него станового Овсянникова, как смутьяна безнадежного.

Второй документ дезавуировал первый, исключая призыв Валериана в армию, как неблагонадежного и задержал его в Томске на неопределенное время.

В дальнейшем эти документы сыграли важнейшую роль в судьбе Анны Ион-Оглы или Анны Ивановой. Это как вам больше понравится. Вы понимаете, кого я имею ввиду.

Вскоре в Нарым нагрянули жандармы. Начались повальные обыски. Всех участников первомайской демонстрации арестовали. Несколько дней продержали в Нарымской каталажке. Затем большую часть демонстрантов вскоре отпустили.

Оставили восемнадцать человек. Среди оставленных — единственная женщина — Анна.

Продержав их еще несколько дней в каталажке, под конвоем привели на пристань и погнали по сходям на пароход «Колпашевец».

Арестованных поместили в тесном трюме, загруженном, кроме них, рыбой и какими-то мокрыми кожами, издававшими невозможный запах.

Пароход шел вверх по течению еле-еле. Ни пищи, ни воды не давали...

Аркадий, так тот с ума сходил. Стучал в запертый люк. Требовал выпустить женщину!

Бесполезно.

Анна успокаивала его: - Не нервничай. Ни тебе ни мне волноваться нельзя. Все пережили и это переживем.

Прошел день, второй, третий... Положение арестованных не менялось.

На пятый день «Колпашевец» прибыл в Томск. Открылся люк. Свежий воздух, словно молотом, ударил по голове. Выходили шатаясь, еле держась на ногах.

До тюрьмы шли пешком под охраной жандармов. Прохожие в изумлении останавливались и провожали взглядом группу мужчин еле передвигавших

ноги, сопровождаемых полицией, а среди них молодую женщину, фигура которой явно говорила об интересном положении, в котором находилась арестантка. Двое из арестантов поддерживали ее под руки.

За спиной лязгнули дверные запоры. Анна оказалась в одиночной камере № 17. Железная койка, маленький столик, табурет. Неровно оштукатуренные стены покрашены темно синей краской, узкое окошечко, на нем решетка, но сквозь нее видно крону дерева и небо. Солнышко светит.

Стояла оглушительная тишина. В ушах звенело. Очень хотелось пить. Время тянулось нескончаемо.

Вдруг раздался стук. Сначала Анна решила, что стучат в дверь и она чуть не сказала: «Войдите», но стучали в стену с другой стороны, очевидно из соседней камеры. Стук был не беспорядочным. В том, как стучат, чувствовалась какая то система. За год, проведенной в тюрьмах во время этапа, она знала, что это метод общения, но, к сожалению, не была обучена тюремной азбуке. Стук прекратился так же неожиданно, как и начался.

Лязгнул замок, дверь камеры открылась, вошли двое — надзиратель и пожилой господин держащий в руках кожаный саквояж.

; Я, сударыня, врач, - представился пожилой господин, - На что имеете жалобы? Вы в положении, как я вижу. На каком месяце беременность? Я должен Вас осмотреть.

Анна разжала спекшиеся от мучивший ее жажды губы:

; Пить. Туалет.

; Я должен вас осмотреть, - заупрямился врач.

; Пить и туалет, - стояла на своем Анна, - Должна же я в конце концов, привести себя в порядок. Я пять дней не мылась, не пила, не ела. Вы понимаете? Женщину в положении пять дней не поили, не кормили. Я отказываюсь говорить с кем бы то не было до тех пор, пока не будут выполнены мои законные требования.

Вошедшие повернулись и направились к выходу. Пока дверь камеры не закрылась Она успела крикнуть, что ее не устраивает эта камера.

; Это карцер! - кричала Анна, - За что меня посадили в карцер? И вновь тишина. Она в изнеможении опустилась на койку. Закрывает глаза. Вдруг вспомнила. Как, еще в Нарыме, Аркадий рассказал ей притчу о двух лягушках, попавших в кринки, наполненные молоком. Одна смирилась и утонула. Другая стала изо всех сил бить всеми четырьмя лапами. Молотила изо всех сил. Молоко сбилось в густую сметану. Это и спасло лягушку.

; Вот и я лягушка-путешественница. Буду биться изо всех сил, - сказала себе Анна.

Она даже предположить не могла, что биться ей предстоит всю ее жизнь.

Сколько прошло время Анна не могла сказать, но солнышко ушло от ее окна. На улице и в камере стало сумрачно. День — не день, вечер — не вечер.

Опять лязгнул запор. Вошли двое. На этот раз надзирательница сопровождала

человека в арестантской робе. Тот принес Анне жестяную кружку с водой и миску с какой-то баландой. Надзирательница достала из кармана ложку и вытерла ее о полу своей форменной тужурки.

; Ни пить, ни есть не буду! - не вставая с койки заявила Анна. - Требую другую камеру, баню и туалет.

; Ты же ребенка ждешь! О нем подумай, - стала увещевать арестантку надзирательница.

; Баню для тебя топят. Специально. Не все так быстро. Не банный у нас нонче день.

; Я свое слово сказала! - и отвернулась к стене.

; Чудно! Что они все сговорились, что ли, голодать? - как бы про себя пробурчал человек в арестантской робе.

; Молчать! - рявкнула надзирательница. - Ставь все на стол. И пить будет и есть будет. Голод не тетка.

Оба вышли.

Опять тишина.

И снова стук в стену. То далекий, то совсем рядом, словно переговаривается много людей.

Анна взяла табуретку и стукнула в стену один раз. В ответ тоже стукнули один раз. Она стукнула два раза, ей ответили тем же. Но ясности от этого больше не стало. Она взяла ложку и помешала баланду. Словно в сказке, на поверхности миски оказалась, туго свернутая в трубочку, бумажка.

Ей хотелось немедленно схватить ее, но что-то подсказало, что торопиться не надо.

Анна посмотрела на дверь камеры. В центре ее был сделан круглый глазок.

Вспомнила: это называется «волчок». Он был открыт. Очевидно надзирательница подсматривала за ней.

Тогда она демонстративно бросила ложку на стол, легла на койку так, что бы виден был «волчок» и прикрыла глаза.

Что-то чуть стукнуло. Анна открыла глаза. Такое впечатление, что глазок с той стороны закрыли.

Терпения больше не было. Она соскользнула с койки, пальцами выловила скрутку бумаги и, прислонившись спиной к двери, аккуратно развернула ее.

Чему то ведь ее научили во время этапа.

Прочла чуть расплывшийся текст:

«Будем объявлять всеобщая голодовку. Цель — вас выпустить под залог. На воле работают»

Настроение исправилось. Не одна. О ней думают. Даже есть расхотелось.

Отвели в баню. Она даже была рада, что от нее ни на шаг не отходит женщина-надзиратель. Чувствовала ужасную усталость. Ноги подкашивались.

Надзирательница поняла ее состояние и, очевидно из бабьей жалости, не столько смотрела за ней, сколько помогала раздеться, одеться во все тюремное.

Тюремной робе Анна обрадовалась больше всего. Ее одежда пропиталась во время путешествия на пароходе запахом рыбы и невыделанных кож. Ее все время подташ-нивало от этого запаха.

Одетая во все арестантское вернулась в прежнюю камеру. Поверила надзирательнице, что там ей будет лучше.

- Товарок тебе сейчас не к чему. Товарки у нас разные бывают. А тебе и дитяте твоему будущему, покой нужен.

Холодную баланду, все таки поела.

Три дня в камере одна. К великому счастью она ничего не знает о судьбе первой жены Валериана Куйбышева, умершей в тюрьме от родовой горячки.

Заходит только надзирательница. Приносит еду, сопровождает в туалет.

Только один раз ей удалось получить записку от Аркадия:

«Дорогая моя Аннушка! Всем сердцем я с тобой. Крепись, родная. Здесь в тюрьме и на воле товарищи делают все, что бы облегчить твою судьбу. Но все может случиться. Прошу тебя, если родится девочка, назови Любой. Как назвать мальчика — решать тебе. Я на все согласен. Тысячу раз целую и верю в тебя. Твой Аркадий.»

Шло время. Следствие затягивалось. Арестованных почти не вызывали на допросы. Анну не вызывали ни разу.

Только после того, как подследственные пригрозили всеобщей голодовкой, да еще написали жалобу в судебную палату 27 марта 1913 года начался судебный процесс.

Процесс освещала газета «Правда»

В номере от 30 марта газета опубликовала следующее сообщение:

«В окружном суде рассматривалось при открытых дверях дело по первомайской демонстрации нарымских ссыльных. Обвинялись 18 человек. На суде выяснилось полная несостоятельность обвинения.»

В качестве свидетелей обвинения фигурировали стражники. Они путались в показаниях. Говорили, что видели группу ссыльных в 25 человек, но не узнавали в лицо обвиняемых, участвовавших в маевке.

Защиту подсудимых, по просьбе Валериана Куйбышева, вели известные томские адвокаты Ган и Вологодский.

Суд подсудимых оправдал. В тот же день они под конвоем были отправлены в Нарым.

К сожалению, корреспонденту «Правды» стали известны не все подробности процесса.

В тюрьме оставались еще трое товарищей.

Только на четвертый день после окончания процесса на котором она не присутствовала, Анну повели к следователю.

; Здравствуйте, сударыня!

Мужчина в годах, лысоват. Полноватый живот, подчеркнуто обтягивает сюртук. Глаза с лукавинкой внимательно смотрят на Анну.

Следователь не спеша достает несколько листов чистой бумаги, стеклянную чернильницу с крышкой и вставочку с пером «86». Все это аккуратно раскладывает на столе.

Это наверно к счастью, совершенно непроизвольно отмечает про себя Анна, имея в виду перо, но тут же одергивает себя: в приметы лучше не верить.

; Разрешите представиться, Андросов Никита Капитонович. Вот веду ваше дело. Прежде всего разрешите поинтересоваться вашим здоровьем. Намедни врачу нашему вы в этом отказали. И напрасно, сударыня. Очень даже напрасно. В вашем положении...

; Вкрадчивый голос звучит успокаивающе. Анна, в такт его речи, согласно кивает головой. Он ей начинает даже нравиться, этот Никита Капитонович. Ей кажется что это сочетание имени и отчества звучат по домашнему.

; А теперь вам необходимо назвать свое имя и фамилию, - просит следователь. Макает перо в чернильницу и приготавливается писать.

; Анна Ион-Оглы, но я вышла замуж и теперь моя фамилия Иванова. Анна Иванова.

; Вы в этом уверены, сударыня? - с чуть заметной усмешкой спрашивает следователь и откладывает ручку.

; Конечно, - Анна даже немного обиделась, Как же может быть иначе? Она уловила иронию в его вопросе и это насторожило ее. Какой подвох ей приготовили?

; Я внимательно просмотрел все ваше дело, ознакомился со всеми вашими документами. Из всего этого я смог сделать следующее заключение: - следователь сочувственно посмотрел на Анну, - С самого начала в ваше дело вкралась досадная ошибка.

; Очевидно из-за рассеянности исполнителя или по другой какой причине, но при переписке начисто вашего дела во время этапа или в каком другом месте, вместо вашего настоящего имени написали это вот «Ион-Оглы». Вы, кстати, не знаете, что оно обозначает?

Голос следователя журчал успокаивающе.

В ее положении только этого не хватало! Анна молчала. Она могла ожидать всего чего угодно, но, что бы они докопались до того, кто она есть на самом деле...

; Да вы не волнуйтесь так! - успокоил ее добрый Никита Капитонович, - я же понимаю, сколько лет прошло с тех счастливых пор. Вспоминаете? Вы Хана Залмовна Иоффе? Так?

; Но я вышла замуж! - крикнула Анна.

; Да что вы говорите? - притворно удивился следователь, - И у вас на это есть документ? Вы венчались? Вы приняли православную веру?

; Я же вам объяснял, что внимательным образом изучил все ваши документы и нашел только разрешение Станового пристава на ваше бракосочетание и не более того. Понимаете, моя дорогая? Только разрешение какого то пристава. А

вы, в силу вашей молодости и неопытности, посчитали эту никчемную бумажку свидетельством о изменении вашего статуса? Отнюдь!

Следователь сделал большую паузу. Поправил на столе пачку бумаги. Зачем-то снова переставил чернильницу на другое место.

Какое-то чувство подсказывало ей, что сейчас произойдет что-то непоправимое. Она ждала: вот сейчас ей скажут что-то ужасное, что полностью перевернет ее жизнь.

Сердце билось так, что казалось его биение слышно этому, еще минуту назад казавшемуся таким добрым, человеку. Она про себя умоляла его, что бы он ничего ей такого не говорил. Ей сейчас нельзя ничего такого слышать! Ее мольбы он, естественно, не услышал, а нарочито безмятежно сказал:

; Тем более, что у вашего, так называемого мужа, Иванова Аркадия Федоровича, там на родине есть законная жена и сын.

Ему пришлось вскочить со стула что бы успеть подхватить падающую в обмороке Анну.

Она очнулась в тюремном лазарете. Лежала на узком, очень жестком топчане, укрытая тонким тюремным одеялом. Первое, что почувствовала — ребенок шевелится, ударяет ножками в ее живот. Рядом с ней, уже знакомый по первому визиту, тюремный врач и надзирательница. Врач держит ее за руку нащупывая пульс.

Анна попыталась подняться.

; Ради бога лежите, - засуетился врач. - Успокойтесь. Мы вызвали акушера.

; Мне неудобно лежать, - Анна снова попыталась подняться. На этот раз ей это удалось. Она осталась сидеть на топчане, свесив ноги. Топчан был высокий и ее ноги не доставали до пола. Ребенок продолжал беспокоить ее.

Дверь в лазарет отворилась и вошла в сопровождении другой надзирательницы полнотелая, средних лет женщина.

; Хорошие дела! - неожиданно высоким голосом и очень громко заговорила вошедшая, - Вам не хватает воров и татей? Теперь вы занялись беременными женщинами! Попрошу покорно всех удалиться. Быстро, быстро! И вас, и вас! - она тыкала пухлой рукой в сторону всех присутствующих. - Вы еще на нее кандалы наденьте! С вас хватит!

Она довольно грубо выставила, растерявшихся от такого напора, врача и надзирательницу.

; Это умора! - она ловко стала раздевать Анну, - раньше в тюрьму сажали тех, кто убивает, а теперь вот таких, которые вот-вот рожать собираются. Времена и нравы! - Акушерка ворковала и ребенок, а вместе с ним и Анна, стали успокаиваться и показалось ей, что это Пермитина пришла к ней, только в другом облике. Такая же большая, теплая и распространяющая вокруг себя покой и уверенность. И теперь все образуется и будет хорошо.

; Ну, моя бедняжечка, ничего пока страшного я не вижу. Времечко у нас еще есть, но не очень много. Мы этого никому не скажем и попробуем вас отсюда

забрать в больницу. От Валериана вам привет, - сквозь зубы процедила акушерка.

Анна уткнулась в нее и первый раз за последние годы расплакалась навзрыд.

; Тихо, тихо, деточка, - шептала ей на ухо акушерка, - Вот этого никак нам нельзя. Сейчас мы все исправим и повернувшись к дверям крикнула своим высоким голосом.

; Эй! Зовите сюда ваше начальство. Да быстро!

Сразу же в лазарете появились два чиновника. За ними протиснулся тюремный врач. Очевидно они находились где-то рядом за дверью.

; Роженицу немедленно надо переводить в городскую больницу! - заявила акушерка.

Один из вошедших чиновников, тот что все время держал в руках папку, обратился к акушерке.

; На сколько положение этой дамы серьезно? - но пос-мотрел при этом на тюремного врача.

Тот пожал плечами.

; Вы у кого спрашиваете? - Акушерка аж задохнулась от возмущения, - Вы, сударь, у меня должны спрашивать!

Она оглянулась на Анну. Что-то в том, как ее подопечная скрючившись сидела на кушетке, как пот выступил на ее лбу насторожило женщину и она, топнув ногой, закричал:

; А ну, готовьте горячую воду, простыни тащите. Да что бы вода была кипяченая! - и снова обернулась к Анне, - Не плачь! Сейчас мы все тут хором будем роды принимать!

; Подождите, подождите! - заволновался чиновник, и стал судорожно раскрывать папку и доставать какие-то документы.

; Я должен заявить, что решением его превосходительства томского губернатора, арестованной госпоже Иоффе Хане Залмовне, запрещен перевод в городскую больницу. Прошу ознакомиться.

Он протянул Анне бумагу, но акушерка перехватила ее.

; Тогда все вон вместе с ваши бумагами! Мне что, в них ребенка заворачивать, - закричала она, - Немедленно предоставьте все, что я требовала и еще мне нужна помощница! и кинулась на крик Анны.

Начались роды.

Все, что происходило с ней все это время ощущалось Анной сквозь какой-то серый туман, представлялось то чудом, то катастрофой. Было полное ощущение, что она не выдержит всего этого.

Ужас и безысходность как будто давило на нее, не давали вздохнуть полной грудью. Сколько это продолжалось, она определить не могла.

Только теплые, сильные руки акушерки как бы передавали, так необходимую ей сейчас силу. Словно эта сила перетекала к ней, снимая ломающую тело боль.

Наконец эта, казавшаяся бесконечной, боль и ужас сменились равнодушием и

бессилием. Лежала с закрытыми глазами и ее собственное тело, как ей казалось, уже не принадлежит ей.

Вдруг она услышала крик ребенка.

Хотела подняться, но акушерка не дала ей.

; Лежи смиренно и открой глаза, - говорила акушерка, - посмотри на это чудо!

Чудо заходилось громогласным ревом.

- Здоровая девица! - комментировала акушерка.

Через час Анне вручили сверток, в отвороте простыни виднелось маленькое красное личико с остреньким носиком, черным завитком волос и препроводили ее с ребенком в камеру.

Прошло совсем немного времени и к Анне зашли чиновник, врач и священник.

Врач поинтересовался ее здоровьем, священник спросил будет ли обряд крещения.

; Я должна увидеться с мужем. - голос у Анны, еще не окрепший после пережитого, тем не менее звучал настойчиво.

; Напишите прошение и этот вопрос будет решаться, - сухо заявил чиновник и все трое вышли из камеры.

Анна положила ребенка на койку, взяла табуретку и стукнула ею в стену.

Тюрьма ответила бесконечно долгим перестуком.

Камеры перебивая друг друга несли весть о рождении человека, о счастье и жестокости, о том, что с этой жестокостью необходимо бороться. Всем, всем, всем! Сейчас и немедленно!

Через неделю в камеру явился следователь.

; Я посчитал правильным не утруждать вас вызовом к себе — размеренно вещал Никита Капитонович.

; Должен информировать вас, сударыня, что ваше дело совместно с делами Александра Владимировича Мендельштама и Ивана Степановича Дмитриева будет рассматриваться отдельно от общего дела о майских событиях в Нарыме.

; Я подавала прошение о свидании с мужем и до сих пор нет никакого ответа.

Ставлю Вас в известность, что я ни на какие вопросы отвечать не буду до тех пор, пока мое заявление не будет рассмотрено. - ответила ему Анна.

; Это не ко мне, - приложил ладони к груди следователь, - это к тюремным властям. В таком случае разрешите откланяться и поздравить вас, в конце концов, с рождением ребенка.

На следующий день явился новый гость.

Анна уже видела этого господина, постоянно державшего в руках папку.

; Я помощник тюремного инспектора, - Сухо представился он. - Нам необходимо с вами решить целый ряд вопросов.

; Я требую свидания с мужем, - прервала его Анна.

Вы писали прошение о свидании с господином Ивановым Аркадием Федоровичем, и мы направили соответствующее представление его превосходительству томскому губернатору.

Тем не менее мы получили подтверждение господина Иванова о признании им своего отцовства родившегося ребенка и о необходимости его святого крещения.

Нам необходимо сделать соответствующую запись в метрической книге, но для этого необходимо решить два вопроса: первое: каким именем будет наречен ребенок и второе: мы должны уточнить ваше вероисповедание.

; Для решения этих вопросов я требую свидания с мужем. Меня совершенно не устраивают посредники и вы, как здравомыслящий человек, должны меня понимать.

; Мы ждем решения его превосходительства — и двери камеры закрылись, выпустив помощника инспектора с его папкой. На следующий день он явился вновь.

; Их превосходительством томским губернатором отказано вам в свидании с господином Ивановым Аркадием Федоровичем в связи с тем, что после оправдательного приговора суда означенный господин был этапирован по месту ссылки в село Нарым, где и находится в настоящее время.

В метрической книге Николаевской Тюремной церкви города Томска за тысяча девятьсот двенадцатый год, части первой сделана запись о родившейся женского пола № 12, и нареченной Любовью Аркадьевной Ивановой в том, что она родилась двадцать первого (21) августа тысяча девятьсот двенадцатого года; родители ее по заявлению матери: Аркадий Федорович Иванов вероисповедания православного и Хана Залмовна Иоффе вероисповедания — атеистка.

Это хорошо, что ребенок требует к себе столько внимания и заботы. Значит на всякие мысли остается меньше времени. Днем на них нет времени совершенно, но ночью...

Правильно ли я себя веду? Кто эти двое, которых еще будут судить вместе со мной и почему отдельно от остальных товарищей? Какое еще дело придумали для нас? Во всем, что происходит разобраться должна она сама. Помощи ей ждать не откуда.

Утро 28 сентября 1913 года.

Дверь камеры открывается.

; Гражданка Иоффе, одевайтесь сама и одевайте ребенка.

; В чем дело?

; Возьмите ребенка и следуйте за нами.

; Встать, суд идет!

«Томский окружной суд, с участием сословных представителей при открытых дверях разбирает дело по обвинению административно-ссылных Александра Владимировича Мендельштама, Ханны Залмовны Иоффе и Ивана Степановича Дмитриева — в принадлежности к сообществу, поставившему целью своей деятельностью возбуждение ссыльных к противодействию законным распоряжениям властей.

Слово для обвинительной речи предоставляется товарищу прокурора господину Киц»

Удар молотка возвестил начало речи обвинителя..

Ребенок заворочался у нее на руках и Анна успокаивая ее прослушала начало речи товарища прокурора.

«Перехожу к деятельности каждого из подсудимых в качестве членов противозаконного общества. Обвинительный акт вменяет в вину:

Мендельштаму — составление устава и хранение протоколов девятого съезда делегатов, Иоффе — хранение документов общего собрания членов общества, Дмитриеву — получение для организации и передачу газеты «Речь»

Странное состояние отрешенности от происходящего охватило Анну. Речь обвинителя журчала усыпляющие. Она изо всех сил старалась не заснуть.

; Что ты делаешь! - уговаривала она себя, - ведь решается твоя судьба, а ты спать решила! А ну ка, встряхнись!

«Сотни лиц — очевидно заключает свою речь товарищ прокурора, - входит в эту преступную организацию, но у нас, к сожалению, имеются данные только на этих троих»

; Вот так здорово, - думает сквозь дрему Анна, - нас сотни, а у них никаких доказательств нет. Одни слова.

Она и представить не могла, что ей в суде будет скучно.

Слово взял ее защитник. Но тут заседание суда пришлось прервать. Слово взяла Любовь Аркадьевна Иванова. Да так громогласно и решительно, что суд благосклонно разрешил подсудимой Иоффе отлучиться вместе с надзирателем, что бы перепеленать выступающую, и покормить ее.

Они вернулись в зал, что бы выслушать приговор суда.

Встать! Суд идет.

Томский окружной суд признал Мендельштама, - вещал судья, - виновным в преступлении, предусмотренным 1 частью 125 статьи уголовного уложения, и приговорил к 9 месяцам крепости, зачтя 6 месяцев из времени предварительного заключения и понизив наказание на 1 месяц в силу манифеста. Иоффе — виновной в преступлении и наказывается двумя годами ссылки и отправляется под гласный надзор полиции в поселок Нарым, Дмитриев — содержался в тюрьме 10 месяцев. В настоящее время оправдан.

Год, когда судили ссыльных нарымчан. Совпал с событием, которое со всей торжественностью отмечала вся Россия — 300 лет царствования дома Романовых.

По этому случаю царское правительство объявило амнистию. Но на революционеров эти льготы не распространялись.

После заседания суда Анна с Любой на руках вернулась в тюрьму. Прошла положенную проверку и оказалась в своей камере.

Перед самой вечерней проверкой явился незнакомый представитель тюремной администрации и сообщил об высвобождении по залог: «Одевайтесь, сударыня

и можете идти»

; Куда мне идти? - запаниковала Анна, - У меня в Томске никого знакомых. На дворе мартовская пурга. Куда я денусь, с ребенком, на ночь глядя?

; Меня это не касается, - заявил чиновник, - Раз вы освобождены, то находиться в тюрьме не имеете права!

; - Что хотите со мной делайте, а я никуда из тюрьмы не пойду!

Анна забралась с ногами на койку и прижала к себе ребенка.

- Хорошо! - смиловился ее мучитель, - Пишите прошение начальнику тюрьмы, мол просите разрешения остаться по своему желанию до следующего утра в камере.

Поверка в тюрьме закончилась, ключи у последнего затвора отгремели, в душе смятение.

Анна никак не может успокоиться. Никаких теплых вещей нет ни у нее ни у Любы. Тюремные одеяла и простыни, в которые завернут ребенок, у нее отберут. В чем выйти на волю? В чем проехать 500 верст до Нарыма на перекладных в пургу и стужу?

Тюрьма затихла и заснула тяжелым сном.

Анне казалось, что она одна не спит

Ситуация складывается совершенно парадоксальная. Ее отпускают на волю, а воспользоваться этим она не может.

Где-то далеко послышался какой-то шум.

Анна прислушалась. Шаги все ближе и ближе.

Неожиданно загремели ключи и засовы ее камеры, отворилась дверь и надзирательница приказала:

; Иоффе, с вещами на выход! За тобой пришли.

; Кто? - всполошилась Анна.

; Жених!

Наспех собрала вещи, кое-как сунула в котомку. Взяла на руки Любу и пошла вслед за надзирательницей, решив про себя, что ни одеяла, ни простынь она не отдаст. Не будут же они с ней драться?

; Какой еще жених? Мне только женихов сейчас не хватает!

; Женихи нужны всегда. - философствовала по дороге в дежурку надзирательница, - а в твоём положении вдвойне!

; Они вошли в дежурку и Анна увидела Куйбышева.

; Валерьян!

Это единственное что она смогла проговорить.

- Давай мне девицу, а сама бери этот узел. Тут все, что ей надо. - Валериан бережно взял на руки Любу

; Поехали! - крикнул он лихачу.

Он привез их к своим друзьям, где уже находился детский врач, который осмотрел Любу, впервые в своей маленькой жизни оказавшуюся на свободе. Студенты Томского университета собрали 500 рублей залога. Это помогло

Куйбышеву добиться временного освобождения Анны. Первое, что она спросила Валериана:

; Где Аркадий?

; В Нарыме.

; Когда меня отправят в Нарым?

; Не спеши, Анна. У тебя ребенок. Вот приведем ее в порядок, врач разрешит — тогда и поедешь.

; - И не раньше — твердо заявил Валериан. - Аркадий подождет. В данном случае ребенок важнее.

; Учти, что все ваши проблемы нам известны. Я имею в виду тебя и Аркадия. Все это выеденного яйца не стоит. От тебя требуется только одно — покой и вера. Тебе эту мадемуазель кормить.

; Я тебе верю, - сказала Анна и обняв друга крепко поцеловала.

1914

4 июня 1914 года с первым пароходом, поднимавшимся вверх по Лене, уезжал из Нарыма Аркадий Федорович Иванов. Кончился срок его ссылки.

6 июня 1914 года с первым пароходом спускавшимся вниз по Лене возвращались в Нарым Хана Залмовна Иоффе со своей дочерью Любой.

Пароходы встретились ночью. Прогудели гудками, здороваясь и прощаясь друг с другом, поморгали ходовыми огнями и разошлись, унося с собой двух людей, стоявших на палубе в надежде увидеть друг друга.

Не состоялось. Ночи темные, Лена широкая. Разошлись пароходы. Растаяли их силуэты в ночи как надежды на встречу.

В первый момент ей показалось, что ничего не изменилось. Все та же ситцевая занавеска, стол, табуретки, дорогой сердцу зеленый сундук. Здравствуй, дружище! Ага, исчез топчан, на котором спал Аркадий. Вместо него стоит ее кровать. Тогда, что за занавеской?

Вопросительно оглянулась на Наталью, но та только загадочно улыбалась. Анна подошла к занавеске, отдернула ее и охнула от восторга. Резные спинки, резные решеточки по бокам, аккуратнейшим образом простеганный сенник.

; Ложе для принцесс! - Анна села на табурет — Что бы я без вас делала! Вы мне самые родные люди!

«Родные люди» сгрудились в дверях и, судя по выражению их лиц, были не менее довольны, чем Анна, произведенным эффектом.

Безмятежно спавшую после путешествия девицу Любу распаковали и торжественным образом уложили на новое ложе.

Общим собранием семьи Пермитиных было определено, что она вылитый отец, а значит красавица. Затем все внимание переключилось на Анну.

Младшие Пермитины закружились вокруг нее в веселом хороводе:

; А это еще не все! А вот и не все! – Пела детвора.

; - Вот тебе еще подарок, - Пермитин поставил на стол швейную машинку

«Зингер» - Это от мужа за рождение дочери.

; И не все еще, и не все, - Младшие подвели Анну к сундуку и торжественно вручили большой ключ с замысловатой бородкой и ажурной ручкой.

; Ну поверните, ну откройте! - умоляли они.

Анна вставила ключ в скважину, повернула и комната наполнилась нежнейшей мелодией.

; Тебе нравится, да? Нравится? Это замок такой с колокольчиками. Вы там пока были, а мы тут все сделали. А почему ты плачешь?

; Да погодите вы, - остановил детей Василий Васильевич, - Теперь, действительно самое главное, - он положил перед Анной письмо. Можешь штудировать, а мы пойдем. Обо всех делах переговорить успеем. Времечко есть. Дверь за хозяевами закрылась. Анна осталась одна. Устало опустилась на табуретку. Вроде, как бы домой вернулась, но это все же не дом, это ссылка. И теперь в этой ссылке она одна с дочерью.

Тянула распечатывать конверт. Словно боялась чего-то? Что в нем?

« 25 мая 1914 года.

Дорогая моя любимая Аннушка! Про суд ты наверно все знаешь. т. ч. писать не буду. Все подробности о тебе и Любушке мне все написал Валериан.

Большая у меня надежда, что смогу вернуться в Петербург. Друзья там и связи. Подал прошение губернатору.

Напиши мне про Любашу. Я не очень беспокоюсь о вас. т. к. вы, мои родные, я надеюсь, в хороших руках. Они всегда помогут. Крепко вас целую и жду ответа. Мой адрес: Томск, улица Большая Подгорная. Мне»

Анна сидела за столом ладонями прикрыв письмо.

Конечно Пермитины надежная подмога, но за день до отправки в Нарым ей были вручены кормовые деньги за десять дней — 1 рубль 68 копеек. А нужно заплатить за постой, за дрова, керосин для лампы.

Что остается на свое питание и питание Любы? Садиться на шею Пермитиных? А как они на это среагируют?

Взгляд упал на швейную машинку. Анна открыла колпак, поставила на место ручку, легонько повернула. Машинка обнадеживающе застрекотала.

Задумалась. Еще раз повернула ручку машинки.

Зашла Наталья . Обняла Анну.

; Проблемы, голубка?

Анна в ответ тяжело вздохнула, - Я хочу обратиться к вам с просьбой. - и запнулась, помолчала и, словно выдавила из себя:

- Мне нужны деньги. - И захлебываясь заторопилась в оправдание. - Но я их отдам! Я их сразу отдам! Честное слово!

; Много? - спокойно поинтересовалась Наталья, но в ее взгляде Анна почувствовала напряжение.

; Я еще не знаю. Я не считала. Мне нужно купить нитки разные, пуговицы. Но это мелочи. В основном мне нужны деньги на материю. И еще мне нужно выписать модные журналы.

; Моих кормовых на это все не хватит.

Глаза у Натальи потеплели, - Да уж твои кормовые! - усмехнулась она. - Ты что собираешься шить?

; Еще не знаю. Надо с чего-то начать. Что людям нужно? Ведь если я хорошо что-то сделаю, так ко мне придут с просьбами.

Другого для себя я выхода пока не вижу.

; Ну, так получи первый заказ — общей моих девчонок. Сделай так, что бы Нарым лопнул от зависти.

; Господи! - и обе обнявшись заплакали.

Из-за занавески послышалось сопение.

« 30 мая 1914 года.

Родные мои и любимые! Спешу сообщить вам, что на все мои прошения на имя губернатора получил я полный отказ.

Решил я обосноваться в Томске, чтобы быть поближе к вам. Ведь вам предстоит отбыть в Нарыме полных два года. Сейчас моя задача устроиться на работу. что бы помогать вам.

Мечтаю, когда появятся деньги, в эту навигацию повидать вас, моих любимых.

Крепко целую. Ваш муж и отец.»

До глубокой ночи строчит швейная машинка. Глаза слипаются и от напряжения болят плечи. Затекала спина. Анна встала из-за стола и подошла к разметавшейся в кровати дочери. Время летит так стремительно. Любе скоро год и заниматься ею приходится практически целый день.

Кроме того необходимо уделять внимание само-образованию. Разве она имеет право превратиться в обыкновенную домохозяйку? Разве такая жена нужна Аркадию?

Пока Люба спит днем обязательно надо сбегать к Солыцу. Арон Александрович помогает по политэкономии. Учеба обставлена самым серьезным образом.

Опять Анне припомнилась притча о двух лягушках.

«18 июня 1914 года.

Анюся! Ура! Мне удалось поступить на службу секретарем сельскохозяйственного общества и журнала «Сибирское сельское хозяйство» и одновременно в правление общества потребительской кооперации «Деятель». Эта служба не только дает мне заработок но и помогает изучить край и знакомиться с людьми.

По делам кооперации я часто выезжаю во многие города — Новониколаевск, Мариинск, Барнаул, где мне удалось установить дружеские связи с местными людьми. Много печатаю в легальных газетах и подписываюсь псевдонимами «Анин» или «Любавин» Посылаю вам первые деньги. Люблю, целую тысячу раз. Ваш муж и отец.»

Кисти рук стали красными и кожа загрубела от бесконечных постирушек.

Надо ежедневно вставать рано, успеть постирать и приготовить завтрак. Теперь

можно разбудить дочь, покормить ее, почитать ей книжку, одеть ее и выпустить погулять в палисадничек окруженный штакетником, постоянно посматривая за ней в окно, одновременно убирать комнату и варить обед. После обеда уложить Любу и заставить себя не лечь вместе с ней, а открыть учебник политэкономии и постараться понять, что в нем написано и при этом не уснуть.

Сольц грозитя устроить ей экзамен. Но думается ей, что до экзаменов дело не дойдет. Чутье и вся обстановка в доме Сольца подсказывает ей, что скоро может произойти нечто чрезвычайное...

Но главное в ее жизни, это постоянно, как бы стучащая в висках та фраза. Надо выгнать из головы те слова, сказанные добрым следователем Никитой Капитоновичем.

А почему это не может быть обыкновенной провокацией? Может быть написать об этом Аркадию просто и спокойно спросить: так ли это? Он ответит и тогда наступит ясность. Если бы это было так, как говорит следователь, то Валериан обязательно бы сказал ей, но он просил ему верить.

Сообщение томскому губернатору о деятельности А. А. Сольца среди политссыльных.

19 июня 1914 года.

Имею честь доложить Вашему превосходительству, что административно-ссыльный Арон Александрович Сольц за время нахождения в ссылке неоднократно собирал в своей квартире других ссыльных, и на этих собраниях обсуждались вопросы политического характера. Кроме того он агитировал среди ссыльных, возбуждая их не исполнять законных требований должностных лиц и подговаривал их к побегу.

8 минувшего мая Сольц с места водворения бежал и до настоящего времени не разыскан.

Полковник А. П. Стацкевич».

Сольц ушел в бега.

Она чувствовала что это случится.

Анну вызвали к Стацкевичу.

Полковник встретил сурово, посматривал из-под бровей. Сесть не предложил. ; Я вам, мадам, не Овсянников! Распустились! По какому поводу якшались с Сольцем? Забыли про Каргасок!

И в таком духе целый час с криком, топаньем ногами. Шея багровая. Глаза навывкате.

Анна уже стала беспокоиться — не хватил бы его удар.

Слушала молча. Что такому возразить можно? Думала, что очень жаль, что проститься им с Сольцем не удалось.

Все последнее время Арон заставлял ее заниматься самостоятельно и до всего, что неясно, докапываться самой.

Справится ли она одна. Одного упрямства тут недостаточно. Нужны знания, а их у нее нет или очень мало.

Что же остается? Постирушки, уборки, печка, горшки, швейная машинка и бесконечные разговоры о рюшечках, бантиках с местным бомондом...

Во что можно превратиться за два года такой жизни?

Аркадий. Что она знает о его жизни до того дня, когда они встретились в Выборге. А ведь он старше ее на восемь лет.

Ах, Никита Капитонович, Никита Капитонович! А может быть ты действительно просто провокатор?

«19 июня 1914 года.

Анюся! Я внимательнейшим образом перечитываю твои письма. Я уже раньше как-то говорил тебе, что у тебя богатый дар беллетриста и ты напрасно губишь в себе свои способности. Твое последнее письмо... богато литературными перлами. Ты создаешь образы и воплощаешь их в реальную оболочку, богатыми чудеснейшими красками. Голубка, пиши чаще, не жалея бумагу и чернила, не стесняйся первыми неудачами, работай над собой, и ты сможешь творить т. к. у тебя к этому есть задатки.

Ты любишь Любку, напиши ей сказку. Ты любишь меня, напиши мне рассказ. Ты ненавидишь кого — обрисуй его бесстрашно. Но пиши, пиши, пиши! Первое же, что напишешь, пришли мне. Я буду помогать тебе делом и советом. Вполне возможно, что мне предстоит далекая командировка, а по сему с письмами возможен достаточно продолжительный перерыв. Ради бога не волнуйтесь. Я попрошу товарищей, что бы держали с тобой связь. Ваш муж и отец.»

В зале раздались тяжелые шаги. Анна подняла голову. У каждого из Пермитиных своя манера ходить.

Вот это идет к ней Василий Васильевич и он чем-то очень расстроен.

Пермитин подошел к ее двери, постучал.

; Да входите же, Василий Васильевич

; Вот, какие пироги, Аннушка. Тут наемдни застрелили Фердинанда. Ну, этого, который эрцгерцог Австро-Венгерский. Да нет, слава богу не у нас. В Сараево его грохнули.

Она настороженно смотрела на него.

; Исправник вызывал. Объявлена всеобщая мобилизация. Политссыльных, я думаю, это не коснется, но хорошего мало. Война, понимаешь!

Она собиралась сказать Пермитину о том, что Аркадий написал ей о возможной долгой командировке, но вовремя спохватилась, промолчала.

«Агентурное донесение в Томское Городское Жандармское Управление о подготовке политссыльных Нарымского края к международному конгрессу социал-демократов.

19 июня 1914 года. Сего года в марте и апреле месяцах во всем Нарымском крае производилась анкета всех ссыльных, будет доставлена в конгресс и помещена в статистику нелегальной литературы.

В анкете я нахожусь также записанным.

Анкета была предложена ссыльным Нарымского края почти года каких два тому назад, но в этом году была сделана и передавалась по рукам.

Кому была дана анкета я боюсь еще докладывать, вообще ежели буду лично видеться с Вашим высокоблагородием, то многое чего смогу доложить.

По имеющимся у меня сведениям знаю, что анкета еще находится в Томске, но готовится ее переправка.

Ссылный Шишков, окончивший ссылку в Нарыме, когда уехал в Томск, он пробыл там несколько дней и, т. к. очень с бывшим приставом Овсянниковым в большой дружбе находился Шишков, то был в Томске у него по каким-то делам касательно организации.

Вообще многое чего имею доложить Вам лично, потому, что необходимо надо будет тогда взяться за дело серьезно, что принесет пользу мне и Вам  
Н. М. Заинчковский»

С самого утра дела не ладилась. Подгорела каша и Люба справедливо капризничала по этому поводу.

С какими-то плоскими, загадочными лицами ходили Пермитины, словно ждали какого-то события, но посвящать в него Анну не считали возможным.

Ну, и не очень то надо! Подумаешь, конспираторы.

Обед вроде удался, но самой кусок в горло не лез. Люба, теперь уже несправедливо, капризничала и категорически отказывалась ложиться спать.

Наконец дочь угомонилась.

Анна села за стол, открыла учебник политэкономии и задремала.

Она очнулась от резкого скрипа открываемой двери. Вбежала Наталья. В это же время еще далеко на реке раздался басовитый гудок парохода.

; Буди Любу, одевайтесь и марш на пристань!

; Он?

; Да он, он же! Давай я тебе помогу.

; И столько дней молчали!

; Ему доплыть еще надо было. А и высадить могли по теперешним временам.

В клубах черного дыма «Колпашевец» медленно разворачивался, что бы причалить к берегу левым бортом.

Люба вцепилась в мать обеими ручонками.

; Да не бойся, девочка моя! Это хороший пароход. Он нам папу привез.

Аркадий не стал ждать пока подадут сходни. Перепрыгнул на пристань, отмахнулся от жандарма и обнял Анну с ребенком.

По дороге, сидя у отца на руках, Люба тщательным образом изучала бороду и усы человека с таким замечательным именем «Папа».

Ребенок уснул. Пермитины ушли, пообещав на следующий день обязательно узнать все самые главные новости.

Они сидели за столом держа друг друга за руки.

; Ты знаешь, что я Хана Иоффе?

; Да

; Это правда, то что мне сказал следователь?  
; Да, но он тебе сказал только часть того, что было и официально закончилось 1 апреля 1910 года.

; Почему?

; Это был мой второй арест.

; И кто был инициатор?

; Она.

; Почему?

; Тебе нравится быть женой революционера?

; - А сын?

; Он с ней, но ты не ответила мне на последний вопрос.

; И ты смеешь мне его задавать после всего, что было. А с другой стороны я вправе тебе задать вопрос: нравится ли тебе быть мужем революционерки?

; Нам с тобой необходимо оговорить очень важный вопрос:

По Правилам Православной Церкви если жена не христианского исповедания примет крещение, то брак ее может оставаться в своей силе одного венчания.

; Аркашенька! Давай оставим решение этого вопроса до нашего возвращения в Томск.

; Почему?

; А зачем нам все это оформлять тут? Я считаю, что все это только формальность. А ты как считаешь?

; У тебя есть сомнения?

Тут, по законам драматургии, следует долгий поцелуй.

Пять дней как один миг. Снова втроем на пристани и дымит «Колпашевец» подбираясь осторожно к берегу.

Тут, за час до разлуки, выясняется, что обо всем так и не успели поговорить. А больше всех не успела спросить Люба, так что им самим говорить уже никакой возможности не было.

; Пиши!

; Пиши!

; Береги себя!

; Береги себя!

; П — а — а — а — п — а!

; И все покрывает гудок парохода.

«1 сентября 1914 года.

; Дорогой мой! Как мне без тебя тоскливо. Любанюшка наша тебя вспоминает. Очень она скучает по тебе. Как только услышит слово «пароход» так сразу кричит не своим голосом: «К папе». Утром проснется и все про тебя спрашивает... Ну да ладно. Ждать осталось недолго. А потом навсегда вместе.»  
Стемнело. Покормила и уложила Любу.

Сегодняшний вечер обойдется без сказки. Пришла Варвара Соснина за готовым платьем для дочери. Придирчиво рассматривала, прощупывала каждый шов.

Стукнула аккуратно в дверь Наталья. Присела к ним за стол.

; Конечно, Родюковы и в Петербурге могут заказать или там в Париже, а у нас не хуже — оценила работу Соснина. - Только вот показаться где? На улице?

; Вот бы бал закатить — размечталась Наталья.

; Бал это хорошо, - Анна вдела нитку в иголку. - Да в Нарыме и полтыщи народу не наберется, а вот для ребятишек устроить...

; Елку! - подхватила Наталья.

; Со свечами, игрушками и подарками каждому. - вторила ей Анна.

; Это надо что б в доме у кого — Варвара махнула рукой. - Зимой в платьице на улице не повеселишься.

; Есть такой дом. - задумчиво сказала Анна, будто прорабатывала в голове какой то свой план. - После закрытия театра Родюковский дом пустой стоит. Пожалуй я возьмусь за это дело, а то скучновато и детям и нам. А тут есть где развернуться.

; Если пристав разрешит — охолодила Анну Наталья.

Контора единственного в Нарыме купца первой гильдии Родюкова Николая Дормидонтовича располагалось в двухэтажном доме в центре села.

Поднимаясь по ступенькам высокого крыльца Анна еще раз обдумывала как подступиться к местному богателю.

Во всяком случае надо держаться с достоинством и ни в коем случае не производить впечатления попрошайки.

В коридоре стояла длинная, вытертая просителями до блеска, скамья.

; Ну, нет! На эту скамеечку я не сяду.

Анна открыла первую дверь и шагнула через порог.

Стоящий за конторкой молодой человек поднял голову и с любопытством уставился на Анну.

; Мне к хозяину, - стараясь что бы в голосе звучала независимость проговорила Анна и совершенно неожиданно для себя добавила: - С деловым предложением.

Молодой человек скрылся за внутренней дверью и через несколько минут возвратясь, широко распахнул ее перед Анной.

; Прошу, сударыня!

Хоть и предложил ей хозяин стул, садиться не стала.

; Зачем пожаловали? - Родюков усмехнулся. - Вас, сударыня, теперича после вашего с милым купания, русалкой в народе кличут.

; Раньше все более ведьмой величали, как вы с утюжком плясали по дороге. А теперь русалкой. Что почетнее пока не соображу, но стульчиком моим не побрезгуйте. Старичка не обижайте.

; Они посмотрели друг на друга и расхохотались.

; Анна села на стул уже не думая о том, что бы произвести на собеседника впечатление независимой особы.

; - Николай Дормидонтович! Насчет старичка вы конечно кокетничаете. Старичком вы будете, я так думаю, лет через сто. - Помолчала, вспоминая

заранее заготовленную фразу. - С просьбой я к Вам. Как театр закрыли, дом то пустует.

; А что вы еще надумали, сударыня? На этот дом у меня свои виды.

И тут, то отчаянно жестикулируя, то прижимая руки к груди, срывающимся от волнения голосом, поведала она купцу о своей идеи.

;хлопотное дело! - усомнился Родюков. - да и начальство как на это посмотрит?

; - Если я к начальству пойду, то плохо посмотрит, а вот если вы...

; Я к этому начальству не хожу. Оно ко мне ходит. - Родюков пригладил бороду ладонью и внимательно посмотрел на Анну. - Значит вы хотите, что бы я этим делом занимался? Детишек мне веселить — милое дело! Чем не дед мороз?

; Нет, - Анна тряхнула головой, - Я хочу что бы вы мне это дело поручили. И всю организацию елки, и что бы в томской газете про это написали.

; Прямо таки в Томской газете? А почему не в Петербургской? - Анна решила что в этой ситуации лучше промолчать. Сидела с опущенным взором со сложенными на коленях руками.

; Ох, хитра! - Родюков оперся локтем о стол, подпер бороду ладонью и долго смотрел на Анну. - И умна. И глазки умеет опускать долу. Знает когда и какое слово вставить. Уговорили. Согласен я.

Поднял руку не отпуская ее, - А какая такая выгода с сего предприятия вам, сударыня?

; Скучно, - просто ответила Анна, - И детям и мне.

; Ой ли? - И снова внимательно посмотрел на нее. - Ну что ж, веселитесь.

«16 октября 1914 года.

Родной мой! Хочу нагрузить тебя работой. На новогоднюю елку для детей всего Нарыма нужны нам свечи и подарки. И обязательно организуй в Томской газете статью или заметку о нашем Новом годе. Не забудь, что организатор всего Родюков Николай Дормидонтович. На тебя только надежда. Мы с Любанюшкой тебя целуем.»

Подвел Анну Аркадий. Не сумел выполнить ее просьбу и прислал только одну, имевшуюся у него дома детскую книжку. Зато заметка о новогодней елке в Нарыме была помещена на первой полосе «Сибирской жизни».

; Славно! - удовлетворенно произнес Родюков и отложил, принесенную Анной газету. - Мы доброе дело сделали и люди о нас доброе слово сказали. А ведь я знаю, ты свои деньги потратила. А? - И полез в нагрудный карман пиджака.

; Анна вспыхнула, румянец залил щеки.

; - Да мы сами подарки делали. Все дети друг для друга старались. А свечи и мишура — ерунда!

; Значит не возьмешь деньги? Гордость свою демонстрируешь? А если я много денег предложу? А? - Он встал и подошел к большому сейфу. Помолчал, хитро поблескивая взглядом. - Не возме-е-е-т! - пропел он насмешливо.

; - А почему? Потому, что если возьмет, значит барыш. - Объяснил он сам себе.

- А если не возьмет — агитация.

; Ну, Николай Дормидонтович, - засмеялась Анна, - ну, право, какая же это агитация. Это же дети.

; - То-то и оно, что дети. Они этот праздник долго помнить будут. А кто им его устроил? Политические! Значит что? Политические хорошие.

; - Но этот праздник и вы им устроили.

; - И я! Значит и я хороший! - Хитро прищурился: - Полит экономика. А ты как думала? Почитываем и соображаем по мере слабых сил наших. - А вот ты мне скажи: ежели вашу науку принять, то я выходит враг вам всем. Так?

; Вы, Николай Дормидонтович когда встаете? - Неожиданно для него поинтересовалась Анна.

; Да, небось пораньше чем ты.

; А ложитесь?

; Ну, не раньше тебя.

; Значит все своим трудом добываете?

; Ну, уела! Ну, уела! - Захохотал Родюков. - Нет, милая моя. Агитатор из тебя не получится, но баба ты хорошая. Повезло твоему! А по сему у нас с тобой разговор состоится. Садись поудобнее, ибо беседа наша будет длинной.

Вышел из-за стола и сел рядом. Анна чуть отодвинулась.

Родюков насмешливо посмотрел на нее.

; - Меня зря опасаешься. Сиди и слушай: из этого дома намерен я лазарет сделать. - Поднял указательный палец - Для всех, кому надобно, несмотря ссыльный он или местный. Как понимаешь, нужда в таком учреждении большая. И докторов из вашей братии набрать — раз плюнуть.

Проблема у меня не в том, как этот дом подстроить — кому это дело поручить — вот задача. На деловых людей голод у нас.

А елка для детишек тебе, сударыня, экзамен был. Сдюжила Да и так я к тебе давно присматриваюсь.

; - Николай Дормидонтович, но у меня же в сентябре срок ссылки заканчивается. Что я за это время сделать то успею?

; - А никто про малый срок и не говорит. Эта работа на года.

; Я замужем, - Анна попыталась встать, но Родюков удержал ее положив руку на плечо. Так и держал ее на протяжении всего разговора.

; - Замужем ты сейчас за тюрьмой, ссылкой и каторгой. Другого у тебя впереди не просматривается. Изучил я господина Иванова тщательно. Сегодня — Нарым, завтра - Коргосок, после завтра — Колпашево. Мест у нас много всяких. И строчить тебе на машинке ночами до скончания веку, что б дите и себя прокормить.

Анна протестующе дернула плечом.

; Не спорю, господин Иванов человек достойный, но идеями своими сверх меры удрученный. А что из идей этих жизнью станет, воплотиться так сказать, то Богу одному известно. - Перекрестился на висящие в углу образа. - А тебе не

мешало как женщине и матери подумать о себе и ребенке.

Родюков встал и перешел к себе за стол. - О деньгах говорить не буду. Характер ваш, сударыня, изучил. Но, все же отмечу, что оплата трудов твоих будет достойная. А сейчас иди и думай. Учти, о жизни будешь думать и своей и дочери. На этом расстались Он, как ей казалось - довольный собой, она, как казалось ему - обескураженная. Но, в общем, довольные друг другом.

Все бы ничего, но задержавшись в конторе, одевая тулупчик, услышала она как щелкнула, открываясь вторая дверь в кабинете Родюкова.

; - Какова? - Спросил Родюков.

; - Благослови, отец, - Услышала она чей-то молодой голос.

;

1915 год

«8 января 1915 года

Любимая моя! Я тебе очень благодарен, что ты догадалась смастерить подарки и вручить их всем детям. Я как-то совсем забыл, что Любка уже большая, и что у нее могут быть свои подружки, с которыми она играет, и что она должна чувствовать, что подарить так же приятно дарить, как и получать их. Я всегда говорил, что из тебя может выйти талантливый педагог и организатор. Целую вас крепко, крепко. Скоро встретимся навсегда. Ваш муж и отец.»

О том, что где-то идет война и это страшно, она ощутила совсем недавно.

До этого, вести с войны приходили очень редко. Война казалась, чем-то нереальным, далеким, а, может быть, придуманной. В тех газетах, что изредка попадали к ней, война представлялась сплошной вереницей побед и казалась совсем нестрашной. Что-то вроде парада, который она однажды видела в той своей жизни.

Иногда, после редких разговоров с Василием Васильевичем она понимала, что все совсем не так. Но Пермитин на эту тему говорить нет любил.

Однажды Анна с Любой вышли из дома за водой. У Анны ведро большое, у Любы маленькое. Подошли к колодцу. Откуда то издалека до них донесся истошный женские крики и какие-то дерганые всхлипы гармошки. Они становились все громче и громче, приближались к ним все ближе и ближе. Из проулка появилась группа людей. Впереди шли три молодые парня с котомками за плечами в сопровождении жандарма. Овчинные полушубки распахнуты, шапки лихо заломлены на головах. Лица красные от морозца и изрядной порции спиртного.

За ними молча, приплясывая в такт гармошки, которую судорожно дергал один из них, невпопад нажимая на клавиши замерзшими пальцами, шли мужчины.

Следом за ними плачущие женщины.

Анна слышала раньше подобный плачь только на похоронах. Люба вцепилась ей в юбку и спряталась за полу полушубка. Маленькое ведерко покатилося по дороге прямо под ноги идущим.

Один из парней поднял ее, передал Анне и обернувшись к женщинам крикнул: - Да что вы нас хороните, мамыши! С нами Бог! За веру царя и отечество! Ура!

; Ура-а-а! - поддержали нестройно его мужики.

; А-а-а-а! - голосили женщины.

Одна из них рвалась вперед, к парням. Ее удерживали, но она отбивалась, обгоняла группу, бросалась в ноги к идущим, хватая их за пимы.

Ее поднимали, оттаскивали. Но она вновь рвалась вперед. Группа людей уходила все дальше и дальше.

; А-а-а-а-а! - удалялся женский крик.

; Ура-а-а-а! - хрипло вторили им мужские голоса.

Подошла соседка.

; Вот и нас коснулось. Этих то первых забрили. Что дальше будет! Вот ушли, а вернутся ли?

Наталья пришла к не вечером. Сидела молча, смотрела как Анна укладывает Любу, слушала, как читает ей на ночь книжку. Наконец Люба уснула. Анна пересела за стол.

; Наталья! Да вы что такая?

; Вышел царский указ брать на фронт политических. Это сколько же народу перебито, что стали неблагонадежных брать! Получается, что до самого края дошло.

«26 февраля 1915 года.

Любимая моя! Получил от тебя очень тревожное письмо. Я думаю, что обо мне тебе волноваться не стоит. По целому ряду обстоятельств отправка на фронт мне не грозит. Считаю каждый день и жду совсем скорой нашей встречи. Целую тебя и Любанюшку. Прости за короткое письмо. Очень много работы. Ваш муж и отец»

Люба старательно запихивала в сундук свои игрушки.

Анна подошла к окну. Мимо дома, громыхая на кочках, медленно ехала телега запряженная двумя лошадьми. На возу десятков железных кроватей.

; Это в новую больницу.

Анна отошла от окна и неожиданно почувствовала досаду и в груди как-то странно защемило. Такое большое дело и нужное всем делается без нее.

Накануне зашла к Родюкову.

; Вы уж извините меня, что так долго к вам не шла.

; А чего тут извинять? - Родюков сидел в своей излюбленной позе: поставив локоть на стол и подперев бороду ладонью. - Вы свою жизнь решали. За раз такое не делается.

; Я пойду? - вставая со стула, как бы даже извиняясь сказала Анна.

; Идите. - Помолчал, думая о чем-то о своем и вдруг неожиданно: - А дорогу обратно запомните. Вдруг пригодится. Жизнь такие коленца иногда выкидывает, что и представить невозможно. Спасибо, что зашли, а не так просто, как говорится «С глаз долой, из сердца вон!» - Отвернулся, уткнулся в

свои бумаги. Разговор окончен.

Как-то странно было у нее на душе. Словно потеряла, что-то очень ценное, а что не понять. Словно душа у нее раздвоилась. Одна рвалась туда, к Аркадию в непредсказуемое завтра, другая горевала о чем-то потерянном, жизненно важном.

Вечером собрались все Пермитины. Получился вечер воспоминаний немного грустноватый. Утром все вместе позавтракали.

Люба торопила: - Ну мама, ну быстрее! Пароход уйдет!

Сундук с вещами отправили на телеге вперед. Сами потихоньку пошли к пристани.

28 сентября 1915 года пароход «Братья Колесниковы», тот самый, что когда-то привез ее сюда в трюме, отдуваясь паром, готов был вернуть ее в ту жизнь, о которой столько мечталось!

; - Долгие проводы — лишние слезы, - Наталья расцеловала Анну, подняла на руки Любу, - пишите, не забываете.

Анна стояла на палубе и смотрела на медленно удаляющийся Нарым.

Вон маковки Крестовоздвиженской и соборной церковью, вон почтовая контора, полицейское управление, дощатые тротуары по которым ходила с опаской — вдруг попадется гнилая доска, а вон покосившееся деревянный домишко каталажки — дверь в центре и два зарешеченных окна, дом Пермитиных, ставший родным, дом Родюкова...

; Мама, мама — Люба дергает ее за юбку, - да мама же! Там такая комната есть и в ней дают кушать и пить! Пойдем! Ну, пойдем же!

Анна оглянулась еще раз.

Там на берегу в домах зажигают огни, начинают топить печи — готовятся к ужину.

Анне захотелось крикнуть: «Прощай, Нарым!», но не крикнула. Уплывает Нарым в историю. Чего кричать? Все решено и выбрано.

Пароход еле выгребал против сильного течения, словно еще раз давал подумать. В Томске их встречала целая компания. Аркадий сбегал на пароход и через несколько минут вернулся. Вслед за ним матросы вынесли сундук и водрузили его на телегу.

Возница дернул вожжи, причмокнул. Лошадь потихонечку пошла в горку.

Сундук на телеге возвышался словно саркофаг. Рядом с возницей гордо восседала Люба. За телегой торжественно шли Аркадий с Анной, Куйбышев, Косарев, Яковлев и Шотман.

; Кого хоронят? - донеслось до них из толпы, собравшейся к прибытию парохода.

; Куйбышев фыркнул, но тут же одернул пиджак, грозно взглянув на товарищей, сделал скорбное лицо.

; Хороним проклятый режим, - включился в игру Косарев.

Все последовали его примеру. Шли печально опустив головы.

; Дожили! - комментировали из толпы, - в сундуках хоронить начали!  
Надолго их, конечно, не хватило. Прохожие с удивлением смотрели на хохочущую группу мужчин, только что печально сопровождавших телегу. Аркадий снял маленькую квартирку на Большой Подгорной улице. Люба была в восторге. Еще бы! Теперь у нее была своя комната!

К вечеру гости разошлись. Аркадий и Анна сидели вдвоем. Перебивая друг друга рассказывали о том, что произошло за эти два года разлуки.

Постепенно разговор переключился на сегодняшний день.

; Идет третий год войны, - Аркадий встал из-за стола и заходил по комнате, - У нас тут, как впрочем и во всей стране, жизнь каждый день все дорожает. При тех деньгах, что я получаю в двух местах, вряд ли нам удастся свести концы с концами.

; Я пойду работать, - перебила Аркадия Анна, - Но проблема с Любой.

; Работать тебе надо в любом случае. Не погрязнешь же ты в горшках! На этих днях нам с тобой надо будет сделать два дела.

; Первое — познакомиться с одной семьей. Они мои дальние родственники. Николай Котов многообещающий художник. Жена его занята прибавляющимся семейством, но у них живет дальняя родственница. Зовут ее Таня. Я уже исподволь подготавливал почву, что бы она посидела с Любой, пока ты на работе.

; Второе — мы пойдем к Гану, это тот господин, что защищал тебя на суде. Постараемся договориться, что бы он дал тебе рекомендацию в какуюнибудь контору поинтереснее.

Котовы жили в мансарде трехэтажного деревянного дома. В их комнаты вела крутая скрипучая лестница. Каждая ступенька пела, непохожую на другие, песню. Люба была в восторге, так что пришлось подниматься несколько раз, пока не выглянула хозяйка и строго спросила, долго ли это будет продолжаться. Стены всех трех комнат в мансарде были завешаны картинами. Сюжет везде был один — небо. Черное, бездонное с капельками звезд, голубое весеннее и серое небо осени, небо расколотое молнией, небо, небо, небо...

Жена Котова, с виду изможденная женщина, беременная вторым ребенком, ненамного старше Анны, протерла тряпкой клеенку, лежащую на столе, как бы приглашая гостей сесть. При этом особого энтузиазма на ее лице написано не было.

; - Да вы не волнуйтесь! - успокоила ее Анна. - Мы буквально на одну минуту.

; - Так чего же на минуту! - обиделась жена Котова, - вроде бы родня. Садитесь. Сейчас чай будем пить.

В это время в соседней комнате заплакал ребенок.

Анна встала, - Давайте я вам помогу.

- Да чего помогать, - остановила ее жена Котова. - Там есть пока кому помогать. Отношения явно не складывались. Люба присмирив забралась к матери на колени и исподлобья разглядывала картины.

- ; - А почему небо? - вдруг спросила она.
- ; - Вот слезет Коля со своих гор, ты его и спроси, - ворчливо ответила жена Котова.
- ; - Дядя скоро приедет с Памира — В комнату вошла молодая женщина с ребенком на руках.
- ; - Аня, познакомься. Это Таня — поднялся ей навстречу Аркадий. Таня передала ребенка жене Котова и протянула Анне руку,
- ; - Здравствуйте! Вот вы какая! Уж так мне про вас говорили! Так говорили!. И про тебя, - она наклонилась к Любе. - Давай я и с тобой познакомлюсь.
- ; - Давай! - сказала Люба и слезла с колен матери. - У меня еще нет тут подруг. А ты будешь моей подругой?
- ; - Вот и сладилось, - весело сказал Аркадий и обратился к жене Котова, - Ты не возражаешь?
- ; - А чего возражать — пожалала плечами жена Котова, - Если она конечно у вас и жить будет. Тогда чего возражать? Одним ртом меньше.
- ; Аркадий и Анна переглянулись. Такого оборота дела они не ожидали.
- ; - Да не объест она вас! - ворчливо сказала жена Котова. - Чего вы всполошились?
- ; - Собирайся, Таня! Все будет в порядке, - Анна повернулась к мужу, - Так даже лучше будет.

Они подождали пока Таня собрала свои пожитки.

Принимая во внимание скорость, с которой она справилась с этой работой, было ясно, что готовилась она к переезду заранее и делала это с удовольствием.

Вот таким образом в семье Аркадия и Анны появилась нянька Таня.

На следующий день Анна получила от Гана рекомендацию в самую популярную Томскую газету «Сибирская жизнь».

В газете Анну встретили любезно. Ответственный сотрудник Михаил Бонифатьевич Шатилов быстро пробежав глазами записку Гана, предложил ей место корректора-подчитчика.

; - А я справлюсь? - испуганно спросила его Анна.

; - Ну, сударыня, по традиции такой вопрос обычно мы задаем сами, - засмеялся Михаил Бонифатьевич, - но уж коли инициативу вы взяли в свои руки, то мы только можем выразить надежду, на благополучный исход нашего с вами предприятия. С понедельника начинайте.

; Поджав губы и скрестив руки под грудью Татьяна с осуждением наблюдала как Анна поставила на край стола стопку тарелок, в центре стола водрузился штоф водки и несколько колод карт.

Компания в маленькой квартирке Ивановых собралась под вечер. Всё бывшие нарымчане: Яковлев, Косарев, Шотман, Куйбышев.

Таня с перепугу увела Любу на улицу. Вернулись они только после того, как Татьяна убедилась, что гости покинули их дом.

На следующий день они закрылись в их общей комнате и Таня стала

потихонечку собирать свои вещи.

На третий день, убедившись, что компания водку не пьет и в карты не играет, перепугавшись еще больше, она, помявшись, спросила у Анны, что все это значит.

Анна строго посмотрела Татьяне в глаза и спросила: - Что ты имеешь ввиду?

; - Да вот водка стоит и карты.

; - Я не вижу никакой водки и никаких карт, - нажимая на каждое сказанное слово ответила ей Анна, - И ты ничего такого не видишь.

- Не вижу. Ничего не вижу, - Татьяна усиленно закивала головой. Но в глазах ее оставался страх.

; - Вот и проблема, - подумала Анна, - Надо переговорить с Аркадием.

; - Она девушка смышленная, - успокоил Аркадий жену. - Привыкнет — успокоится. Знаю, что вернее человека мы не найдем.

Однажды Куйбышев пошутил, что пора праздновать юбилей — три месяца, как этот штоф появился на столе.

Шутки шутками, а опасаться было чего. Дело, которым они занимались, принимая во внимание военное время, в случае провала, грозило карой очень серьезной.

Коллектив же, членами которого они были, назывался «Военно-социалистический союз».

Эта удивительная, не имеющая себе подобных в России, организация сформировалась еще в Нарыме по инициативе ссыльных большевиков, после того как царское правительство, терпевшее на фронтах войны поражение за поражением, объявило о мобилизации в действующую армию политических ссыльных.

В первый момент, надо честно признаться, сидевшие в Нарыме большевики растерялись.

Это до какого состояния надо довести страну, что бы призывать в армию политически ненадежных людей, ставивших перед собой задачу прекращение войны?

Но, надо отдать им должное, быстро опомнились и началась интенсивная работа по подготовке кадров агитаторов и организаторов партийных ячеек в армейской среде.

В это время Томск являлся одним из центров по мобилизации солдат. Сюда со всего края стекались подлежащие отправке в армию. Здесь проводилось формирование маршевых рот для отправки на фронт.

Во главе «Военно-социалистического союза» стоял член партии с 1904 года Николай Николаевич Яковлев.

Все чаще и чаще Аркадий уезжал по делам Союза и женщины оставались одни. Уложив спать Любу и закончив домашние дела, Анна и Татьяна садились у печки и начинались бесконечные рассказы Ани о таком далеком детстве в Выборге, про этапы и суды.

; - Это сколько же вы пережили! - сокрушалась Таня. - Это потому, что вы любите дядю Аркадия? И вся такая жизнь ради любви? Если не любовь, то разве все это зачем? - И после долгого молчания она как бы спросила себя: - А если я так кого люблю?

; Однажды Таня сообщила, что вернулся из экспедиции дядя Коля. А через пару дней к Ивановым явился высокий, худой молодой человек с почти черным от загара лицом, всклокоченной бородой. Можно было с большой вероятностью определить, что стригся и причесывался он в последний раз когда угодно, но только не в этом году.

; - Николай, - подал он руку Аркадию, - Коля, - представился он Анне. - спасибо за Татьяну, а то моя благоверная ее чуть не съела.

; - Это ты рисуешь небо? - спросила его Люба.

; - Я, - подтвердил дядя Коля.

; - А зачем?

; - Вот здорово! - обрадовался дядя Коля. - И ты туда же! Приходи ко мне завтра. Побеседуем. Обсудим эту проблему.

Со следующего дня вся Любина, а вместе с ней и Танина жизнь совершенно изменилась.

Каждый день, наспех позавтракать и одев поверх платья вымазанный разноцветными красками фартук, они спешили к дяде Коле в его мастерскую и возвращались поздно вечером. С большим трудом отмывали Любины руки, лицо и даже шею и садились ужинать всей семьей.

Сидя за ужином Люба объясняла родителям, что небо это такое громадное море, а земля большущий пароход, который плывет по этому морю. А звезды это такие огоньки, как будто там домики и виден свет в окошках. Надо научиться рисовать небо, чтобы всем было про это ясно и понятно. Есть такой художник — Люба вопросительно посмотрела на Таню.

; - Айвазовский — подсказала Таня.

; - Вот. Он самый главный по морю. А дядя Коля будет самым главным по небу. А потом дядя Коля получил заказ и стал рисовать, что-то в церкви. Туда Любу не пускали. Папа с мамой не разрешили Любе ходить в церковь. Таня была категорически против этого запрета и часто спорила с Любиными родителями. Но разубедить их не могла.

Тогда она шла одна в Николаевскую церковь, где работал дядя Коля. Молилась о спасении душ заблудших и умоляла художника повлиять на родственников. Дядя Коля чесал кончиком ручки кисти нос и заверял кузину, что обязательно займется этим. Вот только закончит эту работу, а там, к весне все должно образоваться.

; - А знаешь — страшным шепотом говорила ему Таня, - Они даже не венчаны! Слава Богу Любонька крещеная.

1916 год

Томск ей сначала не понравился. Редакция газеты «Сибирская жизнь», где

работала Анна, находилась на центральной улице города, которая называлась Почтамской, и была единственной в городе освещенной улицей. На всех остальных улицах не было даже масляных фонарей.

Работа корректора-подчитчика считалась одной из самых тяжелых в редакции. К вечеру глаза у Анны так уставали, что иногда ей мерещились плавающие перед глазами черные точки.

Она выходила после работы на улицу города, полную празднующейся публики. Каждый раз она видела одни и те же лица. Тупоумие, праздность и довольство написаны на каждом волоске их косматых папах и дох.

Первое время то один, то другой кавалер пытались флиртовать с ней, но быстро поняли, что молодая женщина, одетая в скромный овчинный полушубок в состоянии за себя постоять и отстаивать.

Но вскоре впечатление от города изменилось.

Как-то Аркадий устроил им прогулку на лихаче.

С утра в воскресенье к дому подкатила коляска запряженная вороной лошастью. На козлах восседал кучер в расшитом позументами кафтане с лихо заломленным картузе.

Анна сначала даже испугалась. Судя по лошади и кучеру, им предстоит отчаянная скачка, но лошадь оказалась на редкость флегматичной, а кучер предпочитал подремывать на козлах.

Они объездили весь город, останавливались, что бы полюбоваться домами, которых вполне можно было отнести к шедеврам деревянного зодчества, равному которому нет во всем мире.

На фризах, наличниках, ставнях, карнизах, парапетах балкончиков, на башенках, венчающих углы домов цвели, вырезанные из дерева фантастически красивые растения. Цветы, листья и стебли сплетались в венки, сквозь дебри, с великим мастерством вырезанных сказочных лесов, выглядывали медведи, тигры, грифоны. Резные колонки обрамляли окна.

; - Вот вам симфония деревянного зодчества — про-комментировал Аркадий увиденное.

; - А я знаю — заявила Люба — Эти дома сюда принесли из сказки.

; - Верно, девочка, - согласился с ней, шедший мимо них, прохожий, - А знаешь, кто их сюда принес? - таинственным шепотом спросил он, наклонившись к Любе.

; - Кто? - глаза у девочки стали большими, большими, - Волшебник?

; - Правильно! А как его звали?

; - Я не знаю, - Люба посмотрела на отца.

; - Мастер! - засмеялся прохожий и погладил Любу по головке. - Большой мастер!

; А вот я вам стихи прочту, - сказала Таня, когда они остановились около одного из таких домов:

Не шелхнет трава,

А над нею — синева,  
А над нею, словно в сказке  
Оживают кружева.  
Их мелодия простая  
В душу входит не спеша.  
Завороженно внимает  
Им послушная душа.

Они долго молча сидели в коляске, в восхищении смотрели на кружевные деревянные детали сказочных домов-теремов, пока кучер легонько шевельнул вожжами и лошадь, как бы по своей воле, не спеша двинулась в обратный путь к дому.

А вечером у Ивановых опять собрались гости.  
Таня скоренько собрала Любу и они ушли гулять.

Яковлев подвел первые итоги их работы:

- Наше основной задачей, дорогие мои товарищи, раз мы именуем себя Военно-социалистическим союзом - создание партийных большевистских ячеек в отбывающих на фронт ротах.

Мы с вами знаем, что к концу этого года в Томском гарнизоне, насчитывает 70 тысяч солдат.

Что мы успели сделать? По всем подразделениям гарнизона рассредоточены 60 профессиональных революционеров, прошедших школу подпольной деятельности и полный курс нарымского университета.

Что не успели? У нас нет типографии. Эта первейшая задача. У товарищей, работающих в гарнизоне, не хватает материалов для агитационной работы. В связи с этим, - вступил в разговор Шотман, - я думаю, что покупать печатную машину и шрифта не имеет смысла. Нет у нас с вами времени на это, а вот провести соответствующую работу в действующих типографиях, стоит. Что ты по этому поводу думаешь, Аркадий Федорович? На сколько мы тут все в курсе дела, у тебя есть богатая практика. - чуть улыбаясь спросил Николай Николаевич.

; - Я посоветуюсь с женой, - потупив взор пообещал Иванов

; - Правильно, - согласился с Аркадием Яковлев, - С женами надо всегда советоваться. Особенно по поводу типографий.

Все посмеялись.

; - У меня к тебе просьба, - Анна встретила мужа в прихожей и принимая у него пальто шептала на ухо, - В типографии на маленькой печатной машине «Американка» по ночам подрабатывает студент университета. Фамилия его — Готман, зовут — Елизар. Учится он на физическом факультете. Мне надо, что бы его проверили на благонадежность и поагитировали немного. Остальное я сделаю сама. Он, к стати, кассу знает и набирать шрифт умеет.

Через неделю Анна пришла к Михаилу Бонифатьевичу и пожаловалась на тяжелое положение в семье из-за растущей дороговизны.

; - Но мы не можем вам прибавить заработную плату. Нас, просто, не поймут правильно, сударыня.

; - А я и не прошу просто прибавки. - Анна прижала руки к груди, - Вы мне дайте дополнительную работу. Я, например, согласна приносить из типографии гранки и относить подписанный экземпляр газеты из редакции в типографию. Вы нанимаете рассыльными мальчишек, а они нередко все путают.

; - Но ведь это происходит очень поздно. Вам не страшно будет возвращаться в темноте домой?

; - Меня будут встречать, - успокоила Анна Шатилова.

Через какое-то время солдаты гарнизона стали находить на нарах, в карманах шинелей и даже в гимнастерках отпечатанные на тончайшей бумаге, сложенные вдвое листовки под заголовком « Кто должен победить?». На вопрос, вынесенный в заголовок следовал ответ: «Победить должны мы, рабочие!»

Заканчивалась листовка призывом: «Долой войну! Долой царское правительство! Да здравствует мир! Да здравствует революция!»

Ничего удивительного не было в том, что Аня частенько стала заканчивать работу очень поздно вечером и, что бы оградить ее от нежелательных контактов с местными ловеласами, кто-то из товарищей встречал ее у входа в типографию и провожал до дома.

Положение усугублялось еще тем, что Анне приходилось в свободные днем часы бегать по магазинам и закупать продукты. К концу рабочего дня она была вынуждена тащить тяжеленные сумки. Иногда в них была картошка, мясо... ну вообще всякая необходимая еда. А иногда... Тут уж без охраны и помощников обойтись было нельзя.

; - Все это может плохо кончиться, — посмеивался Шотман, - В душе Иванова проснется зверь ревности и уж тогда всем провожатым достанется на орехи. Больше всего смена провожатых не нравилась Тане.

; - Что это такое! Каждый раз гулять с новым мужчиной! - возмущалась она. - кругом люди и они все это видят.

Однажды вечером у нее с Анной состоялся мало приятный разговор:

; - Разве можно так жить? - упрямылась Таня, - Если вы его любите, если он вас любит, значит надо поступать по божески. Вот Любаша подрастет, что она скажет?

; - Любаша — аргумент серьезный, - согласилась Анна. - Даже более серьезный, чем ты думаешь.

; - Вот! - наседала на нее Таня, - и будем решать!

; - Как же это ты собираешься решать? - усмехнулась Анна.

; - А просто! У нас все готово! Дядя Коля обо всем уже договорился с батюшкой.

Анна поднялась, подошла к окну. Провела пальцем по стеклу, но там, за окном, ничего не было видно. Поздний вечер. Темно.

; - Хороший город Выборг — сказала Анна.

; - При чем тут Выборг, - не поняла Таня.

; - Действительно, не при чем.

Утром Таня, поджав губы, потребовала, что бы дядя Аркадий явился домой во время и Анна что б не задерживалась.

; - Что-нибудь случилось? - поинтересовался Аркадий.

; - Случилось давно и это «случилось» необходимо испра-вить, - очень строго сказала Таня.

; - Аркадий посмотрел на Анну, но она только пожала плечами. Родители ушли на работу, а Таня одела Любу в самое красивое платье, заплела ей в косы новые ленты.

; - Куда пойдём? - спросила Люба.

; - Куда ходить не велено, - ответила Таня и они отправились в путь.

Вечером пришел дядя Коля. Взял Аркадия под руку и они очень долго прохаживались около дома и о чем-то разговаривали, а Таня и Люба сидели в своей комнате с поджатыми губами и с Аней говорить не хотели.

; - Ну, вот что, товарищи-граждане, подпольщики-кон-спи-раторы! - Аня строго посмотрела сначала на Таню, потом на Любу — немедленно выкладывайте, что вы затеяли. Я не шучу!

; - Ну, вот что мамочка! - Люба уперлась кулачками в бока — Если ты не хочешь, то все равно и Таня и дядя Коля говорят, что это грех. И надо, что бы у тебя было белое платье и такая корона. Вот хочешь ты или не хочешь, а мы все так решили. И дядя Коля все скажет папе и они сейчас придут и скажут тебе. Вот посмотри в окно. Папа слушает дядю Колу и все время кивает головой!

; - Похоже на лошадь, - грустно подумала Анна.

Люба с трудом угомонилась и легла спать, взяв честное слово, что родители все решат как надо. Таня пошла рассказывать ей сказку.

; - Тут дело ведь не в том, что ты, Аня хочешь этого или не хочешь. Вопрос — что мешает тебе наконец решить эту проблему. - Аркадий сел верхом на стул напротив жены, - Мы никогда с тобой до конца этот вопрос не решали. Каждый раз в конце-концов мы его комкали и он повисал не решенным. А сейчас не время откладывая его на потом.

До появления Любы мы с тобой не считали решение этой проблемы первостепенной, но сейчас, когда существует Люба решение должно быть принято.

Анна молчала. Сидела с опущенной головой.

; - Что является для тебя преградой? Религия?

; - Я должна буду креститься? - Она подняла глаза на Аркадия.

- Не обязательно. Просто в этом случае я обязуюсь, что наши дети должны быть крещеными в православной вере. Это неременнейшие условие Церкви.

; - Ну, что же, будем считать, что я приняла решение.

; - Коля договорился со священником тюремной Никола-евской церкви.

; - Тюремной - это хорошо, - На глазах у Анны навернулись слезы.

; - Аркадий обнял жену, - Мы с тобой проживаем такую жизнь где год, можно смело считать, за десять. Я тебе обязан жизнью...

; Анна зажала рот Аркадию ладонью.

Таня в своей комнате отошла от двери. Подслушивать не хорошо, - сказала она сама себе, - но иногда необходимо.

На следующее утро она заявила Аркадию и Анне, что абсолютно никому не доверяет и будет всем заниматься сама.

Организацией всех процедур, связанными с крещением, венчанием, писанием прошений, хождением по различным инстанциям, беседами с чиновниками, как это называла Таня, и, наконец, получением документов, занималась она вместе с Любой, которую оставить было не с кем.

С некоторых пор Люба получила подпольную кличку «Аргумент», а в критические моменты, когда даже «Аргумент» не действовал, подключался к решению очередной проблемы дядя Коля.

; - Это совершенно необъяснимый феномен — удивлялся Аркадий. - Казалось в самых безнадежных случаях стоило появиться фигуре дяди Коли в очередном присутствии, с его невероятной прической, растрепанной редкой бородачкой, в жеванном парусиновом костюме и несколько отсутствующим взглядом, устремленным куда-то в глубины его собственной души.

; Дядя Коля садился без приглашения напротив очередного чиновника, закидывал тощую ногу на ногу и начинал разговор с его традиционного: «Э-э! Голубчик...». После этого все проблемы решались ко всеобщему удовлетворению.

Дядю Колю в Томске знали. Знали о его путешествиях на Памир и Тянь-Шань, удивлялись его увлечением идеей познания космоса и наблюдаемого неба, как части его. Знали не только в университетских кругах Томска, но и среди священнослужителей как талантливого реставратора.

Весь обширный круг его знакомых делился на три неравные части.

Самая малая часть жалела его, считала жизнь его загубленной неудачной женитьбой.

Средняя часть этого круга — жалела жену дяди Коли.

Основная же масса знакомых жалели и его и его жену.

Благодаря активной деятельности Татьяны, Коли и Любы все благополучно сложилось и состоялось.

Первая, кто получил официальный документ была Люба.

#### СВИДЕТЕЛЬСТВО

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Томский Округной Народный Суд, в силу состоявшегося 22 декабря 1916 года определения и на основании представленных документов Округной Суд, выдал сие свидетельство Любове Аркадьевне Ивановой записанной в метрической книге Николаевской Тюремной церкви гор. Томска за тысяча девятьсот двенадцатый год, части первой о родившийся женска пола № 12, в том, что она родилась

двадцать первого (21) августа тысяча девятьсот двенадцатого года; родители ея Аркадий Федорович Иванов вероисповедания православного и законная его жена Анна Андреевна вероисповедания православного; крещена двадцать третьего октября тысяча девятьсот шестнадцатого года; вероисповедания православного; восприемниками при крещении были гражданин Иван Яковлевич Жилин и гражданка Татьяна Егоровна Барановская  
Апреля 30 дня тысяча девятьсот восемнадцатого года.

Гербовой и канцелярский сборы взысканы.

Товарищ председателя

Секретарь

Затем в руках у Анны появился паспорт, свидетельствовавший, что предъявитель сего гражданка Иванова Анна Андреевна, вероисповедания православного.

Естественно, что перед этим в метрической книге Николаевской церкви появилась запись, определяющая отношения Аркадия и Анны.

Самой неудовлетворенной оказалось Люба.

Мать категорически отказалась от белого платья. А о короне которая оказывается называется фата, и речи быть не могло. Короче говоря, с точки зрения Любы женитьба была не настоящая, о чем она не преминула выговорить и Тане и дяде Коле.

Но те сослались на тяжелое военное время и пообещали, что когда мы окончательно победим, вот тогда и устроим пир на весь мир.

Это удивительно, как у взрослых всегда найдется причина делать не так, как хочется их единственному ребенку.

Жизнь продолжалась, осложненная очередными сводками с фронта, узнаваемыми в очередях за продуктами, которых становилось все меньше и меньше. А цены росли все выше и выше.

Газеты выходили с ура-патриотическими заголовками. А из текстов листовок и прокламаций чувствовалось, что надвигается что-то очень серьезное и страшное.

В самом конце года «Сибирская жизнь» пережила смену главных редакторов.

На место Михаила Бонифатьевича Шатилова пришел Александр Васильевич Андрианов. В типографию все чаще и чаще стали наведываться жандармы.

По просьбе нового главного редактора в печатном и наборном цехах были организованы полицейские посты.

1917 год

О том. Что в Петрограде свергли самодержавие, томские большевики узнали весьма своеобразно.

По заведенному главным редактором правилу в обязанности Анны входило приносить сигнальный экземпляр очередного номера газеты в его кабинет.

После того, как Александр Васильевич тщательным образом просматривал его и одобрял, давалась команда «в печать» и Анна стремглав летела в типографию.

В этот вечер Анна сидела в кабинете главного редактора ожидая его решения на печать очередного номера.

Неожиданно распахнулась дверь и в кабинет ворвался темноволосый с проседью человек. Бурно жестикулируя, он потребовал от Андрианова подтверждения или опровержения носящихся в городе слухов о том, что Николай II отрекся от престола и что в столице якобы образовано Временное правительство.

Андрианов угрюмо молчал, а потом просто выставил посетителя за дверь. Схватив подписанный редактором номер газеты и даже не простившись с хозяином кабинета, Анна, заскочив в типографию, поспешила к Яковлеву. Решение было принято немедленно:

; - Надо выжать из Андрианова правду. Припереть его к стенке! «Сбирская жизнь» получает сведения из первых рук. Пойдет со мной в редакцию Шотман — распорядился Николай Николаевич.

; - А я? - возмутилась Анна.

; - И Иванова — согласился Яковлев.

В кабинете Андрианова они застали Шатилова. Разговор между ними очевидно был серьезный, но при появлении Яковлева с товарищами они замолчали.

Андрианов набросился на Анну: - Сударыня, вы рас-пространяете ложные и вредные слухи, что является преступной деятельностью. В военное время... Яковлев поднял руку, останавливая словоизвержение главного редактора.

; - Успокойтесь, сударь и скажите нам правду.

; - Господа! Вас ввели в заблуждение. Сведения эти неверны, - сбавил тон Андрианов.

; - Вам сказали правду — неожиданно вмешался в разговор Михаил Бонифатьевич, хранившей до этого момента молчание, - Сведения верны. Власти царя больше не существует. В столице образовано Временное правительство. Но губернатор края запретил сообщать это гражданам Томска.

; - Кто из нас редактор? - закричал Андрианов. - За газету до настоящего времени ответственность несу я. Данное сообщение не будет опубликовано! Есть политическое решение по этому поводу.

; - Будет другое политическое решение, - успокоил его Яковлев. - Мы постараемся.

С марта 1917 года редактором газеты «Сибирская жизнь» стал Михаил Бонифатьевич Шатилов.

Уже на другой день в восемь вечера состоялось чрезвычайное заседание Томской городской думы. Впервые на ее заседании присутствовали нелегальные организации — Томский комитет социал-демократической партии и представители Военно-социалистического союза.

В это день был создан временный комитет общественного порядка и безопасности. От большевиков в него вошли Иванов, Шотман, Денисов. Секретарем большевистской фракции в комитете стала Аня Иванова.

Первым делом, разбираемым городской думой, был вопрос внесенный большевистской фракцией:

Немедленное освобождение всех политических заключенных;

Возвращение из ссылки всех политических ссыльных;

Арест губернатора, полицмейстера, жандармов;

Роспуск полиции;

Создание народной милиции.

19 декабря 1917 года в Томске была провозглашена Советская власть.

Огромное впечатление на томичей произвела первая свободная демонстрация солдат городского гарнизона во главе которой шли Яковлев, Шотман, Иванов и другие томские большевики.

Солдаты несли красное знамя на котором было написано: «Да здравствует мир!». Дрепка для знамени найти не удалось и красное полотнище было поднято на штыке.

Большевики демонстрировали свою силу.

Телеграмма пристава 5 стана Томского уезда уездному исправнику.

«Явились политические, требуют сдачи должности, производства, оружия. Жду инструкций.

Пристав Дрогалев»

Инструкций он не дождался и благоразумно исчез.

В начале марта 1917 года, по мере поступления известий из Петрограда, в Томске развернулась своя маленькая революция.

Демонстрации повторялись ежедневно, проходили митинги на площадях, в залах кинотеатров, в казармах. Повсюду молодые ребята сбивали с государственных зданий двуглавых орлов.

В это время вся работа большевистской фракции Временного Комитета общественного порядка и безопасности проводилась практически в казармах томского гарнизона.

Тот день, когда Анне первый раз пришлось идти в казармы, запомнился ей на всю жизнь. Пройдя через полковую проходную и идя через плац, она кожей чувствовала сотни направленных на нее мужских глаз, сопровождавших ее, пока она дошла до штаба. У нее было такое чувство, что ее раздевают глазами.

В штабе посмеялись:

«Ну и вид у вас, товарищ! Словно вас сквозь строй провели. Да вы не бойтесь.

Вас и про вас все тут знают»

; - Спасибо! - Анна села за стол. - Мне поручено вместе с вами составить обращение к офицерам.

; К обеду они согласовали воззвание:

; «Граждане офицеры! Мы солдаты организовались по примеру Петроградского гарнизона для укрепления нового политического строя, призываем всех граждан офицеров, коим дороги демократические принципы войти с нами в связь для дружной работы на благо Родины».

Уже вечерело, когда Анна вышла через проходную на улицу. Извозчика, как назло, она поймать не смогла. Возвращаться обратно в казармы и просить сопровождающего Анна не решилась. При одной только мысли, что ей придется опять проходить через плац по спине пробегал противный холодок. Но не ночевать же на улице! Решила идти домой пешком.

Уже в сумерках, Анну догнал офицер. Ей показалось, что она его вдела в казарме.

; - Сударыня, вы так рискуете, что ходите одна по городу без сопровождающих? У вас хоть оружие есть?

; - Я действительно рискую, но обстоятельства...

; - С вашего разрешения я провожу вас? Смею уверить, что никаких фривольных мыслей у меня нет.

; - Шли молча. Анна все ждала, возьмет провожатый ее под руку или нет. И как ей следует поступать в этом случае. Под руку он ее не взял.

Повернули за угол дома и столкнулись с патрулем. Старший патруля высокий мужчина в штатском. Пальто перетянато ремнем, на нем кобура с наганом. На рукаве красная повязка. За ним два солдата с ружьями.

; - Граждане гуляющие, ваши документы.

; - Анна протянула свое удостоверение члена Временного комитета общественного порядка и безопасности.

Старший патруля подошел к фонарю, висевшему у входа в дом около которого они стояли, и тщательно изучил представленный ему документ.

; - Иванова Анна Андреевна?

; - Да.

; - А вы, он обратился к офицеру, - сопровождающий?

; Гражданка Иванова была у нас в казарме.

; - Оружие-то хоть у вас имеется?

; - Нет — смутился офицер.

; - Эх, товарищ Иванова! Вы небось жена Аркадия Федоровича? Так что ж он вас одну по ночному городу пускает? Не дело это. Вы как хотите, а я ему доложу по всей форме. И в провожатые кого выбрали? Далеко вам еще идти? А то проводим.

; - Нет, нет — Анна протянула руку старшему патрульному. - Мы практически пришли. Спасибо вам. Не беспокойтесь.

; - Около дома они остановились и Анна дотронулась до рукава провожатого. - Я вам очень признательна. А почему вы вдруг решили меня проводить?

; - Офицер усмехнулся, - По рассказам моих родственников, которые живут в Нарыме, я вас очень хорошо знаю. Количество симпатизирующих вам знакомых и незнакомых людей целиком зависит от ваших душевных качеств. Надеюсь, что мы еще встретимся, - и он исчез в темноте улицы.

От угла дома отделилась темная фигура и приблизилась к Анне.

; - О, Господи! Это ты, Татьяна?

; - Я, - сказала Татьяна, перекладывая в другую руку кочергу. - С такими родственниками как вы с ума сойти можно. Это что за новый фендрик? А Анна долго вспоминала его необыкновенный, какой-то пронзительный взгляд.

Аркадия назначили заместителем начальника городской милиции. Естественно, что дома он практически перестал появляться. Теперь они с Анной встречались только тогда, когда их сводили вместе общественные обязанности.

«г. Нарым (для писем) Томской губ. Собственный дом,  
Вас. Вас. Пермитину»

Любезные нашему сердцу Василий Васильевич и Наталья Петровна с чадами и домочадцами!

Спешу послать Вам весточку обо всем, что у нас тут происходит, что бы Вы были в курсе происходящего.

По решению комитета общественного порядка и безопасности арестовать губернатора края господина Дудинского было поручено Аркадию Федоровичу, Александру Васильевичу Шотману и мне. Признаться должна, что трусила я ужасно, но вида не подавала.

С нами поехали два солдата — члены Военного совета. Оба с ружьями и штыки, как они сказали, примкнутыми. Оба бывшие студенты, призванные в армию, и оба молодые и совершенно решительные. Очень гордящиеся порученным заданием

Сначала они на меня посматривали косо, а когда узнали от Шотмана, что я политкатаржанка, стали относиться совсем по другому и стали называть меня «товарищ Анна» А я их: «Товарищи члены Военного Совета»

До дома губернатора доехали на извозчике. По дороге все молчали. Наверно всем было не по себе.

Потом случился ужасный конфуз. Вы наверно будете смеяться, но мне было не до смеха.

Александр Васильевич Шотман, как мужчина интеллигентный, подал мне руку, помогая сойти с коляски.

Впятером мы подошли к парадному подъезду. Шотман первый подошел к двери губернаторского дома и открывая ее, жестом руки, предложил мне, как даме, войти первой.

Тут Аркадий сквозь зубы говорит ему:

«Александр Васильевич! Бросьте ваши интеллигентские замашки! Что ж вы женщину на боевое задание вперед пускаете? - и оттеснил его в сторону и меня тоже, - Мы же не в театр приехали!»

Александр Васильевич ужасно смутился. Стал говорить, что его не так поняли... После минутной заминки, Аркадий первым вошел в здание. За ним последовала я, Шотман и солдаты.

В глубине большой прихожей, куда мы вошли, перед нами мелькнула сгорбленная фигура какого-то человека. Старик, не старик. В прихожей

сумрачно и сразу не разглядишь кто перед тобой. На секунду он остановился, посмотрел на нас и исчез.

А один из наших солдат говорит:

; «Видели какой у него взгляд? Это он убогим при-кидывается, а сам совсем нестарый.»

Немного подождали, но никто больше не появлялся и мы прошли дальше.

Открыли еще одну дверь и попали в большую залу. В центре ее стоял круглый стол накрытый белым льняным чехлом и вокруг него кресла тоже под чехлами.

И тут выходит к нам сам губернатор, представьте себе, в брюках со штрипками и лаковых ботинках, а сверху атласный халат голубого цвета. Вышел один.

Никого с ним нет.

Постояли мы друг против друга. Чуть-чуть помолчали. Потом он говорит:

; - Чем могу служить? - А сам смотрит куда-то в сторону и в голосе этого царского сановника чувствуется скрытое волнение.

; - Тут Аркадий передает губернатору мандат, подтверждающий наши полномочия и говорит, - Прошу ознакомиться.

; - Что вы от меня хотите? - опять спрашивает губернатор и тут у него голос совсем изменился и задрожал. Наверно он понял, что дело серьезное.

; - Мы предлагаем вам гражданин Дудинский, - твердо заявляет Аркадий Федорович, - подать немедленно прошение об отставке и вместе с нами проследовать в здание комитета.

После этих слов лицо губернатора стало смертельно белым. Он покачнулся, оперся рукой о кресло. Я испугалась, что он сейчас в обморок упадет. Что мы тогда с ним делать будем? А губернатор, еле сдерживая рыдания, вот честное слово он чуть не заплакал, с трудом проговорил:

; - Господа! Разрешите мне остаться дома. У моей жены начались роды. Вы можете пройти и проверить, - и он стал открывать дверь в другую комнату.

Очевидно там находилась спальная и оттуда доносились приглушенные голоса,

; - Войдите, пожалуйста, и удостоверьтесь, - Чуть не рыдая говорит губернатор. Аркадий Федорович и Александр Васильевич в расте-рянности переглянулись.

; - Вот уж, действительно, положение хуже губернаторского, - пробормотал Шотман.

; - Ну, мужчинам в спальне роженице делать нечего, - Я отстранила рукой губернатора словно он был стул или кресло, как у меня смелости хватило на это до сих пор не пойму, и переступила порог спальни.

Ой, Наталья! Что я увидела: на широкой постели вся в кружевах и шелке лежит губернаторша и счастливо улыбается и с такой любовью рассматривает своего новорожденного. А он, такой розовый поросенок, тоже весь в кружевах и лентах.

Мне стало так горько. Как вспомнила свою тюремную камеру и Любу, лежащую поперек нар закутанную в солдатское одеяло.

Убить их всех готова была!

Я повернулась резко и смотрю прямо в глаза губернатору,

; - Вы, - говорю, - считаете, что так рожать лучше, чем в камере тюрьмы.

; - Я вас не понимаю, мадам, - мямлит губернатор. А сам чуть не плачет и бормочет что-то про прошение об отставке. Мол прошение он, разумеется, немедленно напишет. Дайте ему только срок и он передаст...

Тут я окончательно взъярилась:

; - Даем вам десять минут — сквозь зубы процедила я ему - Десять минут! А бумага, перо и чернила, я надеюсь, у вас найдутся.

Мужчины мои головами закивали, мол правильно. А солдаты даже прикладами об пол стукнули. Это в том смысле, что десять минут и не более.

А я таким командиром себя почувствовала. Все по моему будет! Про роженицу я тоже подумала. Баба есть баба. Я в том смысле, что прежде всего человеком надо быть.

Когда прошение об отставке он написал мужчины, начали советоваться как дальше быть и на меня посматривают. А я молчу. Пусть решают! Вот так посоветовавшись они и решили временно оставить экс-губернатора под домашним арестом и поручили его охрану солдатам - членам Военно-социалистического союза.

Мы вышли из губернаторского дома и тут Аркадий прочел целую речь:

; «Вот вам человек, имя которого вселяло ужас, заставляло трепетать от страха почти все население огромного края. Одним росчерком пера он ссылал неугодных ему людей в Нарым, Парабель, Максимкин Яр, в другие зловещие места, изощряясь в моральных пытках над политическими ссыльными и что же теперь от него осталось кроме трясущихся от страха рук.»

Мы сели в коляску. Аркадий Федорович повернулся ко мне, - Думал я, что ты ему напомнишь о себе.

Ну, что ему напоминать? Он что, помнит, что когда-то отказал мне в родах в человеческих условиях. Вы бы посмотрели на это, развалившееся от страха, чудовище! Что от него осталось! Запах один и тот противный. И такие люди нами правили!

Любимые наши! Все время о Вас помним. Удачи Вам! Целуем с вечной благодарностью.

Аркадий, Анна, Люба.

На следующий вечер у Ивановых собрались Николай Николаевич Яковлев и Александр Васильевич Шотман.

Докладывал Аркадий Федорович:

«В первые же дни Февральской революции мы с вами перевезли в Дом Свободы архив царской охраны. Комнату опечатали. Охрану поставили. Ясно, что архив содержал многие важнейшие документы. Мы знаем, что в нем хранились личные дела революционеров, отчеты провокаторов и доносы филеров.

Изучить его как следует все руки не доходили. А сегодня ясно, что зря откладывали.

Теперь положение такое: начальником милиции города назначен эсер Цветков. А я его заместитель.

Стал я замечать, что-то он зачастил в эту комнату. Часовой проинструктирован и с бумагами никого не выпускает. Но ведь их и спрятать на себе можно, обыскивать часовой его не может.

Последнее время господин Цветков стал очень интересоваться где мы печатаем листовки и другой пропагандистский материал. То с одной стороны ко мне подъедет, то с другой. Все это меня настораживает и беспокоит.

По этому поводу я прошу Решения Военно-социалистического союза о проведении ревизии архива охранки и назначения для этого комиссии. Что бы я там с Цветковым не был один на один, а с ребятами и соответствующим мандатом. Пусть и от других партий и Союзов народ будет. Только не очень много.»

В тот день, когда была назначена комиссия по проверке архива Аркадий вернулся домой только под утро. Возбужденный ходил по комнате из угла в угол и рассказывал Анне:

; Понимаешь! Я когда просматривал документы обратил внимание на то, что под многими доносами на большевиков и сообщениями о деятельности Томского комитета РСДРП и Военно-социалистического союза стояла подпись «Иван».

; - Очень хорошо, но перестань мелькать перед глазами и сядь за стол, - Анна поставила перед мужем полную миску супа.

; - А вы ели?

; - Ели. - Она села рядом с ним. - С продуктами в городе все хуже и хуже.

; - Знаю. Но об этом потом. Слушай, что дальше было.

; Собрали комиссию. Шесть человек. Я, как его заместитель, два члена Военно-социалистического комитета, один от совета офицерских депутатов томского гарнизона и две эсера. Но тут произошло следующее: Такое впечатление, как будто заранее договорились. Двое солдат, что от Военно-социалистического комитета заспорили между собой, мол этот ящик не проверяли. Так заспорили, ну прямо чуть ли не в драку. Один говорит — проверяли, другой говорит — нет. Вступился в спор офицер и резонно заметил, что мол надо вести протокол. Какая проверка без протокола?

Тут вступаю я и предлагаю проголосовать, раз демократия. Кто за, кто против? А расклад такой: Нас четверо. Мы за. А эсеров двое.

Тут они, как нарочно, говорят, что протокол будут вести они, а мы потом будем его подписывать.

Я, для вида, повозражал чуток и солдаты пошумели, но потом согласились.

Офицер, тот словно что почувствовал, помалкивал.

Посадили Цветкова писать протокол.

Один лист он исписал, второй исписал, за третий принялся. А тут один из солдат, из бывших студентов, забирает протокол, который ведет Цветков, прямо

из его рук и тут же вынимает из ящика два листа доносов. Показывает мне и говорит, что почерк одинаковый. Цветков было дернулся, но второй солдат рядом с ним стоял.

Тут шум эти двое эсеров подняли невообразимый. Кричат, что это провокация. Требуют привлечь меня к строгой ответственности за клевету на активного члена партии социал-революционеров. Что все это было специально подстроено!

Цветков к дверям кинулся, но его ребята перехватили.

Мы ему под нос документы. Сличаем почерки. Все сходится.

Негодяю пришлось во всем признаться. Тут мы его арестовали как агента царской охраны.

; - Суп вкусный?

; - Очень вкусный. А еще есть?

; - Есть немного — Анна взяла миску, налила еще супу.

; - Знаешь, Аркадий Федорович, ваш рассказ безусловно интересен и исполнен с большим пафосом. Но, вот какая штука! Я не первый год живу на этом свете и вам никак не убедить меня в том, что вы, любезный мой супруг, заранее не спланировали всю эту операцию.

Аркадий довольный посмеивался, потом помрачнел,

; - Комиссия наверно еще месяц разбирать архив будет. Сколько человеческой подлости еще обнаружится!

Срочно.

«Томскому комитету РСДРП

4 июля 1917 года Временное правительство в Петрограде расстреляло мирную демонстрацию рабочих, солдат, матросов и перешло в наступление против народа. РСДРП вынуждена уйти в подполье.»

Ответ томичей не заставил себя долго ждать

14 июля 1917 года на улицы Томска вышли трудящиеся всех предприятий города, солдаты Томского гарнизона. Демонстранты несли знамена и плакаты с лозунгами «Долой войну!», «Хлеба, мира, свободы», «Землю крестьянам» Известная буржуазная газета, выходящая в Петербурге в номере от 16 июля 1917 года писала: «Нигде, может быть исключая Кронштадта и других подобных «республик», засилье «большевизма» не преобладало в такой степени, как в Томске.

Анна собирала Аркадия в дальнюю дорогу.

После июльских событий обстановка в стране с каждым днем накалялась. И тогда соглашательское эсеро-меньшевистское руководство ЦИК Советов, желая укрепить позиции Временного правительства решило 14 сентября 1917 года созвать «Демократическое совещание». Делегатами на него избирали гласных дум, представителей профсоюзов и Советов. Аркадий был в числе избранных.

; - Ты на вокзал, пожалуйста, не ходи, - Аркадий взял в руки чемоданчик.

Взвесил его в руке,

; - Что ты мне туда наложила?

; - Все что надо. Давай сядем.

Вышли из своей комнаты Таня и Люба. Сели серьезно рядом.

; - Я заеду в Павловское к тете Анне, - Аркадий посмотрел Анне прямо в глаза, - Все может случиться. Адрес ее ты знаешь. Она напишет тебе письмо.

; - Я ей отвечу.

; Аркадий поднял Любу — Ух, какая ты тяжелая!

; Я уже взрослая, - сказала Люба, - Приезжай быстрее.

Аркадий вернулся из Петрограда в самый разгар избирательной кампании по выборам в городскую думу. И был избран в ее состав.

; - Мне сказали, - Анна обняла мужа, - теперь ты будешь заниматься продовольствием?

; - Пустяковая работа, - усмехнулся Аркадий, - Это тебе не милицией командовать да с бандитами воевать.

; - Ну да! - согласилась Анна, - особенно если принять во внимание, что в городе голод. Что ты собираешься делать?

; - Вводить карточки.

Анна подняла трубку телефона. Захлебывающийся от волнения голос прокричал, что провокаторы организуют женщин и натравливают их на дом Ивановых. Они утверждают, что у него спрятаны мешки с мукой и сахаром. Анна накинула пальто и выскочила на улицу. Около здания Думы бушевала толпа женщин. Она сумела протиснуться к ступенькам лестницы, поднялась по ним и повернувшись к толпе крикнула:

«Женщины! Что мы тут митингуем. Пошли в дом Иванова и вытряхнем все, что он там припрятал!»

«Правильно! Поддержала ее толпа. Пошли к Иванову!»

Только бы меня никто не узнал, - думала Анна по дороге. - Узнают, точно самосуд будет. Господи! Пусть только Любы и Тани не будет дома, - впервые в жизни молилась она.

Переступив порог квартиры женщины приутихли. Убогие две комнаты. Кровати застеленные солдатскими одеялами, на столе старая клеенка.

; - Что встали? Пошли на кухню, - распорядилась Анна. - Смотрите в ларях и буфете! Ищите, бабы, ищите!

Но ларей не было и в помине, а в буфете завернутый в чистое полотенце лежал паек хлеба и в банке полфунта перловой крупы.

; - Ну, что? - спросила женщин Анна, - Где еще будем искать?

Женщины извинились и направились к выходу.

; Живет, как и мы... - услышала она и опустившись на стул впервые почувствовала боль в груди.

«г. Нарым (для писем) Томской губ. Собственный дом

Пермитину Вас. Вас.

Дорогие мои! В нашей жизни все так быстро меняется, что можно писать

каждый день и все равно обо всем не напишешь.

Главное, что у нас произошло это то, что Аркадий теперь не главный милиционер, а председатель продовольственной управы.

Я сначала, по своей наивности, думала, что ему легче будет. Куда там! Мотается по всему краю, налаживая связи и достает продовольствие.

А тут затеял массовую проверку запасов продовольствия на складах, в хлебопекарнях. На дрожжевых и винокуренных фабриках, принадлежавшим купцам и торговцам. Проверяли вместе с милицией, представителями Военно-социалистического союза и Совета офицерских депутатов.

Знаете сколько нашли излишков спрятанных? Вы не поверите! 50 тысяч пудов одной муки, 30 тысяч пудов сахара.

Это один результат.

Но есть и второй: сколько он себе врагов нажил. Да каких!

А тут еще казус произошел! Кругом полно провокаторов и они ведут себя предельно подло. Прямо в очередях говорят, что Ивановы живут сытно, прячут у себя мешки с мукой.

Собралась толпа женщин около Думы. Слова Богу успели меня хорошие люди предупредить.

Короче говоря, обошлось. Обошлось-то обошлось, но я думала, что у меня сердце не выдержит.

Очень я за себя тогда испугалась.

По правде говоря, жить стало очень трудно. Любу кормить — целая проблема.

Сидим на баланде и пайке хлеба.

Я знаю — у вас не легче.

По своим партийным делам я почти каждый день бываю у военных в казармах.

Несколько дней назад возвращалась я домой очень поздно. Шла одна. Тут догоняет меня незнакомый офицер и предлагает проводить до дома. Что делать? Я согласилась. Шли молча. Он даже руку мне не предложил. А когда прощались — я спросила его: отчего такое участие к моей персоне. А он, представляете, говорит, что хорошо знает меня. Я у него спрашиваю, мол откуда. Ведь мы с вами никогда не виделись.

Знаете, что он мне ответил?

Говорит, что у него родственники живут в Нарыме и очень обо мне высокого мнения.

Эта встреча у меня все эти дни из головы не выходит. Странно мне все это показалось.

Дорогие мои! Прошу Вас узнайте у кого из нарымчан есть родственник-офицер который служит либо в Томском гарнизоне, либо в 38 полку. Очень я жду от вас ответа.

Ваша Анна»

1918 год январь

Они стояли около штаба. Анна лицом к плацу, а старый ее знакомый, еще по

аресту губернатора, член комитета общественного порядка и безопасности, мобилизованный в армию студент Толя загоразивал ее своей широкой спиной. На противоположном конце плаца, около здания офицерского собрания толпилась группа офицеров. Они внимательно слушали незнакомого Анне подполковника. Группа эта находилась достаточно далеко от нее и слышать, о чем идет речь, было невозможно.

; - Послушайте, товарищ Толя, - Анна взяла солдата за рукав.

; - Нет, это вы меня послушайте, товарищ Анна! Я и мои товарищи настоятельно вам не советуем приезжать в расположение частей. Это становится для вас опасно.

; - Толя! - мы сейчас с вами расстанемся. Вы меня пойдете провожать до проходной. И вот в то время, как мы пойдём, вы очень незаметно посмотрите в сторону группы офицеров, что собрались на том конце плаца. Меня интересует: кто такой этот новоявленный подполковник и еще один офицер, который совсем недавно у вас появился. У него шинель чуть-чуть посветлее, чем у остальных. Они спокойно повернулись и пошли в сторону проходной.

- Подполковника фамилия Пепеляев. Он приехал из Петрограда.

- На сколько вы им интересуетесь, на столько и он интересуется вами.

- Что касается второго, то штабс-капитана, я не знаю кто он такой, но уверен, что он из этой же пепеляевской компании. Видел его пару раз и у меня сложилось впечатление, что он либо из переодетых жандармов, либо из контрразведки.

У проходной они простились.

; - Не стоит вам к нам приходить, - попросил Толя. - Мы придумаем, что-нибудь более лучшее.

1918 год февраль

Скудный ужин закончился.

; - У меня новости.

; - У меня тоже. - Аркадий усмехнулся, - Ни минуты без новостей. Докладывай, что у тебя.

; - Тебе знакома такая фамилия: Пепеляев?

; - Знакома. В Томск слетается воронье. У тебя еще чтонибудь?

; - Да, - третьего дня меня провожал от казарм до дома либо переодетый жандармский офицер, либо контрразведчик, который недавно у нас появился. Вроде бы из компании Пепеляева.

По дороге нас остановил патруль. Я свои документы предъявила. Он — нет. Сослался, что он мой провожатый. Очень любезный молодой человек.

Прекрасно осведомлен кто я такая. Сказал, что у него родня в Нарыме. Оттуда и сведения обо мне. Я написала Пермитиным. Ответа пока нет. Забавно, да?

; - Забавного мало, - нахмурился Аркадий.

; - Солдат Анатолий предупредил меня, что бы я в казармах больше не

показывалась. У меня все. Теперь выкладывай ты. Наверно у тебя все новости интереснее.

; - Да уж! Вот первая: Исполком Томского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов единогласно проголосовал за назначение вашего благоверного комиссаром Томского отделения Государственного банка Советской Республики.

; Сразу после назначения я провел ревизию банковских активов. Мыши есть. Денег нет. А народ денег требует. Но выяснил, что за последнюю неделю наши томские буржуа сняли со своих счетов сто миллионов рублей, а налогов решили не платить.

; Вот они какие мышки! Что делать пока не решил, но на решение дал себе три дня.

; - А вторая новость?

; Вот вторая: У меня ноги трясутся от усталости, я умираю спать, а разбудить меня завтра надо в шесть утра. И не только разбудит, но и поднять и отправить на работу.

Анна возвращалась домой с работы. Ее догнали роскошные санки запряженные гнедым рысаком и перегородили ей дорогу. Откинулся медвежий полог и перед ней возникла дама в невероятно роскошной соболей шубе, с такой же муфтой.

; - Мадам Иванова, мадам Иванова! Я обращаюсь к вам от лица всей общественности города. Вы конечно в курсе, что натворил ваш невероятный супруг? Я требую и вся общественность требует, что бы вы потребовали...

; - Подождите, - остановила Анна словоизвержение, - Я совершенно не в курсе деятельности моего мужа.

; - Ну, как же! - дама всплеснула руками, - Об этом кричит весь Томск! Ваш невероятный супруг (очевидно ей страшно нравилось это словосочетание) взял под стражу самых процветающих торговцев, промышленников и купцов края, окружил их солдатами и отправил на работу в Судженские копи. Вы можете это себе вообразить? Весь, так сказать цвет, сливки общества и в подземелье, в копи! Им там дали... подождите, у меня все записано, - она достала из муфты листок бумаги,

; - У нас продолжаются рождественские балы, а им вручили, представьте себе, кирки и лопаты и спустили в шахту. У меня совершенно больной муж...

; - Я вам сочувствую, — Анна попыталась идти дальше, но дама схватила ее за полушубок.

; - Я это так не оставлю! Передайте вашему супругу...

; - Передам, - Анна оттеснила даму плечом и пошла, стараясь не торопиться и не вслушиваясь в смысл несущейся вслед нее криков.

; - А ты знаешь, - она тяжело опустилась на стул, - Я вот так прикидываю: в ссылке и в тюрьме было гораздо легче. Ты бы слышал, как кричала эта дама. Кстати! Она высказала очень конструктивную мысль о том, что если муж —

голова, то жена — шея.

; - Естественно, - засмеялся Аркадий, - Что касается того, где легче, а где труднее, то там мы старались быть, на сколько это возможно было, независимыми, а сейчас мы слуги народа.

Его репрессивная мера возымела мгновенное действие. Требуемая сумма налога была перечислена и все эти деньги пошли на приобретение продовольствия и выплату жалованья служащим государственных учреждений.

Положение с продуктами в городе более или менее нормализовалось.

1918 год март

В марте 1918 года Аркадий Иванов был избран делегатом IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов, который должен был ратифицировать Брестский мир.

Съезд проходил 14 по 16 Марта 1918 года В Москва, куда за два дня до его открытия переехало Советское правительство.

Там же Иванов был избран членом Всероссийского Исполнительного Комитета. Из Москвы Аркадий Федорович выехал в Иркутск, где располагался Центральный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Сибири — «Центросибирь».

г. Томск, Губ. Большая Подгорная улица, дом 11

Лично Ивановой А. А.

«Родная моя! По прибытии в Иркутск сообщили мне, что я избран народным комиссаром Финансов Центросибири.

Теперь ты понимаешь, какая бешеная карьера финансиста у твоего мужа. Начал я с бухгалтера столовой политссыльных в Нарыме, потом в Томске ведал Государственным банком, а вот теперь — народный комиссар Финансов...

Анюшенька! Я думаю, что вам с Любаней не стоит сейчас переезжать ко мне. Не та обстановка.

Хочу тебя проинформировать, что Советское правительство запретило отправку чехословацких военнопленных через Архангельск, и настояло на их выводе через Владивосток.

На восток, а значит через вас, отправляются более шестидесяти эшелонов по сорок вагонов каждый с вооруженными солдатами и офицерами. Эта такая пороховая бочка, которая может взорваться каждую минуту.

Береженого бог бережет и по этому ты должна продумать о своих действиях в случае возникновения непредвиденного обстоятельства, вплоть до подготовки ухода в подполье.

Это мое мнение. Письмо отправляю тебе с оказией. Его содержание должно оставаться строго между нами.

Целую вас крепко. Ваш отец и муж»

1918 год апрель

День выдался какой-то суматошный. С утра, в честь воскресения, Анна решила заняться домом. Перво-на-перво необходимо было постирать, вымыть полы, все

прибрать и разложить по местам, но Татьяна пришла после похождения по магазинам и рынкам пустая.

Они сидели вдвоем и с трудом представляли, что можно приготовить на обед из имеющихся у них запасов.

Наконец решение было принято и они в две руки стали рубить капусту (два кочна лежали в запасе и была еще одна морковка и немного картофеля.), но тут явился Коля Котов, сел на кухне, положив ногу на ногу.

Люба немедленно взобралась на него, пытаясь сесть верхом на шею.

Коля особенно не возражал, но дело, с которым он пришел, заставило Анну и Татьяну приостановить свою деятельность по приготовлению обеда.

; - Я принял решение и уже готов к его воплощению. Необходимо написать портрет Любы.

; - Ура! - закричала Люба и стала так прыгать на шее дяди Коли, что Анна была вынуждена немедленно снять ее оттуда.

; - Какой портрет, - старалась перекричать Любу Татьяна, - Нам только портретов не хватает. Есть нам нечего, вот что!

; - И с решением этого вопроса я пришел к вам.

; - Женщины переглянулись. Таким решительным дядю Колю они ни разу не видели.

; - Сегодня до вечера подберите, что можно поменять из вещей на продукты. Завтра отправимся по деревням.

; - Пешком? - поинтересовалась Татьяна.

; - Рано утром на лошадях отправимся.

; - Коля, миленький, - всплеснула руками Анна, - Откуда лошади?

; - У него своя конюшня, - Пояснила Татьяна. - Одни рысаки.

; - Я тут одному хозяину конюшни соорудил портрет. Он верхом на лошади и с шашкой. А ты, - Коля повернулся к Татьяне, - Поменьше болтай и что б была одета прилично.

; - Да у меня один тулупчик — рассмеялась Татьяна. - Разве что я его шиворот-на-выворот надену.

; - У Анны попроси. У нее попрличней. Дашь ей тулупчик, Ань? Ну, вот. И что бы это... ну... что бы на лице... Брови там что бы были и прочее, что вы в таких случаях с собой делаете?...

; - Так ты что, меня на продукты менять собрался?

; - Короче говоря, - прекратил препирательства дядя Коля, - что бы все было красиво. На люди едем. По одежке встречают.

Рано утром к дому подъехали трое саней запряженных в низкорослые лохматые лошадки. Анна с Татьяной вынесли небольшой тюк. Наскребли все что казалось лишнее.

Из первых саней выбрался кряжестый мужик в огромном тулупе. Пристально оглядел Анну.

Тут подскочил дядя Коля.

Мужик повернулся к нему — Эта, что ли, косастая?

; - Да что вы, что вы, Кузьма Иванович. Это же жена самого Аркадия Федоровича. - А вот наша Татьянаушка, - Коля схватил Таню за рукав Аниного полушубка, - Она уж Кузьма Иванович с вами поедет, а я во вторых санях.  
; - Давай, девка, садись, - крикнул Татьяне Кузьма Иванович, предварительно оглядев ее с ног до головы, и повалился в сани. В своем громадном тулупе иначе сесть он не смог бы. - Н-о-о-о! - потянул он вожжи и маленький обоз тронулся в путь.

Вернулись они к вечеру через два дня.

Пока женщины разбирали привезенное богатство, дядя Коля ходил по кухне и хвастался, каким успехом у населения, так он выразился, пользовались его картины. - Самое главное, - он поднял указательный палец, - это точно определить сюжет, то есть знать, чем живут массы.

Потом он неожиданно собрался уходить и наотрез отказался от своей доли продуктов.

; - Коля! Но у вас же семья, - уговаривала его Анна.

; - Мне все доставят на дом. Люди заботятся о талантах. И не забудьте, что бы завтра с утра Люба была у меня. Начинаем работу. Ты слышала, Татьяна? - и вышел, махнув на прощание рукой

; - Ой, Аня! - страх то какой!

; - Почему страх, Таня?

; - Да ведь он вдовец и старше меня. А еще двое детей.

; - Ну и что, что старше? Аркадий Федорович старше меня на восемь лет. А дети... Так ты не спеши. Сначала он должен выбрать, а уж потом ты. Время есть. Люба с Таней возвращались поздно вечером и дочь шепотом делилась с матерью впечатлениями.

; - К дяде Коле все время приходит какой-то дяденька. От него очень лошадаками пахнет. А когда он приходит Таня все время начинает смеяться. Мам! Почему Таня так смеется, когда этот дяденька приходит. А он сидит и смотрит на нее, а на мой портрет не смотрит.

1918 год май

Анна шла по улице. Весна разыгралась во всю. Старательно обходя лужи она думала, что совсем скоро они вместе с Любой тронутся с места, приедут в большой город Красноярск к любимому мужу и, в конце концов, начнется нормальная жизнь без постоянных ожиданий писем, без тяжелого предчувствия возможной беды.

; - Анна Андреевна! Ну. Анна же Андреевна! - Около нее остановилась коляска. - Я ей кричу, кричу, а она витает где-то в облаках.

; - Господи, Михаил Бонифатьевич, родненький! Задумалась и не слышала вас.

; - А я ведь к вам в гости направился. Еще вчера в Красноярске был. С Аркадием Федоровичем беседовал. А вот теперь его просьбу выполняю. Целую корзину всякой всячины привез для вас. Садитесь в коляску. Я вас до дома доведу. Вы

такую тяжесть не дотащите. Да и нам поговорить надо.

; Они сидели за столом в комнате Анны.

; - Михаил Бонифатьевич! Вы, пожалуйста, правду говорите. Мне Аркадий с оказией письмо прислала очень беспокойное. Пишет, что на бочке сидим с порохом и достаточно одной спички...

; - Расскажу я вам правду. Только то, что услышите не повод для паники, а наоборот — сигнал к действиям спокойным и продуманным.

Спичку эту, про которую Аркадий Федорович говорил, зажгли. Намедни встретились в Челябинске эшелон чехословаков и эшелон бывших пленных венгров, отпущенных Советской властью по условиям Брестского договора. Вы, конечно в курсе дела, что между чехословаками и венграми отношения напряженнейшие.

Для конфликта много не надо.

Короче говоря: эшелоны стояли друг напротив друга и кто-то из венгров бросил чугунную ножку от печки и тяжело ранил чешского солдата. В ответ чехи пошли в штыковую атаку на венгров. Одного закололи насмерть.

Большевистские власти Челябинска на следующий день арестовали несколько чехов.

Финал, на сегодняшний день, печален: Чехи пошли в атаку на город, силой освободили своих товарищей, разоружили красногвардейцев и захватили городской арсенал.

По своим каналам получила газета копию приказа командира первой дивизии чехословаков Станислава Чечека.

Все я вам читать не буду, а вот главное:

«Наш отряд определен как предшественник союзнических сил, и инструкции, получаемые из штаба, имеют единственную цель — построить антинемецкий фронт в России в союзе с русским народом и нашими союзниками».

Объединяются они с добровольцами Капеля и вся эта армада движется по железной дороге в нашу сторону. По дороге поселки и города захватывают.

Сметают Советскую власть. Стреляют и вешают.

Для сообщения всяких подробностей я в Красноярск и ездил. По моим расчетам, а товарищи в Красноярске со мной согласны, у нас тут в Томске их ожидать надо вначале или в середине июня. Если известный нам господин Пепеляев не ускорит это дело.

И последнее, о чем меня просили вам рассказать:

Сейчас ведутся переговоры между Центросибирью и чехословацким генералом Гайдой, что он примет делегацию ЦИК Советов Сибири. Договориться о приеме делегации пока не удалось, но надежду товарищи не теряют.

В состав делегации войдет Аркадий Федорович.

Вам бы, голубушка, уехать куданибудь желательно, — Михаил Бонифатьевич встал и держа шляпу в руках откланялся. - К сожалению я вам в этом отношении помочь не смогу, - сказал он уже в дверях.

31 мая прибежал дядя Коля. - Анна, беда! В городе офицерские патрули. Ищут и арестовывают большевиков. Собирай вещи и перебирайтесь с Любой ко мне в мастерскую. Больше пока идти некуда. А там думать будем. Татьяна к нам вернется.

1918 год июнь

К вечеру приехал Кузьма Иванович и привез полную телегу сена. В разгрузке воза участия не принимал. Стоял в стороне, поджав губы. Всем своим видом демонстрируя осуждение происходящего.

Разгружал сено дядя Коля, Татьяна и Анна.

Как только воз освободили, Кузьма Иванович дернул вожжи и постарался как можно быстрее уехать.

; - А на меня и не посмотрел — вытаскивая из волос сено посмеивалась Татьяна.

- Вон ноне какой жених пошел. Очень уж политический!

; - Эх! Пропала моя экспедиция в этом году, - вздохнул дядя Коля доставая рулон холста. - Давайте, девушки, принимайтесь за работу. Сенники шейте, наволочки под подушки. Не на полу же валяться!

Анна отмерила два куска на сенник. Себе и Любе.

; - Почему только два сенника? - Татьяна пожалала губы. - Меня что, выгоняют?

Милое дело, тебе Анна по рынкам да магазинам шататься. Враз ведь узнают!

Дядя Коля согласно кивнул головой. - Вам по городу гулять небезопасно.

Июль тянулся медленно. Единственное, что скрадывало гнетущую обстановку ожидания — портрет Любы.

; - Мамочка! Я действительно такая?

; - Конечно такая, а какая же еще!

; - А у меня когданибудь будет такое платье, как на портрете.? Дядя Коля! А ты можешь научиться шить так же красиво, как рисуешь?

День проходит за днем.

Нет ни писем, ни вестей.

1918 год июль

Поздно вечером в окно постучали. Анна накинула пальто, ночи были холодные, осторожно приоткрыла дверь. Перед нею стоял низкорослый мужичок с тощей бороденкой, в армяке и перевязанными веревками рваных сапогах. За ним маячила долговязая фигура дяди Коли.

Анна немного успокоилась.

От скрипа двери проснулась Люба, - Кто там, мама?

; Спи, доча, это дядя Коля. - Анна повернулась к мужчинам и вопросительно посмотрела в глаза дяде Коле.

Тот растерянно развел руками и шёпотом проговорил, - От Аркадия Федоровича известия. Вот у товарища Беленеца вроде как-бы новости — Дядя Коля как-то судорожно вздохнул и стал усиленно сморкаться в платок.

; - Пойдемте лучше в сарай. Там поспокойней, - Анна пошла первая, прихватив керосиновую лампу. Подумала, что Любе лучше не слушать то, о чем ей сейчас

расскажут.

; Не то, что бы она знала наперед, что хорошего ждать не приходится. Просто все это время приготавливала себя к самому худшему.

; - Вы только не тяните, - попросила она, - говорите прямо, что произошло? Беленец достал из внутреннего кармана клочок бумаги:

; - Это от Аркадия Федоровича.

Записка была написана очевидно в спешке карандашом на клочке бумаги: «14 июля 1918 года. Дорогой друг! Сейчас уезжаю в Красноярск а дальше до Иркутска. Прошу не беспокойся обо мне. Заботься о Любаше. Целую тебя. Поцелуй за меня дорогую дочурку. Любящий Аркадий. P.S. Не уезжай из Томска, пока не получишь известий обо мне.»

Она была готова ко всему. Даже к самому страшному. Но этот клочок бумаги вселил надежду. Какое-то чувство подсказывала ей, что это еще не конец. Что надо бороться и возможно появится шанс победить.

; - Аркадий Федорович арестован — сказал мужичок, которого дядя Коля назвал Беленцом.

Все помолчали.

; - Кем?

; - Новой властью в Красноярске. Там произошел переворот.

; - Теперь давайте подробности, - хриплым голосом попросила Анна.

Мужчины потоптались и наконец устроились на поленице дров. Анна продолжала стоять, внимательно вглядываясь в лицо Беленца.

; - А вы кто?

Беленец криво усмехнулся — До недавнего прошлого член ЦИКа Советов Сибири. В настоящее время в подполье.

Если хотите подробности, то приготовьтесь к длинному рассказу.

; - Я готова, начинайте.

; - По решению ЦИК Иванов, Чудновский и я выехали в Омск для переговоров с главою белочехов генералом Гайдой.

; - У Аркадия Федоровича был мандат на улаживание конфликта между чехословаками и Советской властью. Задача была тяжелая. А если честно — не выполняемая.

Единственное, что нам удалось — за счет переговоров оттянуть время, что бы была возможность эвакуировать людей и уйти в подполье.

Через две недели Гайда прекратил переговоры и предложил Аркадию Федоровичу обеспечить его уход на запад.

Аркадий сказал ему, что он не предатель.

Гайда пожал плечами и в ответ протянул руку Иванову со словами, что он не сомневался в его мужестве и приказал своим пропустить нас в Красноярск.

Проехать по железной дороге из Красноярска в Иркутск было невозможно.

Кругом белые патрули. Аркадий Федорович принял решение достать катер и по Ангаре плыть до Иркутска. Через трое суток у катера полетел мотор. Катер мы

бросили и пошли пешком.

25 июля дошли до Иркутска. Город уже был занят белыми.

С берестяными коробами, полными грибов, прошли мы на вокзал и смешались с толпой. Шли каждый сам по себе но все время смотрели друг за другом.

На вокзале в Иркутске к Аркадию Федоровичу подошел полноватый, низкорослый человек и взял его за рукав. Аркадий очень громко, так что бы мы слышали, сказал:

; - Здравствуйте господин Заинчковский! Давно мы с вами не виделись.

К ним подошла группа офицеров и потребовали у него документы. Аркадий Федорович спокойно достал паспорт и протянул его офицеру, но тот, которого Иванов назвал Заинчковским, вырвал паспорт и закричал, что это Иванов Аркадий Федорович — комиссар финансов Сибири. Тут его арестовали.

; - Где он сейчас? - у Анны пересохли губы. Она все время их покусывала.

; - Я не знаю, - Беленец виновато пожал плечами, - Скорее всего в Красноярской тюрьме. Вместе с Аркадием Федоровичем арестовали и Чудновского. Сейчас будем пытаться наладить с ними связь. Во всяком случае обещаны свидания со следующей недели.

; - Вы едете в Красноярск? - спросила Беленца Анна

; - Да.

; - Я еду с вами.

; - Нет, - твердо сказал дядя Коля, - Аркадий велел ждать весточки от него, а пока не покидать Томск.

; - Какие весточки? - закричала Анна, - он же в тюрьме. О каких весточках ты говоришь?

; - Раз разрешать свидания, - спокойно сказал дядя Коля, то к нему кто-нибудь пойдет. Это товарищи организуют. Значит будут весточки. Правильно я говорю , - обратился он к Беленцу.

1918 год Август

Письмо принес дядя Коля.

«Прошу тебя - не обольщайся надеждами на благополучный исход нашего положения. что касается меня, голубка, я совершенно спокоен, и когда анализирую, что в одну секунду может оборваться моя жизнь, я остаюсь как-то индифферентен.

Я глубоко уверен, что другого исхода быть не может.

Пройдет год, а может и больше пока мы наберем сил.

Собери, голубка, все свои силы, всю энергию и будь готова ко всему.

Будь сама осторожность, что бы и тебя не арестовали. Пропадет тогда Любашенька.

Сообщи как идут дела в Томске. Передай горячий привет и пожелание успехов всем товарищам.»

1918 год сентябрь

Весточки приходили.

К великому сожалению они не приносили облегчения и не укрепляли надежду. Почти каждый день Анну навещала Ксения Павловна Чудинова, исполняющая роль связной с томским подпольем.

; - Надежда умирает последней. Сейчас товарищи прово-цируют местную власть о переводе в Томскую тюрьму Аркадия из Красноярска. Тут легче и вернее организовать его побег. Мы надеемся на удачу.

Этот план начинал обретать реальность.

Временно сибирское правительство Томска пожелала само расправиться с ненавистным большевиком

Ходатайство

Томская следственная комиссия ходатайствует о выдаче содержавшегося в Красноярской губернской тюрьме члена Центрального Исполкома Советов Сибири Аркадия Федоровича Иванова.

1918 год октябрь

Первое свидание Ани с мужем состоялось в Томской городской тюрьме в самом начале октября. Начались осенние заморозки, ветры смахнули листву с деревьев и они стояли тоскливо голые, будто и не веря, что сколько ветрам не дуть, сколь морозам не трещать, а весна обязательно вернется и принесет с собой лето.

Еще издали при подходе к тюрьме Аня увидела у ворот толпу женщин с узелками. В помещении для свиданий, довольно большом, с железными решетками в узеньких окнах-бойницах, с дощатым столом, со скамьями по обеим сторонам, куда пропустил Аню надзиратель, было уже людно.

Аркадий держался ровно, спокойно, но в разговоре с женой не скрывал своего опасного положения, и не строил ни каких иллюзий. Голос его звучал ровно, но без интонаций.

Вдруг, что-то вспыхнуло в его глазах. Он преобразился.

; - Слушай, подведи к тюрьме Любанюшку, но не к самому зданию, а к невысокому деревянному строению справа. Туда смотрит окно нашей камеры. И во время второго их свидания Аркадий держался спокойно, ничем не выдавая своего состояния, хотя в предыдущее утро, по приказу начальника тюрьмы, его перевели в камеру смертников.

При прощании какое-то неясное чувство тревоги охватило Анну. С горьким сознанием своего бессилия смотрела она вслед уходящему мужу.

Вечером пришла Чудинова. Они долго молча сидели обнявшись около маленькой чугунной печурке. Татьяна и Люба, словно чувствуя весь ужас положения, не мешали им.

Когда через несколько дней Анна снова пришла в тюрьму, что бы повидать Аркадия, ей передали конверт со сложенным вчетверо листом бумаги.

«Я спокоен — писал Аркадий накануне казни — и только одна у меня к тебе, Аня, просьба, будь тверда, Что бы не случилось, не сетуй и не горюй. Когда дела решаются пушками и штыками, словом делу не поможешь! Любашенька! Золотая моя, слушайся маму. Заботься о ней»

1918 год Ноябрь

Около печурки сидели Ксения Чудинова, Коля и Анна. Татьяна с Любой ушли ночевать к Чудиновым.

Ксения курила крепчайшие папиросы, — Вчера вечером они увезли его в Кольчугино в контрразведку.

; - Где это Кольчугино? - Анна сидела зажав ладони между колен.

; - Три дня пути — сказал Коля.

; - Ты достанешь мне сани с лошадьё?

; - Лошадь это только до вокзала. Добираться на поездах придется. Да еще с пересадками. Прямой поезд - вряд ли существует. Триста верст.

Ксения удивленно посмотрела на Анну — Ты что решила?

; - Коля! Ты достанешь мне сани с лошадьё? С поездами разберусь.

; - Да, - сказал Коля.

; - Вы с ума сошли! - закричала Ксения, - Вы понимаете, что вы собираетесь сделать?

; - Ксения! Если я не вернусь, Любу надо отвести в Павловск под Петроградом. Дом Анны Ивановны Топоровой-Скабичевской. Запомните, пожалуйста.

Утром к мастерской Коли Котова подкатили санки. Анна обняла Любу, - Я скоро вернусь. Слушайся Таню и Ксению. Прощайте, девочки. Спасибо тебе Коля. Она села в сани, Возница дернул вожжи. Санки тронулись. Анна закрыла глаза. Вдруг что-то большое и тяжелое упало рядом с ней больно ударив в бок. Она повернула голову.

; - Подвинься, - Проворчал Коля, - расселась тут!

Поздним осенним вечером их пропустили к дежурному контрразведчику в штабе корпуса Колчака.

Штабс-капитан тщательно просмотрел документы Анны. Поднял голову.

Посмотрел на Колю,

; - А вы кто такой?

; - Родственник и вот ее сопровождаю.

Офицер еще раз молча выслушал требование женщины выдать ей тело расстрелянного мужа. Покрутил головой, словно отгоняя от себя наваждение.

; - Я что-то не пойму. Вы, сударыня, понимаете куда вы приехали и с какой просьбой обращаетесь? Вы понимаете, что я сейчас обязан вас арестовать.

; - Пожалуйста. - Голос у Анны спокойный. - Но только после того, как вы выдадите тело моего мужа, а я его захороню так как полагается по христиански.

; - Вам еще батюшку я должен предоставить? - Закричал офицер, вскочил из-за стола и подошел к окну, постучал пальцем по стеклу, резко повернулся к Анне:

; - Кто вы такая?

; - Жена. Жена я! Понимаете? Мои документы лежат у вас на столе. Во все времена и у всех народов...

; - Да я не об этом! - Прервал ее офицер. - Вы, будучи сама на нелегальном положении являетесь в контрразведку и не просите, вы сударыня, требуете...

Это за пределами моего понимания. - Он устало опустился на стул. Переговоры продолжались до утра. Приходили офицеры. С удивлением смотрели на Анну. Качали головами.

Наконец ей вручили бумагу

«Госпоже Ивановой А. А. Главным начальником 1-го Сибирского армейского корпуса разрешается перевести тело мужа ее Аркадия Иванова, убитого в Кольчугино при попытке к бегству...»

В предутренний час Аню и Котова усадили в обитую рогожей кошовку и по черной, мокрой, от растящего снега, дороге повезли в лес. Вдали показались огни. Солдаты по приказу офицера уже положили тело Аркадия в гроб и закрыли крышку.

; - Откройте, - попросила Анна.

Офицер безнадежно махнул рукой. Солдаты открыли крышку гроба.

Лицо Аркадия было жестоко изуродовано, левая сторона представляла собой фиолетового цвета кровоподтек. Прямо под носом была пулевая ранка, такая же была под правым глазом.

Анна обернулась и в упор посмотрела на группу офицеров, стоящих поодаль.

Смотрела до тех пор, пока они не стали медленно снимать папахи.

Коля дернул ее за рукав, но она резко вырвала руку и подошла к гробу.

Стояла долго ни о чем не думая. Потом наклонилась над гробом. Выпрямилась.

Отошла в сторону.

Солдаты закрыли крышку. Как выстрел ударил молоток.

Гроб перенесли и поставили в кошевку. Солдат потянул вожжи и лошадь тронулась в путь. Вслед за ней потянулась странная процессия. Впереди высокий седой мужчина поддерживал под руку маленькую женщину. За ними следовали солдаты. Похоронную процессию замыкала группа офицеров.

Похоронили Аркадия на окраине Кольчугино с края поселкового кладбища.

Аня, с помощью солдат поставила над его могилой деревянный столбик, а Коля прикрепил небольшой жестяной лист с краткой надписью:

«Аркадий Федорович Иванов, Расстрелян 25 октября 1918 года»

Буря за бурей, гроза за грозой!

Сколько погибших бойцов!

Сколько надежд под могильной плитой ...

Солдаты отошли, очищая глину со штыков лопат.

Анна опустилась на колени перед холмиком.

«Вот и все, вот и все» - стучало у нее в голове. Сейчас к ней подойдут. Возьмут под руки...

Коля помог ей подняться с колен. Анна оглянулась. Они были одни.

Лошадь, запряженная в кошевку, ведомая солдатом, была уже довольно далеко.

За ней шли не оглядываясь солдаты с лопатами на плечах, что помогали ей хоронить мужа и офицеры-контрразведчики.

Она точно знала, что одного из офицеров она уже когда-то встречала.

1919 год Декабрь

Вдалеке, где-то за домами, послышался гудок паровоза.

- Где гудят там и станция, - Пытался пошутить Котов, - Пойдем, Аннушка.

Анна ухватилась за рукав полушубка Котова. Еле поднялась. Ноги скользили по деревянному обледенелому тротуару.

Первое время она все время оглядывалась, не веря, что их так просто отпустили. Вот сейчас раздастся оклик и все начнется сначала.

Котов молчал, старался идти медленно, но шаг у него был широкий и Анне приходилось семенить, что бы не отставать от него.

Окна одноэтажных деревянных домов закрыты ставнями. Из-за заборов лаяли псы. Этот лай сопровождал их от дома к дому.

Улицы Кольчугино были пустынными. Иногда впереди они видели военные патрули. Тогда Анна еще крепче вцеплялась в рукав полушубка Коли.

Котов при этом начинал ворчать, что-то нечленораздельное. Но это ворчание успокаивала ее. Она поглядывала на него снизу вверх и иногда прижималась щекой к его рукаву.

Постепенно она словно оттаивала. Оцепенение, которое сковывало ее все это время, пока они перевозили тело Аркадия и во время похорон, медленно уходило и вместо него появлялось чувство отчаяния.

Она не представляла себе, что будет дальше. Одна единственная мысль тревожило ее — Люба. И эта единственная мысль заставляла ее двигаться, а не поддаваться желанию упасть в снег и лежать, лежать, лежать пока не наступит покой.

Все, любые возникающие проблемы, теперь надо решать самой. Нужно начинать новую жизнь. Теперь только она за все в ответе.

Можно конечно посоветоваться с друзьями...

Да где они теперь, друзья? Всех разметало по громадной стране. Остался один Коля. Он надежный. Он даст хороший совет. Но решать все равно придется самой. За себя и за дочь.

Все вроде сходится к тому, что придется жить в Томске на нелегальном положении. А на какие средства?

Аркадий говорил о Павловске. Там живет его родня.

Другой разговор, что она их совсем не знает и на сколько они будут ей «родными» - вилами на воде писано.

Но Павловск это рядом с Петроградом. А какая власть сейчас в Петрограде?

Наконец они подошли к маленькому деревянному дому вокзала. Коля с трудом открыл примерзшую дверь и через тамбур они прошли в небольшой зал до отказа набитый народом.

В нос ударил запах мокрого шлака, махорки, мокрых шинелей и овчины, давно немых тел.

Создавалось такое впечатление, что воздух, наполнявший помещение вокзала,

был густым и висел плотной пеленой. Он, словно молотом, ударил ей по голове, сдавил виски. Перед глазами у Анны все закружилась поплыло, она покачнулась и стала медленно сползать на пол.

Котов подхватил ее и, держа на руках, стал оглядываться. Вокруг, не то, что бы положить ее, посадить не было места.

Его дернули сзади за полу полушубка.

«Давай, паря, ее сюда, на мешки!» - раздался властный веселый голос.

Котов оглянулся.

На куче мешков, наполненных то ли картофелем, то ли свеклой, то ли еще чем-то, что, по теперешним временам, дороже золота, сидел мужик с лихо закрученными вверх усами, розовощекий — косая сажень в плечах. В папахе набекрень. В распахнутом вороте бекеша виднелась алая косоворотка. На коленях мужик держал обрез и с любовью поглаживал его полированное ложе. Судя по тому, как оттопыривались карманы его бекеша, обрез был не единственной боевой единицей в его арсенале.

Вид у него был абсолютно счастливого человека, у которого все совершенно в жизни получается правильно и жизнью такой он совершенно доволен. При этом главное его желание — проявление всеобщего счастья по этому поводу у окружающих и их восхищение им, таким успешным, нарядным и красивым. Он сидел и с высоты своего положения оглядывался, ловя завистливые взгляды. Рядом с ним сидела на мешках дородная женщина в богатом пестром платке поверх, расшитого цветными узорами, полушубка. Из-под длинной юбки торчали валенки с блестящими калошами. На ее лице, словно в зеркале, отражались все ощущения, испытываемые ее радостным супругом.

Котов развернулся и, стараясь не задеть окружающих, осторожно положил Анну на мешки.

- Ее бы в чувство привести. - попросил Котов. - Может у вас что есть? С похорон мы только. - Добавил он, рассчитывая на сочувствие.

; У нас все есть — с гордостью ответил мужик и повернулся к сидевшей рядом тетке, - Займись-ка, женка, молодкой. Вишь сомлела, бедолага.

; Кого хоронили? - безучастно спросила женщина, дос-тавая из под длинной юбки узелок и не спеша развязывая его.

; Судя по выражению ее лица ей было абсолютно наплевать на чужие несчастья и горести.

; Эта пара — долговязый, плохо одетый, давно не бритый мужчина и эта чернявая, сомлевшая его спутница, так не вязались с ее прекрасным настроением и с не менее прекрасным настроением ее спутника. Ей совершенно не хотелось сопереживать их горю.

; - Мужа ее похоронили, - пробурчал Котов.

; Женщина достала из узелка пузырек с мутноватой жидкостью, открыла зубами тряпочную пробку, полили из пузырька себе на ладонь и стала натирать Анне виски.

; Сидящий рядом мужиченка в солдатской шинели, явно с чужого плеча, с тощей котомкой на коленях, повел носом.

; - Самогончик никак?

; - Не про твою честь.

; Мужик с обрезом медленно, словно нехотя, повернул голову в его сторону и прищурился.

; Мужичонка заерзал на своем месте и вдруг исчез. Будто его и не было вовсе.

; - Не люблю любопытных, - весело сказал хозяин груды мешков и оглянулся назад.

; Коля тоже посмотрел в ту же сторону и увидел сидящих прямо на полу тройку вооруженных обрезами парней.

; Анна открыла глаза и озиралась вокруг, словно не понимала где находится, и что это за люди кругом.

; - Ты как? - Коля помог ей сесть.

; - Ничего, - Она помолчала, словно стараясь вернуть мысли, мучившие ее все это время, дотронулась до Колиного рукава, спросила тихо, - Дальше что?

; - Решать надо, - Котов огляделся вокруг. Обстановка явно не способствовала серьезному разговору.

; - В Томск. - чуть слышно сказала Анна.

; - Ты это не впопыхах решила? Может я съезжу туда один? Пристрою тебя тут на квартиру, а сам заберу Любу и мы с тобой встретимся? Тебе сейчас ехать эти триста верст... Выдержишь?

; В Томск. Там Люба. - Анна сползла с мешков, поблагодарила хозяев.

; Да разве ж мы не понимаем. Божье дело! - сухо обронила женщина и отвернулась к спутнику словно стараясь получить обратно, чуть не потерянное, чувство радости.

; С трудом Анна и Котов пробрались к тому месту, где из стены зала ожидания торчали два медных, давно нечищенных, крана и на цепи висела жестяная кружка. Около одного крана на стене было написано «Гор», около другого - «Хол». Анна с сомнением посмотрела на кружку.

; Я, пожалуй, не рискну. Но пить хочется очень.

; Стой тут и ни с места! Потерпи еще чуток. Пойду насчет билетов и всего другого прочего.

; Билеты захотел! - заржали сидящие на полу парни. - Ну, спасибо, тощий, потешил.

; Прошло не меньше получаса. Анна было собралась идти искать Колю но тут пробрался к ней, перелезая через лежащих людей, человек в форме железнодорожника:

; Это вы жена художника? Пойдемте. Пока он там малюет, попробуем вас покормить, - шепнул он Анне на ухо.

; Они вошли в помещение, очевидно служившее кабинетом начальнику вокзала.

; К противоположной стене комнаты был придвинут стол. На столе стоял Котов

и макая, в стоящее у его ног, ведро с белой краской, кистью, свернутой из рогожи, старательно замазывал лозунг написанной красной краской прямо по стене: «Вся власть Советам!»

; Около стола, переминаясь с ноги на ногу нервничал полноватый человек в форменном сюртуке. Судя потому, как к нему подобострастно обращались, без конца заглядывающие в дверь кабинета, пассажиры и служащие — начальник вокзала.

; Господин художник, - роясь у себя по карманам, доставая носовой платок, беспрестанно снимая пенсне и протирая его, обращался начальник к Котову, - Вы считаете, что укроит? Я имею ввиду — проглядывать не будет? Они обещали меня расстрелять.

; Вы не болтайте тут у меня под ногами, - сердился Котов, с высоты своего положения. - Лучше ищите кисти и краски. Чем я вам тут Эдем с херувимами и ваше счастливое будущее писать буду? Вот этим? - И он грозно поднимал вверх рогожу с которой капала на стол краска.

; Господь с вами! Какой Эдем, какие херувимы в наше время? - стонал начальник станции.

; Я вам напишу все, что угодно. - соглашался Котов, - Не хотите Эдем, будет паровоз. Хотя Эдем лучше. Он годится для всех властей. Все туда стремятся. Но я вам напоминаю: два раза горячее, суп и проезд нам вдвоем до Томска. Даму покормить немедленно. Идите или посылайте кого за инструментам и красками. Не теряйте время.

; Стучат колеса на стыках. Раскачивается вагон. Свистит ветер через щели в окнах с выбитыми стеклами и заделанными кое-как горбылем. Задувает в щели паровозный дым.

Кругом разруха.

А как с ребенком добираться до Петрограда? Это не триста верст. И одной, без находчивого Коли.

Вдруг, совершенно неожиданно, встал перед ее глазами Нарым. Пермитины, Родюков... Наверно война обошла эту глухомань?

; Да, нет. Чушь и из головы вон. Павловск недалеко от Петрограда, а Петроград совсем недалеко от...

; - Знаешь, Коля! Я тебе обязана всей своей жизнью.

; - Очень я люблю эти разговоры, - бурчит Котов. - Я просто жить без них не могу.

; - Ты вот удивляешься, что у нас вроде, как-бы все получается. И кормешка, и вот едем. А я ведь профессиональный путешественник. Ты не думай, что я хвастаюсь. Весь Памир ведь прошел, Тянь-шань. Это я первый год дома застрял, а так каждый сезон в экспедициях.

; Помолчал. Почесал указательным пальцем кончик носа, - Ну, Томск. А дальше что?

- Аркадий завещал ехать в Павловск.

- Довод веский, но как ты одна с Любой туда доберешься? И потом, я ту родню совершенно не знаю, - с сомнением покачал головой Котов. - Не хочу тебя расстраивать... Короче говоря, не знаю я их.

- Коль! - Анна постаралась поймать его взгляд, - А ты когда решил, что поедешь со мной к Аркадию?

- А как ты села в санки, тут сразу я и решил. Вдвоем на такое дело идти сподручнее. Да и кататься страсть люблю.

Анна покачала головой.

Только сейчас она начинала понимать на какой поступок она решилась и чем это ей грозило.

Ее все время занимала мысль об офицере, что промелькнул в дверях помещения контрразведки в Кольчугино, когда она требовала выдать ей тело Аркадия.

Она не могла определенно сказать, что это тот, что когда-то провожавший ее до дома в Томске. А если это он, то какую роль сыграл во всем том, что с ними приключилось? И почему она все время вспоминает сгорбленную фигуру человека, что крался в полумраке прихожей дома губернатора, когда они приезжали туда для ареста хозяина.

1920 год

С утра Анна собралась на рынок. Подобрала вещи на обмен.

Сложилось все удачно. Удалось обменять на продукты все, что взяла с собой.

Уже подходя к мастерской Котова услышала за спиной торопливые шаги. Она ускорила шаг, готовая побежать.

- Анна Андреевна! Анна Андреевна! Да постойте, вы!

Анна оглянулась. Ее догонял офицер. Мельком взглянула на погоны. Поручик.

И тут же кровь ударила ей в голову. Узнала. Это ж надо. Ведь еще вчера о нем думала.

- Здравствуйте, Анна Андреевна. Только не пугайтесь, ради бога. Сколько времени ищу вас, а сегодня совершенно случайно встретил. Чудо какое!

- Зачем вы меня искали?

; Поручик смутился, опустил голову.

; - Мне о вас отец очень много рассказывал. А потом я знаю

что вы делали в Кольчугино. Вы мне разрешите представиться. Тогда вы может поверите мне, что я искренне счастлив, что встретил вас.

; Он смущенно стал сдергивать с руки перчатку.

; - Родюков я. Юрий Николаевич.

; - Очень приятно, - Анна сняла варежку и подала руку. - Вы сын Николая Дормидонтовича?

; - Ну да! Я как в Нарым приеду, так он все про вас. Только ведь первый раз мы с вами встретились когда моя кузина рожала. Вы тогда арестовывать губернатора — ее мужа, приезжали. Вот тогда я вас увидел. Пожалели вы тогда кузину.

; - Анна пожала плечами, - Почему пожалела? Вовсе не пожалела. Решение

было естественное, человеческое.

; - Ну, да! Мне рассказывать не надо, как кто-то рожал в тюрьме так сказать по человечески и естественно. Я Анна Андреевна все про вас знаю.

; - Это вы помогли мне в Кольчугино?

; - Слово офицера, не я. Вы сами себе помогали.

; Когда дежурный пришел докладывать командиру, что прибыла, находящаяся на нелегальном положении политкаторжанка и требует отдать ей тело расстрелянного мужа, все решили, что он либо пьян, либо умом тронулся.

; Потом все бегали смотреть на вас через щелку в двери, а в помещение, где вы находились никто не заходил. Как на чудо на вас смотрели. Это уж потом, когда уж вы уехали, долго о вас говорили и, знаете, все в один голос мечтали, что бы и у них были такие жены.

; Анна решила, что их рукопожатие несколько затянулась и аккуратно высвободила свою руку и одела варежку.

; - Извините, - пробормотал Родюков младший. - Вы только чего плохого не подумайте. Скажите, что вы дальше то собираетесь делать?

; - Уезжать.

; - Куда? - Он как-то растерялся и виновато посмотрел на нее.

; - В Петроград.

; - Одна?

; Анна заметила, что у него вдруг стали большими глаза. Серые. Красивые.

; - С дочерью.

; - Ну да! Но ведь это страшнее, чем одной. Вы, что, не знаете обстановку? Вам же через линию фронта переезжать придется. У Омска то бои. Вы же с ребенком черту в глотку лезете!

; - У меня другого выхода нет. В Томске я на нелегальном положении и жить мне не на что.

; - Как нет выхода! Ну как же нет выхода! - лицо его покраснело. Он чуть стал заикаться от волнения. - У вас есть прекрасный выход!

; Зачем в Петроград? Вы на время, я говорю вам на время, - повысил он голос когда Анна отрицательно качнула головой, - поезжайте в Нарым. Я это вам распрекрасно устрою. Отец вас с удовольствием примет. Вот честное слово!

; - А потом что?

; Она ведь сама думала об этом.

; Родюков младший снова схватил ее за руку.

; - Потом будет нормальная жизнь и вы поедете куда захотите.

; - Юра! - Она первый раз назвала его по имени, - мы же с вами по разные стороны фронта. Вы забыли об этом?

; - Мы с вами по разные стороны пока существует фронт. Но когда-то это кончится.

; - Вы думаете, что вы победите?

; - Я не знаю, кто победит — тихо сказал он, - не знаю. Вполне может быть и не

мы. Но победить должен я.

; Анна снова освободила свою руку.

; - Я все решила.

; - Ладно! - он махнул рукой, - Где мне вас искать?

; - Зачем? - Анна посмотрела ему в глаза.

; Родюко младший ковырнул снег носком сапога.

; - Я, конечно, понимаю, что сейчас об этом говорить смешно и даже глупо, но я вам скажу. Я сделаю все, что бы мы были вместе. Когда вы уезжаете?

; - Я не знаю точно, но наверное завтра.

; - Я приду провожать. Дайте мне вашу руку.

; Анна протянула ему руку. Он снял с не варежку и поцеловал.

; - Прощайте, - Анна надела варежку.

; - Э, нет! До свидания, Анна Андреевна. Вы облегчите мне жизнь если скажете куда вы все таки едете.

; - Под Петроградом есть городок Павловск.

; Она повернулась и пошла стараясь не оглянуться, но не выдержала. Он стоял и смотрел ей вслед.

; - Коль! - Анна протянула Котову небольшую подушечку, - Ты же волшебник! Соверши еще одно чудо!

Котов взял подушечку, помял ее.

- Что это?

- Это мои косы, Коль. Продай их. Ведь на что-то ехать нам надо. Я не думаю, что можно выручить большие деньги, но хоть сколько.

На сборы ушло два дня. Все это время Котов пропадал где-то.

Появился на второй день к вечеру. Сел напротив Анны. Из сумки вынул большущий кусок сала и четыре курицы.

- Кур вари прямо сейчас. От сала не отказывайся. Сало это валюта. В крайнем случае поменяешь на что-нибудь. Я его, видишь, нарезал на куски. Это чтоб ты сразу все не вынимала. Теперь насчет денег. Почти все твои купоны поменял я на червонцы. Они в ходу везде. Часть купонов оставил. Это на первое время.

Анна взяла монеты.

; Коля, их слишком много.

; - Косы тоже уникальные были. Ну, считаем что вас соб-рали. Пиши, не забывай!

В вагонном окне поплыли лица провожающих.

Коля махал шапкой, а Таня уткнулась ему в плечо и плакала. Прижавшись носом к стеклу окна вагона, редела Люба. Над головами провожающих поднялась рука в знакомой перчатке.

Поезд набирал скорость. Они были вдвоем в купе и не спеша разбирали вещи.

Коля конечно волшебник, но организовать им отдельное купе даже для него слишком.

Люба старательно укладывала чемодан и сумки с вещами, сухарями, куском

сала, вареными курами и вареными яйцами в ящик под нижней полкой. Уложив, опустила полку и, поерзав на ней, крепко уселась, показывая всем своим видом, что сдвинуть ее с этого места невозможно.

Откатилась в сторону дверь и в купе вошли двое мужчин в офицерских папахах, шинелях, со следами споротых погон. Забросили потертые чемоданы на верхние полки.

- Посторожите, дамочка, наши шмотки. Мы покурить сходим. Сами то вы не курите? А то компанию нам составите.

- Моя мама не курит! - строго сказала Люба.

- Ух, какая грозная защита! - криво усмехнулся один из вошедших.

- Пойдем, - дернул его за рукав второй, - Наговоришься еще. Дорожка длинная.

Они уже было собирались выйти, как заскрипели тормоза, залязгали буфера.

Состав несколько раз дернулся и остановился. Какие-то люди пробежали по коридору вагона. Кто-то закричал. Раздался выстрел. В окно были видны солдаты с винтовками.

Попутчики выругались и поспешно забрались на верхние полки затаившись там.

- Всем оставаться на своих местах! Приготовить документы!

Анна достала свой паспорт и метрическое свидетельство Любы. Посмотрела на дочь и жестом показала ей место рядом с собой. Люба испуганно прижалась к матери.

В купе протиснулся молоденький, безусый офицер. Новенькая шинель затянутая ремнем и портупеей. На боку шашка и кобура с револьвером. Сел напротив Анны. В дверях встали два вооруженных солдата .

Офицер взял паспорт Анны и Любину метрику. Долго ее разглядывал.

- Это как понимать? - растеряно спросил он и еще раз, чуть шевеля губами, перечитал бумагу с гербовой печатью.

Анна пожала плечами.

- Вы что, из цыган будете? - Он был явно ошарашен, очевидно впервые увиденным документом, - За что вы туда попала?

- Вам что надо? - Анна покрепче прижала к себе Любу. - Вы что, документу не верите?

- Документу верю, - офицер посмотрел на Любу, - Просто первый раз вижу ребенка родившегося в таком неподходящем месте. - Поднял голову, посмотрел на мужчин. - И вы оттуда?

- Обязательно, господин офицер. - Радостно подтвердили сверху, - Все мы оттуда. Вот, пожалуйста, убедитесь Один из спутников помахал какой-то бумагой. - Это купе специально для таких как мы, с божьей помощью начинающих вкушать долгожданную свободу от большевистского ига.

Офицер вернул Анне Любину метрику. Покачал головой. Солдаты расступились, пропуская его. Выходя из купе он оглянулся и еще раз глядя на Любу, качнул головой.

- Совсем молоденький офицерик, - раздался с верхней полки насмешливый

голос. Мужчина спрыгнул вниз и стал разглядывать Анну.

- За «дамочку» прошу прощения. Не разглядел сразу с кем имею дело. Чем же вы его так огорошили, что он у нас даже документы не спросил? Видать ксива-то у вас верная?

- Верная, - усмехнулась Анна, - Вернее не бывает.

Она инстинктивно выбрала нужный тон, лихорадочно при-поминая тюремный жаргон.

Ей пришла в голову мысль, что, в данной ситуации, метрика Любы, подтверждавшая, что она родилась в тюрьме, будет служить им защитой и при проверке документов как белыми так и красными. Да и эти двое попутчиков не рискнут с ней связываться. Мало ли кто она такая и что от нее можно ждать.

Железная у нас ксива!

Пока мужики выходили курить, Люба получила, первый в своей жизни, взрослый инструктаж о манере поведения.

- И самое главное, детка, говорить ты можешь только со мной и только тогда, когда кругом никого нет. А так - молчи. От этого зависит наша с тобой судьба.

- А что такое судьба, мам?

- Судьба это жизнь.

Слава богу Любу не оторвать от окна.

Попутчики еще раз попытались наладить дружеские отношения, но почувствовав твердый отпор, отстали.

Мелькают перелески, овраги. Маленькие, утонувшие в снегах деревеньки.

Прогрохотал стрелками полустанок, рявкнул паровоз и опять белая равнина. Но вот деревни начинают проплывать в окне все чаще и чаще. Гудит паровоз проносясь мимо большого села с церквушками. Поезд сбавляет ход. Появляются каменные строения.

; Мама! Это Петроград?

; - Нет, детонька. Это Омск. До Петрограда еще ехать много дней.

; Попутчики, забрав свои чемоданы исчезли не ожидая остановки поезда. Даже не попрощались.

; Опять заскрипели тормоза, лязгнули буфера. Закачался вагон.

; - Всем оставаться на местах! Приготовить документы!

; Седоусый мужчина в потертом полушубке с револьвером на боку внимательно рассматривает паспорт Анны, затем начинает изучать метрическое свидетельство Любы. Прочел и вернул его Анне.

; - Зачем вы его мне предъявили?

; Анна смутилась.

; - Других документов у вас нет?

; - Нет.

; - Куда вы едите?

; - К родственникам мужа.

; - А муж?

; - Погиб.  
; - Когда?  
; - 25 октября.  
; - В прошлом году?  
; - Да.  
; - Где?  
; - Станция Кольчугино.  
; Седоусый встал, передал Анне паспорт и метрику Любы.  
; - Значит это ты, Люба?  
; - Да.  
; - Не плачь. Люби мать и будь счастлива. - повернулся к Анне.  
; - Извини, товарищ! Но скажу вам — в рубашке вы родились. Это точно! В рубашке. Первый поезд прошел через фронт. Да и фронта в общем уже нету. На день раньше бы поехали и может был бы каюк.  
; День сменяется ночью. Ночь — днем. Меняются соседи. Крикливые и молчуны. С мешками, заполняющими все купе и с тощими котомочками, с фибровыми чемоданами и вовсе без вещей.  
; Курган, Челябинск. Уфа...  
; - А знаешь, мам! Колеса стучат, а спать не мешают.  
; - Привыкаем, доча!  
; Самара, Сызрань, Пенза...  
; - Дай я тебе хоть мордаху протру! Сейчас бы в баню!  
; - А я бы кашу съела!  
; - Так ты же кашу не любила!  
; - Глупая была.  
; Ряжск, Рязань, Москва...  
; - Чутьочку, чутьочку потерпи, детка. Ты посмотри! Осталось два сухаря и два яичка. Один сухарик мне, один — тебе. Одно яичко мне, другое — тебе.  
; - Знаешь, мамочка! А детей обманывать нехорошо. У нас всего одно яичко осталось.  
Петроград!  
Суетится народ. Внимания не обращают на женщину с ребенком. Отмахиваются. Знать не знают, ведать не ведают.  
- Сударыня! - Анна умоляюще приложила ладони у груди, - хоть вы не откажите в любезности. Подскажите пожалуйста как нам добраться до Павловска? У кого не спрашиваю — никто не может подсказать  
Женщина критически оглядела Анну и Любу с ног до головы. Вид просительниц очевидно не внушил ей доверия.  
Господи! Сколь-ко же голодранцев наводнили когда-то прекрасный Петербург!  
Как у них эта одежда называется? Зипуны, что-ли?  
- Нет, моя милая, такого города.  
- Ну как же так? - чуть не плакала Анна, - Как же нет. У нас там родня. Мы

совсем одни.

Люба начала всхлипывать вторя матери.

Женщина сжалилась, - Этого города нет, потому, что его переименовали. Теперь он у большевиков называется Слуцк. Очаровательное название! Не правда ли? Поезжайте на Царскосельский вокзал, который теперь называется почему-то Детскосельским Там на паровозике доедите до этого вашего Слуцка.

; Мам! А эта тетя за белых?

; - Ну, почему за белых. Она же нам все объяснила.

; - Все равно она не красная. Она наверно розовая.

Они настолько привыкли к мерному стуку вагонных колес, паровозному дыму, неимоверной вони на вокзалах, звону станционных колоколов, что казалось другой жизни и не существует.

Состав двигается все медленнее и медленнее и наконец со скрипом останавливается у чистого, чуть присыпанного снегом перрона. Паровозик визгливо свистнул, словно попрощавшись с ними, окутался паром и медленно тронулся, таща за собой вагоны и клубы дыма. Наконец последний вагон скрылся за поворотом.

И наступила тишина.

- Мам! - Люба тянула мать за руку. Вон дедушка с палкой. Пойдем быстрее спросим, а то он уйдет.

; Вам, гражданочки, надо идти на Конюшенную, то есть на улицу 1-мая,

; Уяснив себе, что ищет женщина с ребенком, старичок, опираясь на палку, поправляя съезжающую на лоб меховую шапку, одетый, в изрядно потертом, суконном пальто с побитым молью меховым воротником, начал объяснять.

; - Там, не этой улице, находится заведение гражданина Простомолова. Это на левом берегу Славянки, рядышком с чугунными воротами. Заведение, должен вам заявить, вполне презентабельное. Там вам окажут все необходимые услуги. Старичок шел рядом с ними и очень внимательно их разглядывал.

- Путешествие вы, сударыни, судя по всему, проделали солидное. Извините бога ради за назойливость и нескромность. Откуда вы к нам прибыли? Не из столицы ли первопрестольной? Нет? Из Томска?

Он вдруг остановился, перекрестился и всплеснул руками.

; Какой ужас! Это невысказано! - Он прикусил нижнюю губу, стараясь сдерживать рвущийся вопрос. Помолчал, успокаиваясь.

; - Вдвоем из Томска? - голос его опять дрогнул. - В такое время одна с ребенком! Тогда не откажите в любезности — уж разрешите я вас провожу до нужного вам места.

Гостиница Простомолова оказалась именно тем заведением, которое им так был сейчас необходима.

При видя червонец хозяин предложил на выбор любой номер.

Анна сняла маленькую комнатку на верхнем этаже, но зато с ванной и голландской печкой оборудованной большим баком для нагрева воды.

Предварительно натаскав дрова, и натопив голландку так, что бы хватило и на купание в настоящей ванне и на стирку вещей, накопившихся за длинную дорогу, они наплескались и настирались до полного изнеможения.

Где-то за полночь добрались до своих постелей и моментально заснули глубочайшим сном без сновидений.

Последняя мысль, которая мелькнула у Анны — «это конец дороге».

Вечером они забыли задернуть шторы на окнах и их разбудило солнышко. Они еще немного понежились в постелях, перемигиваясь от счастья, от приобретенного наконец, такого долгожданного, покоя.

День выдался ясным, предвесенним. Удивительно чистейший снег скрипел под валенками. Они вышли за ограду гостиницы налегке без вещей и столкнулись нос к носу со вчерашним своим спутником. Он приподнял меховую шапку приветствуя их.

; Вы меня так вчера поразили, когда я узнал о вашем путешествии, что я решил обязательно с вами еще раз встретиться и помочь, если будет такая необходимость.

; Должен вам заметить, сударыня, что у вас и вашей дочери совершенно правильный русский язык. Я бы сказал даже Петербургский. У вас совершенно отсутствует сибирское наречие. Из этого я делаю заключение, что вы в Сибири прожили недолго.

- А вот и не так, - засмеялась Люба, - Я чалдонка, в Сибири родилась!

- Куда же вы теперь идете, чалдонки мои милые?

- Мы ищем дом, который здесь называют Тургневским.

Попутчик остановился и внимательно посмотрел на Анну.

; Вы Анна Иванова? - Неожиданно спросил он и голос, его опять как вчера, странно дрогнул. - Вы идете к Анне Ивановне Скабичевской?

; Анна вздрогнула отнеожиданности, прижала к себе Любу.

; Он остановился, оперся на палку, достал платок и стал вытирать им глаза.

; - Очевидно вы несете ей плохую весть? Да, наверно вы несете ей плохую весть,

- Утвердительно добавил он. Глаза его старчески слезились.

Они молча постояли.

; - Меня зовут Федор Иванович, а тебя зовут Люба. - он положил руку на плечо девочки, - Вон тот дом, что вам нужен. - Федор Михайлович махнул палкой в сторону двухэтажного особняка.

; - А я живу на углу 1-й Матросской слободки и Пикова тупика. В доме № 3.

Приходите, навестите старика. Буду очень рад.

На этом они расстались. Старик продолжал стоял, опираясь на палку, и смотрел им в след.

- Откуда он все это знает про нас, мам? - спросила Люба.

- Поживем — узнаем, - задумчиво ответила ей Анна и тут же, резко повернувшись, крикнула:

- Федор Иванович! Погодите. У меня к вам вопрос, - Он, с какой-то

неподдельной радостью засеменил к ним, - Вы знаете, что такое Уком?

- Знаю. Правильно это заведение называется Детскосель-ская уездная партийная организация РСДРП, но я к ней никакого отношения не имею, сударыня.

- А где он находится?

- Так в Детском селе она и находится. Есть там такой гражданин, или по ихнему, товарищ Батьянов.

- А вы можете нас туда проводить?

- Это ехать надо на поезде.

- Федор Иванович, голубчик! Вы только на меня не обижайтесь. Сделайте нам такое одолжение. Я и билет, если что, вам куплю. Проводите нас туда.

- Так это уж не сегодня. Сегодня поезда не будет. Давайте на завтра договариваться. А когда же к Анне Ивановне?

- После этого визита.

- Секретарь Слуцкого Укома Батьянов, - представился хмурый мужчина не вставая из-за стола, - По какому вопросу?

Встать не встал. Но на стул, стоящий с другой стороны стола, не то что бы указал, а пальцем ткнул.

Слушал внимательно. Иногда покачивая головой. Переспрашивал. Особенно интересовался о провале миссии в Красноярске. Несколько раз возвращался к фигуре провокатора. Паспорт просмотрел тщательно. Любину метрику читать не стал. Только мельком взглянул. Аккуратно сложил ее, вложил в паспорт и передал его Анне.

- Ну, хорошо. Все это интересно и трагично. Вопрос вот в чем: кто все это может подтвердить? Как я понимаю, у вас кроме паспорта, других документов нет. Значит требуется, по крайней мере, два поручителя — члены партии с дореволюционным стажем.

Батьянов сразу, еще до начала разговора, произвел на нее неприятное впечатление.

- Сухарь и новоявленный чинуша, - сказала про себя Анна и встала.

- Я пришла к вам с надеждой получить какуюнибудь работу,

Батьянов развел руками, - И рад бы, но порядок!

; Вы подсказали мне правильный путь, в сложившейся ситуации.

; - Каким это я языком заговорила? - Удивилась про себя Анна. - Может этот Батьянов заразный? Пообщаешься с ним и сама чинушей станешь?

; - У меня к вам претензий нет. Вы, наверно, правы. До свидания.

Она вышла на улицу. Федор Иванович и Люба играли в снежки.

; Поцеловали пробой и пошли домой, - изрек Федор Иванович, посмотрев на мрачное лицо Анны.

; - В путь, мои милые дамы. У вас впереди еще много различных встреч. Приятных и не очень.

Анна Ивановна сидела в глубоком, обитом атласом, кресле. Ноги лежали на невысокой скамеечке с подушкой, украшенной кистями. Анна и Люба

расположились на стульях около большого круглого стола над которым низко свисала люстра с шелковым абажуром.

Прежде чем начать разговор Скабичевская долго разглядывала новоявленных родственников в лорнет.

; Я еще до вашего приезда, моя милая, получила письмо от господина Котова, в котором он подробно описывает все, что приключилось с вами.

; Это трагедия! Да-да, трагедия к которой наша семья готовилась долгие годы. Скорее всего это закономерный конец.

Она замолчала. Достала из рукава кружевной платок. Приложила его к глазам. Потом из другого рукава достала еще один платок и долго в него сморкалась.

- Я видела в окно давеча, как вы шли с Федором Ивановичем.

Анна кивнула.

; - У меня не сложилось впечатление, что между вами состоялся откровенный разговор.

; - О чем мы должны были с ним откровенно говорить? - спросила Анна, хотя заранее знала ответ.

; - Я думаю, что вы должны с ним говорить об Аркадии.

; - Почему? - удивилась Анна.

; - Потому. Что он его отец. Пусть плохой и никудышный, но отец и я, как сестра, воспитавшая всех его детей, имею право так говорить.

; Помолчали. Пауза затягивалась.

; - Так что вы, моя милая, собираетесь делать? Какие у вас планы? На что рассчитываете?

; Анне вспомнилась оброненная Котовом фраза о том, что он этих родственников не знает.

; - Я должна срочно списаться с несколькими товарищами. И, скорее всего, мы с Любой уедем туда, где мне предоставят работу, но на это понадобится время.

; Анна замолчала обдумывая следующую фразу.

; Анна Ивановна молча теребила бахрому платочка, предоставив вдове племянника инициативу в разговоре.

; - А сейчас все зависит от вашего решения. - Просто сказала Анна, отдавая инициативу собеседнице, и сделала движение, будто собиралась встать.

- Мы приехали к вам потому, что так велел Аркадий Федорович. Это было его завещание. Других родных, кроме вас, у нас сегодня нет. Муж говорил мне, что будучи у вас в прошлом году, обо всем с вами договорился.

; - Вы знаете, - Анна Ивановна убрала платки в рукава платья, - я все время наблюдаю за вашей дочерью и должна сказать, что я в восхищении от нее.

; Очень опосалась, что в ее присутствии у нас с вами не получится серьезного разговора. Дети обычно мешают.

; Она очень похожа на своего отца. У нее такая же манера смотреть исподлобья. Чувствуется отцовское воспитание.

; Люба сделала движение собираясь встать со стула, но Анна Ивановна

остановила ее взмахнув решительно рукой.

; - Я думаю, что вы не имеете достаточно средств, что бы жить, сейчас, самостоятельно, но и я, в результате вашей революции, практически стала нищей.

; С каждым днем мне все труднее и труднее содержать этот дом, который в наше время славился на весь Петербург своими приемами. Да-да! На весь Петербург, моя милая!

; К великому сожалению мои племянники и племянницы оказались достойными детьми своего отца, но это к настоящему делу отношения не имеет.

; Вы, моя милая, можете рассчитывать, что какое-то время я еще в состоянии буду оказывать вам некоторую помощь, но на очень длительный период вам надеяться не приходится.

; Тем не менее прошу вас переехать из гостиницы в наш дом.

; Не вздумайте обижаться на меня. Самое правильное, это когда все заранее оговорено. Согласны?

; - Да, конечно, - Анна с трудом улыбнулась.

; Анна Ивановна, притянула руку к Любе, и улыбнулась ей.

; В ответ она получила не менее искреннейшую улыбку. Так, во всяком случае, необходимо было ее воспринимать.

; - Подойди ко мне, моя девочка, - Анна Ивановна протянула Любе руку.

; Люба бросила взгляд на мать, словно спрашивая разрешения, и подошла к Анне Ивановне.

; - Ты знаешь, кто я такая?

; - Знаю. - решительно заявила Люба — Вы большая Аня.

; - М-да! - сказала Анна Ивановна, - хотелось бы мне верить, что тебя этому заранее не научили. Но, в любом случае, поцеловать тебя просто необходимо.

г. Москва, ЦК ВКПб

Товарищу Куйбышеву Валериану Владимировичу

( лично )

Глубоко уважаемый Валериан Владимирович!

Обращается к Вам за помощью в прошлом Ваша коллега по Нарымской ссылке и спасенная Вами из Томского узилища с новорожденным ребенком Иванова Анна Андреевна. ( Возможно, что Вы помните меня как Хану Иоффе )

Обстоятельства сложились так, что после похорон, казнен-ого колчаковцами моего мужа Аркадия Федоровича Иванова, я была вынуждена выехать вместе с дочерью к родственнице мужа в город Слуцк, так как в Томске, где в это время был белый переворот, я находилась на нелегальном положении.

В настоящее время я не имею никаких документов, подтверждающих мое членство в ВКПб с 1911 года.

Для восстановления партийного стажа и получения доку-ментов необходимо подтверждения двух членов ВКПб с дореволюционным стажем и знающих меня либо по подпольной работе, либо в ссылке.

К сожалению всякая связь с товарищами у меня утеряна.

Я была бы рада получить второе подтверждение о моей работе в партии от Арона Александровича Сольца, но не знаю его судьбу.

С товарищеским приветом,

Анна Иванова

P.S. Мой адрес: г. Слуцк, до востребования.

Они медленно шли по заснеженной дорожке между высоких сосен. По золотистым стволам носились белки, на минуту замирая, разглядывая непрошенных гостей.

- Не суди меня строго, девочка, - Федор Михайлович шмыгал носом. Очевидно носового платка у него не было. - Вот так жизнь моя сложилась некультяписто.

Слово это очевидно ему понравилось и он еще раз повторил «некультяписто»

; - Я не сужу, - Анна порылась в своей сумочке и достала носовой платок. -

Возьмите, Федор Михайлович.

; - Что ты, что ты, деточка! У меня все есть. А Анну Ивановну

ты не слушай. Дама она серьезная. В свое время жила широко. Жизнь сейчас

сложилась у всех у нас, - Он на минуту задумался и снова сказал с жалкой

улыбкой, - некультяписто.

; Шли дальше молча.

; Федор Михайлович осторожно коснулся ее рукава,

; - С Любашей зайдите какнибудь ко мне.

; Анна не успела ответить ему, как в конце улицы появилась женщина с

большой сумкой через плечо. Она остановилась около дома Анны Ивановны, о

чем то спросила кого-то в доме и стала махать рукой Анне и Федору

Михайловичу.

; - Это почтальон, - Сказал Федор Михайлович, - Вас, наверно спрашивает. Мне то письма получать неоткуда.

; Анна вскрыла пакет.

Копия

г. Слуцк, Петроградского уезда

секретарю Детскосельской уездной организации ВКПб

Уважаемые товарищ!

Мы, ниже подписавшиеся, знаем Анну Андреевну Иванову с 1911 года, как ссыльную по Нарыму.

В Нарымскую ссылку она была сослана решением суда за активное участие в подпольной работе в большевистской ячейки в городе Выборге сроком на пять лет. 27 марта 1913 года по решению Томского суда была приговорена, в числе трех организаторов первомайской демонстрации в Нарыме, еще на два года ссылки.

Знаем о ее безупречном поведении как большевика и во время ссылки и во время колчаковщины.

Член партии РСДРП с 1904 года, полпред РСФСР в Бухарской республики, член

Президиума ВЦСПС, ВСНХ РСФСР

; Куйбышев В. В.

Член партии РСДРП с 1889 года, член редакционной коллегии газеты «Правда»

; Сольц А. а.

- Анна Ивановна, вы меня звали?

; - Звала. Тут к тебе гость явился.

; - Здравствуйте товарищ Батьянов, - Анна вытерла мокрые руки посудным полотенцем, краем глаза увидела сурово сдвинутые брови на лице хозяйки.

; - «Будет буря! Мы поспорим и поборемся мы с ней» - весело пропела Анна про себя.

; - Чем обязана? - Она указала ему рукой на стул.

; Батьянов неуверенно посмотрел на Анну Ивановну и кашлянул в кулак.

; Хозяйка дернула плечом и, насмешливо улыбаясь, гордо вышла из комнаты.

; - Вот, ознакомьтесь, - Батьянов открыл портфель и достал из него лист бумаги.

; - Вы же в Москву писали? - словно осуждая ее за это добавил он

; - Писала, - подтвердила Анна. - Как вы меня научили.

; - Учил. Чего же не учить? Ваше дело молодое, а у нас порядок должен быть и бдительность.

; Значит так: вам послезавтра надо будет явиться на заседание бюро. Там будет решаться ваш вопрос. Только надо будет еще написать заявление и автобиографию.

; - Спасибо, - сказала Анна, - Все напишу и приеду. До свидания, товарищ.

; Они пожали друг другу руки.

; - Посудное полотенце служит для того, что бы им вытирать посуду, моя милая!

- Получила Анна ожидаемый выговор.

; - Все нормально, Анна Ивановна. Все нормально. Меня берут на работу. Это важнее полотенца. Честное слово, важнее!

; - Кем же вы теперь будете служить?

; - А я знаю? - Анна обняла хозяйку и первый раз ее поцеловала.

; - Вы посмотрите, какие нежности! - сказала Анна Ивановна и первый раз поцеловала вдову племянника.

; В комнату вбежала Люба и остановилась как вкопанная. На диване сидели две Анны и тихо плакали.

; - Вы что? - спросила Люба .

; - Это мы по вдовьи. Тебе не понять, - сказала Анна Ивановна и вытерла нос подолом платья. - И лучше, что бы ты никогда этого не понимала. Никогда!

Они сидели вдвоем на веранде и перебирали клубнику.

- Ты ничего не хочешь знать о первой семье Аркадия?

- Все, что надо мне знать - он рассказал мне сам, - Анна поправила тыльной стороной ладони волосы. - У нас этот разговор состоялся один раз и больше мы к этому не возвращались. Так хотел он. Так хотела я.

- Не все он тебе рассказал. Все он и сам не успел узнать при своей жизни. - Анна

Ивановна отодвинула от себя миску с ботвой, - Он не знал, что Женя застрелился.

Анна опустила руки на колени.

- Почему?

- Кто теперь это может сказать. Он очень любил отца и не мог простить матери, что она не поехала за ним в ссылку, а ушла от него. А ты пошла за ним потому, что любила?

- Мы с ним делали одно дело.

- Они одно дело делали, а мальчик застрелился.

Анна Ивановна закашлялась, спазм стал душить ее. Лицо стало багрово-красным. Она изо всех сил старалась и никак не могла подняться. Рука соскальзывала с края скамейки.

Анна бросилась к ней. В растерянности, не зная чем помочь, старалась поднять ее, но не могла. Тогда зачерпнув кружкой воду из тазика, в котором они мыли ягоду, она пыталась влить хоть капельку, в рот тетке.

Постепенно припадок закончился. Анну Ивановну стало трясти в ознобе. Анна обняла ее, стараясь согреть своим телом. Так и сидели они две Анны обнявшись, и вся их одежда, словно кровью, была испачкана раздавленными ягодами клубники.

Прежде всего ей необходимо было овладеть пишущей машинкой.

; Сначала очень медленно, она стучала одним пальцем правой руки, следя за собой, что бы не высунуть язык от чрезмерного старания.

; Затем был подключен второй палец, но на этот раз левой руки.

; С двумя пальцами работа пошла быстрее.

; Ради экономии, она учила клавиатуру машинки, используя один листе несколько раз, до тех пор, пока он не пробивался насквозь и становился похожим на сито.

; Когда Батьянов увидел документ, написанный ее каллиграфическим почерком, он был в восторге и предложил Анне вообще отказаться от машинки, но она упрямо стучала целыми днями, независимо от того была ли работа или нет.

; Через месяц, выдавая ей первую заработную плату, Батьянов одобрительно похлопал Анну по плечу и сказал, что не ожидал от нее такой прыти.

; Анна резко повела плечом, освобождаясь от руки секретаря и сказала, что, на сколько она в курсе дела, прыть — это у лошадей. А она женщина.

; Батьянов смутился и покачав головой возразил, что хотел похвалить ее по-товарищески.

; - Спасибо, - Сказала Анна, - Если по-товарищески и без прыти и похлопывания по плечу, тогда все в порядке.

; - Я ведь тоже не всю жизнь за этим столом сидел, - С обидой сказал Батьянов, - Могу даже ранения свои показать. - И стал задирать рубашку.

; - Я вам верю, - старалась убедить его Анна, - Я же пони-маю, что просто так в секретари не выбирают.

; Но, к сожалению, товарищеские отношения не сложились.  
; Вообще работа в Укоме складывалась, как любил выражаться Федор Иванович «некультяписто».

; Анне пришлось снять угол в Детском селе, что бы не мотаться на поезде домой ежедневно. Любу она теперь видела только по воскресениям. Но эти неудобства с лихвой покрывали бонны, ходившие вместо денег и выдаваемые ей как заработную плату, а самое главное — паек.

; К великому сожалению очень скоро появилась проблема, Любу не устраивали методы воспитания Анны Ивановны.

; Однажды в воскресенье, которое теперь называлось родительским днем, она заявила матери:

; - Я хочу жить с тобой!

; - Это невозможно, - возразила Анна. - Я целый день на работе. А иногда даже по вечерам, когда проходят общие собрания. Это во-первых. А во вторых тебе придется потерпеть до 1 сентября. Ты, моя девочка, пойдешь в школу. Вот тогда и будем решать, где нам жить. Поняла?

; - Поняла! - вздохнула Люба, - Вечно вы взрослые, что-нибудь придумаете. А в какую школу я пойду?

; - Очень может быть в ту, которую закончил папа.

Кончилась зима, зазеленели лужайки, запели птицы. И казалось, что все обустроилось в этой жизни, что так они и будут жить на берегу тихой Славянки с дичающим, но все равно изумительным по красоте своем, парком, с разоренными царским дворцом, ротондами, беседкам, разбитыми статуями.

; Самым любимым занятием для Любы были путешествия с дедом Федором по ветшающим залам дворца.

; - Знаешь, - однажды сказала Люба деду, у меня есть друг. Его зовут дядя Коля. Вот бы его сюда! Он бы все тут починил и разрисовал. А ты знаешь, у него есть мой портрет. Настоящий, Большой. Но мы его не могли с собой взять. Он обещал, что сам его нам привезет.

1921 год

; - Люба! Вставай!

Никакого впечатления.

; - Я кому говорю! Лето кончилось и жизнь твоя беспечная кончилась.

; - Mamочка! Еще немножко!

; - Мы с тобой вчера портфель купили? Пенал и ручки купили? Тебя ждет 1-я Единая Трудовая школа.

; - А я хотела учиться в папиной школе.

; - Это и есть папина школа. Только теперь она так называется.

; г. Нарым, Томского края.

; Собственный дом Пермитина В. В.

; Здравствуйте, дорогие мои Василий Васильевич и Наталья! Пишу Вам из далекого города Детское село, которое раньше называлось Царским селом.

Живем мы здесь с Любой. Снимаем комнату у, слава богу, приличных людей.  
; Люба ходит в школу и, пока, с удовольствием. С гордостью показывает мне свои отметки.

; Я стала обыкновенной канцелярской крысой. Стучу на ненавистном мне «Ундервуде» и думаю о том, стоило мне проходить все испытания в жизни, ради такого настоящего.

; Каждое воскресенье мы с Любой ездим в гости к родственникам Аркадия Федоровича. Вот единственное развлечение.

; Но дело не в этом. Большого, настоящего дела нет. Все суета сует. Так революция не делается.

; Вы не думайте, я не ною. Просто жизнь такая мне опостылела и я все больше и больше прихожу к убеждению, что под лежащий камень вода не потечет. Со страхом и желанием думаю о том, что я обязательно переверну все в своей жизни.

; Очень хочется узнать о том, как вы живете.

; А больница в Нарыме в том доме, где у нас театр когда то был, существует? Родюкову наверно сейчас не сладко?

; С глубокой любовью к Вам и всему Вашему семейству.

; Всегда ваша,

; Анна.

; P.S. Обещаю, что следующее письмо будет бодрое, веселое, полное надежд на будущее!

Рабочий день подходил к концу. Анна устала. От напряжения резало в глазах. Она откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

Хлопнула входная дверь. Батьянов с кем то прошел к себе в комнату, оставив дверь открытой.

; Послышались осторожные шаги по коридору, скрипнула ее дверь и кто-то заглянул к ней.

; Анна продолжала сидеть с закрытыми глазами.

; Из соседней комнаты слышались голоса.

; - Спит вроде. Умаялась видно. Вот сердце мое чувствовало - не хотел ее брать на работу. Но ты понимаешь, письма то за какими подписями пришли. Тут шутить — себе дороже.

; - А может письма то поддельные, - Этот голос Анне был незнаком.

; - Проверял я, - под Батьяновым заскрипел стул, - Но ты скажи, почему ею так ЧК интересуется. Все справки на нее требуют и так со мной уже два раза беседовали.

; А что я им скажу? Здесь сиднем сидит. Не пьет, не курит, с мужиками не якшается и дочкой вечерами занимается.

- А в воскресенье куда они шастают?

- Что же я за ней бегать буду? Я в ЧК докладывал. Вот пусть там и проверяют. Анна открыла глаза, потянулась. В соседней комнате сразу замолчали.

- Ну вот, - подумала она, - А ты все на рутину и скуку жаловалась. Вот тебе сейчас веселье устроят, соратнички.

Но ничего не происходило. Тихая, размеренная жизнь продолжалась.

Однажды зазвонил телефон и Анна увидела, через открытые двери, что Батьянов слушает, позвонившего ему, стоя.

- Слушаюсь! - по военному отвечал Батьянов, - Так точно! Все будет исполнено!

Наконец он повесил трубку. Вытер вспотевший лоб платком и позвал Анну.

- Товарищ Иванова вас вызывают в ЧК. Завтра с самого утра.

- Спасибо, - улыбнулась Анна Батьянову. Завтра я прямо с утра с вашего разрешения...

- Я бы на вашем месте не улыбался, - Батьянов сурово сдвинул брови. - ЧК есть ЧК и там по головке не гладят. Так что улыбка ваша неуместна.

\ - А я в любом месте привыкла улыбаться, - Анна насмешливо подмигнула ему. - Вы, главное, не волнуйтесь.

Внешне спокойная она пришла домой, проверила, как Люба написала свои палочки. Покормила дочь и сама, правда без всякого желанья, поела. Легли спать. Долго ворочалась. Постель казалась ей жесткой. Всякие мысли лезли в голову. Только к утру задремала.

Человек в военной форме встал навстречу Анне.

- Товарищ Иванова, прошу присаживайтесь, - и пододвинул Анне стул. - Я пригласил вас вот по какому поводу:

Несколько дней назад пришел запрос о вас из одного ведомства. Как я понял, это чистая формальность. Там и без нас полная ясность была по вашей кандидатуре. У меня сложилось впечатление, что вам могут предложить другую работу.

- Но, соблюдая существующие правила, я был вынужден послать запрос о вас товарищу Батьянову.

- Товарищ Батьянов очень волнуется по этому поводу, - усмехнулась Анна

- Мы с ним проведем работу. До нас дошло, что он не совсем правильно понимает происходящее.

- Спасибо! - Ей показалось, что разговор окончен и она собралась было встать, но собеседник вдруг задал ей неожиданный вопрос, заставивший ее насторожиться:

; - Анна Андреевна, а когда вы в последний раз своих родителей видели?

; Анна насторожилась, пытаясь по интонации спрашивающего понять подоплеку вопроса.

; - За день до ареста.

; - Это же сколько лет прошло? Десять лет! И все это время вы ничего о них не знаете?

; - Через два года после моего ареста, когда я была уже в Нарыме, мой отец с помощью почетных граждан города обратились к министру внутренних дел о

смягчении моей участи.

; Ну, это прошение пошло по инстанциям и дошло до Нарымской жандармерии. Там мне предложили условия, при выполнении которых они дадут благожелательный отзыв о моей персоне.

; - И чем это закончилось?

; - При удобном случае мне добавили еще два года ссылки. - Засмеялась Анна

; - Вам досталось! - в его тоне она наконец услышала искреннее сочувствие.

; - Теперь у меня к вам вопрос, - она подвинулась ближе к столу и даже наклонилась над ним, - А что вы знаете о моих родителях?

; - К сожалению ничего. Ориентировочно с 1918 года ника-ких сведений о них мы получить не смогли. Это ведь теперь заграница.

; Буду с вами откровенен. Либо они смогли эмигрировать до начала погромов, либо... Но я еще раз повторяю: если бы они явились жертвами погромов, то мы бы об этом, с большой вероятностью, знали бы.

- Спасибо товарищ! - Анна встала. - А какое ведомство интересуется моей особой?

; - Ну, Анна Андреевна! Вы же опытный человек. Раз я вам с самого начала не сказал об этом, так и в дальнейшем не уполномочен разговаривать с вами на эту тему.

; Он достал папиросу и разминая ее о чем то думал но закуривать при ней не стал.

; - Очень жаль, что вы с самого начала пришли к Батьянову, а не к нам. На сколько я успел познакомиться с вами, работа у нас была бы вам по плечу и интересна. Очень мне жаль и досадно!

; - Ну, у меня есть еще право выбора. - засмеялась Анна.

; - Если не учитывать партийную дисциплину. Если вам предложат работу — отказаться вы вряд ли сможете.

; - Тогда, до свидания, товарищ!\

; И они прощаясь пожали друг другу руки.

Она шла по улице и напряженно думала о том, что ее ждет впереди. Накаркала она на себя в письме к Пермитиным. Скучно ей, виде те ли, стало. А про Любу забыла? Кто она такая, в первую очередь? Мать. А потом все остальное.

Так ругая себя вернулась она на свое рабочее место. Аккуратно сняла чехол со своего «Ундервуда» и заправила лист бумаги, приготовившись печатать очередной отчет о бурной деятельности Детскосельской партийной организации.

Заглянул Батьянов. Посмотрел на Анну внимательно. Ничего не спросил.

Начиная со следующего дня Батьянов начал раскланиваться с ней при встрече и регулярно предлагал ее кандидатуру в президиум общих собраний организации, подчеркивая, что «наша Анна Андреевна — политкатаржанка. И нам всем пример надо брать с нее в плане служения партии и народу».

; Ничего, ничего, ничего — думала Анна. - Придет время, совсем скоро, и она

будет заниматься настоящим революционным делом.

; Конкретно, что это за дело, она представить себе не могла, но твердо знала, что ради того, что ей предстоит, жить стоит!

В одно из воскресений в дом Анны Ивановны пришла почтальон и с уважением, которое сквозило в каждом ее жесте, вручила Анне пакет с сургучными печатями и попросила расписаться в специальном журнале и обязательно написать, что все печати целы и пакет не вскрывался.

; Анна присела около круглого стола в столовой.

; Анна Ивановна, по своему обыкновению, сидела в кресле и с деланным равнодушием смотрела на пакет, на надпись, напечатанную красной краской, которая шла по верхней его части: «РСФСР. Народный комиссариат иностранных дел», а ниже, уже фиолетовыми чернилами её адрес и точно по середине пакета: Ивановой Анне Андреевне (лично).

; - Какие новости? - небрежно, всем своим видом показывая, что ее мало интересует переписка вдовы племянника, спросила она Анну, которая сломав печати и раскрыв пакет достала оттуда бумагу с такой же красной «шапкой» указывающий, что все, что написана на этом листе родилось в недрах этого почтенного ведомства.

; Анна протянула ей лист.

; « Уважаемая Анна Андреевна! - Анна Ивановна уселась в кресле поудобнее, словно ей предстояло долгое чтение, поправила очки указательным пальцем, тяжело вздохнула и продолжала читать .

; - Отдел кадров Наркомата иностранных дел РСФСР просит Вас прибыть к нам не позднее первого числа августа месяца 1921 года для решения вопроса о Вашем трудовом устройстве в нашем ведомстве и откомандировании в одно из полпредств на срок, определяемый существующим положением.

; Все необходимые документы, рекомендации и характеристики, необходимые для оформления командировки имеются.

; С собой Вам необходимо иметь паспорт и метрическое свидетельство Вашей дочери.

; Вам и вашей дочери забронирован номер в гостинице «Метрополь».

; Железнодорожные билеты в купейном вагоне до г. Москвы Вы можете получить у начальника Московского вокзала в Петрограде.

;

; Заместитель наркома Литвинов М. М.»

;

; Перед подписью стояла наискосок жирная черта и затейливая подпись того, кто имел право подписывать подобные документы за заместителя наркома.

; - Нахалы! - фыркнула Анна Ивановна и бросила письмо на стол. - Они даже не сомневаются, что ты не ответишь им отказом. Ты что, обращалась к ним с просьбой?

; - Нет, - задумчиво ответила ей Анна. - Я — нет!

; - Мне жаль, - небрежно сказала Анна Ивановна, - Как-то я к вам притерпелась.  
- Задумалась и добавила. - Да хранит вас Бог!

; - Большая Анна! - Люба подошла к ней и прижалась щекой к ее плечу. - Мы вам будем писать. Обязательно. А вы нам отвечать. Ладно?

; На вокзале в Слуцке их провожал только Федор Иванович.

; Анна с Любой вошли в вагон и подошли к открытому окну. Федор Михайлович постоял с минуту, опираясь на палку. Потом махнул рукой, как бы отрубая ею что-то, повернулся и заковылял прочь..

; - Деда! - Крикнула Люба.

Он остановился на минуту. Постоял не оглядываясь. Потом опять махнул рукой и тяжело опираясь на палку пошел дальше.

; - А мы с тобой, доча, думали, что наше путешествие закончилось. А оно только начинается. - Анна отошла от окна.

; - Но в папиной школе я учиться наверняка больше не буду, - грустно сказала Люба.

; На второй день после приезда в Москву, когда все необходимые действия по устройству на новом месте, были закончены они встретились у Сольцев. Собралась целая компания томичей: Самуил Чудновский, Ксения Чудинова, Анна с Любой, и Сольц с женой.

; Собственно встреча получилась экспромтом. Анна приехала уговорить жену Сольца посидеть с Любой, пока она будет заниматься на скоротечных курсах НКИДа.

; - Это всего два месяца. Девочка она очень спокойная...

; - Я спокойная, спокойная. - подтвердила Люба. - А в Москве есть зоопарк?

; - Возьми книжку, сядь в угол и дай людям поговорить, - строго сказал Сольц.

; Люба подошла к книжному шкафу и выбрала «Жизнь животных» Брема.

; - Можно?

; Сольц удовлетворенно кивнул ей головой.

; Конечно же разговор пошел об Аркадии.

; - Самуил, - Ксения Павловна ткнула пальцем в сторону Чудновского, - не любит всяких излишней. Однажды, уже после восстановления в Сибири нашей власти, он зашел ко мне в Иркутский губком и мы с ним проговорили всю ночь. Помнишь? Я ему тогда рассказала об Аркадии.

; - Нет, Ксения. Ты даже не можешь себе представить, какой это был человек. Я встретил его 1918 году когда приехал с бронепоездом в Иркутск, а Аркадий работал в Центросибире. Познакомились и очень быстро сошлись, хотя я был рядовой, а он руководил финансами Центросибиря. Совершенно необыкновенный человек!

; - Вы знаете, что он попросил меня принести ему на второе свидание в Томскую тюрьму, - Чудинова сжала кулаки так, что косточки пальцев побелели, - Он попросил принести ему самоучитель игры в шахматы. Имейте ввиду, что он уже был переведен в камеру смертников и знал это. И знал, что организация

его побега провалилась.

- Почему? - спросил Чудновский.

Ксения пожалала плечами, - Мы были как под колпаком. Вся организация. Нам удалось потом просмотреть весь их архив — ничего не нашли. Но их человек, а может быть и не один, были среди нас.

; - Анна, расскажи про Кольчугино. - Попросил Сольц. - Поступок твой заслуживает самой высокой оценки.

; - Какой поступок! Я тогда как сумасшедшая была. Ничего не соображала. - Анна закрыла лицо руками.

; Люба с беспокойством смотрела на мать. Глаза ее наполнились слезами.

; - Ну что ты доча! Все в порядке.

; Люба забралась с книгой под письменный стол Сольца. Оттуда ее и вытащили спящей в первом часу ночи.

; - Действительно спокойная девочка, - согласился Сольц возвращаясь к столу — Два месяца мы возможно выдержим. Так на чем мы остановились? А, провокаторы. Сейчас это становится актуальным...

; Вот провал подготовки побега Аркадия Федоровича... Возможно, что этот господин или господа ушли вместе с белыми, а возможно что и нет, а затаились где нибудь. Бед они могут наделать много.

; Этими господами надо заниматься серьезнейшим образом.

; - Товарищи, - Анна внимательно посмотрела на собравшихся, - А кто меня вытащил из Слуцка?

; - Не кто — сказал Сольц, и поднял, по своему обыкно-вению, указательный палец - а что. Кадровый голод. У нас не так много членов партии с 1911 года, прошедших университеты ссылки, и владеющих иностранными языками.

; - Пойдите, - растерялась Анна, - а каким языком, кроме русского, я владею.

; - Финским. Наверно плохо, но владеешь — усмехнулся Сольц. - Что такое «Perkele» знаешь? Ну вот. Так на чем мы остановились?...

; Раздался телефонный звонок. Сольц поднял трубку:

; - Я слушаю. У тебя в Бухаре все мозги расплавились? Как я тебя могу не узнать!

; Наступила пауза. Сольц согласно кивал головой и заговорщически подмигивал товарищам.

; - Да я тебя внимательно слушаю. Ты совершенно зря горячишься. Анна сидит напротив меня, а Любу мы только что вытащили из-под стола и уложили спать. Сейчас я передам ей трубку. Нет, не Любе. Можешь не острить.

; Сольц протянул Анне трубку.

; - Дорогой Валериан Владимирович! Я в полной уверенности, что вы в Туркестане. Завтра, сразу после занятий, мы вместе с Любой к вам приедем.

; Они вышли из трамвая, прошли мимо огороженной литой чугунной решеткой маленькой церквушки и вошли в узкий проход между двумя серыми высокими зданиями с неправдоподобно большими окнами и множеством подъездов. У

одного из них их поджидал Куйбышев.

; - Знаете что, товарищи взрослые! Дайте мне какуюнибудь интересную книгу с картинками и я полезу под стол спать. - заявила Люба сидя на руках у Куйбышева. - А вы будете говорить всю ночь.

; - С ней проблема. - Анна тяжело вздохнула, - До первого сентября осталась одна неделя. Ей во второй класс идти, а я не знаю когда мы с ней отправимся.

; Валериан спустил Любу на пол, - Там пока спокойно. Я выясню. Но в любом случае в школу ее устраивать надо. Давайте пока что поживите у нас. Здесь мы школу и подыщим. А оставить ее тут ты нет хочешь? Подберем хороший интернат... Шучу, шучу! Расскажи подробно про Томск и Кольчугино. До меня только слухи доходили.

; Новый год встречали у Куйбышевых. Анна вместе с женой Валериана раз пять бегали на рынок, что организовался на Солянке. Наконец было решено, что стол получился, как говорится «Что надо».

; Валериан задерживался. Наконец позвонил по телефону и сказал, что придет не один, а с товарищем по Бухаре.

; - Вот, прошу любить и жаловать, Вениамин Левин. - Куйбышев достает из пакета продовольственное подкрепление: два яйца, два кусочка сахара и несколько ломтиков хлеба. - Вы не смотрите, что такой молодой. Он меня сменил в политуправлении Туркестанского фронта. А ему тогда двадцать четыре года было. А сейчас в академии ума набирается.

; Анна с Любой подошли к коренастому, черноволосому с еще южным загаром на лице, военному с тремя шпалами в петлицах.

; - Мы рады. Давайте знакомиться.

\

1922 год

; «Вот, Анна Андреевна, мы с вами, познакомились с истрией конфликта между РСФСР и Финляндией. Вы знаете, что в 1919 году Олонецкая добровольческая армия была разбита в ходе Видлицкой операции затем в ходе Лижемской операции Красной армией.

; Результатом боев в 1920 году практически освобождена Корелия за исключением Ребольской и Приозерской волостей. И, наконец был заключен Юрьевский мирный договор.

; Это не значит, что наступил мир. Вооруженные столкновения продолжались вплоть до 17 февраля этого года.

; У нас с вами за окном март. Страсти только только улеглись.

; Вы направляетесь на работу во враждебную страну, руководство которой настроено достаточно воинственно в отношении нас. Возможны любые провокации.

; Естественно, что ваши функции, как технического работника, будут строго

определены, но задачи всех работников миссии заключаются в нормализации отношений. как с правительством, так и с местным населением...»

; - Аннушка, милая, - Валериан торопясь надевал шинель. - проводить я вас, девочки мои, не смогу. Полная запарка. Мы вот так сделаем: меня машина отвезет, а потом за вами заедет и доставит вас на вокзал.

Шофер помог загрузить в машину корзину с вещами и они тронулись в путь. Улица поднялась в крутую горку мимо сквера к Политехническому музею и в это момент раздалась трель свистка . Водитель свернул к тротуару и остановил машину.

К ним подошел постовой милиционер и предложил предъявить документы.

- Что-то я не пойму, - обратился он к шоферу. - машина принадлежит гаражу Совнаркома, а едут товарищи из Наркомата иностранных дел. Как это понять мне?

- Я вам, товарищ, все сейчас объясню, - Анна вышла из машины. - Это машина обслуживает товарища Куйбышева, а мы с ним вместе были в Нарымской ссылке. Вот он и решил, что эта машина подбросит нас на вокзал после того, как отвезет его на работу..

- Про ссылку, это я понимаю, согласился милиционер, но не положено вам ездить на машине Совнаркома, раз вы там не работаете. Я сейчас вам извозчика подгоню, а машина пусть в гараж едет.

- Да мы так на поезд опоздаем!

; - Я вам хорошего лихача подгоню. С ним куда угодно доедете во время.

; Милиционер отошел ненадолго и вернулся с извозчиком Лошадь была запряжена в лаковую коляску на дутых шинах.

Быстро переложили корзину с вещами из машины. На прощание страж порядка отдал им честь и Аня с Любой покатали иногда обгоняя попутные машины.

; - Он что, самый главный? - спросила Люба.

; - Как видишь, - пожала плечами Анна и тихо стала смеяться.

; Опять стучат колеса на стыках. Гудит паровоз. Прносятся деревни, перелески, с грохотом пролетают мосты.

; - Что, Любушка! Отвыкла спать в вагоне?

; Проехали день, ночь. Под утро застучали сапоги в коридоре.

; - Всем оставаться на своих местах. Приготовить документы и багаж.

; Граница.

; Только чуть-чуть проехали. Опять:

; - Всем оставаться на своих местах. Приготовить документы и багаж.

; Опять граница. Но уже не наша. Все вещи перевероршили. Что искали у матери с дочкой?

- Товарищ Иванова! Товарищ Иванова! - белобрысый парень махал им рукой. - Вас разве не предупреждали, что я вас встречать буду?

; Анна вспомнила инструкцию.

; - Простите, как вас зовут?

; Белобрысый рассмеялся.

; - Василием меня зовут. Василий Зарубин. Где ваши вещи?

; Анна показала на корзину, стоящую у нее в ногах.

; - И это все? Небогато.

; - А еще я, - сказала Люба. - Меня считайте тоже.

; Василий рассмеялся: - Тебя будем считать дважды, как самый ценный груз.

Они сели в машину. Чуть подпрыгивают колеса по булыжной мостовой. Как все вокруг напоминает Выборг. Даже сердце защемило.

; - Мам! - Ты чего такая?

; - Что, Анна Андреевна, детство вспомнили?

; - Вспомнила, товарищ Зарубин.

; - Меня Василием зовут, если вы не возражаете.

; - Не возражаю. А меня Анной.

; - А меня Любой. - Сказала Люба. - А можно мне погудеть? Я знаю. Надо вот на эту кнопку нажать.

; Они подъехали к трехэтажному особняку. Фасад закрывают липы, стоящие строем по фасаду здания. На третьем этаже окошечки маленькие, квадратные.

; - Вот мы и дома. Теперь жми на свою кнопку, Любаша. - Василий вышел из машины и кивнул головой встречающему их мужчине, - Принимайте новоселов, Иван Кузьмич. - и обернулся к Анне, - это наш комендант по всем вопросам и ответам. Комендант улыбнулся и взвалил на плечо корзину с вещами приезжих.

; Они поднялись на третий этаж. Открыли дверь в небольшую, но очень светлую комнату с двумя кроватями, шкафом для одежды и письменным столом.

; - Здорово! - заявила Люба, - Стол, чур, мой и вот эта кровать.

; В кабинете полпреда собрались все члены миссии.

; - Не так уж и много, - посчитала Анна. - Вместе с ней восемь человек.

; - Представляю вам нового члена нашего коллектива: товарищ Иванова Анна Андреевна. Прошу любить и жаловать. На этом первый пункт нашего собрания считаю исчерпанным.

; Второе: считаю необходимым прочесть вам отрывок из статьи сегодняшнего номера газеты «Юлиоппиласлехти» Обращаю ваше внимание, что это издание, как мы с вами считаем, значит как либеральное. Так вот, что они пишут, либералы эти:

; «Если мы любим свою страну, нам нужно ненавидеть своих врагов. Смерть «Рюссам» будь они хоть белые, хоть красные!»

; - Прочел я всем вам и, в особенности Анне Андреевне, это для того, что бы лишней раз призывать вас к бдительности.

; На этом официальная часть нашего собрания считаю оконченной.

; У нас остался не решенным только один вопрос: В нашем коллективе появился ребенок, который должен учиться, если я не ошибаюсь, в третьем классе. Правильно? В этой связи давайте решим кто какой предмет поведет? Ну, товарищ Зарубин, с вами все ясно — французский язык. Анна Андреевна —

русский и литература. Я узурпирую арифметику. Дальше — каждый по желанию. Занятия во внеслужбное время.

; Они сидели в общей столовой. Ужин кончился. Люба убежала наверх делать уроки.

; - Василий! - Анна повернулась к Зарубину, сидящему за соседним столом, - давно мне хочется спросить вас, да все как-то не решаюсь. Вы часто ездите по стране. Бываете в Выборге. Скажите, есть ли хоть малейшая надежда узнать о судьбе моих родных?

; Я знаю, что произошло в Выборге 25 - 26 апреля 1918 года. Какая там была резня. Убивали и детей, и женщин, и стариков. Всех, кто не фин или карел. Но ведь кто-то спасся.

; - Обещать ничего не буду. - Зарубин хмуро ковырял вилкой в пустой тарелке, - Есть непроверенные сведения, что буквально накануне из Выборгского порта ушел небольшой пароход. Список пассажиров в порту отсутствует.

; Кто нанял этот пароход, кто был его владельцем и куда он пошел — неизвестно. Таинственная такая история. Но похоже, что ваши были на том борту. Надеяться вы можете. Но дальнейшая судьба парохода неизвестна. Если что узнаю — скажу.

; - В любом случае, - Анна посмотрела Василию в глаза.

; - В любом случае, - кивнул он ей головой.

1923 год

В один прекрасный день в начале мая Полпред РСФСР в Финляндии Александр Сергеевич Черных вызвал Анну к себе.

; Ну-с, Анна Андреевна! Кое какого опыта вы набрались. Показываете себя с самой лучшей стороны. А посему решено поручить вам особое задание.

; Недельку тому назад «Финский рабочий спортивный союз» прислал приглашение советским футболистам посетить Финляндию и провести серию товарищеских матчей.

; Нашим правительством это предложение принято и Нарком иностранных дел мне, как полпреду, дал задание оказать самую действенную помощь нашим спортсменам для успешного проведения встреч. И рассматривать это надо нам, как мероприятие прежде всего политическое и ответственное.

; Вот ознакомьтесь с приказом:

; «Приказ от 5 мая 1923 года Высшего совета по делам физической культуры и спорта.

; Для защиты спортивной чести первого в мире государства рабочих и крестьян в соревнованиях с футбольными командами Финляндии создать сборную команду РСФСР в составе: Полежаев, Гостев, Воног, Батырев, Легунов, Григорьев, Бутусов ( Капитан команды) — из Петрограда. Исаков, Канунников, Старостин, Старостин и Соколов — из Москвы» Матчи провести в мае месяце в

городах Хельсинки и Выборге.

; - Все мероприятия по автотранспорту и проживанию в гостинице обеспечивает комендант полпредства. За вами, Анна Андреевна — партийное руководство. На период проведения матчей с вами будет Зарубин и, естественно, автомобиль. Возьмите «Линкольн». Он представительней.

; Состав медленно подходил к перрону. Василий и Анна прикинули, где должен остановиться четвертый вагон, в котором ехала наша делегация. Чуть в стороне стояла группа финнов, встречающих российских спортсменов.

; Анна и Зарубин раскланялись с ними. Финны чопорно, ответили тем же. На сердце у Анны немного отлегло. Провокации, очевидно, не намечалось.

; Состав остановился. Открылись двери и проводники вышли на перрон. Анна и Зарубин вошли в вагон.

; - Здравствуйте, товарищи! Мы представители советского полпредства. Я — Анна Иванова. Вместе со мной Василий Зарубин.

; В ответ грянуло дружно: «Физкульт-привет-привет-при-вет!»

; - На перроне вас ждут финские господа. После приветствия направляйтесь к автобусу и в гостиницу. А уж там договаривайтесь о порядке встреч. Только меня не забудьте.

; - Мы вас в ворота поставим.

; - Согласна, - засмеялась Анна. - Я только юбку подлиннее надену.

; После недолгих переговоров первый матч был назначен на 19 мая.

; Анна с утра была на стадионе и стояла у выхода из раздевалки спортсменов. Через минут пятнадцать приехала наша команда. Игроки переоделись и выбежали на поле для разминки. Трибуны потихонечку заполнялись болельщиками. Приехали финские футболисты. Появились судьи.

; К Анне подошли представители Финского рабочего спортивного союза одетые в черные костюмы с вышитыми на пиджаках золотыми эмблемами. Вежливо раскланялись.

Анна наклонила голову.

- Мы отвели для госпожи Ивановой очень хорошие места.

- Ничего, - Анна тряхнула короткой стрижкой, - Мне тут удобней.

Фины пожали плечами и отошли, о чем-то беспокойно переговариваясь.

Анна насторожилась. Почувствовала, что что-то должно произойти.

Футболисты, размявшись, ушли в раздевалку.

Представители Финляндии подошли к одному из флагштоков и подняли бело-голубой флаг Финляндии. Зрители приветствовали подъем флага стоя аплодисментами.

Анна ждала когда поднимут флаг РСФСР, но люди, поднявшие финский флаг повернулись и не спеша поднявшись на трибуну как ни в чем не бывало, спокойно сели на приготовленный им места.

В этот момент заиграл оркестр и из-под трибуны стали выбегать футболисты и выстраиваться полукругом для приветствия. За ними в центр поля выбежали

судьи.

- Василий Павлович! - Крикнула Анна Бутусову и махнула рукой, подзывая его к себе.

- Что случилось, Анна Андревна?

Анна показала ему рукой на голый флагшток. Бутусов кивнул головой и подбежал к судьям, указывая им на отсутствие второго флага.

К центру поля вышли представители Финского спортивного союза и в чем-то стали убеждать судей и игроков.

Анна не спеша направилась к центру поля.

На трибунах угрожающе загудели. Раздались пронзительные свистки.

Она спокойно подошла к группе людей, обсуждавших ситуацию. Послушала препирательства Бусоваться с финскими функционерами. Хлопнула в ладони, привлекая к себе всеобщее.

- Матч не начнется до тех пор, пока на флагштоке не будет поднят красный флаг РСФСР. - сказала она спокойно.

- Но у нас нет красного флага. - Господин, очевидно возглавлявший спортивный союз, развел руками. - В Фин-ляндии вообще нет красных флагов. Госпожа Иванова должна знать это.

Он насмешливо смотрел на Анну и разводил руками.

- Понимаете? Нет красных флагов. Во-об-ще!

- Я пойду вам навстречу — вежливо улыбнулась Анна

- Это прекрасно, - торжественно воскликнул глава спор-тивного союза, - Мы так и предполагали, что вы разумная женщина. Давайте начинать игру.

- Разумная, разумная, - согласилась Анна, - Еще какая разумная! - и повернулась к игрокам. - Василий Павлович, ребята! Матч не начинать, пока я не вернусь. Я возьму в полпредстве запасной флаг.

- Что она сказала? Переведите срочно! - забеспокоился руководитель спортивного союза Финляндии.

Переводчик перевел.

Руководитель союза повернулся, что бы что-то сказать, но Анна быстрым шагом, почти бегом, направилась к выходу со стадиона и махала рукой Зарубину.

Они подъехали к зданию полпредства.

- Я пока знамя вынесу, а ты открой крышу у автомобиля,

- Зачем? - удивился Василий.

- Я что, как тряпку знамя моей страны повезу? Нет уж, милые! Повезу его нормально. Как знамена возят. Я им покажу какая я умная. Долго помнить будут!

Такого в Хельсенки еще не видели. По улицам ехала белая машина с открытым верхом. В машине стояла молодая черноволосая женщина с развевающимся красным знаменем в руках. Прохожие останавливались и с беспокойством прово-жали ее глазами.

- Василий! Если ворота на стадион открыты — въезжай в ворота. За меня не беспокойся. Я держусь крепко.

Футболисты в ожидании начала матча лежали на траве. Кто-то лениво перебрасывался мячем.

-Братцы, гляньте! - Богатырев вскочил с газона поля.

По беговой дорожке вокруг футбольного поля медленно двигалась белая машина с открытым верхом. Над машиной развевалось красное знамя.

И наши и финские футболисты, лежащие на газоне, поднялись на ноги. За ними медленно стали подниматься зрители на трибуне.

; Бутусов подбежал к остановившейся у флагштоков машине и взял из рук Анны знамя.

; В полнейшей тишине знамя медленно поднималось по флагштоку над стадионом.

- К Анне подошел финский переводчик:

- Уберите немедленно машину со стадиона иначе судьи защитят вам поражение за попытку срыва матча.

Анна лениво села на заднее сидение и махнула рукой, - Вась! Поехали, - и добавила шепотом. - У меня, между прочим, ноги дрожат.

Футболисты выстроились для приветствия. Судья засвистел в свисток. Первый товарищеский матч серии начался. Анна с Василием стояли у кромки поля.

К концу второго тайма Анна окончательно охрипла и, каждый забитый нашими футболистами гол, сопровождала таким хриплым криком, что Зарубин, покатываясь от хохота, вытирал рукою слезы и убеждал всех вокруг, что точно так в беловежской пуще кричат зубры во время гона.

Возвратившись в полпредство Анну вызвал к себе Черных, но быстро понял, что разговор состояться не может.

- Идите и лечите горло, - только и сказал он Анне

Первая встреча закончилась со счетом 5 : 0 в пользу команды РСФСР.

На следующий неделе переехали играть в Выборг.

По городу одной не ходить, - строго предупредил Зарубин Анну. - Завтра познакомлю тебя на стадионе с одним чело-веком.

Человек этот подошел к ней на стадионе сам и сел рядом. Она узнала его.

- Я очень знаю ваш вопрос. Вы, так скажу, меня не пом-ните?

- Помню, - Анна старалась не смотреть в его сторону. В это время наши забили третий гол. Болельщики на трибуне вопили как сумасшедшие, - Вы работали в подвале у отца. Вы и еще один товарищ.

- Все так, - согласился подсевший к ней мужчина. - Они успели уехать на пароходе. Но я не знаю, дошел ли пароход туда где надо. Вот все, что я могу сказать вам. Вы стали совсем большая и красивая.

- Спасибо!

Он встал и ушел не простившись. Поднялся вверх на трибуну и смешался с толпой болельщиков. Она обратила внимание, что во время их встречи Зарубин

все время оглядывался кругом, словно кого-то искал. Потом, когда человек исчез в толпе, успокоился.

В это время наши забили еще один гол. Трибуны возмущенно гудели.

Анна старалась не расплакаться.

- Ну-ну, - успокаивал ее Зарубин. - Приведите свое лицо в порядок, товарищ, иначе окружающие поймут это приватно.

И все последующие матчи были выиграны нашей командой с общим счетом 70 : 3. Впечатляющий результат.

- Ну, голубушка, с задачей своей вы справились. И у меня к вам претензий нет. А вот у правительства Финляндии претензии к вам есть и они будут, на сколько я понимаю ситуацию, выражены в ноте.

; Черных задумался. - Поступили вы правильно и другого выхода у вас не было.

Единственное замечание: зачем так демонстративно? Почему столько эмоций?

Я понимаю, что заставить людей на трибуне встать при появлении нашего флага не просто, но вы должны знать, что настоящий дипломат никогда не позволит себе такого проявления чувств.

- Анна пожала плечами:

- Так получилось. Они очень меня разозлили. Они хотели, что бы я почувствовала себя и страну, которую я представляю, второсортной.

- Ну, это я тоже понимаю, зная вашу биографию. Будем ждать неприятностей вместе. Оргвыводов, как говорится, делать не будем.

В Москве ноту получили через неделю.

Сталин повернулся к наркому иностранных дел:

- Что у вас там, Максим Максимович за хулиганство в полпредстве Финляндии? Финны так грозно пишут в своей ноте.

- Иосиф Виссарионович! Финны отказывались поднять флаг РСФСР на стадионе во время футбольного матча. Свой подняли а наш нет.

- Я не про то спрашиваю, что они отказывались. Я про то, что через всю их столицу везли знамя как на параде. Это кто так придумал?

- Работник посольства. Новенькая и не опытная. В связи с нотой она выслана из страны в 48 часов.

- Кто такая?

- Иванова Анна Андреевна.

- У нас в стране тысячи Ивановых. У вас ее дело? Покажите мне.

Он перелистал страницы папки. На некоторых листах останавливался и внимательно прочитывал. Отложил дело в сторону и то ли задумался, то ли вспоминал что-то.

- У меня такое мнение, что нечего этому товарищу у вас делать в посольствах. С ее характером она где угодно революцию устроит. А нам с вами потом отдуваться.

Чуть заметно усмехнулся, будто вспомнил что.

Стоявшие рядом с ним переглянулись.

- Ее место сейчас скорее в ЦКК. Не смотрите, что молода. Человек — молодой, большевик - старый, политкатаржанка. Но это только мое мнение, а уж вам решать с товарищем Куйбышевым как с этим товарищем поступить. Наказать или миловать

Помолчал и вдруг добавил, улыбнувшись в усы:

- Рондо.

И никто из стоящих рядом, не понял, о чем это он.

- Здравствуйте! Давно не виделись. - Куйбышев обнял Анну.

Люба полезла целоваться.

- Хорошо ты по Европе прокатилась. Говорят, что такой зверской ноты отродясь наши дипломаты не получали.

Теперь давай по делу: Так как ты будешь работать фактически у меня — совместное проживание отменяется. Сегодня с Любой вы еще у нас переночуете, а завтра поедешь смотреть свою комнату. Мне доложили, что это где-то на Большой Почтовой. До работы далековато, но ничего. Перетерпиться. В Москве комнату получить — событие.

Два дня вам на устройство, а потом за работу. - Посмотрел на Любу, - ну ладно — три дня даю. Но больше не могу. Работы через край.

Работа трудная, нервная, ответственная, иногда опасная. Связанная с поездками по стране. Не пугаю - предупреждаю. Должность называется партследователь. Согласия твоего не спрашиваю. Считаю, что это партийное задание.

Есть еще одно дело, которое ты не планируешь, а сделать его придется срочно. Многие проблемы сами собой снимутся.

- Что еще? - Испуганно спросила Анна

- Надо зайти тебе в музей революции. Это бывшее дворянское собрание на Тверской. Там в первом или во втором зале стенд посвященный Аркадию Федоровичу. Зайди обязательно и поговори с музейщиками.

- Какие мои проблемы может решить музей революции? Что-то ты Валериан Владимирович не договариваешь.

- Не договариваю, - согласился Куйбышев. - Хотел сюрприз тебе устроить. Ну да ладно! С пол года тому назад пришел к музейщикам художник один и предложил им свою панораму «Оборона Царицина».

Анна опустила на край стула, - Котов!

- Котов, - подтвердил Куйбышев. - Найти его ты сможешь в Новодевичьем монастыре или в музее. В музее скорее.

- Почему в монастыре? - забеспокоилась Анна.

- А он там комендантом по совместительству работает. И живет там и мастерская его там. Я не был. Времени нет свободного, а товарищи были. Говорят интересно.

Крутая деревянная лестница с крышей прикреплена прямо к высокой монастырской стене. Три пролета один за другим. Считаю, высота с

трехэтажный дом. Дверь собранная из толстенных досок ведет прямо в стену. Малюсенькая прихожая. Одна дверь в кухонку, другая в комнату. Комната побеленная. И стены и потолок. Там где побелка отлетела видна черная краска. Такое впечатление, что когда-то вся комната была покрашена в черный цвет.

- Кто там?

- Это я, Коля.

- Господи! Анна, Люба! Как вы нашли нас?

Распахнулась дверь в глубине комнаты.

- Таня! - завизжала Люба.

Сидели за столом. Колина жена, беременная третьим ребенком, поджав губы, разливала морковный чай по чашкам. Анна достала кулек сахара, привезенного из Финляндии. Настроение у Колиной жены немного исправилось.

Она все время старалась понять, где будет жить Татьяна. По нынешним временам лишний рот — проблема. Тем более, что Татьяна никак не могла устроиться на работу.

- Как вы здесь оказались? - Анна никак не могла смириться, что все происходящее — явь.

- В Томске художники не нужны. Работы совсем нет. А у меня семья — сама видишь,

; Коля сделал вид, что положил сахар к себе в чашку и усиленно стал размешивать ложкой. - Вот снялись с места. В музее революции нашлась работа. Панораму делаю. Целая бригада образовалась художников. Потом музейщики меня сюда пристроили. Это знаешь, что за помещение? Келья матери настоятельницы. Монастырь то не функционирует. Вот я стараюсь что б не разграбили. А ты то как?

Анна махнула рукой:

- Меньше, Коля, будешь знать — спать спокойней будешь.

- Понятно, - пробормотал Котов и с уважением посмотрел на Анну.

Люба с Таней шептались в углу.

На следующий день наняли извозчика и привезли на Большую Почтовую зеленый сундук обитый полосками железа, покрашенными в черный цвет, кровать для Татьяны, и большую картину, на которой была нарисована сидящая на столе девочка в кружевном платье и громадными бантами в волосах.

Ехали сидя на телеге. Картину двумя руками держала Люба так, чтобы все кругом видели этот шедевр. Анна вцепилась в кованную ручку сундука и, почему то, все время вытирала платком слезы. Таня придерживала спинки кровати с блестящими шариками и все время переспрашивала о том, сколько соседей в квартире и сколько метров в комнате, есть ли газ и где стираются и моются.

- А уборка общего пользования рассчитывается по ком-натам или по жильцам?

- Я не знаю, - растерялась Анна.

- Надо по жильцам, - решительно сказала Татьяна, - На рынке все говорят, что

бы по жильцам. А детей не считать. И что б у каждого свой счетчик. Ты паек то получать будешь?

- Я не знаю.

- Плохо, – вздохнула Татьяна, - если не знаешь — значит получать не будешь. Так бы заранее сказали. Плохо без пайка.

С этого дня они зажили втроем.

1924 год.

Первое, что пришло ей в голову, бежать к Куйбышеву. Потом сообразила, что он наверняка поехал в Горки.

Значит надо к Сольцам.

Одна она просто не могла оставаться. Сердце колотилось и в голову лезли какие-то дикие мысли.

Совершенно необходимо поговорить с человеком, которому полностью доверяешь.

Известие о смерти Ильича не застало ее врасплох. О состоянии его здоровья ей было известно.

Ей теперь очень многое было известно. О чем то она догадывалась, что-то случайно слышала, что-то становилось ясным при разборе дел, которые она вела.

Однажды Куйбышев сказал, что «у работников ЦКК должна быть своя точка зрения на происходящее. Точка зрения, а не кочка зрения».

Анна позвонила домой. Подошла Татьяна.

- Я наверно сегодня не приду ночевать. Вы не беспокойтесь.

Следующий звонок Сольцам.

; - Арон Александрович! Это я, Анна. Можно к вам приехать?

- Приезжай.

; Убрала бумаги в сейф. Заперла кабинет. Предъявила пропуск часовому на выходе из здания. И у того лицо, словно в воду опущенное.

; - Арон Александрович! Что будет?

; Сольц большими пальцами рук оттянул подтяжки, поддерживающие его брюки, и резко отпустил. Раздался щелчок.

; - Я не оракул, но зная законы развития общества, хоро-шего не жду. Обычно революции своих детей пожирают.

; - Что же делать?

; - Жить, работать. Каждый на своем месте. Работать так, что бы не дать этой гидре пожрать лучшее, что у нас есть — людей. Ты в таком месте работаешь — тебе и карты в руки

; - Это значит рисковать своей головой?

; - А ты ею никогда не рисковала?

; - Я была одна.

; - Ну, тогда меняй работу. Помню, ты шить умела и Аркадий Федорович машинку тебе подарил после родов. «Зингер» вроде называется. Цела машинка-то? По теперешним временам свой салон открыть сможешь.

; - Салон — это хорошо, - Анна поднялась из-за стола, - Салон — это дело. За совет спасибо. - Встала и направилась к двери.

; - Куда пошла? - Закричал Сольц. - Она тут у меня еще обижаться вздумала!

; - Арон Александрович! А я ведь себя вашей ученицей считаю. Так чего же вы спрашиваете, куда я пошла.

;  
;  
;

## КАРТОЧЬИЙ ДОМИК

( Все о нас)

Часть 2

1925 год

Анна в полном изнеможении откинулась на спинку стула и закрыла глаза. За окном темнело. День, похожий как две капли на все предыдущие, заканчивался. Многомесячная работа с однообразными, похожими друг на друг, как две капли воды, письмами, связанными сначала с проведением XIV партийной конференции, а затем подготовкой и проведением XIV съезда партии, вымотала ее совершенно.

; Нескончаемый поток жалоб и разоблачений врагов народа захлестнул ее.

Порой ей казалась, что все эти письма пишет один и тот же человек. Стиль писем, во всяком случае, мало отличался друг от друга.

; Она зажгла настольную лампу. Встала, что бы погасить верхний свет и опять сев, постаралась поудобнее расположиться на довольно жестком стуле.

; Может подушечку смастерить и подкладывать? - Пришла в голову конструктивная мысль и сразу была отброшена.

; - Во, придумала! - С насмешкой обратилась она сама к себе, - До подушечного возраста тебе еще расти и расти. Ты еще сшей себе сатиновые нарукавники и под ноги коврик постели, что бы ноги не мерзли.

; Снова встала и стала мерить комнату шагами. Десять шагов вдоль, шесть — поперек.

Абсолютно отупела, абсолютно одурела. Голова — кочан капусты и мозги, конечно, пусты, - шепотом напевала, маршируя по комнате.

Совершенно неожиданно она вспомнила с какими надеждами год тому назад она подошла к этому зданию.

; Ее первый рабочий день, начался с того, что она заполнила анкету в отделе кадров, ответив на добрых три десятка вопросов. Усмехнулась, подумав, что молодость это счастье. В старости такую анкету не заполнишь. Половину ответов забудешь.

; Посидев какое-то время одна в комнате, где ее попросили подождать,

дождалась фотографа, который несколько раз ее сфотографировал.

; Ее так и подмывало похулиганить и повернуться во время съемок в профиль и в фас, как когда-то фотографировали ее в тюрьме, но она сдержалась. Не время и не место.

; Затем работник отдела кадров проводил ее на третий этаж. Они прошли длинным коридором с казавшимся бесконечным рядом дубовых дверей. Вдоль коридора была постелена красная ковровая дорожка, скрадывавшая шум шагов.

; Подошли к одному из кабинетов и сопровождающий ее сухощавый, молчаливый мужчина в строгом костюме, отперев ключом дверь, жестом предложил Анне войти в кабинет и, передав ей ключи, тихо удалился, предварительно объяснив, что один ключ — от двери, который необходимо каждый вечер сдавать внизу дежурному, а второй — от сейфа, сдавать не надо, а хранить как зеницу ока.

; Кабинет был не очень маленьким. Для одного человека даже очень и очень не плох. Стены обшиты светлыми деревянными панелями. В центре комнаты стоял письменный стол с двумя телефонными аппаратами и настольной лампой, несколько стульев, в углу тумбочка с небольшим сейфом на котором стоял графин с водой и два стакана на стеклянном подносе, по стене - два шкафа. Один для одежды, второй с пустыми полками, очевидно для книг. На стене висел портрет Ильича, читающего газету.

; Анна села за стол и стала ждать, когда ее пригласят на первое собеседование и более серьезный инструктаж.

; Время шло. Вокруг все было тихо. Ни шагов по коридору ни звонков по телефону.

; Наконец в дверь небрежно стукнули, ради проформы, как она поняла, и вошла женщина с папкой и журналом в руках. Сухо поздоровавшись она положила перед Анной тоненькую папку и попросила расписаться в журнале.

; На обложке папки крупным шрифтом было написано «Дело №» и еще несколько строк, на которые Анна сначала не обратила внимания. Ей не терпелось посмотреть что внутри.

; С любопытством она открыла папку.

; Первый лист — опись документов.

; Как значилось в описи, листов было всего три.

; Прочитав первую страницу, написанную аккуратным почерком, она с облегчением поняла простоту и абсолютную ясность этого дела.

; Честный партиец разоблачает, окопавшуюся в руководстве его партийной организации, группу оппортунистов, воров, иностранных шпионов, планирующих отравление всего коллектива при помощи свинца, завезенного в больших количествах и хранимого тайно в подвале.

; Свинец у Анны ассоциировался с патронами, так что ее первым желанием было наложить соответственную резолюцию, утвердить ее у руководства и отправить либо в прокуратуру, либо в ОГПУ. Практически письмо указывало на

существование действующей террористической группы.

; Отодвинув от себя папку с делом она представила себе как лихие оперативные работники врываются в кабинеты, оккупированные врагами первого в мире государства рабочих и крестьян.

; Что-то остановило ее.

; Она еще раз внимательно просмотрела страницы дела. Обратила внимание на то, что углы их замяты, а на письме разоблачителя напротив некоторых строк стоят какие-то пометки карандашом. Состояние папки подсказывало, что этим делом занимались до нее и очевидно долго.

; Следовательно это дело уже побывало в чьих-то руках. Вывод напрашивался сам собой — ее проверяют на профессиональную пригодность.

; Это покорило ее. Она вспомнила как ее готовили к работе в НКВД и в посольстве, сколько раз обсуждалось каждое задание, прорабатывались все возможные варианты. Были, конечно, недоразумения. Из-за одного из них теперь она работает здесь.

; - Ладно, - сказала себе Анна. - К Валериану я конечно не побегу, но дело это доведу до конца сама. Глупая я, глупая, да не очень. Начнем мы с даты, когда это дело заведено. Так, прошло два месяца. Теперь адреса.

; Она посмотрела на титульный лист. Слава богу, это в Москве. Улица Мясницкая, организация ВХУТЕМАС. Что это может обозначать? Судя по тому, что написана в письме, все это связано с художниками и типографистами. Может быть начать с Коли? А вдруг он знает всю подноготную?

; Анна достала дневник партследователя, выданный ей в отделе кадров — блокнот одетый в коричневый коленкорный переплет, регламентирующий множеством своих граф, всю деятельность его обладателя, и аккуратно записала в графе «Мероприятия по делу №»

; 1. Встреча с художником Н. Г. Котовым

; 2. Поездка во ВХУТЕМАС и возможная встреча с руководством и автором письма.

; Колю она нашла в музее революции. Он повернулся к ней, растопырив испачканные в чем-то белом, руки.

- В какую аферу ты собираешься меня втянуть на это раз? - он наклонился и поцеловал ее в щеку. Словно клюнул.

- Никаких афер. Тебе некогда? Тогда я тебе в двух словах, а ты мне очень подробно расскажешь все что ты знаешь о ВХУТЕМАСЕ.

Коля нагнулся и стал отмывать руки в ведре с водой.

- ВХУТЕМАС это такой зверинец, где все едят друг друга. Если дружат, то против когонибудь, - Он стал искать, - чем бы вытереть руки. Тряпка на глаза ему не попадалась и он вышел из создавшегося положения используя для этого свои брюки. - Одним словом, - Продолжал Коля не обращая внимания на укоризненный взгляд Анны. - Сборище художественных натур, талантов, гениев и прочее и прочее. Плюс к ним когорта примазывающихся, которые ничего не

умеют делать кроме создания бредовой обстановки. Таких, как ты понимаешь, большинство. Я, лично, туда ни ногой. Об меня они уже зубы свои обломали. Но, должен тебе сказать, иногда там встречаются приличные люди.

- Можешь сказать мне, с кем из приличных я могу поговорить? Меня интересуют не художники, а мастера-печатники. Те, что учат студентов печатному делу.

; Коля наконец нашел тряпку и вытерев руки насухо запустил их в уже седеющую гриву.

; - Из этих я почти никого не знаю. Но есть там один томич по фамилии Готман. Преподает то-ли физику, то-ли химию, то-ли еще что. Сама понимаешь, раз из Томска, значит приличный. Мы с ним один раз пиво пили.

; Готмана она нашла быстро.

; Высоченного роста, карие, чуть навывкате глаза, орлиный нос, богатейшая шевелюра откинута назад, открывает высокий лоб. Разговаривать с ним стоя очень неудобно — все время приходится задирать голову, что бы смотреть в глаза, но в коридоре сесть не на что.

; - Вы меня не помните? - Спросила Анна радостно улыбаясь. На такой успех она и не рассчитывала.

; Готман посмотрел на нее с сомнением.

; - Ну же! - Подстегнула она его память. - Мы с вами были знакомы в Томске, когда вы ночами печатали для нас прокламации.

; - Ну да, - он улыбнулся виноватой улыбкой. - Только вы тогда были с такими косищами. Теперь вы хотите, что бы я опять начал печатать вам листовки? У меня прямо руки чешутся.

; - На кого чешутся? Может быть я помогу вам без листовок?

; - Да нет, - глаза у него стали грустные, грустные. Он наклонился к ней и таинственным шепотом произнес - Они не истребимы. Вы мне не поверите. Пока я учился сначала в гимназии, а потом в университете там, в Томске, пока я работал в типографии там же в Томске, они мне как-то не попадались. То есть, я знал теоретически, что они где-то существуют, но в Томске они мне не попадались. Видно основная их часть скопилась тут, в центре. Может быть из-за климата? Все таки он в Москве мягче чем в Томске. Что вы думаете по этому поводу?

; - Вы о ком речь ведете?

; - О дураках и подлецах.

; - Житья не дают? - посочувствовала Анна.

; - Не дают, проклятые!

; - Что так?

; - Война идет за плацдармы. Нам всем катастрофически не хватает помещений. Слава богу у нас машины тяжелые. Просто так их не выкинешь. А ведь пробовали однажды.

; Теперь вот пишут письма. Раз пишут, значит едут комиссии. И нет им числа. А

когда делом заниматься? И не понимают, невежды, что мы те, которые пропагандирует их искусство. На выставку к ним придут сто человек. Ну, не сто, а тысяча. - Смилостивился Готман. - Это же капля в море. Мы же напечатаем журнал с репродукциями их картин тиражом в сто тысяч. Что вы по этому поводу думаете?

; Он подождал чуть-чуть пока Анна выскажет ему свои мысли и махнул безнадежно рукой.

; - Не понимают!

; Потом Анна поговорила с секретарем партийной ячейки который немедленно проводил Анну к самому высокому начальству, впавшему в ступор при виде предъявленных ему документов, удостоверяющих принадлежность прибывшей дамы к высоким контролирующим органам.

; На помощь растерявшемуся руководству, по его зову, прибыла целая армия деятелей искусства.

; Анне популярно постарались объяснить, что симбиоз живописи, ваяния и полиграфии является нонсенсом. При условии острого дефицита помещений, плохо пахнущие и грохочущие печатные машины не способствуют появлению высокохудожественных произведений социалистического реализма. Если полы трясутся, то думается не о высоком, а о том, не провалимся ли мы однажды в тартарары.

- То есть о низком! - Заржал кто-то в толпе поддержки.

; Наконец через толпу представителей изобразительного искусства пробился небритый субъект в огромных очках и с проносом, объясняющимся, очевидно хроническим, насморком. Периодически доставая из разных карманов цветные платки он поведал ей страшную историю о том, что эти люди, он указал рукой куда-то вниз, в сторону первого этажа, где располагались печатные машины, завезли громадное количество свинца.

- Зачем они завезли этот свинец и как они хотят его использовать? - Он внимательно посмотрел на Анну, - А не собираются ли они им нас просто вытравить отсюда? - Спросил он шепотом, а затем повысил голос до отчаянного крика. - Но можно этот факт рассматривать и как контрреволюцию! - Он опять перешел на шепот, - Вы меня понимаете? Свинец! Что же касается повального воровства в этом, так сказать, подразделении, то я уже писал по этому поводу.

; Попасть на первый этаж где, действительно, громко пыхтели и стучали печатные станки она не смогла. Представители изобразительного искусства очень тактично, под локоток, проводили ее на улицу и порекомендовали воспользоваться автобусом.

; - Вы к нам на авто? Ах, своим ходом. Тогда прямо по Мясницкой и вы будете у себя. Мы надеемся на вашу объективную оценку происходящего. К сожалению, нам придется сообщить вашему руководству, что прежде чем познакомиться с нами — руководством организации, имеющее колоссальное политическое значение, что бы правильно и объективно оценить обстановку, вы провели

беседу с малозначащим лицом, против которого имеется достаточное количество компрометирующих материалов. Всего вам наилучшего!

; - Ах, паразиты! Насмежаются и еще грозят! - Шептала Анна, быстрым шагом направляясь к себе. - Плохо они меня знают.

; - Анна Андреевна! Где вы были? Вас Шкирятов ра-зыскивает.

; - Матвей Федорович!..

; Анне пришлось сразу прикусить язык. Такого разноса в своей жизни она еще не получала. Она сидела на краешке стула и сначала пыталась вникнуть, о чем идет речь. Потом она подумала о том, что пока она возвращалась, эти, из ВХУТЕМАСа успели ему позвонить. Что же они ему наговорили?

; Ей не сразу удалось понять в чем ее обвиняют. На нее изливался поток общих слов, стандартных фраз.

; Шкирятов не кричал. В принципе со стороны, если не вникать в смысл того, что ей приходилось выслушивать, разговор казался напряженным, но в рамках приличия. Только вот о чем? Разнос или беседа продолжался не менее получаса. В конце концов до нее дошел смысл происходящего.

; Улучив паузу, необходимую Шкирятову для того, что бы отхлебнуть чай из стакана, стоящего у него на столе, Анна вскочила со стула и предано глядя в глаза руководству с жаром выпалила:

; - Матвей Федорович! Полностью согласна с высказанными вами претензиями. Вы мне преподнесли хороший урок, а ученица я прилежная. Вы в этом сможете убедиться.

; Анна ожидала, что он растеряется, но этого не случилось. Матвей Федорович прищурился и чуть заметно усмехнувшись, постучал указательным пальцем по краю стола и разрешил ей идти трудиться дальше.

; Она вышла из кабинета Шкирятова и присела на подо-конник в коридоре.

; - Идиотка! Могла бы и должна была понять, что раз к тебе не приходят с инструкциями, то ты должна сама ходить и получать их. Разные системы. Разные подходы.

; Скорее всего Куйбышев технологией и моральным климатом тут не занимается. Но говорить ему о происшедшем она не будет. То, что сейчас произошло — проверка. Элементарная и примитивная.

; Почему-то во рту было противно, будто съела червивое яблоко.

; На следующий день ей принесли второе дело.

; Практически оно ни чем не отличалось по своему характеру от первого. Опять бдительный партиец разоблачал руководство своей организации.

; Она пошла к Шкирятову.

; - В следующий раз — Секретарша любезно улыбнулась Анне, - вы мне позвоните и я вас запишу на прием. А сейчас подождите. Возможно товарищ Шкирятов вас примет.

; Ее приняли. А секретарша неожиданно одарила дружеской улыбкой.

; Анна положила Шкирятову на стол обе папки. Тот мельком просмотрел их.

; - Ваше мнение, Анна Андреевна.

; - Мне кажется, что оба дела стоит переадресовать в городской комитет, а мне взять на контроль их решение и довести до вашего сведения о результатах.

; Шкирятов долго молча смотрел на нее.

; - Кто вам подсказал такое решение?

; - У меня нет в ЦКК знакомых товарищей, а за стенами кабинета, меня давно приучили, не беседовать с кем либо на любые темы, связанные с работой.

; Он удовлетворенно хмыкнул. Пододвинул обе папки к себе и обмакнув перо в чернильницу наложил две одинаковые резолюции и размашисто подписался.

; - Черт возьми! - Анна постаралась не показать, что расстроилась. - То, что я ляпнула ему - обыкновенная бюро-кратическая уловка. А он проглотил ее и, судя по всему, с удовольствием Если так дальше пойдет, то во что я тут превращусь?

; Она подходила уже к двери, когда услышала за своей спиной:

; - Анна Андреевна, а какая у вас была партийная кличка в подполье? Не «Рондо» случайно?

; Анна вздрогнула, остановилась и медленно повернулась к Шкирятову.

; - У меня не было клички, но так иногда звали меня наиболее близкие мне товарищи в Нарымской ссылке.

; Она посмотрела ему прямо в глаза. Спокойно. Без вызова. Повернулась и пошла к выходу из кабинета.

; Ах как ей понравилась эта, сконструированная ею, фраза! Ах, как она была довольна собой! С ее точки зрения экспромт был, что надо!

; «Рондо». Значит он ее помнит. Ведь кроме этого человека никто не может знать, с чем связано название пера.

; - Я скажу, что бы мусор вам больше не давали. - услышала она сказанное ей во след Шкирятовым.

; - Нет, - решительно заявила себе Анна, сидя на знакомом подоконнике, - Я не идиотка. Я мудрая женщина и результат экспромта сказался немедленно.

; Но все это чем-то напоминало ей Детское село. Только уровень повыше и, следовательно, бед можно наделать здесь побольше.

; Главное чего она добилась, это то, что контроль за этими делами будет поручен ей. Второе дело — действительно кажется «мусор», а вот первое я доведу до конца. Художники конечно нахалы, но ребята хорошие, конечно кроме того, который с насморком и того, который ржал как лошадь.

; Учить молодежь специальностям типографов — не менее важно и помещение им выбивать надо.

; Она начинала осознавать масштаб дел, которыми приходится заниматься.

; Мимо нее прошли двое сотрудников. Удивленно посмотрели на сидящую на подоконнике незнакомую женщину. Один из них на ходу вынул из кармана пачку папирос и закурил.

; - Товарищ! - Анна сползла с подоконника, оправляя юбку, - Не откажите в

любезности, дайте-ка закурить.

; Она аккуратно затянулась. Чуть-чуть, что бы не закашляться. Кажется получилось.

; - А привыкать не советую, - сказал тот, что дал папиросу.

; Анна согласно кивнула головой и еще раз вдохнула чуть сладковатый дым. Голова немного кружилась.

; - Спасибо!

; Раскланялись и разошлись каждый по своим делам.

; По дороге к себе Анна зашла в буфет и купила пачку папирос и спички. Все это спрятала в сейф.

; Вот так все начиналось.

; Прошел год напряженнейшей однообразнейшей работы с двумя бесконечными потоками бумаг.

; Первый поток писем, которые она пересылала в низовые организации с одобрения руководства, но с постоянным страхом просмотреть что-то важное, чем заниматься необходимо самой, и второй поток отчетов о том, что этим низовым организациям удалось выяснить, разобраться, принять меры.

; А потом сводные отчеты: скольким членам партии объявлены взыскания, сколько исключено, сколько дел передано в прокуратуру, сколько осуждено и на какие сроки.

; Однажды с ужасом она поймала себя на том, что за цифрами отчетов она перестала видеть людей. Цифры вдруг стали безликими.

; Она открыла глаза. Оперлась локтями о стол.

; - Что я сделала за этот год?

; Анна вдруг вспомнила свою поездку в организацию со своим самым первым делом. Ей еще тогда досталось от Шкирятова.

; Как же она называлась эта организация? Вспомнила, ВХУТЕМАС! И там был парень, который им в Томске печатал листовки. Его фамилия Готман. Очень длинный парень. За этим делом она тоже должна была следить, но ей ответили из городской организации, что-то очень спокойное. Факты не подтвердились.

; Писем, сообщавшим ей, что факты не подтвердились, было настолько мало, что Анна порадовалась этому ответу и забыла об этом деле.

; Тут она подумала, что в сущности произошел обмен бумажками, а проблема-то наверняка осталась. Люди не пострадали, пострадало дело. А что она может изменить? Полная беспомощность.

; За окном темно. День закончился. Пора домой. Люба наверняка уже спит.

Татьяна будет жаловаться на дороговизну и поджав губы и скрестив руки под грудью смотреть как Анна ест пустую картошку запивая чуть сладким чаем.

; Картошки в этот вечер не было, а были макароны и Татьяна с надеждой ждала, что Анна спросит ее о том, где она так расстаралась и достала такой дефицит.

Но Анна не спросила. Татьяна обиделась и демонстративно, не пожелав спокойной ночи, ушла спать в свой угол.

; Анна умылась и совсем уже собиралась ложиться, как в коридоре раздался телефонный звонок. Сосед снял трубку и через минуту постучал в дверь.

; - Вас.

; - Привет! Ты как?

; - Да все в порядке Валериан Владимирович!

; - Что-то я за тебя беспокоюсь.

; - Не волнуйтесь, пожалуйста. Я вас не подведу.

; - За это не боюсь. Прости, работы через край. Шкирятов докладывал, что подаешь надежды. Рад! Я скоро уйду от вас дальше на верх, но за тобой присматривать буду. Как Люба?

; - Нормально. Грызет науку. Валериан Владимирович! Если вы на верх пойдете, можно мне с просьбой к вам обратиться?

; - Давай!

; И она спеша и сбиваясь рассказала о своем визите во ВХУТЕМАС.

; - Им бы, я имею ввиду печатников, отдельный дом. И вообще отдельно. Ведь такие кадры партии совершенно необходимы. Это же газеты, журналы, книги. А то ведь толку нет ни для них, ни для художников. Вместо того, что бы нормально работать — грызутся. И потом, как я себе это представляю, специалистов полиграфистов необходимо очень много, а готовить то их негде.

; Минуту в трубке была тишина. Наконец Куйбышев сказал:

; - Тебя понял. Согласен. Записал себе на память. Дело может получиться интересным. А откуда ты знаешь о планах строительства полиграфических комбинатов?

; - А я ничего об этом не знаю.

; - Значит случайно попала в струю. Чутье, что-ли? Ладно. Будь здорова и береги себя. Целуй Любу.

; - Вот так, товарищ Шкирятов! - сказала Анна, повесила трубку и юркнула в постель.

; В углу, на своей кровати, завозилась Люба. Наверно что-то приснилось. Дай бог, что бы хорошее. Захрапела Татьяна. Попробуй тут усни, да еще после таких трудовых будней.

; Сбила подушку, устроилась поудобнее.

; Это что же, мне придется все время кривляться как обезьяне? Выдумывать какие-то обходные пути? Интриговать? Использовать свои знакомства. Ну и работа! Да, нет не работа. Ну и люди!

; Последняя мысль, прежде чем уснуть, была: Надо поговорить с Сольцем.

;

; 1926 год

;

; - Деточка!

; - Мне скоро исполнится двадцать девять, Арон Александрович!

; - Сольц внимательно посмотрел на нее и хмыкнул.

; - Да! Это, конечно, возраст. Почти критический. А мне пятьдесят четыре, но это не имеет ни какого значения.

; Возраст не имеет значения. Ум — да! Знания — да! Опыт - два раза да! То, что заложено в тебе предками — три раза да! А еще школа!

; Твой год путешествия в столыпинском вагоне с посещениями различных тюрем, твои семь лет ссылки. Сколько раз тебя судили?

; - Два.

; - Вот. Твои два судебных процесса. Это школа с большой буквы!

; С какими людьми тебе приходилось общаться и находить общий язык во имя самосохранения!

; Но, самое главное - твое отношение ко всему этому. Твое восприятие ситуации, в которой ты была поставлена и нивелировка отрицательных моментов во имя выживания.

; Но не только выживания. Ты не растение! Продолжение работы во имя той цели, которую ты поставила перед собой — вот задача. Впечатление у меня, что ты с этим справлялась.

; Твой поступок с захоронением Аркадия — это проявление твоего «Я», твоей сформировавшейся личности. По другому быть не могло. Для этого надо было тебе пройти наши университеты так, как ты их прошла. Отсюда — конфликты. Как фамилия того, из Детского Села?

; - Батьянов.

; - Вот. А теперь, как его?...

; - Шкирятов.

; - Знакомая личность.

; - Но конфликтов не было, Арон Александрович! Я молчала! А теперь я еще и извиваюсь, стараясь решить одно дело не так, как он хочет, а так, как я считаю правильно. Хитрю.

; - Я и говорю, что у тебя конфликт с собой.

; - Меня превращают в бездумную машину через которую летит информация, вникнуть в которую, понять, оценить наконец ее, я физически не могу. И мне порой становится страшно. Вдруг в этом потоке я прозеваю что-то важное.

; Я не знаю как работают другие партследователи. Я сижу одна. Мы встречаемся только на партийных собраниях. Сравнить не с чем. Советоваться не с кем. Это что, специально так сделано? За все это время я ни одного раза не была в первичных организациях.

; У меня порой возникает чувство опасности. Что-то должно случиться. Я сделаю какой-то неверный шаг и все полетит в тартарары. Я постоянно в напряжении.

; Вот, я вам еще расскажу:

; Вы знаете, Арон Александрович, там в Нарыме Аркадий Федорович занимался русским языком со мной и с Джугашвили. Так мы с Иосифом в шутку спорили какое перо лучше «86» или «Рондо».

; Я ему доказывала, что с помощью «Рондо» можно передавать не просто слова, но и чувства. Только с помощью «Рондо» передаются все тонкости написания букв, их тонкие и жирные части, тончайшие переходы от нежности к страсти. Вы не смейтесь! Это все так я воспринимаю.

; И он меня, в шутку, называл «Рондо». Все говорил: «Ты необыкновенная и перо себе выбрала необыкновенное».

; А тут я была у Шкирятова и он в конце разговора спросил меня, словно невзначай, небрежно так, была ли у меня партийная кличка? Уж не «Рондо» ли? Вы знаете, что я ему ответила? «Нет, - сказала я ему, - клички у меня не было. Просто так меня называли близкие мне люди». Он тут же среагировал, сказал, что, как он выразился, «мусор» я получать больше не буду.

; Я в восторге была сама от себя самой. Понятно, что про «Рондо» он мог услышать только от одного человека. Был, очевидно, какой-то разговор. И я воспользовалась этим. Я себе словно защиту повесила. Как вам это понравится?

; - После этого что-нибудь изменилось?

; - Нет.

; Они оба расхохотались.

; - Либо испытательный срок еще не кончился, либо...

; - Анна вздохнула, - Вот с этим я к вам и пришла. Мне все яснее и яснее становится, что за дверью моего кабинета, там наверху идет спор, который может перерасти в драку и добром все это не кончится и драка, если она случится, перерастет... Я не знаю во что.

; - Отсюда конфликты. Не совпадает твое «Я» с их сутью. - Сольц встал со стула и подошел к окну. Стал водить пальцем по стеклу, выписывая какие-то узоры - Пока ты внутри сама с собой конфликтуеть, но боюсь, что только пока. Это может выплеснуться наружу.

; А про «Рондо» - оценил. Значит это, что он тебя помнит, но, скорее всего, насчет клички, Шкирятова кто-то попросил выяснить. Он то при разговоре этом вряд ли присутствовал. Не тот уровень. Не вхож он.

; Насчет драки, которая может начаться, если уже не началась, сказать тебе ничего не могу. Я не знаю, чем это закончится, предполагая масштабы этой драки и моральные качества драчунов.

; Он вернулся к столу, тяжело опустился на стул, обхватив голову руками долго молчал.

; Анна смотрела на него и ей, почему-то становилось не по себе. Как будто мысли его передавались ей. Она чувствовала, что то, о чем он думает — страшно.

; Сольц потрянул головой, словно сбрасывая с себя что то.

; - Вариантов много. Во всяком случае не реставрация. Об этом речи быть не может. Но перерождение — вполне возможно.

; - Во что? - спросил он сам себя. - Теоретически — интересно, практически — скорее всего трагично.

; Поднялся, прошелся по комнате. Опять начал рисовать какие-то узоры на стекле окна

; - Естественно возникает вопрос: как тебе себя вести? Хотя я и член Верховного суда, но тебе я не судья и не советчик.

; Насчет защиты, которую ты считаешь на себя повесила... Я его хорошо знаю. И по Нарыму, но, в особенности по Туруханской ссылке. По моему в двенадцатом году он у меня на квартире скрывался...

; Резко повернулся к ней. Потрепал ее по плечу. Улыбнулся ободряюще.

; - Давай, лучше, вернемся к тебе. Год проведенный в Детском селе тебя разочаровал. Но ведь в этом городке и промышленности то никакой нет. Пролетариата нет. Какая там партийная ячейка?

; Долго ты в таком анабиозе не протянула и кинулась во все тяжкие. Написала Валериану. В результате попала в НКВД, прошла курсы и оказалась в Финляндии.

; Дело, конечно не в Финляндии, а в коллективе в который ты попала. Тут просто повезло. Все бы хорошо, но твои тормоза не сработали. Прокатилась по Хельсенки с красным флагом. Вспомнила небось Первомай в Нарыме? А Финляндия что Нарым. Тоже быстренько с тобой решили.

; После нарымского первого мая загремела в тюрьму, а потом еще на два года в ссылку. После Хельсинки — в «чистилище партии».

; Что ты на меня так смотришь? Это учреждение, где ты работаешь, так, между собой, люди его называют. Испугалась? Не ищи параллелей в том, что я сказал.

; - Нет, я не испугалась. Но насчет параллелей...

; - Если правда не испугалась, тогда хорошо. Но вот, к сожалению, не понимаешь ты, что революция не окончена. Она продолжается в своей самой опасной фазе.

; Сколько было членов партии большевиков в 1917 году? С гулькин нос. А теперь? Пришли новые люди которые наших университетов не проходили. А других же нет. Их делать надо, что бы не раствориться в массе тех, не воспитанных.

; Самая большая опасность - раствориться в этой массе. Потерять контроль над ней. Что делать? Одновременно чистить из партии негодных и делать из тех, кто годен, новых людей, настоящих партийцев преданных делу. И успех в этом полностью зависит от таких как ты, которые поняли, что для них является современной баррикадой и что врага берут не числом, а умением. Но мнится мне, что с числом у нас назревает проблема.

; Но я могу ошибаться и это не самая большая опасность.

; Он снова подошел к окну, зачем то включил верхний свет в люстре. Потом погасил.

; - А с ним бороться придется и серьезно. Своеобразный он человек. Абрек.

; - Арон Александрович, вы будете с ним бороться?

; - Что-то я разговорился с тобой. Целая лекция. Прямо как в Нарыме. Расскажи-

ка ты мне лучше про Любу.

; - Что, Люба! В Хельсинки смогла осилить два класса. Учителя были прекрасные. В следующем году должна кончить семилетку. В этом году четырнадцать лет. Девушка. С тревогой жду переходного периода. А может он уже начался и я прозевала?

; Арон Александрович, вы напомнили мне, что я мать?

; - Нет, я не напоминаю тебе, что ты мать. Хотя это очень серьезно. Просто мне не очень нравится твоя позиция. Ты работаешь на этой работе второй год. О каком опыте может идти речь? И, скорее всего, испытательный период для тебя не кончился.

; Партийный следователь, должен тебе сказать, должность ответственнейшая и первому попавшемуся ее не доверят, даже если кто-то называет его «Рондо». А может быть именно по этому.

; Ты должна очень внимательно читать прессу. Уметь ее читать не просто так, а между строк. Важно не то о чем пишут, а то о чем умалчивают. Не гони лошадей. Спокойнее. Все придет в свое время. И при том постоянно помни, что ты мать!

;

; 1927 год

;

; Она очень ждала этого воскресения. День обязательно должен быть прекрасный, солнечный и она проведет его с дочерью. Уроки проверять не будет, а сделает вкусный завтрак. Она уже придумала какой и они пойдут куда захочет Люба.

; Татьяна с самого раннего утра убежала на базар. Проснулась Люба и перелезла к матери в постель.

; Анна обняла дочь

; - Куда мы пойдём с тобой?

; - Ой, мамочка! Нам столько уроков позадавали! Просто ужас! Мы с девочками решили сегодня собраться и вместе их делать. Особенно математику.

; Люба села «по турецки» на кровати и внимательно посмотрела на мать

; - Ты расстроилась? У тебя были другие планы?

; - Планы, действительно были другие. Я надеялась, что этот день мы проведем вместе. Не на долго заскочим в музей революции. Дядя Коля открывает свою панораму. Тебе не мешало бы посмотреть экспозицию, посвященную твоему отцу. А потом пошли бы куда тебе захочется.

; Люба прикусила нижнюю губу.

; - Мне нужно позвонить, - и соскочив с кровати бросилась в коридор.

; - Любка! Куда босиком! - Вслед дочери полетели тапочки.

; Телефон висел на стене в коридоре. Тут же по стене были прибиты крючки или просто гвозди - общая вешалка коммунальной квартиры. Вся стена была

завешана нужными и не очень пальто, старыми шубами, хранимыми на черный день, ватниками, кацавейками прошлого века. Пахло нафталином, пылью. Для телефона оставалось маленькая щелочка.

; Татьянин полушубок из Томска висел первым, рядом с телефоном. Если набрав номер по телефону и вместе с телефонной трубкой укрыться полушубком, то никто не услышит о чем ты разговариваешь. Очень удобно. Особенно если тебе вот-вот стукнет четырнадцать лет.

; Анна выглянула в коридор. Из-под Татьяниного полушубка торчали Любины босые ноги.

; Минут через пять Люба вернулась.

; - Все в порядке. Мы едем в музей к дяде Коле.

; - Люб! - Анна подошла к зеркалу и стала расчесывать волосы, - А как его зовут?

; В зеркале была видна вытянутая Любина мордашка с вытаращенными глазами.

; - Ты о чем, ма?

; - Ну, имя-то у человека должно быть какое нибудь.

; Люба зарылась головой в подушки и оттуда глухо прозвучало:

; - Иосиф.

; Они доехали с пересадками на трамваях до Пушкинской площади, перешли через Тверскую. Прошли через ворота в железной ограде, охраняемые мраморными львами, и подошли к подъезду. По дороге Люба показала львам язык, что, с точки зрения Анны, делать не следовало. Особенно когда тебе уже тринадцать лет и у тебя есть знакомый по имени Иосиф.

; - Ну, ма! Теперь ты будешь надо мной постоянно сме-яться.

; - Не буду. Иосиф это прекрасно!

; - Правда?

; - Будем надеяться.

; Они поднялись на второй этаж где их встретил сам Котов в новом костюме.

; Анна с грустью заметила, что рубашка под новым пиджаком была не выглажена, воротничок ее коробился.

; Подошла Люба и решительно поправила воротничок рубашки и перевязала Котову галстук.

; - Ой! Какая она большая, - Вдруг обнаружила Анна, глядя как дочь решительно распоряжается с Колиной одеждой - И где она научилась завязывать мужские галстуки?

; - Прошу! - Котов сделал широкий жест рукой в сторону своего творчества. - И не судите строго.

; Панораму «Оборона Царицина» надо было смотреть через стекло. Линии окопов и ряды колючей проволоки разрезали поднимающийся от Волги берег. Лежали тела убитых белых и красноармейцев. Виднелись далекие взрывы. Серое, какое-то напряженное небо с, казалось, летящими облаками создавало ощущение тревоги.

; - Я знаю, - прошептала Люба, - небо писал сам дядя Коля.  
; Котов отвлек их.  
; - Прощу познакомиться. Это мой земляк со своими чадами.  
; Анна обернулась. Перед ней стоял высоченный Готман, а рядом с ним такой же высокий парень очень похожий на отца и девушка.  
; - Мы с Анной Андреевной знакомы, - сказал Готман. - А это мой сын Володя и дочка Ирочка. Очевидно ровесница вашей. Давайте, молодежь, знакомитесь.  
; - Я Ира.  
; - Я Володя.  
; - Я Люба, - сказала Люба и сделав шаг в сторону и уцепилась за рукав, стоящего в стороне черноволосого юноши, нервно теребившего в руках очки - А это Иосиф.  
; - Иосиф, - сказал Иосиф, чуть поклонился, шаркнул ногой и надел очки.  
; Ирина прыснула, заслонив рот ладошкой.  
; Люба нахмурилась и решительно взяла руководство в свои руки:  
; - Идите все сюда, - она потащила компанию к панораме. - Я вам расскажу про небо. Это очень интересно.  
; - Вот так, - Сказала Анна Котову.  
; - Да уж! - Ответил Коля и развел руками.  
; - Похоже для вас это сюрприз? - мягко заметил Готман. - Что вы по этому поводу думаете?  
; - Да уж! Сюрприз! По другому не скажешь - ответила Анна — А насчет думать, то боюсь уже поздно.  
; - Вот так, - Котов снова развел руками. - А вы говорите: дети, дети! Но, на первый взгляд, мне он понравился.  
; - Мне тоже, - согласился Готман.  
; - Посмотрим, - грустно сказала Анна.  
; - Ма! - Люба виновато посмотрела на мать, - А Володя и Ира зовут нас на каток.  
; - Так у вас же нет коньков, - Анна вопросительно посмотрела на Иосифа.  
; - Эту проблему мы решим, - успокоил всех Володя.  
; И молодые исчезли.  
; - На сколько я понимаю, ваши планы на ближайшее будущее рухнули, - Котов вопросительно посмотрел на товарищей, - Что делать то будем? По поводу открытия панорамы я предлагаю устроить пир. Вопрос только в том, где его устроить. Мой дом не очень пригоден для этого.  
; - Разрешите мне пригласить вас к себе - Робко предложил Готман. -. Это не так далеко отсюда. И я, и моя жена будем очень рады. Что вы по этому поводу думаете?  
; - Мы думаем, что решено! - воодушевился Котов. - Только я должен спуститься в мастерскую и взять свой мешок. Без его содержимого пира не получится. Как поедем?

; - На «Аннушке». Всего пять остановок. - Вы знаете, Анна Андреевна, - Готман помог Анне подняться по ступенькам трамвая, - может для вас это будет интересно, а может быть и нет. На той неделе нас - преподавателей-полиграфистов вызвали в Совнарком к самому товарищу Куйбышеву и предложили срочно дать свои предложения по организации учебного заведения для подготовки специалистов полиграфической промышленности. Говорят, что нам выделяют отдельное здание. Вы, случайно, к этому руку не приложили?

; - Нет, - засмеялась Анна. - Решение такой проблемы мне не под силу.

; - Обманываете, - покачал головой Готман и счастливо рассмеялся. - Обманщица вы!

; - Мы теперь каждое воскресенье будем ходить на каток. - Люба с хрустом откусила огурец. Во все стороны брызнул рассол, - Я всего шесть раз упала, а мальчишки меня держали. Ирка знаете как катается! И Володя тоже. А Иосиф раньше умел, а теперь забыл. Научится. Он у меня... - Она запнулась, искоса посмотрела на мать. - А еще картошка есть? А огурчик? Я такой голодной никогда не была. Просто ужас!

; - Мы ее так не прокормим, - забеспокоилась Татьяна. Раз жених появился, то пусть он ее и кормит.

; - Ну, Таня, как не стыдно. При чем тут жених. Мы просто учимся вместе.

; - Учатся, учатся! - ворчала Татьяна. - Теперь только смотри за ней.

; За окном летели хлопья снега. Скоро Новый год. Анна повернулась к стене, укрылась с головой одеялом. Что же, в итоге, принес он ей, этот год? Так или иначе, но она оказалась причастной к большому государственному делу, дочь влюбилась, появились новые знакомые, к которым можно будет приходить в гости, попить чаю, поговорить о делах, которые, в равной степени, интересны и ей и им. Разве этого мало?

;

; 1928 год

;

; Письмо писала женщина. Писала о том, что группа работников лаборатории Ленинградского областного Треста стекольной промышленности оболгала достойнейшего человека — автора идеи, на котором держалась вся работа. По навету этих людей этот человек арестован.

; Лаборатории, которой он руководил, был поручен государственный заказ по разработке стекла особой прочности. Теперь, в отсутствие человека, который был самым главным в разработке этого чуда, заказ будет сорван. Вся работа встала. Партийная организация Треста отстранилась от этого дела. Говорят: наши органы разберутся. Письмо заканчивалось криком отчаяния: «Прошу вас, товарищи, помогите!»

; Она не могла себе объяснить, почему это письмо так ее задело. Наверняка свою роль сыграло то, что оно было написана пером «Рондо». Почерк был каллиграфический, но местами, из-за волнения, рука срывалась и буквы, словно

предавая отчаянье автора, кривились, срывались с ровной линии.

; Чутье ей подсказывало, что это именно тот случай, который пропустить нельзя. Нельзя, как обычно, отписаться. Столько чувств вложил автор в эти строки. Возможно, что тут имеют место и личные отношения. Все возможно. Но, в конце концов, это дело не меняет.

; Анна положила перед Шкирятовым очередные, просмотренные ею, папки с рядовыми делами.

; - А это что у вас? - он указал на дело, которое Анна держала на коленях.

; Анна положила папку ему на стол, но отдельно от остальных.

; - Матвей Федорович, разрешите мне поработать с этим делом.

; - Почему?

; - Если я буду заниматься только переадресовкой, то полностью деградирую. Дайте мне возможность заняться чем-то настоящим.

; Шкирятов пододвинул к себе папку и углубился в чтение. Очевидно разобравшись отодвинул ее от себя

; - Я не вижу что это наш уровень проблемы.

; - Матвей Федорович! Но ведь там стоит вопрос о срыве государственного заказа и, судя по всему, заказа оборонного значения.

; - Хорошо, - неожиданно быстро согласился он, - доложите мне план ваших действий. Срок — неделя. И обоснуйте почему из десятка дел, что были у вас в разработке, вы выбрали именно это.

; Через неделю Анна положила перед ним план расследования.

; - Ну, то что вы собираетесь начать работу со знакомства с заказчиком, мне понятно. Дальше вы планируете обратиться в прокуратуру. Это тоже понятно. Но, вот зачем вы собираетесь ехать в Гусь-Хрустальный?

; - Я уверена, что заказчик, прежде чем дать задание этой Ленинградскому Тресту, обращался в разные организации, занимающиеся стеклом. В Гусь-Хрустальный он обязательно обращался. Предприятие, занимающееся стеклом столетия, пройти мимо они не могли. Безусловно в Гусе знают суть этой проблемы. А еще я уверена, что они прекрасно знают Ленинградских коллег. Вот этот, не зашоренный взгляд со стороны, меня очень интересует. После такой подготовки можно будет ехать в Ленинград.

; - И на кого вы там собираетесь опереться?

; - На прокуратуру. И конечно на нашу городскую комиссию.

; - Почему во вторую очередь городская контрольная комиссия?

; - Я должна придти к товарищам полностью подготовленной.

; Шкирятов постучал пальцем по краю стола.

; - Теперь обоснуйте: почему из всех дел, которые проходят через вас, вы выбрали именно это.

; - Искренность и необычность письма. И, конечно, государственную важность проблемы имеющую оборонное значение.

; Эту фразу Анна заранее написала на бумаге потом долго критически

рассматривала ее, пробовала различные варианты, но, в конце концов, остановилась на этом, первоначальном, и все утро зубрила его.

; - Шкирятов поднялся и медленно стал прохаживаться вдоль стола.

; - Выполняя это задание вы все время должны помнить какую организацию представляете...

; Это надолго, решила Анна, но кажется я добилась своего.

; К концу недели Анна убедилась, что находится в том же месте, откуда начала расследование.

; Несказанно удивившись она, столкнувшись с тем, что заказчика она найти не смогла. В какие бы организации она не обращалась, никто не знал о проблеме «небьющегося стекла». Конечно, такое чудо нужно всем, но этого просто не может быть, потому, что быть не может говорили ей везде куда она обращалась. Небьющееся стекло — фантастика! В Оборонпроме посмеялись и обещали поставить ей при жизни памятник, если она поможет решить эту проблему.

; Идти к Шкирятову значит расписаться в своем бессилии.

; - Ни за что! Не дождется и пусть не мечтает!

; На свой страх и риск Анна решила начать с Гусь-Хрустального.

; На ее счастье на вокзальной площади, в выдавшей лучшие годы, коляске, мирно спал извозчик. Анна растолкала его и он долго с удивлением ее рассматривал как какое-то чудо и никак не мог взять в толк, что от него нужно этой женщине. Наконец очнувшись он перебрался на козлы, перебрал вожжи и заломил такую цену за поездку, что Анна непроизвольно охнув и, помахав ему отрицательно рукой, двинулась вдоль площади пешком, рассчитывая найти какой-нибудь другой транспорт. Извозчик тронулся за ней, с каждым шагом лошади постепенно сбавляя цену и рассказывая о том, что товарищ-сударыня у него первая клиентка за всю неделю, а дома дети и овес ноне... Когда цена, с точки зрения Анны, стала приемлемой она забралась в коляску.

; - А деньги вперед, - непреклонно заявил извозчик. - А то я вас, приезжих, знаю!

; Они завернули за угол ближайшего дома и тут же подъехали к зданию управления завода.

; - Жулик вы! - Выходя из коляски сказала извозчику Анна, - Я быстрее пешком бы дошла.

; - Жить-то надо. - философски заметил возница, ужасно довольный собой. - Зато с шиком и уважать будут больше.

; Анна поднялась на второй этаж по стесанным мраморным ступеням, открыла высокие резные дубовые двери с истертым местами лаком — следы былой роскоши, и оказалась в просторной комнате. Чуть правее, у окна стояла высокая конторка а по стенам располагались дубовые диваны почему-то напомнившие ей скамьи в приемной у Родюкова в Нарыме.

; Из-за конторки выглянула белокурая молодящаяся женщина. Анну поразил ее взгляд. Будто женщина давным-давно ждет ее приезда с надеждой и сейчас

больше всего боится ошибиться в своих ожиданиях.

; - Вам к кому? - спросила она. - И в голосе ее слышалась спрятанная, на сколько это было в ее силах, та же надежда.

; Анна показала свое удостоверение и объяснила, что ей надо встретиться с директором.

; - Вы приехали из-за письма? - Надежда в глазах женщины медленно перерастала в уверенность. На щеках ее появился румянец. Глаза заблестели.

; - Почему из-за письма? - удивилась Анна. - Я не получала письма из вашей организации.

; - Меня Зинаидой зовут, - несколько с опозданием представилась женщина. - Я секретарь Ивана Федоровича. А письмо вам я, действительно, писала, но не отсюда, а из Ленинграда.

; Когда узнала, что Якова Григорьевича арестовали, я сразу туда поехала. А уж когда у меня ничего не вышло, то тогда я вам написала.

; - Хорошо, Зинаида, - Анна села на диван, открыла портфель и достала лист бумаги. - Посмотрите, речь идет об этом письме?

; - Письмо мое. Только почерк не мой. Это кто-то переписал.

; - Переписала я, - Анна взяла бумагу у секретаря и спрятала обратно в портфель. - Теперь рассказывайте подробно.

; Но Зинаида ничего ей сказать не успела, потому, что открылась дверь директорского кабинета и оттуда выглянул высокий, худой человек с седой головой и, что неприятно поразило Анну, с землистым болезненным цветом лица.

; - Ко мне?

; - Если вы директор, то к вам.

; - Проходите, - и он открыл настеж дверь. - Откуда вы?

; - Иван Федорович! - быстро заговорила Зинаида. - Это из Москвы по моему письму. Можно я позову Прокофия Ивановича? - Голос ее зазвучал настойчиво, - Без Прокофия Ивановича никак нельзя.

; - А он не пойдет, - усмехнулся директор. - Как узнает, зачем вызывают, так и откажется идти. Ему это на всю жизнь заноза и головная боль.

; - У меня пойдет! Еще как пойдет! - Зинаида вышла из кабинета.

; - Зачем приехали? - Недобро глядя на Анну спросил директор и достав нарезанные на нужный размер листки газеты и пачку махорки стал скручивать «Козью ножку».

; - Мне поручили разобраться, - пожала плечами Анна. - Вот я и стараюсь.

; - А зачем стараетесь? Какой результат ваших стараний хотите получить?

; - О каком результате может идти речь, если я всего пару минут как узнала кто автор письма и понятия не имею, что тут у вас произошло.

; - А у нас ничего не произошло. - Зло ответил ей директор, - Так что вы понапрасну время теряете, мадам! В письме-то ясно сказано, где произошло и адрес точно указан. Заморочите голову бедной женщине и уедете восвояси.

Если вы сто шагов пешком пройти не можете, извозчика нанимаете, то какой из вас, столичной дамы, прок может быть?

; - Она его жена?

; - Нет, - грубо сказал директор. - У нее любовь. И вас это никак не касается.

; - А у него?

; - А у него любви нет. Вам то что до этого?

; Анна встала, подошла к окну. За окном виднелась вокзальная площадь. В центре ее стояла рыжая кобыла запряженная в старенькую коляску с откидной дерматиновой крышей. Из-под опущенного полога торчали ноги спящего возницы в рваных сапогах..

; Она повернулась на скрип открывающейся двери.

; В кабинет в сопровождении Зинаиды вошел очень похожий на директора мужчина. Такой же худой и высокий. И цвет лица такой же болезненный. Он остановился напротив Анны и в изумлении стал ее рассматривать. Даже рот открыл от неожиданности, показав редкие гнилые зубы. Потом хлопнул себя ладонями по бокам, а затем по лбу и с облегчением стал смеяться.

; - Это вы, Анна Андреевна? Прошу прощения! Я и обоз-наться могу. Нет? Не обознался? Это определенно вы! Или не вы?

; - Да нет, это я. Но, простите меня, я вас не помню. Где мы с вами встречались?

; - Ха! Где встречались! Это ж надо, что бы такое случилось! Мы в Нарыме с вами встречались, когда я учился в кружке у Аркадия Федоровича, мужа вашего. Конечно вы не узнали меня. Сколько лет прошло! Я ж тогда совсем молодой был и мы отдельной группой учились, как молодежь. Вспомнили?

; - Вспомнила!

; Прокофий Иванович поглядела на всех присутствующих.

; - Вот ведь, понимаете, какая встреча! Кто именно ее сюда послал? Я конечно атеист, но без Бога тут не обошлось.

; - Вот это поворот-разворот! - директор непроизвольно свистнул, да так громко, что все вздрогнули, — Тогда граждане-товарищи, садитесь. Будем разговоры разговаривать. Тут может и в самом деле, что-то получиться может. Раз вы в тех местах побывали, значит вы не совсем дама столичная. Так я понимаю. За мужем во след кинулись, как жены декабристов или как?

; - Или как. У меня свое дело было.

; - А тогда я перед вами, Анна Андреевна, вроде как за нелюбезность свою и хамство, извиняюсь. Уж больно лихо вы к нам подъехали. Теперь весь Гусь хохотать будет, как вас обмишулили.

; Он как-то нервно хохотнул и стал смотреть ей в глаза, будто пытаюсь в них найти ответы на свои вопросы. Потом отвел глаза в сторону и снова стал крутить самокрутку. В кабинете повисло облако махорочного дыма.

; Анна закашлялась.

; - Ладно, - директор размял самокрутку в стеклянной чашке, игравшей роль пепельницы. - с этим покончили. Сначала говорить я буду. А ты, Иваныч, седи

и терпи. Планида теперь твоя такая. Терпеть.

; Начинать эту историю придется издалека, года, эдак с четырнадцатого.

Потерпите?

; - Потерплю. - Анна устроилась поудобнее. Достала блокнот и карандаш.

- Партийная ячейка у нас на заводе в те годы организовалась. Маевки начали устраивать, листовки всякие, ну и бастовать конечно.

; Застрельщиками была наша троица. Вот Иваныч, которого из секретарей партийной организации теперь с треском поперли. Правда не у нас, а в Ленинграде, Григорич, который сейчас по недоброй воле в кутузке сидит за контрреволюцию, и я, пока вроде целый.

; Решили мы листовки печатать, а тут как тут полиция.

; Но хозяин наш, Игнатьев Павел Николаевич, что бы от полиции нас спасти, меня и Григорича отправил в Петербургский университет учиться. Уж больно мы для него ценными работниками были. Дули мы стекло классно! А Иваныч и еще несколько ребят в ссылку загремели.

; Вернулись все в восемнадцатом. Начали работать. Кто дуть продолжал, вот как Иваныч, а кто и инженерить.

; Все бы нормальнро было, но тут у Григорича заскок в уме произошел.

Придумал он сварить такое стекло, что бы из него получились небьющиеся рюмки, стаканы и прочее. Кому такие рюмки нужны — не знаю, но вот Иваныч к нему примкнул. Стекла они перебили тьму тьмушую. Но хозяин их поддерживал. Какие-то мысли по этому поводу видно у него были.

; В двадцать шестом году хозяина нашего поперли, а меня управлять заводом поставили. И надо же случиться такому казусу, стало у наших изобретателей получаться. Не каждая, конечно, варка, но раз, другой рюмки целыми оставались. А бросали их, как говорится, от всего сердца об пол. Раз получилось, другой получилось.

; Тут у Григорича ретивое разыграло. Написал статью в какой-то журнал. Мол так и так, изобрели мы особо прочное стекло. Стал народец всякий к ним приезжать по этому поводу, но все так, по мелочи. А год тому назад...

; - Полтора — поправила директора Зинаида. - Почти уже два.

; - Ладно. Дело не в этом. Приехали тузы из Ленинграда и Москвы.

; - Вот в этом месте чуть подробнее. Кто из Москвы приезжал, кто из Ленинграда? - спросила Анна чуть небрежно. Стараясь не особенно показывать свой интерес к приезду Московских гостей.

; - Те, что из Москвы — заказчиками представились и плательщиками, но точно кто такие — не знаю. Помнится мне, что дело у них с автомобилями, будто было связано. Но в точности сказать не могу. Я в это дело не лез и категорически против был. Короче, стали гости уговаривать Григорича в Ленинград перебираться. Рюмки их, мол, не интересуют, а надо разработать плоское и фигурное стекло для машин всяких. В том числе для самолетов и танков. В Гусе у нас профиль другой. Тут с такой проблемой не справиться.

Одну посуду льем и дуем.

; Ну, тары бары растабары. Деньги сумасшедшие начали им предлагать. - Он ткнул пальцем в сторону Иваныча.

; - Короче Григорич наш и Иваныч на эту наживку клюнули. Шмотки в сундучки покидали и отправились во все тяжкие.

; А когда туда приехали и стали договор подписывать оказалось, что срок выполнения работ — год.

; Потылицы почесали и, вместо того, что бы домой вернуться, как люди разумные, договор подписали и за работу принялись.

; Больше того, как большевика с дореволюционным стажем и политссылного выбирают Иваныча секретарем партийной ячейки лаборатории, а Григорича — ведущим инженером и исполняющим обязанности заведующего. Это я с их слов и писем говорю. Короче, самыми ответственными лица они стали. Остальные как бы в стороне и не при чем.

; Но, на сколько он мне говорил — указательный палец директора снова уперся в плечо Прокофия Ивановича, - деньжат они много не видали. А, Иваныч?

; Тот утвердительно кивнул головой и вздохнул.

; - Так, на прокормешку чуть-чуть им давали, да за комнатешку платили, что на двоих снимали. Опять таки с их писем, что получал от них, говорю.

; Так у них год прошел, что в договоре был обозначен. - Директор замолчал, повернулся к Прокофию Ивановичу, - Вот теперь ты, Иваныч, рассказывай.

; Прокофий Иванович сидел сгорбившись, опустив длинные руки меж колен. Анне показалось, что он плачет.

; - Что молчишь? - вскочила Зинаида. - Когда после комиссии тебя из секретарей поперли, а Григорича в шпионаже, вредительстве и саботаже обвинили, ты что сделал? Ты в райком ходил? Ты в горком ходил? Нет!

; Ты им кулаком по столу ударил, вещички свои собрал и домой утек, а Григорича одного оставил. Его за срыв военного заказа куда потащили? Что ему грозит? Кто им теперь занимается? Знаешь как это называется?

; - Не надо кричать, - тихо, почти шепотом сказала Анна. - Криком тут не поможешь. Вот все, что вы мне рассказали, уважаемые, напишите, пожалуйста. И про комиссию особо подробно. Что за комиссия, откуда прибыла, что за люди? Пишите, пожалуйста все, что помните. Все, даже если считаете не особенно важным. Мы там разберемся.

; Прокофий Иванович высморкался в платок, - Напишу. Сразу с утра все напишу. Только домой приду — подумаю.

; - Нет, Иваныч! - Зинаида шлепнула ладонью по столу, - сейчас будешь писать. Как миленький! Вот при товарище Анне Андреевне! Как на духу! Искупай свой грех!

; - И вас я попрошу, Иван Федорович.- Анна повернулась к директору, - Вы тоже напишите. Мол со слов таких-то товарищей знаю то-то и то-то. И, как директор, характеристику на Якова Григорьевича напишите. Может быть

письма товарищей, что они писали, у вас сохранились. Мне они нужны. Я подожду. - Анна достала пачку папирос и протянула ее мужчинам.

; Зинаида сорвалась со своего места и разложила на столе листы бумаги.

; - Анна Андреевна! Вы с этими заявлениями в Ленинград поедете? Тогда я с вами!

; - Нет. - Анна покачала головой, - Прежде чем ехать куда-то, мне надо найти заказчика и предварительно договориться с теми товарищами, к которым я поеду в Ленинград.

; Иваныч долго водил пером по бумаге и, в конце концов, разорвал первый лист. Анна села рядом с ним и положила ему руку на плечо.

; - Давайте, Прокофий Иванович, не торопись и спокойно!

; Зинаида вышла из кабинета директора и укрылась за своей конторкой. Было слышно как она тихо плакала.

; Потом директор и Зинаида проводили ее на поезд. Прокофий Иванович извинился, и сославшись на здоровье, провожать отказался. Даже «до свидания» не сказал. Просто встал из-за стола и вышел из кабинета, глухо кашляя.

; - Как на Голгофу пошел, - сказала Зинаида, глядя с беспокойством ему во след.

; - Докладывайте, - Шкирятов придвинул к себе стакан холодного чая и приготовился слушать.

; Анна положила перед ним листы с заявлениями, привезенными ею из Гусь-Хрустального.

; - Почему, в нарушении плана, вы начали не с заказчика.

; - Должна вам признаться: я не нашла заказчика. В Оборонпроме об этом заказе никто ничего не знает. У меня складывается такое ощущение, что мы столкнулись с какой-то серьезной аферой.

; - Ощущения к делу не подшиваются. Мне надо обдумать эту проблему. Завтра в одиннадцать ко мне в кабинет.

; Но принял он ее только в час дня. Был, явно, чем-то очень доволен. Потирал руки и чай пил больше обычного.

; - Вот как бывает, - Шкирятов постучал пальцем по столу, - от маленького камушка, разрушающая все на своем пути, лавина образуется.

; Завтра вечерним поездом отправляйтесь в Ленинград. Вас ждут в областной прокуратуре. Все документы получите в канцелярии. На этот счет я распорядился.

; Анна приподнялась со стула собираясь идти, но он остановил ее.

; - Вы удачливый работник, Анна Андреевна. Я подчеркиваю: удачливый. Вам, в данном случае удача заменила опыт. Как вам повезло с Гусь-Хрустальным — просто чудо какое! Я бы сказал — фантастика! С первого патрона и в яблочко. Но, учтите, это только случай. Работа впереди. А, главное, учеба, учеба и еще раз учеба.

; В проходной Ленинградской городской прокуратуры ее встретил небольшого роста полноватый чернявый парень.

; - Лев Романович Шейнин — представился он и внимательно посмотрел на Анну, словно ожидая какую то особую реакцию с ее стороны.

; - Иванова Анна Андреевна, - она протянула ему руку. Что вы на меня так смотрите?

; - Да нет, ничего, - рассмеялся Лев Романович, - на сколько я понимаю, вы новейшей литературой не очень интересуетесь.

; - Пойдите, мне дочь что-то говорила, но подробности я не знаю. Вы какие-то книги читаете? По моему про милицию.

; - Есть грех! - Он отпер дверь кабинета и предложил ей войти. - Давайте о делах. Время, на сколько я понимаю обстановку, у нас минимум минимум. Начальство неожиданно стало давить. Что для меня странно. Так почему этим делом вдруг очень заинтересовались в Москве? Вот меня бросили на него в порядке усиления.

; - Лев Романович! У меня к вам предложение: давайте вызовем из Гусь-Хрустального очевидца. Разговор у меня с ним прошел в обстановке угнетающей. Подробностей он не рассказывал и не написал ничего особенного, проливающего свет на те события.

; - Вы не в курсе дела, Анна Андреевна. К сожалению Прокофия Ивановича мы вызвать не сможем.

; - Почему?

; - Он умер.

; - Как умер?

; - Да вот так. Прямо после вашего отъезда.

; - А причина? - У Анны пересохло во рту.

; - Врачи говорят сердце. А там кто его знает. Да вы не переживайте. Вашей вины тут нет. Обстановка вокруг него на заводе была ненормальная. Иные просто травили его за предательства товарища. Не каждый может такое выдержать.

; - А директор?

; - А что, директор? Он не очевидец. Ну, видел один раз эту компанию, а кто такие и что это за организация — знать не знает и ведать не ведает. Все разговоры не при нем велись. Его поставили перед фактом и все. А самое главное — он в положительный результат экспериментов этих не верил и всячески от этого дела уклонялся.

; Вы мне, Анна Андреевна, расскажите, что вас в этой истории настораживает, какие мысли есть, какие соображения.

; - Хорошо. Вот первое, - Анна загнула на руке мизинец, - В результате работы какой-то комиссии определяется, что условия контракта не выполнены и на собрании партийной ячейки Прокофия Ивановича освобождают от должности секретаря.

; Обратите внимание: ему не объявляют выговор, не исключают из рядов партии. Его только отстраняют от руководства партийной ячейки.

; С моей точки зрения, его просто провоцируют, рассчитывая, что он поступит так, как им нужно.

; А он и поступает так. То есть исчезает. Скорее всего никаких документов по решению отстранения его от руководства ячейкой, мы не найдем ни в документах ячейки, ни в парткоме Треста, ни в райкоме. Я это все буду проверять, но чутье мне подсказывает, что ничего не найду.

; Вопрос к вам, уважаемый Лев Романович: Зачем и кому это надо было так с человеком поступать и для чего?

; Вот второе, - Анна загнула палец безымянный, - Единственное, что помнит Прокофий Иванович из условий контракта — срок его исполнения. Ничего об условиях оплаты он не знал и не интересовался этим.

; Ой ли? С его слов, вопрос этот не поднимался. Денег им платили только для существования и не больше. За что тогда работали?

; Но деньги на выполнения заказа поступали. В аренде было помещение и оборудование, покупалось сырье, содержались другие люди работающие в лаборатории и сколько их было мы не знаем. К стати, где они сейчас?

; Вопрос к вам: почему вопрос об оплате не поднимался и не играла ли тут роль другая договоренность - гарантия оформления авторского свидетельства? Или, могу пред-положить, что оплата должна была быть по итогам работы.

; Вопрос третий: А вот с другим товарищем поступили иначе. Его под политическую статью подвели. Его одного. А работали ведь двое. Одного посадили, а другого отпустили с миром. Почему?

; Вопрос к вам, товарищ Шейнин: А не кроются ли тут ответы на многие наши вопросы? Что-то Прокофий Иванович не знал и потому был им не опасен. Они почему-то были уверены, что промолчит будучи на свободе. Потому его и спланировали.

; Может быть и другое. Знали, сколько отмерено ему жить. Или сами отмеряли? Какую роль сыграл тут мой приезд? А Роман Григорьевич знал что-то и потому был организаторам этой аферы опасен. Его засадили с надеждой, что все грехи возложат на него и он особо сопротивляться не будет

; Есть у меня еще одна шальная мысль, товарищ Шейнин. Может Роман Григорьевич сам отказался исчезнуть?

; Это вот мои мысли. А теперь я с удовольствием послушаю вас.

; - А мне нечего вам рассказать. Я всего третий день занимаюсь этим делом. Не провел ни одного допроса.

; Я пока не знаю о чем единственного арестованного спрашивать.

; Его обвиняют в саботажа. Все законно. Условия договора он не выполнил. Он мне скажет, что это научно-исследовательская работа и планировать результат с точностью до одного дня — глупость. А я ему отвечу: зачем тогда подписывал такой контракт? За деньгами погнался? Решил, что на авось пройдет?

; У меня такое мнение: лихие ребята поймали каких-то «лохов» в Москве. Показали им статью в журнале, прибавили к журналу акты на заводские

испытания с рюмками в Гусе. Мол у нас все «на мази» И решили добры молодцы заработать на этом определенную сумму.

; Московские тузы на это клюнули. Может быть рассчитывали это изобретение, если получится, себе присвоить. Больше года рисковать не стали. А что бы спрятать концы в воду — одного заставили кинуться в бега, а другого подвели под вышку или на достаточно приличный срок.

; Вопрос: за что? Чем он так перед ними провинился? Он один. Второго они быстренько сплывили, как лишнего свидетеля. Теперь нам с вами надо выяснить о каких деньгах идет речь. Доказать совершенное преступление и подвести под соответствующую статью этих лихих ребят, затеявших аферу.

; Самый корень в этой проблеме — кто заказчик. Откуда поступали деньги? Чую я, что Григорич этот, ничего не знает. А может догадывается? Но вы записали в своем блокноте, что директор проговорился про каких-то автомобилистах. В этом плане другие ребята уже работают. И что-то в этом деле есть особенное. Чует мое сердце. Я этих стекольщиков «лохами» обозвал... Не знаю. Посмотрим. Тут может такое открыться!

; Теперь вам инструктаж: пока вы в этом деле не обозначились, живите спокойно. Но после того как вы пройдете завтра все намеченные дистанции, будьте начеку. Никаких контактов с посторонними лицами без моего разрешения не осуществлять. Встречаться будем каждый вечер у вас в гостинице и обсуждать план на следующий день. Это понятно? Прошу учесть, что имеем мы дело с ребятами серьезными.

; - Понятно, - сказала Анна, - Это вы меня так пугаете?

; - Я вас не пугаю, а информирую. - Отвел глаза в сторону Шейнин.

; Вечером они встретились. Единственный стул оккупировал Лев Романович, Анна расположилась на кровати. Было очень неудобно. Ноги свисали не доставая до пола. Край кровати врезался под коленями.

; - Я оказалась права, - Анна поерзала, пробуя устроиться поудобнее. Ничего не получалось. Тогда она плюнула на приличия и забралась на кровать подогнув под себя ноги натянув на колени юбку. - Пошла я сразу в областную контрольную комиссию и там мы с работниками разделились: Я отправилась в Трест, а работники в райком.

; В Тресте ничего, как они говорят, не знали о существовании в этой лаборатории партийной ячейки. Вся работа лаборатории была засекречена, так как заказчиком был объявлен Оборонпром. Подобных заказчиков Трест до сих пор не имел.

; Никаких подозрений работа лаборатории не вызывала, кроме одного — финансирование работ шло из Москвы по какой-то упрощенной схеме и бухгалтер у этой лаборатории был свой, хоть и был зачислен в штат Треста по рекомендации работников лаборатории и сидел в общей бухгалтерии. До своей работы он никого не допускал и исчез в одночасье вместе со всеми работниками лаборатории после работы комиссии.

; Про комиссию в Тресте тот-же никто ничего не знает толком. Откуда приехали, кто такие? Единственная зацепка — они отмечали свои командировочные удостоверения в канцелярии Треста. Какие-то записи в журнале командировочных должны были остаться. Журнал я этот посмотреть не смогла из-за того, что сегодня пятница и работники канцелярии закончили свой рабочий день несколько раньше и всю документацию убрали под ключ.

; В райкоме никаких сведений, естественно, получить не удалось. Там вообще про это дело не имели представления. Очень они теперь по этому поводу беспокоятся в связи с тем, что я не из прокуратуры, а из ЦКК. Они понимают, что у прокуратуры будут свои выводы, а у ЦКК — свои уже касаемые их.

; У меня все. Что делать дальше — не знаю. По моему это тупик. Ясно мне одно, что этого несчастного Григорича надо отпускать. Во всей этой истории он лицо скорее пострадавшее, чем виновное.

; - Отпускать наверно надо, согласился Лев Романович, - но не сразу и решать это будет суд.

; Григорич всю эту кампанию видел, контакты с ними имел и должен кое что знать. Буду из него выуживать. Не исключено, что знает он больше, чем говорит. Думаю что из страха. Ведь на все четыре стороны его не отпустили, а, достаточно грамотно, засадили к нам.

; А вот насчет журнала регистрации приезжих — эта у вас мысль светлая. По этому поводу и Гусь-Хрустальный надо проверить. Бывает что и на старуху бывает проруха. Очень смешно будет, если они там свои следы оставили.

; Ваши планы на понедельник, Анна Андреевна?

; - В понедельник опять пойду в партком Треста. Там народ нормальный и помочь готов и не суетится как в райкоме. А вот на завтра прошу вас отпустить меня. Очень мне надо съездить в Слуцк или в Павловск. Не знаю как он сейчас называется. Но это дело исключительно личное.

; - Во сколько собираетесь в дорогу?

; - Да прямо с утра.

; - В добрый путь и помните мое предостережение.

; Остановка трамвая находилась прямо напротив подъезда гостиницы. Анна на минуту остановилась, соображая в которую сторону ей надо ехать. В это время показался трамвай, шедший по противоположному от нее пути.

; - Вот туда мне и надо, - сообразила Анна и бегом, прямо перед трамваем, перебежала на противоположную сторону улицы. Вагоновожатый сердито звякнул. Завизжали тормоза. Анна приложила руку к груди, извиняясь за нарушение и неожиданно, краем глаза увидела перебежавшего вслед за ней парня. На голове у него была надета защитного цвета «Шюцкоровка», опущенная глубоко на лоб. Парень обежал трамвай сзади и вскочил уже на ходу, поднявшись на площадку второго вагона.

; Не понравился ей этот парень. Почему не понравился она объяснить себе не могла. Не понравился и все тут!

; - Пуганая ворона куста боится! - обругала себя Анна. Заплатила кондуктору за билет и села на свободное место, лицом против движения. Ей отчетливо был виден парень в «Шюцкоровке». Он стоял спиной к ней и совершенно не обращал на нее внимания.

; Трамвай подъехал к вокзалу. Анна подошла к стенду с расписанием движения поездов и определив, что у нее есть, по крайней мере, сорок минут свободного времени, пошла на базар, расположившийся на площади перед вокзалом, что бы купить какойнибудь подарок. Она медленно бродила по рядам и, наконец остановилась перед живописной теткой, продававшей пироги. Чутье ее не подвело.

; Анна выбрала четыре самых больших пирога и наклонившись к тетке прошептала ей на ухо: - А бутылочки маленькой у вас не найдется?

; Тетка сначала оценивающе ее оглядела, потом завертела головой, оценивая обстановку вокруг. Анна тоже стала оглядываться и увидела своего преследователя, стоящего у колон перед входом в вокзал.

; - Открывай сумку! \_ скомандовала тетка и быстренько сунула Анне что-то завернутое в тряпицу. Сверку легли пироги. - Плати быстро и уматывай! - тетка явно нервничала.

; Анна вспомнила свой коммерческий успех в Гусь- Хрустальном, но здесь-то проверять не будешь. Будем рассчитывать на удачу.

; Она отошла от тетки и стала медленно приближаться к вокзалу. Она видела, что парень не прячется, явно в открытую ожидал ее. Противно ныло сердце. Надо было принимать решение.

; Она шмыгнула вместе с толпой мешочников в дери вокзала, оглянулась и увидела радостную улыбку на лице своего преследователя

; Нашел он ее, все таки!

; Анна бежала по перрону вместе с толпой вдоль состава и вдруг пришло к ней решение. Она не будет садиться в вагон. Надо только добежать до паровоза, быстро подняться в будку машиниста. Предъявить документы и попросить помощи. А там ребята крепкие. Там ее ему не достать.

; Она уже представила как она хватается за поручни паровоза и взлетает вверх в будку машиниста, но в это время звякнул колокол, свистнул паровоз, лязгнули вагоны. Качнулся состав сначала назад, а потом вперед и ей пришлось вскочить в первый попавшийся вагон. Защитного цвета «Шюцкоровка», маячила на площадке соседнего вагона.

; Поезд не спеша подходил к платформе Слуцка. Анна выглядывала в окно. У нее оставалась последняя надежда.

; Ура! Она увидела сутулую фигура, сидящую на деревянном диване перрона и опиравшегося подбородком на руки, державшие палку.

; Анна изо всех сил стала махать ему рукой

; - Федор Иванович! Миленький! Федор Иванович!

; Сгорбленная фигура с трудом поднялась с дивана и подслеповатыми глазами

стала искать кричащую и не видя ее, на всякий случай, поднял палку и стал ею размахивать.

; Анна выскочила из вагона не дожидаясь остановки состава и бросилась к старику.

; Ее преследователь спокойно вышел вслед за ней и расположился на перроном диване закинув ногу на ногу.

; - Господи! Анна! А Люба где?

; Она взяла старика под руку и они тихонечко пошли в горку к мосту через Славянку.

; - Анна Андреевна! - крикнул ее преследователь, - Я уж дальше не пойду. Там у вас, я думаю все спокойно будет. Вы ведь сегодня возвращаетесь? Так я вас в буфете на вокзале подожду.

; - Ухажер что ли, - сердито поинтересовался Федор Иванович?

; - Черт бы его побрал! - выругалась Анна, - Сколько страха на меня нагнал.

Хороша была бы я на паровозе! - Она представила себе, чем бы закончилась история с паровозом и не могла сообразить — то ли ругаться, то ли смеяться.

; Пирог оказались вкусными. Они конечно немного поплакали. Анна Ивановна попеняла Анну, что Любу с собой не привезла.

; Федор Иванович, очевидно распив чекушку, громко распевал песни и все вспоминал старшего сына и укорял невестку, что так рано завела себе хахалю. Тем более такого молодого.

; - Не прилично, - Мягко пенял он невестку.

; Пришлось просветить их в происходящее.

; Федор Иванович не поверил.

; - Кем же ты работаешь, что тебе охрану дают? - удивилась Анна Ивановна в ответ на объяснения Анны.

; - Следователь я, - не уточняя места работы ответила Анна.

; - Не страшно?

; - Всякое бывает, - вспомнила сегодняшнее утро Анна.

; Уже собрались прощаться. Анна Ивановна остановила ее на крыльце.

; - Я про хахалей хочу сказать. Приезжал тут к тебе один. Хоть и в партикулярном одет, а по осанке офицер настоящий. Не теперешний. Очень про тебя расспрашивал. Но я ведь ничего про тебя не знала и сказала, что ты за границу подалась. Покачал он головой и говорит, что все равно тебя найдет.

; - Имени не называл?

; - Юрием представился. Сказал, что сам из Сибири. Что загрустила?

; - Да нет, ничего. Это все так, несбыточные фантазии.

; - А красавец какой! - посочувствовала Анна Ивановна — Если еще явится, что передать?

; - В Москве я. Пока. А что дальше будет — темнота.

; Старый вагон мотало из стороны в сторону и они с сопровождавшим, волей не волей прикасались друг к другу плечами. Расстались у входа в гостиницу почти

друзьями.

; Лев Романович повалился на ее кровать и хохотал как сумасшедший.

; - А паровоз это вообще класс! Я это запишу обя-зательно. Смех — смехом, а в оперативной работе это вполне можно использовать. Хватка наша у тебя есть, Иванова. В Трест сейчас едем вместе. Смотрим журнал. А затем звоним в Гусь. Спрашиваем у Зинаиды, что она в своем журнале записала. Может быть ей придется этот журнал привести сюда.

; Журнал для отметок командировочных в Тресте Шейнин изъял.

; От удовольствия он цокал языком, да еще торжественно объявил благодарность женщинам, заставившим приезжих предъявить документы. Если документы были не фальшивые, то кое-что у него появилось и по этому поводу настроение у него было прекрасное.

; - Давайте я провожу тебя до гостиницы, — предложил он Анне.

; Но она отказалась.

; Анна доехала на трамвае до Невского проспекта и пройдя его пешком почти до конца повернула в сторону арки Главного штаба. За аркой виднелся Зимний дворец и Александровский столп. Напротив в доме горела синяя надпись:

«Междугородний телефон»

; - Алло, Таня! Ты меня слышишь?

; - Да слышу я тебя. Слышу! Когда явишься? Любка совсем от рук отбилась. Каждый день к ней ее очкастый ходит, так она, что вздумала — стала кормить его. Я ему прямо сказала, что раз жених, то пусть со своей едой приходит. Тут его два дня не было, а на третий день пол мешка картошки и моркошки припер. Я его спрашиваю: «Где украл?», так они на меня вдвоем накинулись, мол он вагоны ночами разгружал и это его заработок. Никакого слада с ними нет. И новую моду взяли — на лестнице стоять. Будто им комнаты мало.

; - Тань! Ты мне про Любу расскажи. Как она, здорова?

; - А я про что тебе рассказываю? Здорова, конечно. Что ей сделается! Давай, приезжай.

; Анна повесила трубку и заказала Гусь-Хрустальный.

; - Алло! Зинаида?

; - Ой Анна Андреевна, как хорошо, что вы мне позвонили. Вы скажите где мне вас найти. Я вам должна бумаги и письмо Иваныча привести. Он в нем все-все рассказывает. Все очень важно. Особенно бумаги.

; - Записывай мой адрес. Без моей команды не выезжай и про письмо и бумаги никому не говори. Завтра утром я тебе позвоню и договоримся куда тебе ехать. Все бумаги держи в сейфе!

; Лев Романович сложил губы дудочкой и тихонько так посвистел.

; - А знаешь, Иванова, к Зинаиде твоей я пожалуй сам поеду. Чем черт не шутит. Мнится мне, что в письме этого Иваныча, важного много мы найти сможем. Это наверно что-то вроде завещания или посмертной записки. А с бумагами вообще получиться может интересно. Звони ей, что бы она меня не испугалась.

Интересно, как эти бумаги к ней попали?

; Шейнин и Яков Григорьевич сидели за столом напротив друг друга. Анна примостилась за маленьким столиком вместе с сотрудником, ведущим протокол допроса.

; - Яков Григорьевич! - Шейнин перегнулся над столом в сторону допрашиваемого, - Все, что вы нам тут рассказали — правда? Уж больно на фантастику смахивает.

; - Да, гражданин следователь, все правда.

; - Вы утверждаете, что совместно с Прокофием Ивановичем решили поставленную перед вами проблему по разработке ударопрочного стекла, но подозревая работодателей в нечистоплотности и преступном замысле, решили не выдавать им этот секрет?

; - Да, гражданин следователь. Проблема решена. Пусть не на сто процентов. Потребуется еще какое-то время для доработки, но суть проблемы нам ясна. А комиссии мы представили разработки по посуде. Рюмки, бокалы, стаканы. Я уверен, что Прокофий Иванович полностью подтвердит мои слова.

; - Да, - Шейнин отвел глаза, - он действительно подтверждает ваши слова.

Теперь еще раз вернемся к вашим работодателям...

; Анна поднялась со стула.

; - Я оставлю вас. Мне пора не поезд. - И обратилась к Якову Григорьевичу, - На сколько мне понятны ваши намерения, при условии конечно благополучного разрешения вашего дела, вы не собираетесь оставаться в Тресте, но и в Гусь-Хрустальный возвращаться не будете?

; - Не намерен и не буду. - Яков Григорьевич поднял на нее глаза и отрицательно покачал головой. - Мне там делать нечего.

; - Тогда у меня к вам большая просьба, Яков Григорьевич: После того как ваше дело закончится, в любом случае, при любом результате, попросите Льва Романовича, что бы он соединил вас со мной по телефону. Он пойдет вам на встречу. Прощайте!

; Мужчины встали, провожая ее.

; Ах, какое дело мы раскрутили, ликовала Анна! Вот уж воистину государственной важности. И на душе так легко и весело. Вернусь в Москву — займусь Любой.

; - Я внимательно прочел ваш отчет, Анна Андреевна. \_ Шкирятов забарабанил пальцами по столу, - и должен выразить вам свое крайнее неудовлетворение.

; У Анны широко открылись глаза. Она закусилла нижнюю губу и упрямо склонила голову.

; - Да, да! Неудовлетворение крайнее! Практически вами задание, полученное от ЦКК, не выполнено. Вы увлеклись детективной стороной дела. Все свои силы и время вы тратили на разоблачение банды элементарных воров, подменяя собой функции следователя прокуратуры.

; А где, позвольте вас спросит, политическая оценка происшествия? Как

оценена роль партийной ячейки лаборатории?

; - Секретарь ячейки умер.

; - Очень хорошо! А какую оценку вы даете работе парткома Треста, под носом у которого все это творилось? А роль райкома партии?

; Вы же представитель Центральной Контрольной Комиссии — высшего контрольного органа нашей партии, а подход ваш к работе, судя по отчету, обывательский. Потрачены время и средства, а результатов — ноль

; Практически провалено дело большого политического значения. Не забывайте, что в него втянуты или являются зачинщиками Московские учреждения и их партийные организации. Как вы определили роль низовых партийных организаций в разоблачении врагов революции? Для завершения это дело будет передано другому товарищу. Вы можете идти...

; - Куда? - излишне спокойным тоном спросила Анна, поднимаясь со стула.

; Шкирятов выдержал паузу, и с деланно добродушной улыбкой закончил фразу:

; - Конечно, на свое рабочее место. Надо продолжать трудиться, исправляя свои ошибки. Учиться, учиться и еще раз учиться.

;

; 1929 год

;

; - Ну, докладывай!

; Мать и дочь забрались с ногами на кровать и укрылись одним одеялом.

; - Нет, - заупрямилась Люба, - сначала ты.

; - Хорошо. Большой тебе привет от деда Федора. Он меня встречал на вокзале в Слуцке.

; Ты знаешь, у меня сложилось впечатление, что он целые дни проводит на вокзале и ждет чего-то. В этот раз дождался. Совсем плохой стал и видит плохо. Ноги очень болят. Большая Анна меня отругала, что тебя не привезла. Но я ей обещала, что летом обязательно приедем.

; - Правда? - обрадовалась Люба.

; - Ну конечно правда. У тебя каникулы, у меня отпуск. Вот мы и махнем вдвоем. А?

; Люба смутилась. Помолчали.

; - Теперь твоя очередь. - Анна приподняла кончиками пальцев Любино лицо за подбородок и заглянула ей в глаза.

; - Да у меня все нормально. Учимся и учимся. Я решила. Иду сначала на рабфак, а потом в институт. Правда на какой я еще не решила, но время то есть. Мне чего-то хочется иностранный язык изучать. Помнишь, как меня дядя Вася в Финляндии французскому учил и сказал, что я способная.

; - С Татьяной воюешь?

; - Да ну ее. Житья никакого нет от нее. Она что тут надумала. Иосиф мя из школы встречает, так Татьяна стала за нами следить. Теперь приходится

задними дворами бегать. А скоро через забор заставит нас лазить. Кошмар!

; - Ну, ты же не одна будешь через забор лазить. Кто-нибудь поможет.

; - Ма! Ты опять смеешься?

; - Нет. Я очень серьезно. Кстати, что-то я его не вижу.

; - А он Татьяну боится и тебя боится. Разве с людьми так обращаться можно? Запугали человека.

; - Пригласи его на ужин.

; - Татьяна его ни за что кормить не будет!

; - Приглашай. Вместе справимся. Что он в жизни собирается делать?

; - Он не собирается. Он уже делает. Я просто тебе не говорила. Иосиф уже студент Университета и будет журналистом. Его уже два раза напечатали в настоящей газете. А его мама ему обещала на следующий год купить настоящий фотоаппарат. У него есть, но детский и он не снимает.

; - А отец у него есть?

; - Нет. Они с мамой живут.

; - Хорошо, он студент. А ты?

; - Я тоже решила. Пойду сначала на рабфак. Я сразу в институт не сдам.

; - Это ты сейчас решила?

; - Разговор постепенно перешел на шепот. Становился все тише и тише.

; - Когда пришла Татьяна она решила, что ее девчонки уснули там под одеялом и стала их расталкивать. Но оказывается девчонки не спали, а секретничали и за это им попало «по первое число». И было Anne все доложено с подробностями и даже немного приукрашено.

; - И пусть она, бессовестная, тебе как матери, расскажет, чем они там на лестнице занимаются.

; - Ни чем мы там не занимаемся! - возмутилась Люба. - Мы просто разговариваем.

; - А что она со своими волосами делает? Ты почему думаешь она с головой накрывается? Что бы ты не видела, когда приходишь, что она на голове себе накручивает. А про губы я говорить даже не буду.

; - А что, про губы, что про губы? - Взвилась Люба.

; - Сама знаешь!

; - Она мне уже все рассказала, - успокоила Татьяну Анна, - Мы с ней договорились, что она будет у нас умной девочкой.

; - Буду! - сказала весело Люба. - И на лестнице мы больше не будем. Только ты нас не гоняй из комнаты, Таня. Мы же люди и человеки. И не зови его женихом. Он очень обижается. А если будешь так звать, то мы, тебе назло, возьмем и поженимся. Тебе же хуже будет.

; - Это чем же мне будет хуже? - Вскипела Татьяна

; - Вот тогда и узнаешь! - неожиданно хором ответили ей Анна и Люба.

; - А потом все трое стали хохотать. Смеялись долго-долго. И каждый смеялся своим мыслям, совсем не похожими на мысли товарок.

; Или она не обращала внимания, или табличка появилась буквально вчера. Анна, вставив ключ в замочную скважину своего кабинета машинально подняла глаза. На филенке ее двери висела стеклянная табличка черного цвета с золотыми буквами:

; «Старший партийный следователь

; Иванова Анна Андреевна»

; В кабинете разрывался телефон. Она подняла трубку.

; - Иванова! - орал в трубке знакомый голос, - Это ты, Иванова?

; - Ну я. Не кричите так товарищ Шейнин. У меня барабанные перепонки лопнут.

; - Я чего кричу, - бушевал на том конце провода Лев Романович, - Дело наше через суд прошло и твоего Мальцева Якова Григорьевича оправдали полностью. И за бдительность похвалили и пожелали всяческих успехов. Я уже дырку в пиджаке просверлил.

; - Зачем дырку? - не поняла Анна.

; - А куда я орден буду вешать? - Хохотал Шейнин. - Ты тоже себе верти.

; - Мне уже навертели по первое число!

; - Ну, ты ближе к верхам. Вам в первую очередь, - Лев Романович не уловил иронию в ее словах. - Я чего звоню? Ну перво-наперво поздравить. Пока заочно, но собираюсь навестить ваши Палестины. А еще хочу предупредить тебя, что наш с тобой подопечный просил у меня дать твои координаты. Я помню, что ты мне разрешила и я дал ему твой рабочий телефон.

; - Спасибо — сказала Анна.

; - Не за что! - засмеялся Шейнин

; - Вот и я думаю, что не за что, - в тон ответила ему Анна.

; Раздались короткие гудки.

; Анна вышла в пустой, по обыкновению, коридор и воровато оглянувшись, еще раз прочитала табличку на своей двери. Вдали послышались голоса. Анна шмыгнула в кабинет. Достала блокнот и нашла номер телефона Оборонпрома.

; - Алло! Владимир Александрович? Здравствуйте! Я, - она на минуту запнулась, - партследователь ЦКК Иванова Анна Андреевна. Если вы меня помните.

; - Конечно помню, уважаемая Анна Андреевна. - Спустя немногим временем после вашего визита, у нас такой тарарам поднялся. Волны до сих пор плещутся.

; - Владимир Александрович! А вы богатый человек?

; - Это к чему такой вопрос? Подвох подозреваю.

; - Правильно, что подозреваете. Слово, как говорится не воробей — вылетит не поймашь. Вы, помнится, обещали соорудить мне памятник при жизни если я вам добуду небьющееся стекло или, если говорить по-научному — стекло ударопрочное.

; На том конце провода воцарилось молчание.

- ; - Алло! Владимир Александрович!
- ; - Вы это серьезно, Анна Андреевна?
- ; - Более чем. Обратится по этому вопросу к вам гражданин Мальцев Яков Григорьевич. Отнеситесь, пожалуйста, к его предложениям серьезно.
- ; - А поподробнее можно?
- ; - Поподробнее нет смысла сейчас, да и я не специалист. Мой рабочий телефон у вас есть? Вот и прекрасно! Со временем поделитесь со мной впечатлениями.
- ; - Будем надеяться.
- ; - Будем надеяться.
- ; Звякнул второй, внутренний телефон.
- ; - Анна Андреевна! Матвей Федорович просит вас сейчас зайти к нему.
- ; - Вы меня вызывали, Матвей Федорович. - Анна поняла, что задала глупый вопрос. Пустили бы к нему, если бы он не вызывал ее.
- ; - Да, Анна Андреевна! Дело, в котором вы принимали посильное участие, неожиданно приобрело яркий политический оттенок. Осуждена группа преступников. В разоблачении их, вы приняли само живое участие.
- ; Я уже отмечал, что вы удивительно везучий работник. Везение или опыт, так или иначе, не важно при достижении положительного результата.
- ; Правительство приняло решение отметить группу товарищей, и вас в том числе, за проделанную работу. Прошу Вас завтра быть в полной форме, прибыть на работу вовремя и ждать дальнейших указаний.
- ; Должен вас поздравить с переходом вас на следующую ступень карьеры. И еще раз призываю вас учиться, учиться и еще раз учиться. На везение больше не надейтесь.
- ; - Спасибо, Матвей Федорович.
- ; Он первый раз пожал ей руку. Рука была сухая, жилистая. Пожал он ее руку не очень крепко, но дал почувствовать, что силенок у него много.
- ; В буфете ЦКК продавались изумительно вкусные жареные пирожки с рисом и яйцами. Норма не норма, но больше двух покупать было не принято. На ее счастье в буфете никого не было. Анна наклонилась к буфетчице через стойку и поведала ей жалобным тоном, что ожидает сегодня вечером жениха дочери, а угощать-то нечем.
- ; Как результат она вышла из буфета с объемным кулком полным пирожков.
- ; За столом все сидели чинно. Татьяна принесла кастрюлю с вареной картошкой и миску квашеной капусты, посыпанной луковыми колечками и щедро политую подсолнечным маслом.
- ; - Ничего! - сказала Анна, - И мы лыком не шиты. - И выставила на стол блюдо с пирожками.
- ; Они сидели весь вечер и говорили о всяких разных вещах до тех пор, пока Иосиф не взглянул на «ходики», висевшие на стене.
- ; - Мама будет волноваться? - Спросила Анна.
- ; - Она знает куда я пошел.

; - А ты можешь ей позвонить?

; - А можно?

; - Ну конечно

; - Ну, как? - Спросила Люба пока Иосиф звонил домой.

; - Я буду рада если у вас все сложится, но он еще маленький. - Анна обняла Любу.

; - Как маленький! Он на полтора года старше меня! - Возмутилась Люба.

; - Я об этом тебе и говорю. Ему далеко еще до мужчины.

; - Мне, к сожалению, пора домой, - извиняющимся тоном сказал Иосиф, входя в комнату.

; - Мы будем рады видеть вас в нашем доме, - провожая гостя сказала Анна.

; Чинно простились.

; Люба проводила его до лестничной клетки и они еще долго о чем-то там разговаривали.

; - Вот, вот! - кипятилась Татьяна. - Посидели, поели, чай попили, а теперь на лестнице. Бычок — только от мамки оторвали. А Любка молода. Ничего не понимает.

; - Ох! - потянулась Анна, - Мне бы ее годы!

; Очередной рабочий день подходил к концу. Анна аккуратно убрала папки с делами в сейф. Зазвонил местный телефон.

; Это надо же! Как нарочно! Даже зло берет. До конца рабочего дня три минуты. Кому я понадобилась? Анна подняла трубку телефона.

; - Иванова?

; - Ну, я Иванова. Что Вам от меня надо гражданин Шейнин?

; - Я уже целый час стою у вас в проходной, предъявляю все свои документы, но ваша охрана на меня никак не реагирует, несмотря на то, что у меня на груди сияет новый орден.

; - У меня рабочий день заканчивается. Если у вас есть большое желание видеть меня, то подождите еще самую малость и я к вам выйду.

; Шейнин был одет в щегольской костюм на лацкане которого действительно был прикреплен орден Красной звезды.

; - Поздравляю!

; - Спасибо, - расшаркался и раскланялся Лев Романович, - А вас с чем поздравить, мадам?

; - Сегодня в торжественной обстановке вручили почетную грамоту ЦК.

; - Не густо, - хмыкнул Лев Романович.

; Они шли по скверу. Прохожие оглядывались на них.

; - Что вас к нам привело из северной столицы? - Анне было неудобно. Лев Романович говорил очень громко, размахивал руками. Пытался взять ее под руку.

; - Литературные дела. Собираюсь собрать все свои повести и рассказы вместе и издать серию книжек. Небольшого формата. Удобных для чтения в трамвае, в

поезда...

; Он захлебывал перед нею свои, как ему казалось, грандиозные планы.  
; - Понимаешь, Иванова, нужен запасной аэродром. Мы вот свои дома строим, а ты приглядишься - они карточные. Стоит кому-то дунуть посильнее — улетят к чертовой матери.

; Она только сейчас сообразила, что он пьяненький.

; - Что смотришь, Иванова? Выпил? Имею полное право. Орден не каждый день дают. И ты имеешь право! Пойдем в ресторан! Я приглашаю.

; - Нет, Лев Романович. У меня дом и дети. Да и пить я не умею.

; - Ты слушай меня, Иванова! Набирайся опыта!

; Мы с тобой какое дело распутали? Одни идиоты решили деньги заработать. Большие. Они под эту туфту гнали отчеты и каждый месяц о своих успехах докладывали. А другие идиоты им верили и сыпали на них купюры. Купюры, должен я тебе заметить, большие и государственные.

; Я про этих, наших с тобой двух ребят говорил, что «лохи». Ан нет! Они эту компанию раскусили быстро и подсунули им в отчетах опять свои рюмки. Но работали то они над стеклом! Представляешь, как они завернули! Это конечно Григорич. Гри-го-рич - это такой ж-у-у-к! Жу-чи-ло! Кремень мужик. Я его уважаю. Всех вокруг пальца!..

; Он пошатнулся и оперся на ее руку. Так они постояли немного. Шейнин резко отклонился от нее.

; - Он таких дельцов вокруг пальца... Знаешь как они свое стекло обозвали? Ни за что не догадаешься. «Сталинит».

; А сам, когда срок подошел, в самую пасть полез. Он к нам сам пришел! А знаешь зачем? Что бы их за собой приволочь. Он у нас решил спрятаться от них!

; У нас спрятаться! - Вдруг начал хохотать Шейнин. - Это же додуматься надо! Спрятаться у кого? У нас! - Он даже всхлипнул от восторга. Достал носовой платок и долго сморкался в него.

; - Иначе они бы его, когда дело раскрылось бы... Он все рассчитал.

; Ты слушай Иванова, а сколько людей за этими идиотами паровозом пошли! Промпартия! Ты знаешь, что это такое Промпартия?

; Ему стало плохо. Анна подвела его к скамейке. Он долго сидел опустив голову на руки.

; - Мне - орден. Тебе — грамота. А им Промпартия. Домики-то карточные! Ф-у-у-у и нет ничего. Важно кто дует. А он дуть уме-е-е-т!

; Лев Романович снова уронил голову на руки.

; - Зря я так, - сказал он неожиданно совершенно трезвым голосом. - Но ты, Иванова, ты ничего не слышала и сиди, копайся в своих бумажках. Тихо копайся. Как мышка.

; Ты свое отвоевала. Про тебя все известно! Я жениться решил на тебе,- Он долго тщетно старался поймать ее взгляд. - Но ты за меня не пойдешь. Не

пойдешь? Зря!

; Все! Я пошел. Ты за меня не беспокойся. У меня запасной аэродром.

; Шейнин резко встал и пошел быстрой походкой почти не качаясь и скоро скрылся за деревьями сквера.

; - Пошел он в сторону Лубянки. - неожиданно подумала Анна. - Уж не провокация ли это? - Она оглянулась. Вокруг никого не было. Сквер был пуст.

; Утром следующего дня Анна не успела открыть кабинет, как зазвонил городской телефон.

; - Слушаю вас.

; - Это Центральная контрольная комиссия?

; - Да.

; - Как мне поговорить с Ивановой Анной Андреевной?

; - Я слушаю вас.

; - Здравствуйте, Анна Андреевна. С вашего разрешения вас беспокоит Мальцев Яков Григорьевич. Я проходил по делу Треста стекольной промышленности в Ленинградской прокуратуре. Вот приехал в Москву и первым делом звоню вам.

; - Вы все правильно делаете, Яков Григорьевич. Запишите, пожалуйста номер телефона. Там, куда вы будете обращаться, ждут вашего звонка с нетерпением. Я с ними уже провела переговоры. Большая к вам просьба - проинформируйте меня после того как вы до чего-то договоритесь и появится какой-то результат. До свидания!

; - Я вам очень благодарен, Анна Андреевна. До свидания.

; В дверь постучали. Курьер принес очередные папки дел. Анна расписалась в журнале. Рабочий день начался.

; А за окном конец августа. Дочь сдает экзамены и скоро, дай то бог, станет студенткой или, как теперь говорят, рабфакровкой. С той работой, что поручают — справляюсь и, как говорят, не плохо. Даже почетную грамоту дали. Как не крути не верти, а пока у меня все в порядке. Что там Шейнин плел про карточные домики? Жениться собрался. Чудак!

; Однако этот пьяный разговор запомнился ей надолго и вызывал, казалось бы ничем не обоснованное, чувство тревоги.

; Что она, собственно, из себя представляет? Образования — никакого. Можно сослаться, при особой нужде, на Нарымские университеты. Но это смешно. Опыт работы? А вот какой работы? Партийный функционер. Может действительно домик карточный? Но остается жизненный опыт и преданность делу. Больше ничего. Много это или мало? Страшноватенько!

;

; 1930 год

;

; - Здравствуйте, Анна Андреевна. Докладывает вам Владимир Александрович. Ваш протезе оказался на самой высоте и третьего дня техническая комиссия приняла опытный образец. Вы вправе претендовать, как один из авторов этого

чуда, на премию.

; Спасибо, Владимир Александрович! Я очень рада, что мои труды не пропали даром. А насчет авторство — спасибо. Но у меня совсем другая специальность. Желаю Вам всяческих успехов. До свидания!

; - Во, какое я дело сделала! Это вам не карточные домики! - Похвалила она себя сама.

; Тут, сколько «Ф-у-у» не делай, не рассыплется. Такие вещи на века остаются! Так что и не такая я уж мышка.

; Где-то я слышала или читала как мышь нашла жемчуг... Ай, нет. Это петух нашел жемчужное зерно. А может и не петух... Но все равно. А вот самообразованием заняться надо. И читать побольше. Только когда?

; Анна спустилась вниз. Сдала ключи от кабинета. Женщина, принимавшая ключи, наклонилась к ней и указывая глазами прошептала: «А вас там ожидают».

; В холле был полумрак. Только ярким пятном выделялся столик часового у барьера, разделявшего помещение на две части. Около тамбура виднелась мужская фигура.

; При виде Анны мужчина двинулся к ней навстречу.

; - Анна Андреевна? Здравствуйте! Разрешите представиться. Я Мальцев Яков Григорьевич.

; Одну руку он прятал за спину.

; Не поймите меня неправильно. Мне необходимо с вами встретиться, что бы высказать...

; - Не надо ничего мне высказывать, Яков Григорьевич. Нормальное дело. Вы ни в чем не виноваты и правосудие это определило.

; - Цветы хоть у меня примете?

; Мальцев протянул ей букет роз.- Не откажите. От чистого сердца.

; - Цветы возьму. Мне цветы сто лет никто не дарил, - Она спрятала лицо в букет и вдохнула чуть сладковатый аромат.

; Они вышли на улицу. Моросил дождик.

; - Не бойтесь промокнуть?

; - А у вас есть какиенибудь варианты? - Анна посмотрела на него. Совсем коротко пострижен. Седоватые волосы как ежик. Коренастый. Щеки чуть впалые. Ну, это от работы. Да и тюрьма не красит волосы в темные цвета. Досталось парню по первое число! Сколько ему? Наверно ровесники. И мальчишки седые бывают. Если одним словом охарактеризовать — интеллигент.

; Фамилия его Маслов, а фабрику в Гусе создали Масловы. Это ей пришло в голову только сейчас. Старый купеческий род. Лет наверно триста как возник, а может и больше.

; - Есть у меня вариант, но для этого вы должны подождать меня тут. Я мигом.

; И он исчез.

; - Сейчас пригонит таксомотор, - решила Анна. - А вот то, что я до сих пор не удосужилась купить себе зонтик — безобразие. Хотя в этом году это был бы уже третий зонтик. Два других Любовь ухитрилась потерять.

; Сетку дождя пробил лучи автомобильных фар.

; - Садитесь, Анна Андреевна!

; - Куда ехать? - спросил шофер.

; - На Большую Почтовую. Я там покажу.

; Мальцев отпустил машину и они зашли в парадное.

; - Анна Андреевна! Вы не дадите мне ваш домашний телефон? Мне неудобно без конца звонить вам на работу.

; Смотрит твердо. Глаза не отводит. Цветы, такси. Ей только этого не хватает!

; - Яков Григорьевич! Мне не нужно звонить без конца. Это лишнее. - Зачем? - Она строго посмотрела на него.

; - Жизнь покажет, - Маслов достал из кармана записную книжку и карандаш.. - Пойдите мне навстречу. Я клянусь, что особо назойливым не буду.

; - Хорошо. Пишите.

; Анна продиктовала номер телефона.

; В это время входная дверь в подъезд открылась и в проеме двери появилась фигура укутанная с головой в клеенку.

; - Здравсьте! - сказала фигура, стаскивая с головы мокрую клеенку и оказалось что это Татьяна. - Что это вы моду такую затеяли — на лестницах встречаться?

; - Мы не встречаемся, - засмеялась Анна и покраснела. - Мы прощаемся.

; - Большое спасибо вам, Яков Григорьевич, что до дому доставили. Очень вам благодарна. До свидания. Пойдем, Таня. - И они стали подниматься по лестнице.

; - Ну, я понимаю когда Любка, - шипела Татьяна ей в спину. - Молодо-зелено и в голове ветер. А ты?

; - Что я? Ну, что я! Женщина я! Вот что я.

; - Я тоже не колода, - Заявила Татьяна и пошла вешать мокрую клеенку сушиться.

; Городской телефон на столе как-то странно звякнул. Как будто кто-то позвонил и тут же раздумал.

; Анна перевернула очередную страницу дела, лежащее на столе и углубилась в чтение. До тошноты знакомые стандартные фразы. Как будто писалось под копирку...

; Городской телефон зазвонил как-то необычно громко и требовательно.

; - Здравствуй Анечка!

; - Ой! Валериан Владимирович! Господи, как я рада вас слышать!

; - Я не «господи». До этого пока еще не дошло. Ты как?

; - Нормально.

; - Что-то про тебя знаю. Про Любу — ничего.

; - И у Любаши все хорошо. Рабфаковка.

; - Слушай! Ничего не планируй на вечер субботы и воскресенье. Приглашаю вас с Любой к себе на дачу. Пришлю за вами машину. Ты чего там фыркаешь?

; - Тогда встречаемся у первого милиционера.

; Куйбышев расхохотался.

; - Ладно. Вот не думал, что ты такая злопамятная. Я сам за вами заеду. Со мной, может быть, проскочим как нибудь. Только учти, вместе с Любой. И никаких отговорок. А то я вас, молоденьких девочек, знаю. С нами стариками вам не интересно. Придумаете причин целую бочку арестантов, что бы отказаться. Встречаемся у тебя на работе. Внизу в подъезде. Во сколько ты кончаешь службу? Очень хорошо. Любаша пусть подъезжает к этому времени.

; Люба шипела в телефонную трубку сунув голову под Татьянин тулуп:

; - Ну правда, не могу. Ну, хороший мой! Ну, Иося, честное слово! Мы с мамой едем в одно место и отговориться никак нельзя. Иосинька! Я тебя целую! Скажи, что ты меня любишь. И я, и я, и я...

; При появлении Куйбышева в фойе ЦКК часовой, на всякий случай, встал «по стойке смирно» лихорадочно соображая, что делать если неожиданный гость захочет пройти в здание. Но гость просто стал прохаживаться за пределами охраняемой зоны явно ожидая встречи с кем-то.

; Входная дверь отворилась. В фойе ЦКК впорхнула молоденькая девушка и стремительно бросилась на шею Председателю Госплана СССР.

; Рот милиционера непроизвольно открылся, дежурная в бюро пропусков старалась просунуть голову в свое окошко, пораженная увиденным.

; По лестнице, постукивая каблучками, спустилась старший партследователь Иванова, известная среди технического персонала под кличкой «Серая мышка», и повисла на шее Куйбышева с другой стороны.

; Троица посмотрела на зрителей - застывшего часового с приоткрытым ртом, на торчащую из окошка голову дежурной по бюро пропусков, дружно рассмеялась и исчезла, словно ее и не было, а все это приснилось тем, кто будет потом долго и тщательно обсуждать увиденное.

; С каждым разом эта тема будет обрастать все новыми и новыми подробностями и предположениями. Но только шепотом, только среди своих.

; Стол поставили прямо на траве газона.

; - Давайте, товарищи, рассаживайтесь. На всякий случай, вдруг кто-то кого-то не знает или, за давностью времени, подзабыл разрешите всех представить. Начнем с дам.

; - Валериан, не валяй дурака! - засмеялась Ольга Андреевна и потрепала мужа по голове, взлохматив прическу.

; - Я не валяю! Среди нас, нарымчан присутствует молодой человек. Прошу любить и жаловать: Левин Вениамин Аронович. Много о нем говорить не буду. Скажу, что носит он почетное звание «пятилетчик» и соратничаем мы с ним вот уже двенадцать лет начиная с Туркестана. Он конечно, знает Арона Александровича Сольца и близко знаком с Александром Васильевичем

Косаревым и любезными моему сердцу сестрами Еленой и Галиной. А вот с Анной Андреевной и Любовью Аркадьевной — не знаком. А надо сказать, что женщины эти знаменитейшие.

; Во первых напоминаю всем, что Анна Андреевна, в свое время в далеком Нарыме, с гордостью носила подпольную кличку «Ведьма» и являясь чемпионкой по размахиванию пылающим угольным утюгом на ветру и при морозе исполняющая босиком задорный танец «Канкан», спасла Арона Александровича и своего мужа от очень больших неприятностей.

; - Она мне жизнь спасла! - Закричал Сольц низко поклонившись Анне. - Спасительница моя!

; - Что касается Любовь Аркадьевны, - Остановил Куйбышев восторженные излияния Сольца, - то я первый мужчина, который держал ее в своих объятиях ровно восемнадцать лет тому назад.

; Он гордо оглядел присутствующих.

; - А теперь, шутки в сторону, вспомним ушедших от нас. И, в первую очередь Аркадия Федоровича Иванова — мужа и отца.

; Люба отойдя от стола села на стоящую в стороне скамейку.

; На столе стояла большая керосиновая лампа и в ее свете металась мошкара и тени от азартно жестикулирующих Косарева и Сольца. До нее доносилось: «Промышленность, пятилетка, в четыре года, энтузиазм, комсомол, триумф...»

; Подошел Левин.

; - Не помешаю?

; - Ну, что вы! - Люба подняла голову и посмотрела на подошедшего. - А почему вы в военной форме, а знаков различия нет?

; Левин засмеялся.

; - Я совсем недавно перестал быть действующим военным. Ушел, вроде бы, в запас. А к форме привык и, честно говоря, не представляю себя в штатском.

; - И чем вы занимаетесь и почему Валериан Владимирович назвал вас «пятилетчиком»?

; - Я вам расскажу, - Левин сел рядом с Любой, - Только с условием, что вы меня остановите, в тот момент, когда вам станет скучно. А то я увлекусь и перестану себя контролировать.

; - Товарищи! Послушайте меня! - Ольга Андреевна махнула рукой стараясь привлечь к себе общее внимание, - Вы знаете сколько сейчас время?

; - Я не знаю сколько сейчас время, - Куйбышев поднялся из-за стола. - Но я знаю какое сейчас оно.

; Нам всем очень повезло. Я думаю, что у каждого присутствующего здесь есть его самое главное дело в жизни которое получается. И оно громадное, это дело. Ты чего взгрустнула, девочка? - повернулся он к Анне.

; - Нет, - Анна качнула головой. - Я не грущу. Просто мне очень хочется быть с вами.

; - Так ты ж с нами! - крикнул Косарев. - Каждый из нас, кто на своем месте, с

нами. И все только начинается. Все впереди!

; - Да. - Сольц откинулся на спинку стула и закинул ногу на ногу. - Что вы там, Александр Васильевич, изрекли насчет того, что что-то начинается и все впереди? Давайте поконкретнее. Если мы с вами обратимся к первоисточникам...

; - Ну, все! - Ольга Андреевна махнула рукой. - Теперь это до утра. Девочки! Пойдемте в дом. Становится холодно.

; - Вы очень интересно рассказываете, - поднялась со скамейки Люба.

; - Вы очень интересно слушаете, но я не успел рассказать вам все до конца.

; - А еще много о чем вы можете рассказать?

; - Ох, много о чем! Если ответственно к этому подойти, то на много лет хватит, а может и на всю жизнь.

; - Тогда все зависит только от вас.

; Про себя Люба охнула от того, что сказала, покраснела и опустив голову направилась к дому.

; Левин проводил девушку взглядом и присоединился к спорящим у стола.

;

; 1931 год

;

; Анна разложила на кровати все свои три платья и рабочий костюм.

; В чем же мне идти? Никогда в жизни не была в Московских театрах. Что сейчас носят? Тань! Что молчишь?

; - А что мне говорить? У вас театры в голове и хахали, а сейчас уже двенадцатый час ночи, а где ваша разлюбезная дочь шляется вот уже третий вечер подряд — это вас не очень беспокоит.

; - Гденибудь с Иосифом загуляли. Сейчас явятся.

; - Ну да. Как же! С Иосифом. Он уже весь телефон оборвал. Все ее ищет. Вот где она?

; - Я здесь, - Люба плюхнулась на стул. - Ног у меня нет. В животе бурчит. Тань, когда в животе бурчит, это от голода?

; - Ты где была? - нахмурилась Анна.

; - Вот! - Люба всплеснула руками, - Я так Вене и сказала, что с меня голову снимут. А что это вы все платья разложили?

; - Кому ты сказала, что голову снимут? - нарочито спокойно спросила Анна.

; - Вене, - наклонила голову на бок и часто моргая так же спокойно ответила Люба. - Мам! Ты же его знаешь. Вениамин Аронович. Ну тот, с кем мы у Куйбышевых познакомились.

; Ой, знаете, все так интересно. Он родился в черте оседлости. Есть такой городок. Называется Друя. Это была вотчина пана Сапеги. Так вот у Сапеги никак не рождался сын. Тогда ему сказали...

; - Постой, Люба. Во-первых Вениамин Аронович старше тебя на много лет. Он совсем взрослый мужчина. А, во вторых, как же с Иосифом? Мне это все очень

не нравится. - Анна подошла к кровати и стала перебирать лежащую на ней одежду. - Я категорически против этих встреч. Если это не прекратится я буду вынуждена серьезно с ним говорить. Вы не пара. Сколько ему лет?

; - Тридцать пять.

; - А тебе восемнадцать.

; - Не восемнадцать, а девятнадцать. Мам! А сколько лет было папе, когда ты за него вышла замуж? А тебе тоже тогда восемнадцать было. А ты за ним на каторгу пошла. Вы сами мне все уши прожужжали, что Иосиф совсем молоденький. Вам не угодишь!

; Татьяна тяжело поднялась со стула. - Пойду кашу тебе разогрею. Это ж какая разница получается? Шестнадцать лет. Большая разница. Что ж, он и женат никогда не был?

; - Я не знаю. Мы на эту тему не говорили.

; - Вот! На эту тему я сама с ним поговорю. - Анна собрала лежащие на кровати платья и стала их вешать в шкаф.

; Пришла Татьяна. Принесла кастрюльку с кашей и поставила ее перед Любой на стол.

; - Ешь.

; Какое-то время в комнате воцарилась молчание.

; - А зачем вы мамины платья смотрели? - проглотив очередную ложку каши поинтересовалась Люба.

; - Да мать твоя совсем голая. Одеть нечего. Кавалер ее в театр на завтра пригласил, а в чем ей идти? - Вздохнула Татьяна. - В чем сейчас в театры ходят то?

; Люба посмотрела на сосредоточенно молчавшую мать.

; - Театр вечером, а утром можно сбегать в торгсин и купить.

; - Сбегать можно. Купить нельзя. - усмехнулась Анна. - Купилок нет.

; - Да дам я тебе купилки. - Татьяна, тяжело вздохнув, достала свою сумку. - У меня, на черный день, припасено.

; - Ура! - закричала Люба и стала бить ложкой по пустой кастрюле. - А кто кавалер? Мам! А давай мы тебе прическу сейчас сделаем. Я тебе такое накручу — вся Москва в отпаде будет.

; - Какая там прическа! Я берет снимать не буду.

; - Театралка в берете! - фыркнула Люба, - Тань! Полей ей на голову, а я папильотки наделаю.

; Анну усадили на стул в центре комнаты. Татьяна держала перед ней зеркало, а Люба колдовала над материнной головой.

; - Я вам, все таки доскажу, потому, что это действительно интересно.

; Пану Сапегу, у которого никак не рождался сын...

; - А как у него мог родиться сын ежели он мужчина? - спросила Татьяна.

; - Да ну вас. Жена его не могла родить. Прямо такие вы глупенькие! Так вот, кто-то сказал, что в Друе живет такой ребе. Вы знаете кто такой ребе? Это

еврейский священник. Так вот, он, дескать может помочь. Сапега вскочил на коня и помчался в Друю. Приходит он к этому ребе. А того ребе фамилия, между прочим, Левин, и говорит ему так мол и так. А тот ему отвечает: «Поезжай домой и все будет в порядке». Сапега послушался и вернулся домой. А через год у него родился сын. Здорово? А вы не хотели слушать.

; После этого Сапега освободил всех жителей Друи от всяких налогов и велел построить синагогу. Ну, это такую еврейскую церковь. Синагогу построили и она оказалась самая красивая в мире!

; - Так этот Левин твой из поповичей будет? - Спросила Татьяна и опустила затекшую руку с зеркалом.

; - Держи зеркало как следует — закричала Люба, - Никакой он не попович. Он подпольщиком был с пятнадцатого года. Я вам такое скажу сейчас, что вы все упадете.

; Они возили подпольную литературу в подушках. Делали вид, что торгуют подушками, а сами возили литературу. Иногда даже оружие возили и патроны. А знаете куда? Ни за что не догадаетесь. В Петроград! Там они передавали все другим подпольщикам.

; Анна критически посмотрела в зеркало на свою голову, на волосы, накрученные на тряпочки. Тяжело вздохнула и подумала, что неизвестно, что из всего этого выйдет, имея ввиду сначала прическу, а потом новое Любино знакомство. А еще она подумала, что надо переговорить с Валерианом Владимировичем. Люба совсем молоденькая и ей надо учиться.

; Но тут Анна вспомнила свои свидания с Аркадием в Выборгском губернском парке и как все местные девицы провожали их взглядами, полными зависти, когда они под руку гуляли по аллеям. Потом она вспомнила все то, что говорили ей папа и мама. Как они предупреждали, что добром это все не кончится.

; Закончилось это все, действительно, не очень хорошо. Трагично все это кончилось. Полным крахом все это закончилось.

; Тут она вспомнила как стучала мерзлая земля по крышке гроба и стоявших, опирающихся на лопаты, вокруг солдат, станцию Кольчугино и заплакала.

; Татьяна и Люба всполошились. Они никогда не видели мать плачущей. Но Анна махнула на них рукой и пошла ложиться спать. Заснуть она не могла. Мешали уснуть узелки тряпочек, накрученных на голове и воспоминания, воспоминания, воспоминания...

; К открытию торгсина они приехали на Арбатскую площадь, но оказалось, что купить платье, выбранное ими, можно только в обмен на золото или драгоценности. Но Люба куда-то сбегала, с кем-то переговорила и им, в порядке исключения, принимая во внимания заслуги перед отечеством и их теперешнее положение, разрешили купить одно платье расплатившись рублями.

; - Вот, - сказала Люба, бережно укладывая сверток с платьем в сумку, - что ты без меня будешь делать и как жить?

- ; - Не заговаривай мне зубы, дочь. Все это гораздо серьезнее чем ты думаешь. Тебе учиться надо. Иосиф — это одно. Это юность. А Левин — совсем другое.
- ; - А может мне и надо совсем другое, - задумчиво ответила ей Люба.
- ; Она ей так ответила, что у Анны закололо где-то около сердца и стало жарко. Она посмотрела на дочь и ей стало страшно и одновременно жалко себя. Она вдруг поняла, что ее власти не хватит остановить дочь, что рядом с ней идет взрослая женщина, точно знающая, что ей надо.
- ; Чувство потери сопровождало ее весь день и пьесу она смотрела как-то равнодушно. Яков Григорьевич все время посматривал на нее и наконец, уже выходя из театра, спросил, что с ней происходит и не понравился ли ей спектакль.
- ; Анна как будто очнулась и вдруг стала живо рассказывать ему о театре в Нарыме. Они спустились к Неглинке и пешком поднявшись по Кузнецкому мосту, вышли на площадь перед Политехническим музеем. Из подъезда музея выходил народ.
- ; - Закончился вечер поэзии. - Сказал Яков Григорьевич с досадой стукнул кулаком по столбу освещения, - мечтал попасть сюда на вечер Маяковского. Опоздал на всю жизнь. Обидно и горько. Вы Анна Андреевна читали Маяковского?
- ; - Нет, - смутилась Анна.
- ; - Я вам обязательно почитаю его стихи. Вы поймете его. Это был грандиознейший человек.
- ; От неожиданности Анна схватила своего спутника за рукав. Перед ними стояли Люба и Левин.
- ; - Здравьете, - сказала весело Люба. - Меня зовут Люба. Я дочь Анны Андреевны.
- ; - Я догадался, - поклонился ей Яков Григорьевич, - Мне очень приятно познакомиться с вами. Вы были на вечере поэзии?
- ; - Ага, - Люба неожиданно взяла Якова Григорьевича под руку. - А как мне можно вас называть?
- ; - Да как хотите! - растерялся Яков Григорьевич. - Самые близкие мне люди зовут меня просто Григоричем.
- ; - Ой, как мне это нравится. Я вас так и буду называть, - Защебетала Люба и повернула Якова Григорьевича, еще не пришедшего в себя от неожиданной встречи, к Левину. - Познакомьтесь, пожалуйста.
- ; - Добрый вечер, - Левин протянул Якову Григорьевичу руку. - Рад познакомиться. - И повернулся к Анне:
- ; - Анна Андреевна, Вот неожиданность! Судьба нас с вами сегодня свела.
- ; - Я в судьбу не верю. - сухо проронила Анна.
- ; - Правильно! - согласился с ней Левин, - Мы сами строители своих судеб.
- ; - Вот по этому мы с Любой сейчас сядем на трамвай и поедem домой.
- ; - Ну уж нет, - воспротивился Яков Григорьевич. - С вашего разрешения я

провожаю вас.

; - Что ж вы хотите меня одного оставить?, - пожаловался Левин

; - Это не справедливо и жестоко, - согласилась Люба. - Вот идет трамвай, на который мы все сядем и поедем домой, а мужчины нас проводят. У тебя прическа до сих пор держится, - шепнула она матери. Классно я тебя накрутила!

; Полный народу вагон трамвая раскачивался из стороны в сторону. Они стояли на задней площадке, вцепившись друг в друга. Вагоновожатый без конца стучал ногой по педали звонка, разгоняя авто и конные упряжки со своего пути.

Кондукторша с любопытством посматривала в их сторону, гадая: то ли муж с женой с дочерью и зятем, то ли просто ухажеры провожают дам домой. Не разберешь. Ишь, вцепились друг в друга!

; - «Следующая Большая почтовая», - объявила она остановку. «Выходите побыстрее. Вагон идет в парк»

; Яков Григорьевич подал руку дамам, помогая им спуститься по ступенькам из вагона трамвая. Левин пренебрег лестницей и легко спрыгнул с площадки прямо на землю.

; - Анна Андреевна, - Левин чуть придержал Анну за локоть, - А можно мне с вами поговорить?

; - Я думаю, что не только можно, но и нужно.

; Тон, которым это было сказано не предвещал Левину ничего хорошего.

; - Григорич, - Люба подхватила его под руку. - А чем вы в жизни занимаетесь?

; Яков Григорьевич оглянулся и вопросительно посмотрел на Анну.

; - Идите, - Анна махнула рукой, - Мы вас догоним.

; Потом повернулась к Левину:

; - Я вас слушаю.

; - Анна Андреевна! Я прошу руки вашей дочери.

; Понадобилось некоторое время, что бы Анна переварила услышанное и пришла в себя от неожиданности.

; - Это невозможно. - Она повернулась и пошла вслед удаляющимся Григоричу и Любе.

; - Почему?

; - Вениамин Аронович! Она совсем молоденькая девочка. Ей рано думать о замужестве. Она же учится. И, потом, вы не думаете о разнице в возрасте?

; У вас с ней разный жизненный опыт, разные интересы. Она простая девушка, только что из школы. Что между вами может быть общего? Вы зрелый человек, прошедший войну, а она... Да нет. У вас это просто порыв. Минутное увлечение.

; - Вы ошибаетесь.

; Он шагал рядом с ней и Анна боялась, что он сейчас начнет ее уговаривать, выдумывать всякие доводы. Разговор этот был ей неприятен, так же как неприятен ей был он сам, в тщательно отглаженной военной форме с чистейшим белоснежным подворотничком, начищенных до блеска сапогах.

; Кто-то ведь за ним ухаживает. Чистит, стирает, гладит его одежду. И лицо у

него сытое, гладкое. Кто-то варит ему завтраки, обеды и ужины. Но Левин шел молча. Они догнали Григорича и Любу.

; Простились у подъезда. Закрывая дверь Анна увидела как Левин взял под руку Якова Григорьевича и они о чем-то стали оживленно разговаривать.

; Это он с другой стороны на меня атаку готовит. Со-ратников ищет. Ну ничего! Я ему устрою свадьбу! - Пообещала Анна.

; - Сейчас с Валерианом Владимировичем я вас соединить не смогу. У него очень важное совещание. - Голос секретаря предельно спокоен. - Оставьте мне, пожалуйста номер вашего телефона. При первой возможности либо Валериан Владимирович, либо я вам перезвоним. Извините. До свидания.

; Ей стало стыдно. Что я со своими проблемами лезу к человеку занятому круглосуточно государственными делами. Решила позвонить еще раз и отказаться от встречи. Сама не маленькая и должна решать свои проблемы.

; Она хотела уже поднять трубку телефона и набрать номер, как телефон сам настойчиво и непривычно громко зазвонил.

; - Аннушка! Что за проблема?

; - Люба.

; - Понял. Записывай адрес: Малый Черкасский переулок. Дом три дробь четыре. Третий этаж. Это редакция «Комсомольской правды». Я там буду сегодня в 14 часов. Это единственное место где нам дадут спокойно поговорить. Целую. Извини.

; В трубке раздались короткие гудки.

; Редактор «Комсомолки» вышел из кабинета, но остался Косарев. Этого не выгонишь. Куйбышев уселся поудобнее в кресле редактора, словно приготовился к бою.

; Ей показалось, что он знает за чем она попросила встретиться? У Анны неожиданно начало складываться впечатление, что не она является инициатором разговора. Все с больше и больше зрело подозрение, что понимания и помощи в этой компании она не найдет. Почему Косарев не ушел при ее появлении? Остался на подмогу?

; - Что с Любой? - участливо поинтересовался Куйбышев.

; - Ничего особенного, - Уже полностью уверенная в своих подозрениях и потому сухо проговорила Анна. - Замуж собралась.

; - Я не помешаю? - завопил на своем стуле Косарев.

; - Ну как ты можешь помешать? - деланно, как показалось Анне, проговорил Куйбышев и повернувшись к Анне спросил:

; - За кого? Ты извини, но судьба Любы меня касается и беспокоит точно так же, как и тебя.

; Он вдруг вскочил и шлепнул ладонью по столу.

; - Черт возьми! Что мы в игрушки играем! Чем он тебе не подходит? Член партии с 1915 года. Мальчишкой сбежал из дома. Тебе, наверно это знакомо?

; Анна поджала губы. Куйбышев посмотрел на нее, усмехнулся, но не обидно,

по доброму и продолжал:

; - В двадцать лет стал курсантом пулеметных курсов. Кончил их и был направлен на Западный фронт. Ты знаешь кем? Заместителем начальника политуправления фронта! Это в двадцать лет! Потом ко мне на Туркестанский фронт начальником политического отдела фронта.

; Туркестанский фронт это не фунт изюма, это плюс ко всему, басмачество! А когда меня перевели в центр, так он встал на мое место руководить политуправлением фронта. После этого успел покомандовать дивизией. А в двадцать четвертом — Академия РККА. В двадцать седьмом году с отличием ее кончил. И за все эти годы ни одного прокола. Честнейший человек, отвечающий за каждое свое слово.

; - Любе девятнадцать лет. Она только-только стала рабфа-ковкой. Девочке учиться надо, а не замуж выходить. - Анна села боком на стул, облокотившись на спинку, отвернувшись от мужчин. Оправдались самые худшие ее подозрения. Они за него. Он уже успел их обработать. Честнейший человек! Интриган он!

; - Косарев! - закричал Куйбышев, - Ты чего молчишь?

; - Сваха из меня бековая, - Косарев тоже поднялся на ноги, - Но только я вам, товарищи, вот что скажу: Ни у тебя Валериан Владимирович, ни у тебя, Анна Андреевна, нет никаких шансов решить эту проблему самим так, как вы считаете нужным. Как эти ребята решат - так оно и будет. Наша же доля и задача — смириться и, по мере наших слабых сил, помочь молодым сколотить первичную ячейку общества. Я правильно говорю, товарищи?

; - Ха! Молодым! - Анна резко перевернулась на отчаянно заскрипевшем стуле в сторону Косарева. - Это кто тут молодой? Ваш Венечка молодой?

; - А что, по твоему, тридцать пять лет это старик? - Возмутился Валериан Владимирович. - Ну, вы дамы совсем заелись!

; - А я же пришла к вам за помощью. - прошептала Анна, - Как к единственным родным людям пришла. И что я получила? Измена это. Измена и предательство! Вот что это такое. - Она достала носовой платок и приложила его к глазам.

; - Дело осложняется тем, Аннушка, что к нам, как к единственным родным людям, позавчера приходила Любовь Аркадьевна, - Куйбышев подошел к Анне и обнял ее за плечи, - Приходила она и достаточно твердым голосом требовала, заметь, я подчеркиваю «требовала», а не просила, что бы мы повлияли на ее мать, которая не понимает в чем состоит, на данный период, счастье ее единственной дочери. А теперь серьезно. Я знаю Любу с рождения. Я знаю Веню много лет. Поверь мне, это хорошая будет пара.

; Анна чуть слышно всхлипнула, - Он хоть первый раз женится?

; - Первый! - Закричали радостным хором мужчины.

; Они проводили Анну до лестницы и смотрели как она спускается, держась за перила. И показалась она им маленькой и очень одинокой.

; - Тебе кажется мы ее уговорили? - Не совсем уверенно спросил Косарев.

; - У Любы характер отца, - уверил его Куйбышев.

; - Анна, в части характера, многое почерпнула у Аркадия Федоровича! - покачал головой Косарев. - И я не знаю, правильно ли мы вели себя. Я как посмотрел на нее, когда она уходила, аж в груди защемило. Она ведь, практически, одна остается.

; - У меня тоже, - признался Куйбышев. - Но ты Веню меньше знаешь. Я с ним говорил: «Доверяю тебе не только Любу, но и Анну». Он, мне кажется, понял и поклялся, что все будет как надо. Большая он умница.

; - Посмотрим, - вздохнул Косарев.

; На улице было уже совсем темно. Анна сошла с трамвая. Перешла улицу. По привычке посмотрела на окно своей комнаты. Горела лампа под абажуром. Значит все дома. Татьяна, когда одна, верхний свет не зажигает — экономит.

; Звонить не стала. Открыла дверь квартиры своим ключом. Сняла пальто и тут увидела на вешалке новенькое мужское пальто. Сердце екнуло. С минуту стояла около двери своей комнаты. Тряхнула головой и толкнув дверь решительно переступила порог. За столом сидели Левин, Люба и Татьяна. На столе стояли четыре чайные чашки и в центре — коробка с тортом.

; Анна его даже не сразу узнала. Она впервые видела Левина в штатском. Новый черный костюм, белая рубашка, галстук. Все, как обычно, было отутюжено и ладно сидело на нем.

; - Я, пожалуй, пойду на кухню, - сказала Татьяна.

; - Сиди! - Приказала Люба. - Это и тебя касается.

; - Анна Андреевна! - Левин вскочил со стула, опрокинул его и жалобно охнув, обратился к Анне. - Ну чем я вам не ко двору? Я очень люблю вашу дочь. Очень!

; - И я его тоже, - вставила Люба.

; - Вот! - Обрадовался поддержке Левин. - В ваших руках наша с Любой судьба. - Он опустился на колени.

; - Решайте сами. - Устало сказала Анна. - Вам жить. - И села демонстративно не за стол, а на кровать. И сидела она на кровати такая несчастная, такая одинокая, что, глядя на нее, Татьяна всхлипнула.

; Люба подскочила к матери, обняла ее и стала тихонько-тихонько целовать ее в висок, в щеку, в кончик носа.

; - Отстань, - обреченно попросила Анна

; - Но дело наше несколько осложнилось в последнее время, и стало более серьезным, чем вы думаете, - Неожиданно жестко сказал Левин поднимаясь с колен и Анна уловила лукавые искорки в его глазах.

; - Во, - подумала Татьяна, - Расписываться, гад, не хочет. Откажется, подлец! Сейчас я ему устрою. - И стала грозно подниматься со своего места.

; - Дело осложняется тем — продолжал Левин, - Что мы с великим удовольствием имеем возможность и непреодолимое желание предложить вам жить вместе с нами.

; - Как это? - не поняла Анна.

; - Вы что, сюда переехать сюда хотите? На нашу жил-площадь метите! - Татьяна встала и грозно уставилась на Левина. - А куда ж нам тогда, с вашего позволения, деваться?

; - Нам дают квартиру на всю нашу большую семью. Вопрос упирается только в ваше согласие. - Постарался успокоить ее Левин.

; Определив откуда исходит главная опасность он больше обращался к грозно нависшей над ним Татьяной, чем к Анне.

; - А как же я? - с тревогой спросила Татьяна.

; - Ну куда же мы без тебя, - успокоила ее Люба, - Что мы без тебя, крестная, делать то будем и как жить?

; - Вот, - Татьяна скрестила руки на груди, - Это хорошо, что вы это понимаете. - И села на стул с чувством собственного достоинства.

; Но на ее место встала Анна.

; - Вы даете себе отчет в том, что предлагаете? Вы представляете себе это общежитие? Вы имеете, хоть приблизительное представление о моем характере, моих привычках. Мы с вами в жизни встречались всего три раза, Веня. - Анна неожиданно обратилась к Левину по имени.

; - Четыре, - поправил ее спокойно Левин. - Но это не имеет никакого значения.

; - А что имеет значение?

; - Давайте попробуем пожить вместе и вернуться к этому вопросу через год, - предложил Левин.

; - Что может измениться через год? - чуть повысив голос спросила его Анна.

; - Все! - убежденно сказал Левин. - Прежде всего это наши с вами отношения и сопутствующие обстоятельства.

; Анна обернулась к Любе и долго смотрела ей в глаза.

; Люба взгляд не отвела.

; Анна решила не выяснять, что будущий зять имел в виду под «сопутствующими обстоятельствами», но эта фраза оказалась решающей.

; Левин сам вел машину. Рядом с ним гордо восседала Татьяна, периодически интересуясь имеется ли рядом с новой квартирой рынок.

; Но больше всего ее интересовало какое место ей отведут. Спрашивать об этом она считала неприличным. Да и у кого спрашивать? У Любы? У Вени? Кто у них все решает?

; - «В конце-концов, - успокоила она себя, - раз квартира отдельная то она может устроиться и на кухне. Все равно хозяйствовать на кухне ей, командовать там она будет сама, так что особенно мешать ей никто не будет»

; На заднем сидении расположились Анна с Любой.

; - Ну, мам! - Тормошила Люба мать и шептала ей на ухо, - Ну, что ты? Ну очнись! Если ты не приведешь свое лицо в порядок, то я сейчас начну реветь. Ведь это счастье, что все мы будем вместе. Ты это понимаешь? Он ведь прекрасный человек. Ты же сама это чувствуешь.

; Они проехали площадь перед Политехническим музеем, свернули на Лубянку. На минуту остановились перед светофором у Сретенских ворот. Проехали Сретенку почти до конца и свернули в Панкратьевский переулок. Справа, после маленьких двухэтажных домов, начался высокий каменный забор увенчанный между столбами, массивными чугунными решетками. В переплетении чугунных узоров в центре красовался круглый медальон с серпом и молотом.

; Машина остановилась перед калиткой. Рядом с калиткой стояла будка из которой вышел человек одетый в белый полушубок.

; Подпирая калитку ногой одетой в валенок охранник строго спросил что гражданам тут нужно и какие у них имеются документы.

; Левин достал удостоверение и еще какую-то бумагу. Охранник внимательно все изучил.

; - Ключи у вас есть?

; - Есть, - успокоил его Левин.

; - Куда идти знаете?

; - Знаем.

; Охранник убрал ногу, подпирающую калитку и отошел в свою будку.

; - Это что ж, - Заволновалась Татьяна, - это когда я туда-сюда каждый день он меня тормозить будет?

; Дома-близнецы за высоким забором, покрашенные салатовой краской, можно было бы считать четырехэтажными, если бы не окна, видневшиеся в мансардах под высокими, покрытыми красной черепицей, крышами, образовавшие пятый этаж.

; Они прошли первый дом, обогнули второй и войдя во вторую парадную поднялись на третий этаж. На дверях квартиры значился номер 114.

; Левин достал из кармана ключ, открыл им дверь и жестом предложил Анне войти первой.

; - Я что, кошка, - усмехнулась Анна.

; - Конечно нет. Вы, дорогая Анна Андреевна, ответ-ственный квартиросъемщик. Ордер на эту квартиру выдан на ваше имя. А мы, - Левин грустно развел руками, - Мы так. Приживалки и приживальщички. В вашей власти любить нас и жаловать.

; - Ну, ну... - Анна не знала как выразить все то, что кипело в ее душе, - Ну, даже от вас я не ожидала такого! - и решительно переступила порог.

; Длинный коридор. Слева дверь и справа дверь. Татьяна осторожно открыла и заглянула в правую дверь. Кухня. Большая какая! И кровать сюда поставить можно и место для обеденного стола останется и рабочий столик вполне влезет рядом с плитой. А если повесить занавеску, то можно отгородить себе угол, что бы никто не мешал. Красота!

; - Анна Андреевна! - Левин прошел по коридору, распахивая двери комнат. - Ваша доля самая трудная. Надеемся на справедливость и непредвзятость ваших решений. Перед вами три комнаты. Делите их между нами. Кто где обитать

будет.

; Анна была настолько раздавлена увиденным, что прислонившись спиной к стене коридора тихо покачивала головой.

; - Увольте меня. Я что-то плохо соображаю. Да вы уже наверно все разделили. Я заранее согласна.

; - Мамулечка! - Люба обняла мать. - Ты послушай и если тебе не понравится, то мы все переиграем. Вот эта первая комната твоя. Вторую, она самая большая, нам с Веней. Тут народ будет собираться. А у тебя отдельная. Захочешь — уйдешь к себе. А вот та комната — Татьяне.

; - Как мне? Зачем? Я на кухне прекрасно буду. - Все это Татьяна проговорила на ходу, стремительно бросившись смотреть свою комнату.

; Анна обернулась к Любе, - Такое распределение комнат это в связи с сопутствующими обстоятельствами, дочь?

; Левин рассмеялся.

; - Еще рано выдавать желаемое за действительность. Но у меня к вам Анна Андреевна первая просьба.

; - Как к ответственному квартиросъемщику?

; - Да. Зовите меня просто Веней.

; - Кто вы, Веня, - Анна строго посмотрела на будущего зятя.

; - Я член президиума и начальник сектора материальных балансов Союза ССР, а со следующего года, кроме этого, меня назначат заместителем наркома легкой промышленности.

; - Почему легкой промышленности? - удивилась Анна, - Вы ведь военный.

; - Поручают армию одевать.

; - Вот! - Люба гордо вскинула голову.

; Все зашли в большую комнату.

; - Давайте попробуем решить прямо сейчас еще две проблемы, - Левин поднял Любу на руки и посадил на подоконник. - Анна Андреевна! До вас я пока боюсь дотрагиваться. - Извинился он

; Женщины рассмеялись. Создавалось впечатление, что лед начинал таять.

; - Так вот, насчет проблем. В Загсе нас ждут 21 числа. Любаша не хочет устраивать, как она говорит, вселенский шабаш. Хочет отделаться простым ужином для своих. А основное торжество по поводу бракосочетания и новоселья объединить со встречей Нового года.

; - А как же с мебелью? - заволновалась Татьяна. - Времени то осталось с гулькин нос.

; - Мебель с завтрашнего дня будут завозить казенную, - пояснила все уже знающая Люба. - И столы и стулья и кровати. Даже буфет. А посуду придется покупать самим и постельное белье.

; - А это заведение, - вдруг встрепенулась Татьяна. - Я говорю заведение это где?

; - Пойдем, - Люба взяла ее под руку и они вышли из комнаты. Через минуты

раздался душераздирающий вопль. Левин и Анна бросились на крик и наткнулись на сидящую на полу хохочущую Любу.

; - Что произошло?

; - Таня увидела ванную. - Рыдала Люба

; Левин отвез их домой на Большую Почтовую. Поднимаясь по лестнице Татьяна придержала Анну за рукав.

; - Мы когда в машину садились на той стороне стоял Иосиф.

; - Люба видела?

; - Не знаю, - пожала плечами Татьяна. - По моему видела.

; Таких суматошных дней в жизни Анны еще не было. Пришлось даже брать отпуск на целую неделю. Шкирятов любезно разрешил. Он был в курсе дела. Даже поздравил.

; - Заслуженно. Очень даже заслуженно получили вы новую жилплощадь на вашу семью - Высказал он свое мнение. - Не простой у вас жизненный путь, товарищ Иванова. Можно сказать: вы боевой член партии. Примером являетесь. Но, вместе с тем, помните завет вождя: учиться, учиться, учиться.

;

; 1932 год

;

; Неожиданно основной проблемой накануне Нового года оказалась нехватка стульев. Веня где-то долго бегал и наконец явился вместе с двумя мужиками, притащивших скамейки.

; Все успокоились и согласились, что это гениальное решение. Затем выяснилось, что скамейки были недавно покрашены и краска еще до конца не высохла.

; - Хорошо, - заметила Татьяна, - что во время спохватились, а то скандал бы был ежели гости портки поизмазали.

; - Она тщательно перебрала простыни, достала самую старую, с заплатами и, со скорбным лицом, стала разрезать ее на полосы, что бы накрыть ими пачкающиеся скамейки.

; - Все расходы, - тихонечко причитала она. - Что жениться, что хоронить. Зачем столько людей назвали? Виданное ли дело — двадцать человек! Одних продуктов с рынка три раза носили. А пельмени лепить на такую ораву? Съедят за минуту, а лепить неделю.

; Наконец наступило тридцать первое число.

; Стол был накрыт, скамейки застелены, тарелки, вилки, стаканы расставлены.

; - Уф, все! - Анна с Любой плюхнулись на диван.

; - А-а-а! - закричал Веня и схватился за голову.

; - Что? - шепотом спросила Люба.

; - Пластинки! - с тоской в голосе воскликнул Веня. - Я в диван спрятал патефонные пластинки!

; - Зачем? - с неподдельным интересом спросила его Анна.

; - Что бы в этой суматохе их никто случайно не разбил.

; - Мудро, - Согласилась Анна и стала помогать Вене открывать диван.

; Пластинки оказались целыми.

; - Уф, все! - Анна и Люба аккуратно сели на краешек скамейки.

; Словно заранее договорившись гость пошел косяком. Дверной звонок трезвонил без перерывов. Татьяна и Люба встречали гостей в коридоре, забирали пальто, шубы, шинели и складывали их в комнате Татьяны на сундук. Казенная вешалка висевшая в коридоре на такое количество народа рассчитана явно не была.

; Затем Татьяна вела очередного гостя в ванную и рассказывала как надо пользоваться водогрейной газовой колонкой. Вначале она каждый раз велела Вене демонстрировать ее работу, но после того как Левин намекнул ей, что спички кончаются, стала ограничиваться лекцией.

; - Анна Андреевна, голубушка! Поздравляю вас со всеми событиями, обрушившимися на вас. - Яков Григорьевич — с трудом втащил солидную коробку. - Осторожнее! Это тяжело. Как я ее донес на третий этаж, до сих пор не понимаю. Давайте попросим мужчин ее дотащить до зала. Это подарок от меня. Символический. Только вы и я поймем его значение. Моя большая просьба. Давайте этот мой подарок поставим на стол.

; Их обступили гости. Коробку торжественно открыли и в ней оказались изящнейшие хрустальные бокалы.

; - А они не простые, - Яков Григорьевич предчувствуя фурор, который он произведет, потирал руки. - У них два секрета. Первый я вам открою, во избежании неприятностей, сейчас.

Видите, они кажутся небольшими. Но это обман зрения. Секрет заключается в том, что ножки у них пустотелые и являются продолжением чашечки. По этому священной жидкости там помещается несколько больше, чем это может показаться на первый взгляд.

; Что касается второго секрета, то я вам его не открою, а покажу. Предлагаю выпить за счастье, которое должно поселиться в этом доме. Ура!

; Все гости дружно крикнули «Ура!», и осушили бокалы.

; - Внимание! - Крикнул Яков Григорьевич. Он размахнулся и со всего маху швырнул свой бокал об пол.

; Гости дружно ахнули.

; Яков Григорьевич нагнулся и поднял с пола совершенно целый бокал.

; Минуту стояла тишина. Никто не шевелился и с изумлением смотрели на него.

; Потом все стали кричать «Ура Григоричу!» и хлопать в ладоши и после каждого тоста все гости дружно и с большим удовольствием, швыряли свои бокалы на пол.

; Вечер вступил в ту свою стадию, когда комната наполнилась нестройным гулом голосов. Гости разделились на компании «по интересам», объединяясь вместе, что бы выслушать очередного оратора, произносившего тост. Затем на

пол летели бокалы.

; - Ой!

; В комнате воцарилась мертвая тишина. Из-под стола показалась растерянная физиономия Готмана. В одной руке он держал чашечку, а в другой ножку от бокала.

; - Товарищи! - Заволновался Григорич. - Сейчас я вам все поясню. Есть такая точка приложения сил...

; - Ты, Григорич не журишь! - Татьяна взяла его под руку. - Посуда бьется к счастью. Пойдем со мной. Мне одной пельмени не принести. На такую ораву их знаешь сколько налепили?

; - Я предлагаю аттракцион с бросанием посуды закрыть. - предложила Анна. - И приступить к пельменям.

; Весь вечер Григорич подходил к каждой группе гостей и старательно объяснял происшедшее с точки зрения физики. Его сопровождал, расстроенный не меньше его, Готман и, опираясь на свое университетское образование, подтверждал все, что объяснял пострадавший. За ними ходила Татьяна и интересовалась можно ли склеить разбившуюся рюмку. Готман заверил ее, что как только он вернется на работу, то тут же займется этой проблемой.

; Потом Григорич сел в коридоре и взгрустнул. Пришлось всем заняться срочным исправлением его настроения. Лучше всех это удалось Анне, которая предложила завести патефон и пригласила Григорича на танец.

; К пяти часам утра было принято решение о завершении празднества. Гости еще раз поздравили молодых с образованием новой семьи, а Анну с новосельем и прибавлением семейства.

; Наступили будни.

; Неожиданно в конце января позвонил Готман и пригласил к себе в гости.

; - Только обязательно! Никаких отговорок. Повод для встречи достаточно серьезный.

; Пошли всей семьей.

; - Представляете, Анна Андреевна! С этого семестра я заведующий кафедрой Московского полиграфического института. У нас свое здание. Мы никакого отношения не имеем к ВХУТЕМАСу. К этим ваятелям-писателям.

Представляете, наш новый дом совсем близко от вашего жилья. На Сухаревке.

; - Знаете, Веня, теперь уже наверно можно сказать... - Анна не успела закончить фразу как ее перебил Готман:

; - И в этом заслуга вашей тещи!

; - У меня теща вообще о-го-го! - сообщил Веня.

; - Что, собственно, означает это «О-го-го»? - заин-тересовалась Анна.

; - В зависимости от обстоятельств, - Осторожно пояснил зять.

; - Ну-ну, - усмехнулась Анна. - такая ваша формулировка не пойдет вам на пользу.

; Ирина о чем-то шепталась с Любой, поглядывая на Веню.

; - Я не знаю, удобно ли это. - Люба повернулась к Вене. - Ты не обидишься на меня, если я предложу тебе... Ну я не знаю как сказать. В общем это наверно не очень тебе подходит.

; - У меня на родине, в таких случаях, говорили: «Не тяни длинную скамейку» - Засмеялся Левин. - Выкладывай, что надумали?

; - Понимаешь, раньше мы каждое воскресенье ходили на каток. На Чистые пруды. Как ты к этому отнесешься?

; - А то! У нас в Туркестане в боевую подготовку войск входил скоростной бег на коньках - небрежно сказал Левин. - Ваша задача организовать мне коньки. Размер обуви...

; - Я знаю, - радостно закричала Люба, - Сорок один!

; Вечером в субботу Анна, Люба и Таня сидели на кухне ожидая возвращения Левина с работы.

; - Я чего опасаюсь, - Анна сцепила пальцы рук так крепко, что фаланги пальцев побелели. - Ирина вас спровоцировала. Я не представляю себе, что Веня умеет кататься на коньках, но быть мужем женщины, намного моложе, как он наверняка считает, обязывает быть на ее уровне. А тебе нельзя забывать, что твой муж привык всегда быть на уровне. У него планка высоко задрана.

; - Я скажусь больной, - предложила Люба

; - Он далеко не дурак. Он поймет.

; Звякнул звонок на входной двери — пришел Левин.

; - Давайте ужинать, - распорядилась Татьяна.

; Молодые уехали на каток сразу после завтрака.

; Позвонил Григорич и предложил сходить в музей. Настроение с утра у Анны было хуже некуда и она под благовидным предлогом отказалась. Григорич настаивал, но в конце концов сошлись на том, что в следующее воскресенье они встретятся обязательно.

; Татьяна, поджав губы, внимательно слушала их разговор.

; - Что-то он, этот твой Григорич, мне перестал нравиться, - заявила она. - Слава богу второй год пошел, как он к тебе прилип. Пора бы и приличие знать. Ты вдова, женщина в полном соку! Что он себе думает?

; - Не знаю я, что он себе думает, - Анна достала папиросу и закурила, - Я знаю, что я думаю.

; - И что ж ты думаешь? - Татьяна взяла газету и стала ею отмахиваться от дыма, - Как вы этой гадостью, отравой этой, занимаетесь?

; - Думаю я, что была я вдовой и ею останусь до конца.

; - Это почему же?

; - Не знаю, - Анна взяла вторую папиросу. - Не знаю я. Написано на моей судьбе так. Быть мне верной до конца моему Аркадию Федоровичу.

; Сидели они вдвоем молча. Закуривать вторую папиросу Анна не стала, а крутила ее в пальцах до тех пор пока не сломала.

; И весь день сложился какой-то тоскливый и никчемный. Книга не читалась,

радио не слушалось, разговор с Татьяной не клеился.

; Бродила Анна по квартире как неприкаянная, вздрагивая каждый раз, когда раздавался телефонный звонок. Но звонили все не те люди и в конце концов она сказала Татьяне, что бы та подходила к телефону сама и говорила всем, что никого дома нет.

; После этого пошла в свою комнату и легла на кровать, стараясь уснуть, но только это тоже не получилось и она лежала в какой-то полудреме и стали к ней приходить разные воспоминания.

; То Нарым и цветастая ситцевая занавеска, отго-раживающая ее кровать от общей комнаты, то Томск и на улице ее догоняет высокий офицер. А потом пригрезилась ей одиночная камера в Томской тюрьме и рядом с ней лежит, завернутая в тюремное одеяло, Люба. А потом лязг ключей и надсмотрщица говорит, что за ней пришел жених...

; Кажется она все-таки уснула и ее разбудил громкий голос Татьяны.

; - А вы то сами как? Вы то где? В Склифасовского?

; Анна вскочила с постели и выбежала в коридор.

; - Что случилось?

; Татьяна протянула ей телефонную трубку.

; - Алло, - закричала Анна, - Это кто? Веня, это ты? Что случилось?

; Она долго молча слушала, качая головой.

; - Вы скоро придете? Ну, понятно.

; Она повесила трубку.

; - Дикость какая-то. Совсем молодая девочка. Они скоро не придут. Будут ждать Готманов.

; - Я про коньки давно говорила, - Загорчала Татьяна. - Говорила я, что до добра это не доведет Это как же надо грохнутья, что бы дух вон?

; Было уже совсем поздно когда вернулись Левин и Люба. Молча разделись и ушли в свою комнату. Татьяна было хотела постучаться к ним, но Анна отрицательно покачала головой и они пошли на кухню.

; Из комнаты молодых доносился плач Любы.

; - Чего теперь реветь? - Татьяна пыталась зажечь газовую конфорку под чайником, но спички без конца ломались. - Слезами горю не поможешь. Люди приходят. Люди уходят. А жить все равно надо. Жизнь, она продолжается.

; Вечером следующего дня все собрались на кухне.

; - Мы не видели, как это произошло. - Рассказывала Люба. - Я Вене коньки пыталась одеть. У него на одной ноге еще бурка надета, а на вторую ногу никак ботинок с коньком не лез. И тут Веня меня как оттолкнет и, как был в одной бурке а другая нога в одном носке, побежал на лед и Иру на руках понес. А у нее шапочка слетела и кровь... Она навзничь упала и затылком об лед. - Люба всхлипнула. - Володька растерялся. А Веня держал ее на руках и пошел прямо на проезжую дорогу и остановил машину. Он с Ирой на руках в машину сел, а я ему его бурку туда кинула. Он только нам крикнул, что в Склифасовского

поедет. Вот и все.

; Готман позвонил в конце недели и сообщил, что похороны завтра и сразу повесил трубку.

; Люба возвращалась домой из рабфака в четыре часа и либо садилась за учебники, либо помогала Татьяне по хозяйству. В половине восьмого вечера возвращалась с работы Анна и, так получалось как-то само собой, - ждала возвращения Левина. Тот приезжал в девять вечера. Они садились на кухне и Татьяна кормила их ужином. Когда с едой было покончено, Веня закрывал дверь в кухню, доставал пачку папирос «Красная звезда» и предлагал закурить Анне. Та отрицательно качала головой и доставала свою пачку папирос «Смычка». Курили, обсуждая события дня.

; Через какое-то время Люба тихонечко скреблась в дверь и приоткрыв ее заявляла, что совершенно не понимает, что может быть общего у людей с различными характерами, взглядами на жизнь и антипатией, с которой они относятся друг к другу.

; Потом она намекала, что выходила замуж совсем не для того, что бы коротать всю жизнь в одиночестве, а совсем наоборот. Святая обязанность мужа, после того как он насытится, идти и помогать любимой жене разбираться с политэкономикой.

; Из-за ее плеча показывалось лицо Татьяны, которая заявляла, что эти люди прокурили всю ее кухню и она, когданибудь, их выгонит отсюда с треском.

; Анна шла в ванную, потом в свою комнату. Однажды ей пришла в голову мысль, что у нее своя, отдельная комната, появилась впервые в жизни. «Или нет. - поправила она себя, - была в ее жизни такая ситуация, когда сидела она в одиночной камере. Конечно, это совсем не то, что сейчас, но...

; Григорич звонил каждую субботу вечером после работы и предлагал программу на воскресенье. Это стало уже привычно. До весны они посмотрели весь репертуар театров. Иногда к ним присоединялись Люба с Веней.

; Дочь толкала локтем в бок Григорича:

; - Всей семьей в культпоход. - И многозначительно подмигивала ему.

; Григорич смущенно улыбался, но, как говорила Татьяна, дальше этого дело не шло.

; - А смущенно улыбаться, - добавляла она, - мы все распрекрасно умеем.

; В один из вечеров в конце марта, когда Анна и Левин после ужина выкурив по папиросе обсуждали международную обстановку, к ним на кухню постучалась Люба и, прислонившись к косяку двери, небрежным тоном заявила, что сопутствующие обстоятельства очевидно внесут корректировку в их планы на лето.

; Левин поднялся из-за стола и внимательно посмотрел на жену. Словно предчувствуя что-то необычное в кухню влетела Татьяна.

; - Ну, - продолжала Люба. - уж коль вы тут все соб-рались, то я вам скажу, что очень скоро нас будет несколько больше.

; - Это как «очень скоро», - чуть заикаясь спросил Левин.

; - А! - Люба небрежно махнула рукой, - Я так думаю в августе. Так что, дорогие товарищи, отучайтесь тут курить.

; - Вот это подарок! - В восторге крикнул Левин даже попытался отбить чечетку, но так как на ногах у него были домашние тапочки, то с танцем получилось не очень здорово. Зато Любе пришлось повизжать в его объятиях. Но, надо признаться, визжала она не без удовольствия.

; - Слушай! - Левин опустил жену на пол, - я там тебе ничего не раздавлю?

; - Пока нет, - Величественно ответила Люба. - Пока я разрешаю себя обнимать.

; С этого дня любые разговоры, в конце концов, заканчивались решением проблем, связанных с «Подарком»

; Сначала самые отчаянные споры велись вокруг выбора родильного дома. В конце концов осталось два претендента: родильный дом на Арбате и в Шелапутинском переулке.

; Затем появилась новая тема.

; - Меня смущает название переулка, - Признался Левин, - Не отразится ли это на характере мальчика?

; - Девочки, - тактично поправила зятя Анна.

; - О чем это вы, уважаемая Анна Андреевна? - Потихонечку закипал Левин.

; - Я вам предлагаю лучший вариант - Убедила его Анна. - Венечка, миленький! Девочки гораздо лучше во всех отношениях. Вы только на нас посмотрите внимательно и вы поймете что до сих пор жестоко заблуждались предпочитая наследников по мужской линии. Если вы со мной не согласны, то я вам предлагаю самый демократичный вариант: давайте мы проголосуем.

; - Я согласен на любой вариант, - Обреченно говорил Левин и обязательно добавлял: - Лишь бы был мальчик!

; - А я тут, как бы не при чем, - обижалась Люба. - Меня со счетов вам сбрасывать нельзя, а то возьму и вообще раздумаю. Что захочу - то и будет!

; Это такое событие, которое ждешь, ждешь, а оно приходит неожиданно.

; Все заранее было продумано и роли распределены.

; Татьяна вызвала по телефону скорую помощь и после этого сообщила Анне и Левину, что началось. Скорая приехала быстро, но санитары категорически отказались брать с собой Татьяну. Последнее, что она сумела услышать, это как Люба сказала, что надо ехать на Шелапутинский переулок.

; - Ну, правильно, - успокоила Татьяну Анна, - На Шелапутинский ближе. Да и договоренность там есть. Веня туда ездил не один раз. Доездили до того, что его вежливо спросили не собирается ли он сам к ним ложиться, а если нет, то до родов что бы не появлялся.

; Наступил вечер. Анна с Татьяной сидели на кухне. Левин с работы поехал прямо в родильный дом.

; - Нужен он там очень! - недовольно бурчала Татьяна. - Даже если он сам кряхтеть будет, легче Любе от этого не станет. Может нам чаю попить? -

спросила она Анну.

; В это время лампочка под потолком мигнула раз, потом второй, а на третий раз погасла совсем.

; - Это как понять? - забеспокоилась Татьяна и посмотрела в окно, что творится в доме напротив.

; В окнах, напротив, было тоже темно.

; - Это авария по всему району, - Анна ощупью добралась до телефона. - Посвети мне спичками, - Попросила она Татьяну.

; - Да я свечку сейчас принесу.

; - Алло! Это родильный дом? - Спросила Анна. - Вы меня простите, а свет у вас, я имею ввиду электричество, у вас есть? А как же...

; - У них тоже света нет и трубку мне бросили, - сообщила она Татьяне.

; - Как бы дите не перепутали в потемках, - забеспокоилась та.

; - Это как? - не поняла ее Анна. - Ты чего говоришь?

; - Простое дело, - пояснила ей Татьяна. - Подменят и все. Такие красавцы на вес золота.

; - Какие красавцы! Она же еще не родила.

; - Это ты не чувствуешь, а я чувствую. Разрешилась уже.

; Притащили с кухни табуретки и сели возле телефона.

; Наконец раздался звонок.

; - Я слушаю, - Анна сделала Татьяне знак рукой, что б молчала. - Уже? Давно? Кто? Сколько? А рост?

; Татьяна вырвала у нее трубку.

; - Веня! Ты там смотри, что бы не перепутали! Вот я и говорю, что надо смотреть в оба! Света нет, а в темноте что хочешь сотворят!

; В это время моргнула лампочка на кухне.

; - Ну, слава богу! - Татьяна дунула на свечку. - Это знак свыше. Ты не смейся. Жизнь у парня будет особая. Это уж как пить дать.

; - Знаешь, - Анна пошла в большую комнату и принесла бутылку водки. - Давай мы с тобой...

; - Давай, - согласилась Татьяна, - но только по маленькой.

; - Это почему по маленькой?

; - А сейчас Веня примчится. Вот мы вместе с ним тогда и по большой.

; - Анна Андреевна! - Веня поставил на стол рюмку, - Хочу вам сказать, что мы с Любой решили: если будет мальчик — назовем его Аркадием. Вы возражать не будете?

; Анна закрыла лицо ладонями и ушла в свою комнату.

; - Что ж ты так с хода! - пеняла Татьяна Левину. - Людей готовить надо. Постепенно. А ты - бух!

; На следующий день в квартиру № 114 два дюжих грузчика внесли пианино.

; - Это вам не «хухры-мухры» а «Шредер» сорок второй тысячи красного дерева! - гордо заявил Левин.

; - Понятно, - Согласилась Анна. - Придет человек. Ему же надо чемнибудь заняться, а его сразу за шиворот и к пианино. - Она потрогала клавиши. - А мне Аркадий на рождение Любы подарил швейную машинку «Зингер»

;

; 1933 год

;

; - Так продолжаться дальше не может, не правда ли! - Осторожно сказа Анна.

; - Вы абсолютно правы! - Решительно согласился Левин.

; - Ха! - Вмешалась в разговор Татьяна. - Вы же оба так себя ведете. До работы всего его облизываете, после работы он у вас с рук не сходит. Поделить его между собой не можете. Ребенку спать надо. Он еле глаза открывает, а вы с ним игры затеваете. Он чуть пикнет — вокруг него толпа. Виданное ли дело - родную мать до ребенка не допускаете! Она сквозь вас протиснуться не может.

; - Какая толпа? - Обиделась Анна.

; - Ваша толпа. - Татьяна поочередно ткнула указатель-ным пальцем в сторону Анны и Левина. - Избалуете ребенка. Скоро с ним вовсе сладу не будет. Кто его на пол вчера пускал ползать? Я на минуту отвернулась и вот вам нате!

; - Все! - Твердо заявил Левин. - Начинаем спартанское воспитание.

; - Да! - Согласилась Анна, - Начинаем. Завтра.

; - Сегодня, - Поправил ее Левин.

; - Да! - Подтвердила Анна. - Сегодня. Я вообще к нему сегодня не подойду. Только на ночь поцелую и все.

; Люба стояла в дверях кухни и насмешливо слушала мать и мужа.

; В это время из дальней комнаты, которую теперь Татьяна делила с Аркадием, раздался призывный рев.

; Все трое столкнулись на выходе из кухни, ринувшись на зов Левина младшего. Люба вовремя отскочила в сторону, давая им дорогу.

; Троица добежала по коридору и остановилась в дверях Татьяниной комнаты, пораженная увиденным.

; Левин младший стоял в кроватке уцепившись ручонками за сетку. Рядом с кроваткой на полу образовалась приличная лужа.

; - Сам встал и напрудонил! - гордо констатировал Левин старший. - Понял наконец, что на мокром спать неудобно. С понятием, парень!

; - Люб! - Татьяна принесла тряпку, вытерла пол и разогнувшись посмотрела на державшую Аркадия Любу, - Теперь глаз с него спускать нельзя. Он теперь и из кровати вылезти может.

; - Герой! - Левин поцеловал жену в щеку, - Здорово у нас с тобой получилось! - и просительно добавил: - Дай подержать.

; - Не давай! - Воспротивилась Татьяна. - Они там на кухне выступали, вот пусть и выполняют свое спартанское воспитание. Им бы лучше сейчас пойти да картошку перебрать. Проросла вся. Сгниет, что тогда есть будем? Как ребенок появился, никакой помощи от них нет. Только с ним тетешкаются.

; Теперь вся жизнь у Анны делилась на две неравные части.

; Днем одни отрицательные эмоции. Бесконечные письма с доносами, жалобами, проклятиями. И, практически, в каждом крик о помощи: «Дайте хлеба! Мы умираем! Мы умираем! Мы умираем!»

; Что она могла сделать, что бы помочь всем им?

; С каждым днем все страшнее и страшнее становились подробности голода в стране. К концу рабочего дня у Анны было ощущение, что волосы шевелятся от ужаса после прочитанного.

; От всего этого можно было сойти с ума, но наступал вечер и маленькое теплое тельце ребенка как бы отстраняло ее от того, что происходило за стенами дома. И сердце переставало покалывать.

; Само страшное для нее было идти спать, а значит остаться одной со своими мыслями. Она всячески затягивала тот момент, когда надо было встать со стула, взять полотенце и идти, сначала в ванную, а потом в свою комнату.

; Анна заметила, что точно в таком же состоянии приходил с работы Веня и постепенно как бы оттаивал под домашним теплом.

; Вечерами, после того, как Анна и Левин заканчивали ужин, выкуривали под открытой форточкой по папиросе, на кухню приходили Татьяна и Люба. Садись и слушали беседы Анны и Вени, стараясь уловить и понять недосказанное ими. Все чаще в их разговорах проскакивало слово «Хозяин». Иногда в разговор вступала Татьяна и иллюстрировала услышанное своими впечатлениями от походов на рынок. Иногда Люба дополняла разговор студенческими байками. Засиживались за полночь.

; - Как мы себя чувствуем? - Поинтересовался Шкирятов у Анны. - Здоровье как?

; - Нормально, Матвей Федорович. - Анна с удивлением посмотрела на своего руководителя. До этого времени она не замечала заботы о своем здоровье.

; - Прекрасно! - Шкирятов замолчал на минуту, словно еще раз продумывал какое-то свое решение. - Тогда готовьтесь к дальней поездке. На этот раз вы поедете не одна, а в составе бригады.

; - Куда? - поинтересовалась Анна

; - В Закавказье. Регион, как вы понимаете, не простой. Но поездка рядовая. Да и развеяться не помешает. Засиделись вы в кабинете. Возражений нет? Ну и правильно. Какие могут быть возражения.

; Веня провожал ее до вокзала и встречал тоже он.

; На перроне Анна помахала рукой спутникам.

; - Мы тут рядом живем. Так, что пешочком. - Вопросительно посмотрела на Левина.

; - Конечно, - подтвердил он и забрал у Анны ее саквояж. - Что-то он тяжелее стал.

; - Презенты, - усмехнулась Анна.

; Пошли в горку в сторону Красных ворот.

; - Что-то, Анна Андреевна, вид у вас встрепанный.

; - Это я в поезде уже отошла. Было хуже.

; - Чтонибудь случилось? Как, вообще, поездка. Насколько я тот регион знаю, у вас был сплошной банкет по любым поводам и особенно после встречи с руководством. Так было?

; - Точно, - подтвердила Анна. - Я себе это как-то представляла до отъезда, но реальность превзошла все мои ожидания. Ты мне доложи, как Аркашка.

; - Так это ваш вид — результат действия программы визита на неподготовленный организм? Что касается Аркашки, то тут подходит только одно слово в рифму. Этот закаканец правит бал.

; - Ну, и слава богу! - Они проходили мимо скверика около здания Наркомата путей сообщения, - Пойдемте, Веня, посидим немного.

; - Чтонибудь очень серьезное? - Спросил Левин.

; - Я не знаю. Много странного, а может и серьезного. - Анна вздохнула. - Давай закурим. Мои все кончились.

; Левин закурил папиросу. Дал прикурить Анне.

; Мимо прошла пожилая пара. Внимательно посмотрела на них. О чем-то стали шептаться.

; Анна помолчала, ожидая когда пара отойдет на приличное расстояние.

; - Накануне отъезда домой, нас привезли в очередной пансионат в Гаграх. Решили, что нам отдохнуть надо после трудов праведных.

; Там очень интересно устроены номера. С одной стороны комнаты дверь выходит в общий коридор, а со стороны, где окна тоже дверь и ведет она на веранду, которая идет вдоль всего здания. С этой веранды можно попасть в любой номер.

; Мне достался третий номер от края здания, который выходил в сторону улицы. Во втором номере поселился Потапов - руководитель нашей бригады. Кто жил в первом номере - я не знаю. Но только он был не из наших. Какой-то посторонний. Я его даже не видела. Но, судя по всему, работник высокого ранга.

; После ужина пошла к себе в номер и прилегла. Прошло где-то минут тридцать. Слышу: подъехала машина и кто-то прошел по веранде. Шаги такие мягкие. Потом стали слышны голоса. Говорили на грузинском языке и, сам понимаешь, я ничего не разобрала, даже прислушиваться не стала. В конце концов они стали кричать друг на друга и ругаться.

; Почему-то они ругались на русском языке. Очень смешно получалось. Говорили на грузинском, а ругались на русском. Потом неожиданно замолчали и тут я услышала выстрел. Я вскочила с постели и выбежала на веранду.

; - Ну, правильно, - Усмехнулся Левин. - Там где стреляют, туда моя теща и бежит. Как же без нее!

; - Не перебивай! Слушай дальше. Выскочила я и случайно посмотрела в другую сторону. Вижу, что от противоположного конца веранды, а это довольно

большое расстояние, здание длинное, бежит в мою сторону охранник и вынимает из кобуры наган. Тут выбегает из своей двери Потапов, хватает меня в охапку и заталкивает обратно в мой номер.

; - «Сиди, - шипит он мне, - И не рыпайся и молчать будешь, как рыба».

; На следующий день, после завтрака, с нами говорили товарищи из местного ГПУ. Не допрос, а так, приватная беседа. Не с каждым по отдельности, а со всей бригадой одновременно.

; Наши все в один голос сказали, что ничего не видели и ничего не слышали. Бодро так говорили. Ну, а я сказала, то, что видела. Они меня про охранника спросили. Я им ответила, что видела, как он бежал в мою сторону. Они сначала переглянулись, а потом мне говорят: «Это один. А второй?»

; А про второго я ничего не знаю, потому, что не видела никакого второго охранника.

; - Ну, как же! Вы ошибаетесь. Там было два охранника. Вот вы говорите про револьвер. А вы уверены, что он доставал его из кобуры, а не вкладывал его в нее?

; Ну, я им говорю, что может быть и два, но второго я не видела, а говорить могу только то, что знаю. Видела, что охранник доставал револьвер.

; Они от меня отстали. Потом мы на вокзал поехали.

; - Это было, следовательно, по времени после истории на Рице? - Спросил Левин. - Получается, что буквально несколько дней спустя как там пальба была.

; - А Вы уже об этом знаете. Быстро сведения доходят! - Поразились Анна.

; - Милая Анна Андреевна! Вы думаете, чем земля наполнена? Слухами.

Слухами она наполнена. Да и случай из ряда вон выходящий с элементами личного геройства руководства Закавказского крайкома. Ничего себе, покушение на, практически, главу государства. На хозяина покушались! И во время его своим телом закрыли.

; - Веня, вам не страшно?

; Левин поднялся со скамейки.

; - Пошли! Что касается вашего вопроса, то всякие мысли бродят в голове. Но если признаться, что страхи обоснованы, тогда надо действовать. А если страхи не обоснованы? В данный момент у меня достаточно оснований считать, что мой опыт, моя голова, мое преданность делу - гарантия

; - Дай бог, дай бог! А никакого второго охранника не было там, - убежденно сказала Анна поднимаясь. - И от Рицы до Гагр рукой подать. - Проговорила чуть слышно она. - Хорошо, что не сказала им про голоса. Один то голос я узнала.

; - Мне вам советовать — только время терять! - с чуть слышной обидой, изрек Левин. - Только по моим понятиям, если этот вопрос будет снова будироваться, я примкнул бы к точке зрения коллектива. Что же касается голоса, то мало ли что может пригрезится женщине после хорошего обеда.

; - Изменить свои показания?

; - Ну, почему изменить? Если они считают, что там был второй охранник, так

им виднее.

; Шкирятов не ограничился письменным отчетом и собрал у себя всех членов бригады.

; - С отчетом вашим ознакомился. Плодотворно пора-ботали, товарищи, - усмехнулся он и посмотрел на скованно сидящих членов бригады, - Из Крайкома поступила оценка вашей деятельности. Положительная. Многому научили товарищей на местах. Так что обмен опытом работы состоялся, а это самое главное.

; В кабинет вошла официантка и принесла на подносе стакан чая и поставила его на стол Шкирятову. Он дождался пока женщина выйдет из кабинета и продолжал:

; - Хотелось бы услышать некоторые подробности, не вошедшие в ваш отчет.

; Члены бригады молчали.

; - Э-э-э! - Начал Потапов, - Собственно мы постарались отразить все, что касается нашей работы. Инцидент, произошедший накануне нашего отъезда, я думаю, и со мной согласны все члены бригады, ни коим образом нас не касается. Этим случаем занимаются органы. Скорее всего это проявление местного бандитизма.

; - Хорошо, - Шкирятов жестом усадил Потапова на место. - Все товарищи так думают?

; Члены бригады дружно закивали головами. Анна присоединилась к коллективу.

; - Прекрасно! - резюмировал Шкирятов. - Продолжайте работу, товарищи! - И поднялся со своего места, давая понять, что совещание окончено.

; Потапов догнал вышедшую первой Анну и со значением пожал ей локоть. Они молча разошлись по своим кабинетам.

; Добираться до дом было очень неудобно. Прямого транспорта не было и приходилось делать несколько пересадок. Если погода была хорошей Анна большую часть пути преодолевала пешком, заходя по дороге в магазины на Сретенке. Особенно в те, где продавали детские вещи и игрушки.

; Дверь ей открыла Люба. Чмокнула мать в щеку.

; - Как Аркаша?

; - Гуляют с Татьяной перед сном. - Люба посмотрела в висящее в коридоре зеркало, поправила прическу.

; Анна собиралась уже войти в свою комнату, как неожиданно повернулась, посмотрела внимательно на дочь.

; - Люб! - Покажи мне свою руку.

; Люба протянула руку матери.

; - Нет, не эту. Другую покажи.

; - Зачем? - Люба спрятала левую руку за спину.

; - Затем. - Анна взяла ее за руку. - Откуда это кольцо?

; - Купила, - Опустив глаза прошептала Люба.

; - Деньги откуда? На сколько я в этом понимаю, стоит оно не малые деньги.

; - Мне Нонна одолжила.

; - Кто такая Нонна? Что это за новое знакомство? К стати, и прическу ты делала не в нашей парикмахерской. Так наши парикмахеры не стригут. Сколько же стоит такая прическа?

; Люба молчала.

; - Так, все таки, кто такая Нонна? Откуда у нее такие деньги и чем ты ей обязана за такой подарок?

; - Это не подарок. Я ей отдам деньги. Только не сразу. Мы так договорились. Как ты не понимаешь!

; - Я думаю, что не понимаешь ты. Что бы купить такое кольцо Вениной зарплаты не хватит. У людей вправе может возникнуть вопрос, как у неработающей жены ответственного лица, коммуниста могут оказаться такие деньги.

; У тебя есть только один источник благосостояния, — твой муж. Чем же он занимается, какие аферы крутит, что в состоянии делать своей жене такие подарки? Это одна сторона дела. Но есть и другая. Ты носишь на груди значок КИМа. Так вот ни это кольцо, ни эта прическа не монтируется с этим значком. Оно не соответствует позиции людей, членов этой организации. Очень жаль, что ты это не понимаешь.

; Люба молчала опустив голову.

; - Сегодня уже поздно, но завтра отдать кольцо этой Нонне.

; - Это невозможно. Я должна ей вернуть деньги. - Люба всхлипнула.

; - Значит завтра ты отнесешь это кольцо в торгсин или в комиссионку. А те деньги которых не хватит, что бы отдать долг, возьмешь у меня. Не у Вени! У меня! И что бы он этого кольца не видел! Поняла?

; - Да, - Люба повернулась и хотела уже пойти в ванную, но Анна ее остановила.

; - Я еще не кончила. Мне очень жаль, что я не Сооб-разила поговорить с тобой заранее о том, какая на тебя ложится ответственность выходя замуж за такого человека как Левин. Теперь ты его второе «Я». и каждый твой поступок, так или иначе, характеризует и его. К стати и меня — тебя родившую и воспитавшую. Помни это двадцать четыре часа в сутки и всю жизнь. Теперь иди умойся.

; Анна пошла открывать двери так как с лестничной площадки слышался голос Татьяны и веселое гуканье ее спутника.

; Татьяна держала Аркадия подмышкой, а другой рукой тащила по ступеням лестницы коляску.

; Аркадий поднял голову и вдруг сказал совершенно отчетливо: « Аня».

; - Где справедливость? - жаловался на судьбу-злодейку Веня сидя на кухне после ужина в окружении домочадцев, - Какое первое слово в своей жизни он должен был произнести, как вы считаете?

; - Мама, - Не совсем уверенно предположила Люба.

; - Вы можете развивать эту тему сколько вам угодно, - Насмешливо сказала

Анна. - Все уже свершилось. Я удовлетворена!  
; Не удовлетворена она была, а просто счастлива.  
; За ежедневной рутинной стала забываться командировка в Закавказье. На первое место вышли другие дела.  
; Когда-то обещенное Шкирятовым освобождение ее от «мусора» стало сбываться. Анна работала в бригаде, проверяющей работу Торгсина. Затем пришлось ехать на Урал. Работа стала ее все больше и больше увлекать.  
; Вернувшись из очередной командировки Анна разбиралась с документами у себя в кабинете. Звякнул внутренний телефон:  
; - Анна Андреевна! Вызывает Шкирятов. - Секретарша помолчала и вдруг неожиданно добавила, - У него товарищ из ОГПУ.  
; - Что это за новости? - Удивилась Анна. - С чего это ей предупреждать меня?  
; - Прошу, Алексей Алексеевич, познакомьтесь: старший партийный следователь, член партии с 1912 года, политкатаржанка. Иванова Анна Андреевна. Очень известная в партии человек.  
; Такую характеристику себе Анна слышала впервые и это заставило ее предельно сосредоточиться. Просто так ничего не бывает.  
; - Очень приятно! - Сидящий за приставным столом лысоватый, средних лет человек одетый в серый, прекрасно на нем сидевший, костюм привстал ей на встречу и первый протянул ей руку.  
; - Алексей Алексеевич.  
; - Тоже следователь. - Добавил Шкирятов.  
; Анна не любила рукопожатий, опасаясь потных рук, но на этот раз обошлось. Рука была сухая, а рукопожатие было не очень крепким. Гость явно не хотел причинять ей неприятности. То, что гость обыкновенный следователь она не поверила, как не поверил наверно ему и Шкирятов или знал, кто в действительности его посетил. Стал бы он иметь дело с обыкновенным следователем!  
; - Не стесняйтесь. Я вам мешать не буду. - Шкирятов достал папку и, раскрыв ее, углубился в изучение какого-то документа.  
; То, какое решение принял ее начальник, не пожелавший оставить ее один на один с гостем, еще раз убедило Анну, что напротив сидит человек «в чинах» и ждать от этой встречи можно всего чего угодно.  
; - «Бди!» - Приказала сама себе Анна.  
; - Анна Андреевна! Вы были членом бригады откомандированной в Закавказье. - Начал беседу гость.  
; Это был не вопрос, а скорее утверждение и Анне ничего не оставалось, как согласно кивнуть головой.  
; - Я бы хотел остановиться на одном событии, свидетелем которого вы явились.  
; Анна молча ожидала, что последует далее.  
; - Накануне вашего возвращения из командировки в гостинице, где вы

остановились, произошло убийство.

; На следующий день наши местные коллеги провели опрос среди членов вашей бригады и только вы рассказали, что были свидетелем события.

; - Это не совсем так, - Мягко возразила Анна. - Мое свидетельство ограничивалось тем, что я слышала звук выстрела и не более того.

Руководителем нашей бригады я была водворена в свой номер и больше я оттуда не выходила до утра.

; Алексей Алексеевич чуть оживился.

; - Значит вы выходили из своего номера?

; - Да. Но только на одну минуту. Буквально в следующее мгновение меня вернули обратно в мой номер.

; - Что значит «вернули»?

; - А очень просто,- Засмеялась Анна. - Наш руководитель взял меня в охапку и водворил обратно в мой номер. Как шкаф.

; - Ну, - Возразил Алексей Алексеевич. - Какой же вы шкаф? Вы, уважаемый товарищ, мало похожи на мебель.

; Посмеялись.

; - Но из того, что вы мне сейчас сообщили значит, что руководитель вашей бригады находился на террасе до вашего появления?

; - Нет, - Анна отрицательно покачала головой. - Он вышел из своего номера буквально на секунду позже меня. Я это видела. - Она секунду подумала и добавила, - Я это утверждаю! Он выбежал из своего номера в тот момент, когда я поравнялась с его дверью. Могу предположить, что он вышел именно для того, что бы перехватить меня.

; Шкирятов оторвался от чтения своих бумаг и удовлетворенно кивнул Анне головой.

; - Но вы утверждали в вашей беседе с работниками ГПУ в Грузии, что гражданин Майсурадзе находился на веранде и вы видели как он доставал оружие из кобуры или наоборот убирал его.

; - Я не знаю кто такой гражданин Майсурадзе, - Возра-зила Анна.

; - Я имею в виду охранника, о котором вы говорили во время вашей беседы.

; - Правильно, - согласилась Анна. - Но я говорила об охраннике фамилии которого я не знаю.

; Был ли это Майсурадзе, либо кто другой - мне не известно. Тем более, что товарищи в Грузии утверждали, что там было два охранника. Я видела только одного. И утром, когда мы туда приехали, и днем, после обеда, я видела только одного охранника. Мы встречались с ним на террасе.

; - Значит вы видели этого человека несколько раз и запомнили его?

; - Конечно.

; Алексей Алексеевич полез в боковой карман пиджака и вынул оттуда фотографию.

; - Это он?

; - Нет, - Анна отодвинула от себя фотографию. - Это не тот человек.

; Алексей Алексеевич удовлетворенно кивнул головой и достал вторую фотографию протянув ее Анне.

; - Вот это он, - Подтвердила Анна. - Этого человека я видела, но Майсурадзе это или нет я утверждать не могу.

; - Давайте уточним еще один момент. Этот человек доставал наган из кобуры или убирал его в кобуру?

; - Доставал, - Твердо заявила Анна

; - Вы в этом абсолютно уверены?

; - Абсолютно. Скажу вам больше. Дверь моего номера, выходящая на террасу застеклена. Я не могу с полной уверенностью утверждать, но мне кажется этот охранник не проходил по террасе дальше моего номера.

; Анна увидела, что Шкирятов покачал головой и нахмурился.

; - Тогда у меня к вам просьба, - Алексей Алексеевич еще раз пододвинул к Анне вторую фотографию.

; - Вот посмотрите. На этой фотографии стоит номер. Вы могли бы написать, все, что рассказали мне и, сославшись на номер стоящий на этой фотографии, упомянуть, в том числе, что опознали на ней виденного вами охранника.

; Тут у меня есть план помещения и вы, пожалуйста, поставьте крестик в том месте, где охранник находился в тот момент, когда вы его увидели уже после, услышанного вами, выстрела.

; - Конечно, - согласилась Анна. - Когда это надо сделать?

; Алексей Алексеевич вопросительно посмотрел на Шкирятова.

; - Вы мне абсолютно не мешаете, - Шкирятов закрыл папку, убрал ее в сейф и достал другую.

; - Анна Андреевна может написать вам прямо сейчас. Это не займет много времени, тем более, что она практически никого, как я понял, кроме охранника, не видела и ничего, кроме выстрела, не слышала. Я правильно говорю, Анна Андреевна?

; - Абсолютно, - подтвердила Анна

; Времени на написание записки было затрачено действительно немного. Анна уложила в две странички и, поставив жирную точку, расписалась.

; Шкирятов попросил показать ему, что получилось у Анны Андреевны. Восхитился ее почерком. Сказал странную фразу, что теперь ему многое становится понятным. Передал бумагу Алексею Алексеевичу. Тот ее принял с понимающей улыбкой.

; Анна поставила крестик на плане, который дал ей Алексей Алексеевич. Секунду подумала и расписалась рядом с крестиком.

; Все встали. Раскланялись. Заявили, что удовлетворены встречей и гость вместе с Анной покинули кабинет руководства.

Миновав комнату секретаря и уже прощаясь в коридоре Алексей Алексеевич сказал Анне, что редко ему приходилось встречать таких отважных женщин.

; - Теперь я верю, - многозначительно добавил он, - В ту легенду из вашего прошлого. Для меня честь познакомиться с вами.

; Анна не поняла, о какой легенде идет речь, но на всякий случай, небрежно махнула рукой. Мол, о чем тут говорить. Пустяки. И они расстались.

; Она не могла себе объяснить, но пока шла по коридору к себе, ее преследовала странная мысль, что ей обязательно надо запомнить эту фамилию Майсурадзе. Зачем? Почему? Странная какая-то мысль.

; Куйбышев позвонил в субботу вечером. Поинтересовался здоровьем, как он выразился, чад и домочадцев. Пообещал обязательно выбраться.

; - Теперь о главном. Аннушка, в этом году исполняется пятнадцать лет со дня гибели Аркадия Федоровича. Нам всем нарымчанам хотелось бы встретиться и помянуть нашего товарища.

; Дело осложняется тем, что 25 октября мы всех, кто хочет придти, собрать не сможем. По этому сошлись на втором ноября.

; Соберемся у меня или в другом помещении, но обязательно в Кремле. Помещение выберем в зависимости от того, сколько народу соберется. Так что предупреди всех своих. Подумай о том, кого ты еще хотела бы видеть на этой встрече и заранее предупреди меня, что бы пропуска оформить. Все ясно? Целую.

; Второго ноября в бюро пропусков Кремля встретились практически все, приехавшие на встречу. Шумной компанией поднялись по чугунной решетчатой лестнице к квартиру Куйбышевых и пройдя через крошечную прихожую заполнили самую большую комнату.

; Валериан Владимирович постучал рукой по столу.

; - Всем хватило места? Простите, - обратился он к стоящему в дверях человеку.

- Вы же Котов? Проходите, пожалуйста. И обязательно садитесь рядом с Анной. Ну, вот, все расселись и даже пара мест свободных есть. Это на случай если кто опоздает. - Он оглядел присутствующих, - Столько времени прошло, а вы все не очень изменились. Я думаю, что все со мной согласятся, что первое слово надо дать ближайшему товарищу Аркадия Федоровича - Сольцу. Прошу, Арон Александрович.

; - Было бы нелепо, - усмехнулся Сольц, - рассказывать тут биографию Аркадия Федоровича. Все присутствующие его прекрасно знали. Я, пожалуй, скажу о своих отношениях с Ивановым и думаю, что все присутствующие присоединятся к моим словам.

; Есть такие люди, которым судьба отвалила самые немыслимые, по своим трудностям, проблемы в жизни. Ставила перед ними преграды, которые, казалось бы, невозможно преодолеть.

; И только благодаря тем качествам, которыми они обладали, а это отвага, бескомпромиссность, честность, любовь к людям и непереносимое достижения цели, которую они перед собой ставил...

; - Правильно говоришь, Арон!

; Все обернулись.

; В дверях стоял Сталин.

; Заскрипели, задвигались стулья. Сталин не стал проходить вперед. Поднял руку, успокаивая присутствующих.

; - Очень верно ты все это сказал про Аркадия. Большого мужества был человек. Рядом с ним легче дышалось в тех местах, в которых свела нас судьба.

; Прости, дорогой, перебил я тебя. Не удержался. Любил я этого человека. И вот ее люблю, - Он чуть шевельнул рукой в сторону Анны. - Каждый мужчина должен мечтать о такой женщине. Надо, что бы у каждого была рядом такая, как ангел хранитель.

; Продолжай, Арон. Еще раз прости, что перебил, - и он опустился на стоящий рядом свободный стул.

; Закончил свою речь Сольц. После него встал Косарев, а за ним Ксения Чудинова. Ее сменил Мендельштам...

; Анне очень хотелось познакомить Сталина с Любой и Веней, но он как-то незаметно исчез.

; Она было огорчилась, но тут выступающие стали говорить о ней. Про то, что она спасла Аркадия Федоровича, после их купания в ледяной воде, когда их лодка перевернулась, и про то, что она проявила такое мужество, когда явилась в Колчаковскую контрразведку. Упомянули Котова.

; Потом на столе появился громадный самовар и большое блюдо с бубликами.

; Тут уже все заговорили одновременно. А потом стали подходить к Котову и жать ему руку, а Коля сидел красный как рак от смущения и говорил каждому, что никакого героизма он не проявлял, а напротив ужасно переживал за Анну.

; И все так получилось удачно, потому, что на стене кабинета начальника вокзала был написан лозунг «Вся власть советам» и начальник страшно боялся, что его белогвардейцы расстреляют, а Коля закрасил этот лозунг и сверху нарисовал паровоз.

; - Иначе мы бы оттуда не выбрались, - подытожил свои воспоминания Котов.

; Анна обратила внимание, что Куйбышев, Сольц и Левин отошли в сторону и тихо о чем-то говорили. В основном говорил Сольц. Куйбышев возражал ему, иногда обращаясь за помощью к Левину, но Сольц стоял на своем.

; Она вспомнила как в Нарыме Сольц и Аркадий шли по улице и точно также спорили и Сольц упрямо стоял на своем, а Аркадий возражал.

; Они вышли на Красную площадь. Десятка два рабочих наносили краской разметку на брусчатку. Началась подготовка к параду и демонстрации в честь годовщины Революции.

; - О чем это вы говорили с Валерианом Владимировичем и Сольцем, - Спросила Анна Левина.

; - Да, так. - Сказал неожиданно сухо Веня. - Проблемы.

; Анна обиделась и Левин это почувствовал.

; - Не сердитесь, теща. - Он взял Анну под руку. - Для каждого разговора

должно быть время и место. Так?

; - Это вы о чем? - поинтересовалась Люба.

; - О взаимоотношениях, - Пояснил Левин. - Ты же знаешь какая кошка между твоей матерью и мной пробежала.

; - Ну, во-первых не кошка, а котик. А во вторых действительно пробежал.

; - Я вам вот что скажу, - вступил в разговор Коля. - Я себе мастерскую построил. В Челюскинцах. Приезжайте, а?

;

; 1934 год

;

; По Садовому кольцу пустили первую линию троллейбуса и Люба предложила в воскресенье всей семьей прокатиться вокруг кольца.

; - Что-то Григорича я давно не видела. Как он там? - Спросила Люба у матери.

; - В командировке он. В Ленинграде. Внедряет там свое стекло.

; - Ну, тогда еще ничего. А то я было подумала...

; Они перешли Колхозную площадь и пропустив два троллейбуса, наконец, смогли втиснуться в следующую, подошедшую переполненную людьми, машину. Любе с Аркадием уступили место.

; Особого удовольствия от путешествия в тесноте и толкотне они не получали.

Тем более, что Аркадий затеял скандал и требовал прекратить круиз в связи малыми надобностями. Вышли на остановке и обнаружили, что находятся на Пресне и если спуститься вниз по улице, то можно попасть в зоопарк.

; - Ты хочешь в зоопарк?

; - Нет, - Замотал головой Аркадий. - Я хочу писать. Прямо сейчас.

; - Запасных штанов мы с собой не взяли. - Усугубила положение Татьяна.

; Левин подхватил сына на руки и они вместе с Любой кинулись в первую попавшуюся подворотню, крикнув, что бы женщины никуда не уходили.

; - Здравствуйте, Анна Андреевна, здравствуйте Татьяна!

; Господи! - Запричитала Татьяна. - Иосиф! Похудел то ты как!

; - Здравствуй Иосиф! - Радостно улыбнулась ему Анна. - Как живешь?

; - По разному, - Пожал плечами Иосиф. - Много проблем. Это я сына Любы там видел? - Он указал рукой в сторону подворотни.

; - Его, - С гордостью подтвердила Татьяна.

; - Давно ее не видел. Вы так неожиданно уехала, а куда — никто не знает.

; - Что у тебя за проблемы, Иосиф? - Анна взяла юношу под руку. - Может быть я смогу тебе помочь?

; - Вряд-ли, Анна Андреевна.

; - Выкладывай! - Анна крепче взяла его за руку.

; - Кончаю университет, получаю диплом и отправляюсь по распределению черт знает куда. А у меня мать больная. Ее с собой взять невозможно.

; - Почему тебя отправят черт знает куда?

; Иосиф посмотрел Анне в глаза и усмехнулся.

; - А, ну да! - Анна кивнула головой. - Понятно. Анкета, конечно у тебя подкачала. Ты, главное, не отчаивайся. Запиши мой домашний телефон и на той неделе позвони.

; Иосиф нехотя достал блокнот и карандаш.

; - Или нет! - Анна решительно забрала у него блокнот, записала номер своего телефона. Затем оторвала половину страницы и приказала:

; - Давай свой номер. А то я вас, интеллигентов, знаю!

; Иосиф продиктовал.

; - Вот так будет вернее. Как маму зовут? Зоя Вениаминовна? Очень хорошо. - Анна отдала блокнот Иосифу. - А здесь ты что делаешь?

; - Ищу тему для дипломного репортажа.

; - Нашел?

; Иосиф покачал головой.

; - Нет. Тема есть. Удивительная! А писать нельзя.

; - Это как — удивилась Анна.

; - Тут во дворе работает совершенно удивительный сварщик. Таких виртуозов в городе больше нет.

; Ему со всей Москвы и Подмосковья везут всякий старинный поломанный хлам, а он из него шедевры делает. Местная власть пока сквозь пальцы на него смотрит, а если я напишу — ему конец. Выгонят с этого места и пойдет он, в лучшем случае, в домоуправление трубы варить. Нельзя о нем писать. Пусть работает спокойно. Тут рядом планетарий реконструируют. Пойду туда.

; - Ты мне обязательно позвони, - Анна неожиданно погладила Иосифа по плечу.

; - Спасибо вам. - Иосиф повернулся, кивнул Татьяне и пошел, чуть горбясь, в сторону Садового кольца, где над домами высился, одетый в леса, купол планетария.

; Они уже собирались идти искать пропавшую часть семьи, как из подворотни вышли возбужденные Аркадий, Веня и Люба.

; - Аня! - закричал Аркадий. - Мы видели бога! Настоящего и с огнем!

; - Гефеста? - Поинтересовалась Анна

; - Не! Его зовут Христофорыч. У него в руках такая штука, из нее идет огонь. Он что хочет с ним делает. И к нему очередь.

; - Это, действительно, фантастика! - Подтвердил Веня. - При нас он одной женщине совершенно спокойно починил нож от мясорубки. У ножа отвалился один конец, а он его приварил. Вы представляете, что значит приварить отломанный конец ножа мясорубки так точно, что он будет прилегать к сетке и рубить мясо? Фантастика!

; - Ты хочешь идти в зоопарк? - Спросила Анна у Аркадия.

; - Теперь хочу — Согласился внук. - А что такое зоопарк?

; Ни ему ни Татьяне львы и тигры не понравились. Слон был, конечно, очень большой, но какой-то скучный и все время стоя к публике задом, обсыпал себя песком.

; - Неряха, - Упрекнул слона Аркадий. - Тебя ж потом отмывать придется.  
; Обезьяны клянчили хлеб и конфеты. Но служитель, ходивший около их клеток, следил, что бы им ничего не давали, говоря, что у них животы разболются и их придется лечить.  
; Аркадий было пригорюнился, но положение спасли два ослика, запряженные в ярко раскрашенные тележки и бегавшие по кругу. В тележках сидели дети со сосредоточено-счастливыми лицами и даже не обращали внимания на своих родителей которые махали им руками.  
; Женщины заняли очередь, Веня побежал покупать билет, Аркадий с беспокойством интересовался, скоро ли лошадки устанут бегать по кругу и хватит ли папе билетов.  
; Билетов хватило аж три штуки.  
; - Зачем так много? - забеспокоилась Татьяна. - У ребенка голова закружится.  
; - Один билет я дам вам, - Успокоил Татьяну Веня. - Вам же тоже хочется.  
; Татьяна обиделась, но не на долго.  
; Голова у Аркадия не закружилась, но, судя по тому, что он спокойно отошел от аттракциона с осликами, трех поездок, для полного удовлетворения желаний, ему с лихвой хватило.  
; А потом они ели мороженное, положенное щедрой рукой тетки в белом переднике между двумя вафельными кружочками.  
; В обратный путь до троллейбуса Аркадий отправился верхом на отцовских плечах, так что дорога его не очень утомила.  
; В подошедшем троллейбусе оказались свободными места для сидения. День заканчивался удивительно удачно.  
; - О чем ты все время думаешь? - Спросила Люба у матери.  
; - Это не твоя проблема. - Анна лихорадочно перебирала в памяти всех знакомых, которые могли бы помочь Иосифу.  
; Ей вспомнился коридор в их квартире на Большой Почтовой. Как там было удобно прятаться среди висящих вещей и спокойно говорить по телефону так, что бы никто не слышал. Теперь ей пришлось ждать, пока Люба уйдет в ванную, что бы позвонить Готману. Вот кто может помочь устроить ей Иосифа на работу.  
; Ее предположение полностью оправдалось. В Поли-графическом институте решили издавать свою газету, а в скором времени даже отраслевой журнал, и даже выбрали ставку главного редактора. Готман записал телефон Иосифа и пообещал Анне держать ее в курсе.  
; - Через месяц позвонил Иосиф и сообщил, что он уже приступил к работе главного редактора и он не знает, как благодарить Анну.  
; - Пустяки, - ответила ему Анна. - Я очень рада за тебя. - и вдруг добавила, - Мы же не чужие люди.  
; Очевидно абонент несколько обалдел от ее последней фразы, так как забормотал нечто нечленораздельное, еще раз рассыпался в благодарностях и

повесил трубку.

; - С кем это ты так любезничала? - поинтересовалась Люба.

; - Да мало ли у меня мужчин! - усмехнулась Анна. - С которыми приятно полюбезничать.

; Заканчивалась весна. Котов помог им снять дачу в Челюскинцах. Начались хлопоты с переездом. Теперь по субботам и понедельникам, а иногда и среди недели приходилось тратить на дорогу массу времени.

; Вставать приходилось чуть свет. Досыпать в поезде, в трамваях, но зато видеть внука, пускай спящим, а по воскресением проводить с ним целый день. Такое отдохновение! - как выражался Веня, засыпая на террасе в шезлонге.

; В конце сентября они перевезли Аркадия, Любу и Татьяну обратно в Москву и жизнь потекла по накатанным рельсам.

; Второго декабря Анну срочно вызвали к Шкирятову. Федор Матвеевич нервно постукивал указательным пальцем по краю стола.

; - В Ленинграде убит Сергей Миронович Киров!

; Помолчал. Посмотрел на Анну, прикрывшую ладонью рот словно сдерживая этим крик.

; - Убийца задержан. Срочно собирайтесь. Сегодня ночным поездом выезжаете в Ленинград. Дело по расследованию преступления ведет следователь Шейнин. Вы с ним уже работали. Знаете друг друга. За инструкциями ко мне зайдете в четыре часа. У меня все.

; Она лихорадочно перелистывала телефонную книгу в поиске нужного номера.

; - А, это ты, Иванова, - Голос Льва Романовича звучал непривычно сдержанно.

- Что тебе надо?

; - Ночным поездом я выезжаю в Ленинград. Нам снова придется работать вместе.

; - Выезжай, - Равнодушно ответил ей Шейнин. - Ежели охота тебе соваться в эту историю — суйся.

; Ей показалось, что он зевнул.

; - Найдешь меня в прокуратуре. - Буркнул Шейнин и связь прервалась.

; Ее немного познабливало. Почему ее отправляют одну, а не организуют бригаду? Надо бы во время инструктажа спросить об этом у Шкирятова.

; А что я у него буду про бригаду спрашивать? Все, что должна делать, я знаю. Методика отработана до мельчайших подробностей. Тем более, что основная работа тут у ОГПУ и прокуратуры. Ей остается только покопаться в бумагах партийной организации Ленинградского Обкома и в той организации, где работал убийца.

; Всю ночь в поезде она не спала. В соседнем купе ехала какая-то веселая компания, которая сначала пыталась затащить ее к себе, но поняв тщетность своей попытки, отстали от Анны.

; Устроилась она в «Октябрьской» гостинице и поехала представляться в Обком партии, а затем стала искать Льва Романовича.

; С трудом она поймала его в прокуратуре, но уделять ей время он категорически отказался.

; - Лев Романович! Побойся бога! - уговаривала она следователя. - Мне же тоже работать надо.

; - Ни Бога, ни черта я не боюсь, - отрезал Шейнин. - У меня тут персонажи пострашнее есть.

; Ты, Иванова, иди-ка к моему начальству, получай официальную версию и дуй в Москву. Это мой тебе совет, как человека, собиравшегося на тебе жениться.

; Он нервно хохотнул.

; - Ладно! Черт с тобой! У тебя тут родственница в Павловске живет? Вот давай в воскресенье к ней и поезжай. Меньше будешь здесь мелькать — здоровее будешь!

; И вдруг неожиданно предложил: - А знаешь, я тебя туда провожу. Самому развеяться надо, а то так с ума сойти недолго. На вокзале встретимся.

; Идея обратиться к начальству Шейнина Анне понравилась. К вечеру у нее на руках были первые наброски официальной версии случившегося и уверения руководителей следствия держать ее в курсе. Особенно о Мильде Петровне Драуле работнице Ленинградского Обкома ВКПб и, как оказалось, сожительнице убийцы.

; Анна почувствовала, что и начальству Шейнина она очень понравилась. Особенно то, что старший партследователь ЦКК за помощью обратился именно к ним.

; Они были удовлетворены, как ловилось ею каждое слово, сказанное ими, а потом очень старательно, с чуть приоткрытым ртом, записывалось в специальный блокнот.

; В полный восторг привело руководство следователя Шейнина то, что старший партследователь дал прочитать им свои записи и ее просьба внести в них свои коррективы.

; Поезд медленно подходил к платформе Павловска. Анна выглядывала в окно с надеждой увидеть Федора Ивановича, но платформа была пуста.

; Ну, - Шейнин подал Анне руку, помогая выйти из вагона. - Намолчались по дороге?

; - Намолчались — Согласилась Анна.

; - Вот теперь, и поговорить можно, - Лев Романович с удовольствием вобрал в себя пьянящий морозный воздух. - Идти то далеко?

; - Минут пятнадцать.

; Анна помолчала, собираясь с мыслями.

; - Убийцей является некто Николаев Леонид Васильевич. Исключен из партии в тридцатом году и в тридцать четвертом восстановлен со строгим выговором.

; А все это время, то есть четыре года, он нигде не работал? - На всякий случай уточнила она.

; Шейнин кивнул головой в знак согласия.

; - Чушь какая-то! Если он нигде не работал, то кто же его восстановил в партии, какая организация? Домком, что-ли? На что ж он существовал все это время? Или его подкармливали? Тогда кто?

; - Верно, - Согласился Шейнин. \_ - Чушь. Лучше не скажешь. Кто подкармливал — не знаю.

; - За несколько дней до теракта он был задержан Ленинградскими органами ОГПУ по подозрению и вскоре отпущен. После чего получил доступ в Смольный.

; Это как понимать? - Анна тщетно старалась поймать взгляд Льва Романовича.

; Шейнин пожал плечами.

; - По какому подозрению его задержали? Кто мне это пояснит?

; Шейнин опять пожал плечами.

; - Никто мне этого объяснить не может. И кто организовал ему допуск в Смольный, тоже толком никто не объяснил. Еще одна чушь.

; И не жмите, пожалуйста, плечами будто не мылись месяц и у вас спина чешется! - Разозлилась Анна на Шейнина

; - Верно, - усмехнулся Лев Романович. - Но моюсь я каждый день, а вернее отмываюсь, так как со всем этим мне приходится возиться.

; - Очень мне нравится его сожительница Мильда Петровна Брауде. Она же работник Ленинградского обкома. - Продолжала мучить Шейнина вопросами Анна. - Очень она для меня перспективная особа, вопросов у меня к ней уйма, а видеть ее мне не разрешают, ссылаясь на тайну следствия. Так ведь я тоже следователь! Дело то мне вести надо!

; - Мне тоже она нравится, - С восторгом подтвердил Шейнин. - Они мне все нравятся.

; - Кто все? - Сразу зацепилась за его не осторожную фразу Анна.

; - Ну, те кто помогут мне в моей работе, советует мне, Шейнину Льву Романовичу, следователю которому поручено вести это дело, подсказывают мне как я должен истолковывать, понимать тот или иной факт. Руководят моими действиями.

; - Что делать будем? Вы, как я понимаю, в этой истории мне не помощник? - спросила Анна.

; - Ну. Почему же не помощник? Как раз я тебе самый главный помощник! Ты на меня молиться должна, товарищ Иванова! Что тебе делать, спрашиваешь? - Шейнин стал лепить снежки и расстреливать ими деревья.

; - Тебе надо в своем отчете перечислить всех, кого требуется выдрать за потерю бдительности и топать домой, чем быстрее — тем лучше.

; Конечно, перечислять виновных тоже с умом надо. Так сказать, выборочно. Умно состряпаешь свой документ — считай на коне. Мне же так просто от этого дерьма не отделаться.

; Они подошли к дому Анны Ивановны. Отряхнули с обуви снег, поднялись на высокое крыльцо с громко заскрипевшими ступенями и постучали в дверь.

; - Открыто, - Донесся до них старческий голос. - Заходите. Кто там?  
; Они вошли. Анна Ивановна лежала на диване прикрытая поверх одеяла шубой.  
; - А, это ты Анна. И опять с новым поклонником.  
; Сесть она им не предложила.  
; - А я вот все мерзну.  
; Помолчала. Потянулась за очками, лежащими на стуле, но раздумав, спрятала руку под одеяло.  
; Продаю я этот дом. Дрова, вода. Мне все это не под силу стало.  
; - А Федор Иванович? - Осторожно начала Анна.  
; - Был Федор Иванович, - Зло ответила Большая Анна. - Был и весь вышел. Царство ему небесное.  
; - Вам какая помощь нужна, Анна Ивановна? - Голос у Анны чуть дрогнул.  
; - Я спать хочу, - Большая Анна охая, с трудом повернулась к ним спиной. Шуба съехала на пол.  
; Шейнин поднял шубу с пола, передал ее Анне. Та укрыла тетку и растерянно посмотрела на Льва Романовича. Тот только развел руками.  
; Большая Анна захрапела.  
; - У нее, что детей нет? - Шёпотом спросил Шейнин  
; - Нет. Только братья, сестры, племянники и племянницы, которыми она всю жизнь занималась, занимается. А вот будут ли они ее заниматься — не знаю. Постараюсь в Ленинграде найти когонибудь из них.  
; Большая Анна сладко храпела, но Анне показалось, что она притворяется спящей.  
; Они еще немного постояли и тихо вышли из дома прикрыв за собой дверь.  
; - Не защелкивайте замок! - Неожиданно прокричала им во след Анна Ивановна.  
; Отойдя немного Анна остановилась, обернулась, что бы последний раз посмотреть на дом, о котором столько рассказывал ей Аркадий, Дом, который в трудную минуту приютил ее.  
; - Знаете, Лев Романович, кто ей подарил этот дом? Тургенев. Он письмо прислал ее мужу мол покорно прошу принять этот дом как подарок от моего имени вашей супруге.  
; - А муж что?  
; - А что муж? Они с Тургеневым большие друзья были. Хоронил ее муж Тургенева.  
; - Так что же он дом подарил не ему, а его жене?  
; Очевидно эта ситуация очень заинтересовала Льва Романовича  
; Настало время пожимать плечами Анне.  
; До поезда в Ленинград времени было много. Шли медленно. Молчали. Каждый думал о своем.  
; - Иванова! - словно проснувшись Шейнин нагнулся, и снова стал заниматься метанием снежков. Слепил первый, метнул его в близ стоящее дерево.

Промахнулся. - Я вот все спросить тебя хочу: А чего ты замуж не выходишь?  
; - А вы что не женитесь?  
; - Я, Иванова, постоянно нахожусь в дороге, в пути я, а при таком раскладе, лишний груз - обуза.  
; Нет у меня, понимаешь, уверенности в завтрашнем дне, - Иванова. - Какой там, на моем пути, поворот будет? - Он зябко передернул плечами.  
; - Ветер какой-то дует. Народ сгибается, а многие удержаться на ногах не могут. Сдувает их. И определить кого сдует следующего и по какой причине — невозможно.  
; Самое главное это то, что причины для сдувания не определяются. Их, вроде, и нет вовсе, а был человек и нету. А ты говоришь: «жениться». До вечера дожить бы!  
; Идиоты считают, что если они у власти, то с ними ничего не может случиться. Я не идиот. Революция пожирает своих детей. Кто сказал? Не знаешь? Ты не знаешь, я не помню, но факт остается фактом.  
; - Не паникуете зря, товарищ следователь и писатель?  
; - Дай то бог, что бы зря! Но информация не позволяет думать, что излишне паникую.  
; - Так и тронуться недолго.  
; - А вот мы сейчас в Питер вернемся, закатимся в ресторан и будет нам хорошо-хорошо и будущее наше будет казаться светлым и счастливым. И скажу я тебе, Иванова, правду, что очень хочу жениться и занять сына.  
; Но с рестораном не получилось. Поднялась Анна в свой номер, что бы переодеться, позвонили из Обкома и сообщили, что она должна срочно возвращаться в Москву.  
; Анна позвонила Шкирятову. Тот подтвердил, что следует не медля возвращаться, но о причинах ничего не сказал. Правда никакого металла в его голосе Анна не почувствовала. Спокойный голос был у Федора Михайловича и доброжелательный.  
; - Жаль! - Искренно сказал Шейнин. - Очень мне с тобой посидеть хотелось.  
; Удастся ли нам еще встретиться в этой жизни - не знаю, но женщина ты особая. Виделись-то мы с тобой раз, два и обчелся, а получается прикипел я к тебе. Иногда ночами снишься.  
; Положил ей руки на плечи. Посмотрел в глаза. Что-то в выражении его лица, потому как он смотрел на нее, помешало Анне освободиться от его рук.  
; - Прощай, - Он снял руки с ее плеч. - На всякий случай прощаюсь. Но ты знай, что есть у тебя рыцарь, на все готовый.  
; Отошел к двери, собираясь уйти, но вдруг обернулся.  
; - А еще, у меня такое впечатление складывается, что простер над тобой ангел свои крылья и находишься ты под его защитой. Ангел, а может и дьявол. Скорее - последний. Это я для того сказал, что бы ты, после всех моих разговоров и прогнозов на будущее, спала спокойно. Тебя они не касаются. Есть такая у меня

уверенность. Прощай!

; Дверь за ним закрылась.

; - Завтра ждите, - Ответила она Любе на вопрос относительно ее скорого возвращения. - Повезло! Хоть Новый год с вами встречу!

; Анна долго пыталась дозвониться до сестер Аркадия. Наконец телефонную трубку подняли.

; - Алло! Кого надо?

; - Беспокоит вас Анна. Вдова Аркадия Федоровича Иванова. С кем я говорю?

; - Говорите с Ольгой.

; - Я сегодня была в Павловском у Анны Ивановны. Очень она на меня тяжелое впечатление произвела.

; В трубке наступила тишина. Только где-то далеко слышались детские голоса, звон посуды. Наконец Ольга откашлявшись спросила:

; - Вы что, о наследстве что ль беспокоитесь?

; - Господь с вами! Какое наследство! Вы не волнуйтесь. Мне ничего не нужно. Просто переживаю я за Анну Ивановну. Вот и все.

; - А чего за нее переживать? Перевезем ее скоро к нам поближе. Занимаемся мы этим. Комната у нее будет. Подбираем в центре.

; - Вот это я и хотела узнать. До свидания.

; - Пойдите — Ольга опять покашляла в телефонную трубку. - Тетка говорила, что вы там в Москве в большом начальстве ходите. Может чем поможете на переезд?

; - Конечно помогу, дайте ваш адрес. - Согласилась Анна. - А дом вы правда продаете?

; Ольга повесила трубку.

; Нормальные отношения с родственниками покойного мужа у Анны никогда не складывались и вопрос, заданный ею о продаже дома в лучшую сторону не изменил.

;

; 1935 год

;

; Новый год ознаменовался двумя событиями. Во первых Левин заявил, что был вызван к Куйбышеву и в скором времени опять наденет военную форму. Глаза по этому поводу у него блестели. Казалось, что он даже ростом стал выше.

; Во вторых тридцатого числа раздался телефонный звонок и бодрый голос Григорича сообщил о том, что он вернулся в Москву и готов принять любое предложение Анны Андреевны по поводу встречи Нового года.

; Приезжайте к нам, - Предложила Анна. - Мы в этом году встречаем по-семейному.

; Григорич явился одетый в шикарный костюм и умопомрачительной расцветки, галстук. Он очень долго рассказывал о своих успехах, о том, как его ценит руководство и, он сделал длинную паузу, его направляют на работу за границу.

Сначала в Прагу, а потом в Германию.

; - Но это только на полтора - два года, - Торопливо пояснил он стараясь заглянуть Анне в глаза. - Никак не больше. Вы понимаете, как это важно?

; Все выразились в том духе, что это действительно важно.

; - Сто лет такой жених не нужен! - Прокомментировала эту новость Татьяна. - Он по заграницам будет шастать, а тут самое время уходит, а потом неожиданно предложила: - Тут у нас это метро открывается. Давайте лучше поедем на нем покатаемся. Люди говорят там такие дворцы по настроены, что и царям не снилось.

; А штаны запасные для Аркашки я с собой возьму, - Добавила она, вспоминая прошлый опыт попытки путешествия в троллейбусе.

; С утра ничего не предвещало беды.

; Ей так и не удалось выяснить чем вызван ее срочный отзыв из командировки. К руководству ее не вызывали. Куцый отчет о проделанной работе пришлось отправлять через канцелярию. Неожиданно в коридоре она столкнулась с Федором Матвеевичем, что раньше никогда не случалось и они весело раскланялись как добрые старые друзья.

; Настроение у нее было совершенно нерабочее. Анна зашла в буфет, но ей не повезло. Пирожки еще не привезли. Перекинулась двумя словами с буфетчицей о своих, о женских проблемах.

; Вернулась к себе в кабинет, но тут пригласили в хозяйственную часть и поинтересовались не заинтересована ли Анна Андреевна в санаторном лечении. Заинтересованность такую она немедленно высказала, но тут выяснилось, что она до сих пор не прикреплена к поликлинике.

; Естественно, что работники хозяйственного отдела пожурили ее и высказали ей, что она совершенно не заботится о своем здоровье

; Пришлось писать заявление.

; По дороге опять зашла в буфет и выпила стакан чая с пирожками. Успела войти в свой кабинет и сесть за стол как зазвонил городской телефон.

; - Анна Андреевна! Беда! - Хриплый голос у Левина рвался через какие-то помехи в телефонной линии. - Валериан Владимирович умер.

; У нее перехватило горло.

; - Когда?

; - Два часа тому назад.

; Почему-то пришла в голову мысль, что вот, вслед за Кировым - Куйбышев.

; Стало жутко.

; - От чего?

; - Пока ничего определенного, но предположительно — тромб.

; Они медленно шли за урной в направлении Красной площади. Анна с Любой плакали.

; Выступали люди. Говорили разные слова. К Анне подошел распорядитель.

; - Вы хотите выступить?

; Анна отрицательно покачала головой.

; - Но помянуть товарища вы придете?

; На поминки она пошла с Любой. Веня идти отказался, сославшись на срочные дела.

; Анне пришла мысль, что со смертью Куйбышева она стала на этом свете в ряд крайних. Осиротела. Раньше она чувствовала, она знала, что есть у нее мощная опора, которая всегда придет на помощь, поддержит, даст верный совет. Теперь, эта опора исчезла. Главной в семье стала она. И в ответе она теперь и за Любу, и за Веню, и за Аркадия. Ох, как тяжело было у нее на сердце!

; Сколько лет было Валериану? Всего сорок семь. Как же он себя безжалостно тратил!

; Дома молча посидели на кухне.

; Анна поднялась со стула, вздохнула.

; - Давайте продолжать жить.

; Наступила весна. Весь апрель Веня мотался по северным гарнизонам, проверяя как ведет себя новая форма одежды. Вернулся в начале мая совершенно простуженный. Три дня, несмотря на уговоры женщин, ходил на работу, а затем слег с высокой температурой.

; По приказу Татьяны в квартире был объявлен карантин. Люба допускалась к сыну только после тщательной проверки и с обязательной маской на лице, что сначала пугала Аркадия, а потом приводила в восторг и он потребовал, что бы ему сшили такую же. Что было, немедленно, исполнено.

; Вечерами Анна пыталась скучать на кухне одна, о чем во весь голос постоянно упрекала зятя. Люба всячески старалась увлечь мать ее студенческими проблемами, Татьяна с подробностями рассказывала ей о своих рыночных и магазинных приключениях, Левин, хриплым голосом, пытался кричать ей из своей комнаты, что полностью осознает ущербность жизни тещи, виновником которой был он сам, Аркадий тащил на кухню все свои самые лучшие игрушки. Но, и это понимали все, разве все это могло заменить прелесть одной выкуренной папиросы вместе с любимым зятем.

; 15 мая ей позвонили из поликлиники и предложили в приказном порядке немедленно явиться на обследование, необходимое для получения путевки в санаторий.

; В этот же день зашел к ней профсоюзный деятель и предложил участвовать в полете самого большого самолета в мире «Максим Горький». Договорились, что ей дадут приглашение на полет утром 18 мая.

; 17 мая после длительного перерыва Анна и Веня сидели за столом на кухне и курили свои папиросы, стараясь направить дым в открытую форточку. Уложив Аркадия Люба и Татьяна присоединились к ним.

; - Вот теперь я вам всем кое-что такое скажу, а вы немедленно умрете от зависти!

; - Давай! - Согласились все. Делись своим счастьем, а иначе мы заклеим тебя

позором.

; - Завтра, - Начала Анна делая длинные паузы. - Я отправляюсь в полет на самом большом в мире самолете «Максим Горький». Вот!

; - Не верим! - Закричали домочадцы. - Докажи!

; - Пожалуйста, - Анна встала, принесла на кухню свою сумочку и стала в ней что-то искать.

; - Вы понимаете, какая оказия! Я оставила на работе приглашение. Это досадно! Мне придется рано лететь на работу, а то я не успею на свой рейс.

; Анна торопливо шла по коридору, соображая где она сможет найти таксомотор, что бы успеть на рейс самолета. Из двери кабинета Шкирятова вышла секретарь.

; - Ой! Анна Андреевна! Какое счастье, что я вас смогла перехватить. Матвей Федорович вас ищет. Идите, идите быстрее. Там новое руководство.

; За столом Шкирятова сидел лощеный брюнет всем своим видом показывающий, что он является здесь хозяином. Шкирятов примостился у приставного стола.

; - Вот, - сказал Матвей Федорович. - Анна Андреевна Иванова.

; - Много о вас наслышан, - звучным баритоном проговорил брюнет и встал из-за стола.

; - Здравствуйте, Лазарь Моисеевич, - Анна продолжала сто-ять в центре кабинета.

; Каганович весело рассмеялся. - Проинформированы были заранее или узнали меня?

; - Узнала. - Последний раз видела вас на похоронах Валерия Владимировича.

; Взгляд Кагановича посуровел, - Лучшие из лучших людей уходят.

; Минуту помолчали.

; - Что ж вы стоите, Анна Андреевна? Присаживайтесь.

; - Вы меня лишили большого удовольствия, - Анна поуднее устроилась на стуле, понимая, что уже опоздала на самолет окончательно и бесповоротно. Придется довольствоваться беседой с руководством.

; - Что за удовольствие? - Игриво поинтересовался Каганович.

; - У меня было приглашение участвовать в полете на самолете «Максим Горький».

; - Пусть у вас будет это последняя потеря в жизни. Сейчас мы поручим товарищам, что бы вам организовали приглашение на завтра. - Каганович посмотрел на Шкирятова.

; - Конечно, Лазарь Моисеевич! Мы непременно восполним Анне Андреевне эту потерю.

; - Как работается, Анна Андреевна? - Каганович оперся локтем о стол.

; Анна приготовилась к долгой беседе, стараясь выловить из вороха слов главные, ради которых ее и пригласили.

; Чего ради вновь назначенному руководителю ЦКК знакомиться с каждым

сотрудником отдельно? С другой стороны все возможно. Новая метла по новому метет.

; О его предшественнике Андрееве приходилось ей нена-роком слышать страшное. Не один раз она мысленно благодарила Шкирятова, что он не отпускает ее от себя. Как бы прикрывая ее о Андрея Андреевича

; Уже в конце разговора Шкирятов поведал новому начальству о совершенно восхитительном почерке, которым обладает Анна Андреевна.

; - Совершенно уникальное явление. - Матвей Федорович открыл ящик стола и достал бумагу. - Вот, посмотрите. Это отчет Анны Андреевны по делу убийства товарища Кирова.

; Коганович с интересом углубился в изучение документа.

; - Что ж, - резюмировал он. - Очень красиво, но главное грамотно и с пониманием происшедшего составлен документ.

; Анна подумала, что вполне возможно, что ради этого документа ее и пригласили и сейчас начнется самое главное.

; Но она ошиблась. Неожиданно Каганович заговорил о другом.

; Как бы ненароком Лазарь Моисеевич поинтересовался давно ли Анна Андреевна виделась с Иосифом Виссарионовичем.

; - Недавно, - сказала Анна, - Пятнадцать лет исполнилось со дня смерти моего мужа. Собрались те, кто отбывал ссылку в Нарыме. Вот Иосиф Виссарионович тоже там был.

; - Он близко знал вашего мужа?

; - В Нарыме он бывал у нас практически каждый вечер. Аркадий Федорович занимался с ним и со мной русским языком.

; Выйдя в коридор Анна лицом к лицу столкнулась с Потаповым.

; - Вы? - У Потапова был такой вид, как будто он столкнулся с приведением. - Вы же должны были лететь?

; - Должна, - Согласилась Анна, - Но у начальства на сегодняшний день были другие планы.

; - Вы будете вечной должницей Шкирятова. Вечной! - Крикнул Потапов. - Он спас вас от смерти.

; - Каким образом? - поинтересовалась Анна, не воспри-нимая еще происходящее серьезно.

; - Пол часа тому назад «Максим Горький» разбился. И вы должны были отправиться к праотцам вместе со всеми, кто там был.

; Ноги у нее подкосились и ей, что бы не упасть, пришлось облокотиться на свой любимый подоконник. Через минуту она рванулась обратно в кабинет Шкирятова. Секретарь пыталась ее задержать, но тщетно.

; Каганович и Шкирятов обсуждали какую-то важную проблему, как дверь в кабинет со стуком распахнулась и на пороге возникла Анна Андреевна. С трясущимися губами она подошла к маленькому столику на котором стоял графин с водой и стакан, налила себе воды и в изнеможении села на стул.

Стакан ходуном ходил в ее руках выплескивая воду на пол.

; - Что происходит? - В недоумении спросил ее Каганович.

; - «Максим Горький» разбился. - Это единственное, что смогла выговорить Анна.

; Шкирятов схватился за телефонную трубку и одновременно крикнул секретарю: - Нашатырь ей дайте!

; - Не надо, - сквозь зубы сказала Анна и поставила стакан на место. - Прошу меня простить за неподобающее поведение. - И вышла из кабинета, аккуратно закрыв за собой дверь.

; - Во, баба! - С восхищением проговорил Каганович. - Другая бы тут в истерике валялась. Порасказывали мне о ней...

; Анна представила, что может сейчас твориться в доме.

; Домашний телефон постоянно был занят. К Анне в кабинет без конца заглядывали сотрудники и поздравляли со вторым рождением.

; Наконец ей удалось попасть в паузу между частыми гудками и как следует отругать Татьяну за то, что та висит на телефоне без стыда и совести.

; Татьяна не сразу поняла с кем она разговаривает, а когда до ее сознания дошло, что на другом конце провода не дух бестелесный, а живая Анна закатила такой рев, который смог заглушить только Аркашкин дискант.

; С великим трудом нашли Веню, рванувшего на место катастрофы вместе с летчиком Юмашевым, жившим этажом выше и имевшем собственный автомобиль.

; Вечером долго молча сидели на кухне всей семьей. Только Татьяна периодически вздыхала и шепотом говорила, что Бог есть. А иначе как же?

; На следующий день на стенде в коридоре ЦКК появились семь фотографий сотрудников в траурных рамках, погибших на самолете «Максим Горький» Потом под фотографиями была прикреплена полочка и каждое утро на ней лежали свежие цветы. А еще через день на ее столе звякнул городской телефон и тут же замолчал.

; Уже имеющийся опыт подсказал Анне, что кто-то будет звонить ей по правительственной связи. Она даже не стала гадать, кто бы это мог быть. Единственный человек, пользовавшийся этой связью был Валериан Владимирович.

; - Был, - сказала сама себе Анна.

; В этот момент заверещал городской телефон. Она подняла трубку и кто-то, казенным голосом сообщил ей, что сейчас с ней будут разговаривать. Кто будет говорить — не уточнили.

; - Здравствуй, Анна! - раздался в трубке мягкий баритон с ярко выраженным грузинским акцентом.

; - Здравствуйте, Иосиф Виссарионович, - Голос у Анны чуть дрогнул.

- Проинформирован о твоём чудесном спасении. Долго будешь жить, дорогая! Очень долго! Что Аркадий свое не дожил - на твой век прибавится. Есть у нас

такое поверье.

- Спасибо, Иосиф Виссарионович!

- Чем помочь тебе?

Анна на секунду задумалась и совершенно спонтанно выпалила:

; - Памятью!

; Услышала или вернее почувствовала как усмехнулся собеседник.

; - Хорошо сказала, дорогая. Еще раз подтвердила мое мнение о тебе. Твою просьбу постараюсь исполнить.

; Ей еще раз показалось, что на том конце линии усмехнулись.

; В трубке послышались короткие гудки.

; Она не успела повесить трубку, как в дверь решительно постучали и, не дожидаясь ее ответа, в кабинет вошел Шкирятов.

; Анна встала. Федор Матвеевич замахал руками.

; - Да что вы, Анна Андреевна! Сядьте, ради бога. К вам тут целое паломничество с поздравлениями о чудесном спасении, так я решил не отставать от коллектива. Лазарь Моисеевич передал мне, что в Кремле зашел разговор об этом событии.

; - Я знаю, - Анна положила руку на телефонный аппарат, - Только что звонил Иосиф Виссарионович. Поздравлял.

; - Ну, вот, - Федор Матвеевич направился к двери. - Очень рад за вас.

Анне подумалось, что на один день сенсаций получился переизбыток.

; Следующее утро началось тоже с сенсации.

; - Сегодня меня к ужину не ждите. Буду поздно. - заявил Левин, поцеловал просыпающегося Аркадия, обнял жену и направился было к выходу.

; - Объяснись! - потребовала Люба, удерживая Веню за галстук. - Пожалуйста побыстрее. У меня сегодня практические занятия.

; - Придется потерпеть до вечера. Ты в приметы веришь? - Поинтересовался Левин освобождая галстук из рук жены

; - Нет! - Отрезала Люба. - Выкладывай!

; - А вот и напрасно! - Татьяна поддерживала сопротивляющегося Аркадия решившего самостоятельно выбраться из кровати и продолжала: - Приметы это первое дело! Иди, Венечка, и никого не слушай. У нас в Томске был один звонарь...

; Но рассказать жуткую историю про томского звонаря она не успела. Аркадий рванулся из ее рук, перевернул ночной горшок и, что бы оттянуть наказание, забрался под кровать.

; Ах ты, - Татьяна пыталась вытащить его от туда, - Забыл, что у тебя пониже спины находится? Марш умываться! Иш, надулся как мышь на крупу!

; Заглянула Анна. - По какому поводу веселье?

; - Муж решил загулять и, как честный человек, предупредил об этом. - Люба надела берет и стала вертеться около зеркала. - Я решила - пусть погуляет.

; - Правильно! - Согласилась с ней Анна, тщетно пытаясь оттеснить дочь от

единственного зеркала. - У каждого человека должен быть отдых.

; - Это от кого он должен отдыхать? - Возмутилась Люба.

; - Привет, девочки! Разберитесь на досуге о моих правах и обязанностях. - Левин помахал рукой женщинам. - До вечера. Обязательно дождитесь.

; Наступил вечер. Зажглись разноцветные окна в доме напротив. Какого цвета абажур висит в комнате, таким цветом и окно светится.

; - Сколько же его ждать? - Татьяна который раз ставила кипятить воду в чайнике.

; Наконец зазвенел звонок на входной двери.

; - Это не он. - Зевнула Люба. - У Вени же ключи.

; Татьяна подошла к двери

; - Кто там?

; В ответ послышалось что-то нечленораздельное.

; Татьяна открыла дверь. Перед нею стоял человек в военной форме с большим чемоданом стоящим у его ног.

; - Вам кого? - Спросила было Татьяна и всплеснула руками. - Господи, Веня!

; - Так точно! - Ответил военный, - Комбриг Левин прибыл для дальнейшего прохождения счастливого проживания среди самых любимых женщин на этой земле. Разрешите войти?

; Конечно ему разрешили войти. Да что там разрешили! Его просто втащили вместе с чемоданом и стали поворачивать то в одну сторону, то в другую, что бы рассмотреть его как следует.

; - Свершилась мечта? - Спросила Анна.

; - Да! - Счастливо улыбаясь ответил Веня.

; - Кто ж ты теперь, муж мой и можно ли мне стоять рядом с тобой или только издали любоваться?

; - Любоваться мною можно с любой дистанции, - Милостиво разрешил Веня. - А теперь я начальник планово-экономического Управления Наркомата оборонной промыш-ленности.

; - Это то, о что задумал Валериан Владимирович? - Спросила Анна.

; - Да.

;

; 1936 год

;

; С уходом Андреева и приходом на его место Кагановича режим в ЦКК несколько не изменился. Как и было принято, коллектив собирался вместе только по поводу партийных собраний и хождение по кабинетам коллег не приветствовалось.

; Единственным местом, где случайно можно было услышать об очередных сенсационных событиях был буфет. Чуткое ухо иногда ловило произнесенную чуть громче фразу, предназначенную только собеседнику.

; Анна стояла в очереди ожидая, что вот-вот начнется продажа долгожданных

пирожков.

- ; Мне подтвердили, - слышалось за ее спиной чуть слышный шепот. - Этот Шейнин оказался врагом народа.
- ; Ей потребовалось определенное усилие, что бы сдержаться и не обернуться.
- ; Конечно, это могла быть обыкновенная сплетня. А как проверить? Могут написать в газетах. О некоторых процессах публиковали развернутые отчеты. А могут и промолчать. Не та фигура. Был человек и нету.
- ; Но похоже на правду. Лев Романович на язык был неводержан и, возможно, не только с ней. То, что она воспринимала как обыкновенном нитье излишне впечатлительного человека, могло, действительно, оказаться, доходившей до него, информацией, которая соответствовала действительности.
- ; Если так, то каково ему было жить, постоянно чувствуя над собой занесенный меч? Действительно можно было рехнуться. И запасной аэродром помочь не мог.
- ; Неожиданно она получила косвенное подтверждение ареста Шейнина совсем из другого источника.
- ; Позвонил Готман и пригласил в гости. Договорились, что он их встретит у метро. В связи с развернувшейся грандиозной стройкой Дворца Советов пройти к их дому оказалось не таким уж простым делом.
- ; У Левина с Любой в это воскресенье был заранее запланирован поход в театр с Аркадием. Во МХАТе давали «Синюю птицу».
- ; Готовились к этому мероприятию задолго. Начинаящему театралу был сшит в ателье, специально для дебюта, коричневый костюм из вельвета с белоснежным жабо.
- ; Люба весь вечер накануне провела в парикмахерской и явилась домой с такой прической, что старалась незаметно проскользнуть в свою комнату, но была остановлена. После недолгих дебатов между Татьяной и Левиным, несмотря на поджатые губы Анны, прическа была оценена по достоинству.
- ; Левин категорически отказался от штатского костюма. Сверкал начищенными сапогами и скрипел новым ремнем и портупеей.
- ; Женщины единогласно решили, что это мальчишество.
- ; В назначенное время прибыл таксомотор. Аркаша настоял на том, что он должен сидеть на переднем сидении рядом с шофером. Сошлись на том, что он будет сидеть на руках у отца.
- ; Анна поехала к Готману одна. Елизар Вениаминович встретил Анну около станции метро. Путешествие до дома, где жили Готманы было действительно не простое. Им пришлось переходить по шатким мосткам через траншеи, обходить стройку. проходными дворами. Ей вспомнились деревянные тротуары Сибири.
- ; - Чудеса, - Занимал ее Готман по дороге разговором. - Пригласили меня для консультации в одну солидную типографию.
- ; Повели они меня после консультации показать производство. Зашли в один цех. Смотрю готовую продукцию в «лапшу» режут. Подвозят целые стелажы

полные продукции и режут. Тираж, видно, был приличный.

; Я их спрашиваю, что мол, набраковали? Они меня скоренько под руку вывели от туда и в объяснения не вдавались.

; Ничего особенного в этом не было. Брак — факт неприятный и чужой глаз здесь явно лишний. Потом мне один товарищ по секрету проинформировал, что уничтожался тираж книги написанной врагом народа. Его одновременно и издали и арестовали.

; - А что за писатель? - поинтересовалась Анна.

; - Я не знаю, - Признался Готман. - Книга что-то про милицию. Обложка яркая. Похоже, что бульварное чтиво. Может и ерунда это, но меня как-то покорило. Сколько труда положено и под нож.

; - Под нож, - Повторила Анна.

; - Что? - Не расслышал Готман.

; - Я говорю, что ты мне об этом рассказал, а другим не обязательно, - посоветовала Анна.

; - Это я понимаю, - Кивнул головой Готман

; Родители специально дождались ее возвращения, не смотря на позднее время. Перебивали друг друга, размахивали руками, пытались даже разыграть целые сценки, больше всего поразившие начинающего театрала.

; - Он все понял. Вел себя примерно. Больше всего его поразило, как Сахар ломал свои пальцы, - Доложили Анне гордые родители. - А в следующее воскресение мы идем на футбол, - Безапелляционно заявил Левин. - Человек должен развиваться всесторонне.

; - Без меня, - Также безапелляционно заявила Татьяна. - Это все мужские глупые штучки.

; - Какие штучки? - Возмутился Левин. - Этим болеет весь мир.

; - Раньше, когда мужикам делать было нечего они пили водку. Что бы весь разум не пропили им придумали этот футбол. Виданное ли дело, взрослые мужики мяч пинают! Потому я и говорю, - Закончила Татьяна, - глупые штучки.

; Спор разгорался.

; Спустя неделю торжествующий Левин вопрошал воздев руки к потолку кухни:

; - А кто кричал громче всех на трибуне? Кто требовал «судью на мыло»? Кто только что учился в ванне свистеть в два пальца? Отвечаю во всеуслышание — Татьяна. Сын, подтверди!

; Усталый Аркаша сидел на табуретке и клевал носом.

; Татьяна молча помешивала картошку на сковороде и улыбалась.

; Улыбалась и Анна сидя рядом с Аркашей. Глаза ее были закрыты. Ей вспоминалось, как она молодая-молодая в белом платье стоя ехала в открытой машине с развевающимся красным флагом в руках. Вот они с Василием въезжают на стадион и люди на трибунах в полной тишине встают встречая их.

; - Ты о чем, ма?

; - О прошлом.

- ; Анна открывает глаза, проводит ладонью по лицу, словно стирает воспоминания и говорит мечтательно:
- ; - Совсем другой футбол я видела в совсем другой жизни.
- ;
- ; 1937 год
- ;
- ; Заканчивался январь
- ;
- ; Недели за две до Нового года за ужином Анна рассказала, что видела в магазине на Сретенке изумительные книжные шкафы. С ее точки зрения надо поднатужиться и купить их.
- ; Не дело, что книги стопками стоят на письменном столе, лежат в сундуке, даже на нем. А полное собрание произведений Льва Николаевича Толстого, которое она с таким трудом достала, пришлось сложить на пол. Правда предварительно подложив газету.
- ; Единогласно решили купить шкафы.
- ; Люба отказалась от нового зимнего пальто, Анна от резиновых ботишков с красной фетровой подкладкой, Татьяна согласилась, что пока без нового постельного белья она с трудом перебеется. Веня высказал мысль, что если найти его сапоги, которые в прошлом году собирались выбросить и починить их, то...
- ; Короче, деньги для покупки шкафов удалось наскрести.
- ; Сказано — сделано! В один прекрасный воскресный день рабочие внесли пять книжных шкафов, каждый из которых состоял из восьми полок. Стеклянные дверцы поднимались вверх и плавно уходили в глубину полок, открывая доступ к книгам.
- ; Шкафы решено было поставить в большую комнату, но сразу все они туда не помещались.
- ; По этому поводу Татьяна высказала, что с ее точки зрения, сначала надо было все промерить, а потом уже покупать.
- ; В конце концов все образовалось. Что-то передвинули, что-то переставили. Наконец шкафы встали на свои места и все дружно стали расставлять в них книги.
- ; В первый шкаф поставили полные собрания Ленина, Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Затем наступила очередь Большой Советской и Военной энциклопедиям. Встали стройными рядами на полках классики и, наконец последний шкаф, заполнился детской литературой.
- ; Это сколько же мне работы пыль на них вытирать! - Охнула Татьяна.
- ; - Не волнуйся — Успокоили ее все. - Мы тебе поможем.
- ; Вернувшись однажды из института Люба застала Татьяну сидящую на полу около книжного шкафа с детской литературой. Рядом с ней лежала тряпка. В руках у крестной была раскрытая книга.

; - Очень интересно, - Прокомментировала Татьяна.  
; Люба посмотрела на обложку.  
; Р. Д. Киплинг «Рики Тики Тави».  
; Однажды на вечерних кухонных посиделках Татьяна заявила, что ей необходима настольная лампа.  
; - На кухню вечером мне не пробраться. Вы тут все заполонили. Верхний свет я зажигать не могу. У меня ребенок спит. А повышать свой культурный уровень я должна. Вон, у «Трех мушкетеров» буквы такие, что без света мне хоть очки покупай.  
; - А это все взаправду было или выдумки? - Поделилась она своими сомнениями по поводу творчества Дюма.  
; К Новому Году Татьяна получила, как она выразилась, самый буржуйский подарок. В ее комнату поставили маленький круглый столик на котором красовалась лампа с большим желтым шелковым абажуром. Рядом со столиком стояло кресло.  
; С этой минуты Аркадий засыпал только под Татьянино чтение.  
; - Господи! - Вздыхала Люба. - Вы послушайте, какие книги она ему читает!  
;  
; Заканчивался февраль.  
;  
; В хозяйственной части Анне предложили снять на лето дачу в Серебряном Бору. На семейном совете все дружно проголосовали «за». Великолепный сосновый бор, пляж и от Москвы рукой подать.  
;  
; Заканчивался март.  
;  
; Погода, на редкость стояла теплая. Снег весь сошел. Кое где зазеленела трава. В воскресенье поехали смотреть дачу. Дом был большой, двухэтажный с печками в каждой комнате и открытой верандой на втором этаже.  
; Все дружно решили, что ждать нечего, а надо на следующей неделе переезжать. Даже Татьяна не возражала, несмотря на отсутствие в доме ванной и наличие дровяной плиты.  
; - Всю жизнь на дровах готовила, - Заявила она решительно. - Чай не умерла.  
; - Вень! - Крикнула она. - Дрова то колоть умеешь?  
; - Колка дров входила в боевую подготовку войск на Туркестанском фронте. - Сообщил ей Левин.  
; Серебряный Бор оказался островом. С трех сторон его окружала лука Москвы реки, а с четвертой — русло только что прорытого канала. Здесь начался канала Москва — Волга.  
; Улица, на которой находилась дача, заканчивалась на высоком берегу. Сидеть на краешке обрыва, где была врыта в землю большая скамейка, стало любимым занятием для Вени и Аркаши.

; Каждый вечер сын с нетерпением ждал приезда отца. На скорую руку поужинав, Левин выносил на дорогу купленный детский двухколесный велосипед. Аркаша гордо сел на него. Веня придерживал его сзади за край седла и сын ехал до конца улицы, а Веня согнувшись, бежал за ним.

; И так несколько раз, пока Левин с трудом, стараясь не охнуть, разгибался, растирал затекшую спину, а Аркадий, глядя на него, милостиво заявлял, что тоже устал.

; Тогда они шли не дачу, ставили велосипед в прихожей, и отправлялись в конец улицы на свою скамейку у края обрыва. Веня начинал отвечать на бесконечные «почему» сына. Потом к ним присоединилась Люба, принесла с собой одеяло, на котором сидеть было гораздо удобнее.

; Солнце садилось за горизонт. Становилось темно. Татьяна выходила из калитки и кричала им, что ребенку давно пора спать.

; Веня и Люба уводили сына, укладывали его и возвращались на свое любимое место.

;

; Заканчивался апрель.

;

; В воскресенье Левин с Аркашей поехали на детский утренник, посвященный празднику Первого мая, в клуб Наркомата.

; При входе в клуб всем детям давали подарки. Аркадию досталось ружье, стреляющее деревянными палочками с резиновыми наконечниками.

; Веня показал сыну как это ружье заряжается и стреляет. Они немного потренировались и сын гордо ходил с ним по фойе.

; Потом всех детей пригласили посмотреть спектакль, а взрослых попросили подождать пока кончится представление посвященный борьбе славной Красной Армии с Белыми бандитами.

; Дети ушли в зал, а взрослые сели на стулья в фойе и стали разговаривать на различные темы, ожидая конца представления.

; Прошло некоторое время и дверь в зал отворилась и оттуда вышел распорядитель праздника. Одной рукой он держал Аркадия, а во второй руке у него было ружье и палочка с резиновым наконечником. Из зала слышался веселый детский смех. Точнее было бы сказать, что зал ликовал.

; - Вот, - сказал распорядитель, подводя Аркадия к Вене. - Ваш сын выстрелил в артистов и сорвал спектакль.

; - Я в белых — Уточнил Аркадий.

; - Попал? - Строго спросил его Левин.

; Аркадий тяжело вздохнул и сказал, что попал в одного.

; - Я разберусь с ним, - заверил Левин распорядителя. - и они поехали домой.

; - Что же ты, братец, натворил! - Строго спросил Веня сына.

; - Так я же в белых, - Резонно возразил тот и отобрал у отца ружье и палочку с резиновым наконечником.

- ; - Только не стреляй по дороге, – Предупредил Левин сына.
- ; - Что я, маленький! - Возмутился Аркадий.
- ;
- ; Заканчивался май.
- ;
- ; Всей семьей поехали провожать Анну в санаторий. Веня повел Аркадия посмотреть на паровоз.
- ; Аня, Люба и Татьяна остались у вагона, в котором должна была ехать Анна и вдогонку заявили Левину о том, то что он делает - непростительная ошибка.
- ; Как в воду глядели! Все, заранее отрепетированное, торжество проводов пошло насмарку. Сына невозможно было оторвать от паровоза. Не подействовал даже такой, казавшийся убедительным, довод, что надо помахать Анне рукой.
- ; - Я отсюда буду махать, - нашел выход из создавшегося положения Аркадий.
- ; Наконец зазвонил колокол, засвистел свисток дежурного по станции. К неописуемому восторгу Аркадия паровоз выпустил струю пара и состав тронулся.
- ; Письма Анне писали почти каждый день и в каждом передавали просьбу Аркадия, что бы она приезжала как можно быстрее. Ему очень хотелось еще раз увидеть паровоз.
- ;
- ; Закончился июнь.
- ;
- ; К вечеру дача наполнилась военным народом. Праздновали присвоение очередного звания Левину. За столом было шумно. Все по очереди поднимали тост за нового комкора.
- ; Анна опоздала к началу торжества. Вошла в столовую и погрозила Вене свернутой газетой. Тот счастливо засмеялся и пододвинулся в сторону, освобождая место для нее рядом с собой.
- ; Все гости дружно встали и заявили, что теперь необходимо выпить за женщин, потому, что женщины это тыл, а без тыла армии быть не может.
- ; - Что ж ты мне ничего не рассказывал? - Строго спросила Анна, вернувшегося после провода гостей, Левина.
- ; - Чепуха! - Беспечно сказал Веня. - Наступил на хвост одному щелкоперу. В следующий раз будет думать прежде чем когонибудь укусить.
- ; - Поподробнее! - Сказала Анна и Левин с удивлением посмотрел на нее. Таким тоном теща с ним никогда не разговаривала.
- ; - Да, по сути, яйца выеденного эта история не стоит. На совещании в СНК, при обсуждении итогов первого пятилетнего плана, я сказал, что отчет по одному из разделов легкой промышленности - «Филькина грамота». Все со-гласились, кроме тех, конечно, кто эту справку делал.
- ; Через день в «Правде» целая статья появляется и там черным по белому

пишется, что я назвал «Филькиной грамотой» весь пятилетний план. Как это вам понравится?

; - Прозевала я эту статью, - Анна взяла Веню под руку. - И статья эта мне очень не нравится и скорость, с которой она появилась, тоже. Насколько я в этой жизни понимаю, статью опубликовали с чьей-то подачи, по чьему-то указанию. Писавший ее - простой исполнитель.

; - А мне плевать, простой он исполнитель или нет! Прохвост он простой! - Левин поднял руку со сжатым кулаком. - Только я его так прижал, что пищал он по крысиному и клялся, что напишет всю правду. В этой газете, что вы принесли — опровержение той статьи? Так?

; - Так, - Согласилась Анна. - Только опубликовано опровержение на третьей полосе, занимает оно всего пять строк в самом низу и мелким шрифтом.

; - Подонки! Как же вы углядели ее? - Удивился Левин.

; - А я и не углядела. Ко мне сотрудники пришли и показали. Даже один экземпляр газеты подарили со значением. Вроде как бы преподнесли.

; - С каким значением? - Не понял Веня.

; - Ладно, герой! Пойдем спать. Вон жена уже беспокоится куда мы делись.

;

; Заканчивался июнь.

;

; Сердце колотилось как барабан. Противно подрагивали руки. В горле пересохло.

; Анна заставила себя встать, налить в стакан воды. Посидела немного.

Прислушалась как стучит сердце. Ей подумалось, что так и умереть недолго.

; Наконец удалось взять себя в руки. Анна приказала себе успокоиться.

; Снова пододвинула к себе только что прочитанное дело.

; Письмо пришло от делегата конференции Свердловского областного партийного актива. В нем сообщалось, что выступивший на конференции член Верховного суда СССР и член Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна Сольц А. А. обвинил руководство ВКПб в политике неоправданных репрессий и потребовал создать специальную комиссию по расследованию преступной деятельности Генерального Прокурора СССР Вышинского.

; Он доложил конференции, что в результате масштабной проверки тюрем и лагерей комиссией Верховного Суда СССР выявились тысячи сфабрикованных дел заведенных на совершенно невинных людей. В результате этой работы - невинно осужденные люди освобождены.

; Первое, что она вспомнила, как при их последней встрече Сольц сказал, что надо начинать войну. Еще он тогда сказал: «Абрек».

; Анна вспомнила длинного, узкоплечего, неуклюжего, неряшливо одетого в истертый полушубок с грубо пришитыми заплатами, в растоптанных, кое как подшитых, валенках Сольца с взлохмаченной шевелюрой что-то настойчиво требующего от Нарымского исправника и, как такой же высокий, но мощный,

широкоплечий, одетый в меховую шубу всеильный хозяин над ссыльными, согласно кивал головой, а Сольц медленно поворачивался и, махнув рукой, гордо удалялся, сопровождаемый восторженными взглядами товарищей.

; Он всегда добивался правды. И в суде, и в конфликтах с полицией.

; Удивительно то, что первое впечатление о нем, как о Дон Кихоте, которое он производил на новых знакомых, быстро исчезало. Каждое дело, за которое он брался, заканчивалось так или иначе, его победой.

; Но это было давно.

; С делом на Сольца она пошла к Шкирятову. Тот даже не стал открывать папку и избегая взгляда Анны спросил, что по ее мнению следует делать.

; - Я предполагаю, что Свердловская областная конференция не первое мероприятие и не последнее, где член Верховного Суда СССР высказывает публично свое мнение по различным вопросам. - Анна изо всех сил старалась выглядеть спокойной.

; - Абсолютно уверена, - Продолжала она. - Так как хорошо знаю товарища Сольца по ссылке, что его точка зрения известна членам Политбюро не из каких либо источников, а от него лично.

; - Так все таки, что вы предлагаете делать? - Снова спросил Шкирятов.

; - Я бы доложила об этом сигнале руководителю ЦКК.

; Шкирятов барабанил пальцами по столу.

; Анна была абсолютно уверена в том, что Федор Матвеевич знает о дружбе Сталина с Сольцем. Отношения этих людей знало большинство членов партии.

; Анна вздохнула полной грудью,

; - Неужели он предложит докладывать это дело Кагановичу мне? - пришла в голову Анне дикая мысль. - Кем же он тогда будет выглядеть в глазах того же Кагановича? Или они о чем-то договорились и по этому подсунули это мне?

; - Вы свободны, Анна Андреевна.

; Шкирятов взял папку с делом Сольца и вышел из кабинета вслед за ней.

; Выйдя с работы и пройдя половину пути Анна сообразила, что идет на городскую квартиру.

; На Сретенке она зашла в павильон таксофонов. По стенам помещения стояли кабинки с телефонными аппаратам.

; Анна зашла в самую дальнюю кабинку и закрыв за собой плотно дверь набрала сначала телефон дачи. Подошла Люба.

; - Меня сегодня не ждите. Я заночую в городе.

; - Что случилось, мама? - Забеспокоилась Люба. - Может быть Веня за тобой заедет?

; - Не надо.

; Анна набрала второй номер и с замиранием сердца стала слушать длинные гудки, ожидая, что кто-нибудь на том конце провода поднимет трубку. Наконец с облегчением она услышала бодрый голос Сольца:

; - Алло! Я слушаю.

; - Здравствуйте Арон Александрович!

; - Здравствуй, здравствуй! - Перебил он ее. - Очень рад тебя слышать. У вас все в порядке?

; - Да. Я...

; Он снова не дал ей продолжить фразу и она поняла, что он не хочет, что бы она называла себя.

; - Ты уж извини меня, девочка, мне сейчас очень некогда. Будь умницей и здоровья тебе и всем твоим. Немного освобожусь и позвоню тебе. Извени.

; В трубке раздались короткие гудки.

;

; Заканчивался июль

;

; - Никаких планов на воскресенье, - Распорядился Левин, - Лечь всем в субботу пораньше, так как вставать придется рано.

; - А что будет? - шепотом, что бы никто не слышал, спросил Аркаша у отца.

; - Это для всех сюрприз, - отрезал Веня. - Наберитесь терпения. Единственное, что могу сказать — приготовьте чтонибудь теплое. Ну, там кофточки или еще что. Вы уж сами разберитесь.

; В воскресенье рано позавтракали и отправились в путь.

; Машина свернула с Ленинградского шоссе в парк на прямую узкую дорожку в конце которой виднелось белоснежное здание напоминающее пароход с высокой башней, увенчанной большой красной звездой, такой же как на Кремлевских башнях. Вдоль фасада здания шли террасы, словно палубы корабля.

; Веня поставил машину на площади и они пошли к входу в здание. Миновали зал с высоким потолком и отделанными мрамором стенами и колоннами.

; - Как в метро! - Восхитилась Татьяна.

; Через высокие двери вышли на противоположную сторону и перед их глазами открылось широкое водное пространство и белоснежные корабли, стоящие у причала или только что отошедшие от него и отправлявшиеся в путь.

; - Мы поедem на корабле? - С восторгом спросил Аркаша?

; - Обязательно! - Подтвердил Веня

; - А на каком? - Спросил сын с надеждой в голосе. Вот на том? - И он указал на самый большой теплоход.

; - Нет, - Огорчил его Веня. - Наш теплоход называется «Леваневский». - Он конечно поменьше немного, но зато самый быстрый.

; - Самый, самый!

; - Конечно! Зачем нам на медленном плыть?

; Сын согласился, что на медленном плыть не интересно.

; Они спустились по широкой лестнице к причалам, пересекли широкую площадь и стали искать свой теплоход.

; Неожиданно Аркадий вырвался из рук отца и с победным воплем

«Мороженное!» рванул назад через площадь. С края лестницы, по которой они только что спустились, стояла, знакомая ему еще по зоопарку, тележка под цветным зонтиком. Вокруг не виляла солидная очередь .

; - Стой! - Закричал Веня. - Машина! - И кинулся вслед за сыном.

; Из очереди, стоящей за мороженым, наперерез выехавшей из-за угла здания грузовой машины выбежал человек в военной форме и подхватил Аркадия на руки.

; Заскрипели тормоза. Из кабины автомобиля выскочил шофер и, размахивая руками, стал кричать на всю площадь, что детей держать надо крепко, а мороженное от сюда убрать немедленно, что ездить совершенно невозможно и нервов никаких не хватает!

; - Держите крепче, товарищ комкор, - Поймавший Аркадия военный передал его Вене. - Сын?

; - Сын! - С гордостью подтвердил Веня. - Спасибо вам товарищ комполка.

; - Не за что! - Военный обернулся к подбегавшим к ним Анне и Любе. Сзади семенила Татьяна. - Жена ваша? - спросил он у Вени качнув головой в сторону Анны.

; - Не угадали, - Засмеялся Веня и шепотом пояснил. - Теща.

; Военный медленно подошел к Анне и взял ее за руку.

; Люба, и Веня очень удивились такой фамильярности. А Таня вдруг открыла рот и сказала: «Ой! Мамочки! Святые угодники!»

; Военный держал Анну за руку, а та и не собиралась ее у него отнимать. Просто ужасно покраснела.

; - Здравствуйте, Анна Андреевна! - Сказал военный. - Вы все от меня бегаете. То в Кольчугино, то в Павловск, то за границу укатили. А вот поди, судьба какая, внук ваш расстарался — встретились!

; Он повернулся к Левину.

; - Разрешите представиться. Родюков я, Юрий Алексе-евич.

; Они обменялись рукопожатиями.

; - Мы пойдем на теплоход, - Сказала Люба. - Ма! Догоняй нас.

; - Догоню, - Успокоила Анна дочь. - Здравствуйте Юрий Алексеевич. Очень рада вас видеть в здравии и в успехе. - Она дотронулась пальцем до петлиц на его гимнастерке.

; - Юра! - Донесся капризный женский голос из очереди за мороженым. - Ты скоро там?

; Лицо у Родюкова дернулось.

; - Вы мне разрешите вам позвонить, Анна Андреевна?

; - Зачем? - Анна оглянулась и махнула рукой Любе. - Я сейчас!

; - Вы неправильно все поняли, - Родюков кивнул головой в сторону очереди. - Это совершенно не то, что вы подумали.

; - Позвоните, - Пожала плечами Анна. - Номер телефона вы можете найти в городском справочнике.

; - Вы по прежнему Иванова?  
; - Да.  
; - Вернусь — позвоню. А вы молитесь, что бы вернулся. Срдюков еще какое-то время молча держал Анну за руку.  
; Они стояли и смотрели друг на друга. Наконец он мягко отпустил ее руку и повернувшись, не оглядываясь пошел к тележке с мороженым.  
; - Ма! Это кто? И чего ты все время улыбаешься?  
; - Это, дочь, фантастика!  
; Теплоход медленно отвалил от стенки. Гремела музыка.  
; Они плыли и теплоход выходил то на ширину водной глади и берега уходили вдаль, то втискивался в узкий канал с высокими, выше мачты теплохода, берегами.  
; Люба с Веней подошли к ней, стоящей у перил палубы, но посмотрев на выражение ее лица тихо отошли и строго на строго приказали Аркаше не мешать Ане.  
; - Посмотри, - Веня обнял жену. - Ты только посмотри какая у нас красивая Анна.  
;  
; Заканчивался август  
;  
; Аркашу покормили ужином. Вечер был холодный. Ветер дул какой-то пронизывающий. Гулять не пошли. На таком ветру на обрыве не посидишь.  
; Веня запаздывал и Татьяна ворчала, что мол мог бы предупредить по телефону, а не заставлять людей ждать.  
; Приехала Анна. Почему-то не стала переодеваться. Люба бродила по участку как неприкаянная.  
; Ты чего? - Спросила ее Анна.  
; - Вот чего, - Срывающимся голосом вдруг крикнула Люба и указала ей на две черные машины, подъезжавшие к их калитке.  
; Из машин вышли люди в военной форме и, по хозяйски открыв калитку, направились в их сторону.  
; - Кто из вас Иванова Анна Андреевна?  
; - Я, - сказала Анна.  
; - Возьмите ключи от вашей городской квартиры и идите, садитесь в первую машину.  
; - Вещи брать? - Спросила Анна того, кто командовал, решив, что он старший.  
; - Нет, - Усмехнулся тот в ответ. - Только ключи.  
; - Могу проститься?  
; Старший внимательно посмотрел на Анну, словно вспоминая данные ему инструкции и вежливо ответил, что не обязательно.  
; - А там, как хотите. - Добавил он.  
; Анна поднялась в свою комнату, взяла сумочку, по дороге поцеловала Аркашу

и Татьяну, сидевшую на кухне с трясущимися руками, подошла к Любе.

; - Все будет нормально, дочь!

; Люба усмехнулась

; - Куда уж нормальнее!

; Поцеловались и Анна пошла к калитке. Через окно машины увидела, как Люба в сопровождении оставшихся военных, поднявшись по ступенькам лестницы, обернулась и смотрела как разворачивается на узкой дороге машина в которую села мать.

; В машине находились еще двое военных. Всю дорогу ехали молча. Охранник у ворот дома распахнул перед ними калитку. Молча проследовали по двору.

Поднялись на третий этаж. Анна вставила ключ в замочную скважину изо всех сил стараясь, что бы рука не дрожала, открыла дверь .

; За ней в квартиру вошли двое и предъявили ей ордер на обыск.

; - Где ваша комната?

; Анна жестом показала.

; Вошли, мельком оглядели. Ничего не тронули. Перешли в большую комнату. Увидев книжные шкафы полные книг, тот, что помоложе, грязно выругался и, неожиданно, извинился.

; - Оружие есть?

; - Нет.

; Начался обыск.

; - А где понятия? - Спросила Анна.

; Обыскивающие усмехнулись и пожали плечам.

; Они тщательно просматривали каждую книгу, каждый альбом, выдирая фотокарточки, где был изображен Левин. Фотографии складывали на стол. Анна исхитрилась и ей удалось спрятать несколько фотографий под скатерть, накрывавшую стол. Обыскивающие это не заметили или сделали вид, что не заметили.

; Относились они к ней подчеркнуто вежливо, давая понять, что просто выполняют чей-то приказ, а к Анне никаких претензий они не имеют и даже немного ей сочувствуют.

; Закончили работу около пяти часов утра. Забрали всю военную форму и какие-то бумаги, принадлежавшие Вене. Не забыли забрать все фотографии с его изображением. Вежливо простились.

; Анна осталась одна в разгромленной, как после погрома, квартире.

; В большой комнате, в комнате у Татьяны, на кухне все было перевернуто и выброшено на пол. Ее комнату не тронули.

; Ноги подкашивались от усталости.

; - Начали с Вени. Кем кончат? - Спросила она сама себя.

; Анна принесла табуретку в коридор, поставила рядом с телефоном, поискала у себя и, на свое счастье, нашла не начатую пачку папирос. Та, что была с собой давно кончилась. Села на табуретку, так как ноги уже не держали, закурила и

позвонила на дачу. Подошла Люба. Услышала мать и закричала в голос.

; - Прекрати! - Приказала Анна. - Много у вас там нагадили?.

; - Не очень, - Сквозь рыдания ответила Люба.

; - Приведи себя в порядок и приберись на даче сама. Татьяну пришли ко мне. Я одна тут не справлюсь. Пусть она ключи возьмет. Быть может она меня уже не застанет - я на работу поеду.

; - Веня, - Тихо сказала Люба.

; - Знаю! Они что, тебе сказали? Нет? Как Аркаша?

; - Заснул.

; Вторую ночь Анна с Татьяной не спали, приводя в порядок квартиру, а потом она шла на работу, ожидая каждую минуту чего-то, что перевернет окончательно всю ее жизнь и, самое страшное, жизнь ее близких.

; Но ничего не происходило. Курьер стучал, как обычно, в дверь. Приносил дела. Анна расписывалась у него в журнале. В буфете она прислушивалась изо всех сил, стараясь уловить хоть малейший шепот. Все, как обычно. Мило улыбающиеся лица. И вопросы обыкновенные: «Как дела?», «Как дети?»

; Неожиданно пришла в голову мысль, что ее семья, попавшая в мясорубку репрессий, наверно далеко не единственная тут. У всех есть родственники и с ними может случиться то же самое, что случилось у нее.

; Опять вспомнились тирады Шейнина и последний телефонный разговор с Сольцем.

; Шкирятов с ней разговаривал, словно все было в поряд-ке.

; Погода портилась. Становилось все холоднее. Решили, что пора возвращаться в город.

; На воскресенье заказали таксомотор. Пришел комендант и тщательно осмотрел дачу. Похвалил, что сдают помещение в чистоте и пригласил приезжать на следующее лето. Вроде бы сказал это с усмешкой. А может ей это показалось?

; Перетащили вещи в квартиру. Разложили все по местам.

; Татьяна с Любой отправились на рынок за продуктами, Аркадий побродил по квартире, вытащил ящик со своими игрушками и устроился на полу в большой комнате. Анна села в коридоре рядом с телефоном и долго думала, прежде чем набрала номер.

; Подошел Готман. Поговорили о погоде, о том, что скоро у него начнется новый учебный год. Неожиданно Готман сказал странную фразу, что мол стало совсем плохо с преподавателями. Помолчал и добавил, что руководство института думает привлечь к преподаванию на начальных курсах наиболее успевающих студентов.

; Анна помолчала и сказала, что у всех одни и те же проблемы. Пауза затянулась. Наконец Готман хриплым голосом пожелал ей здоровья спросил как Любины дела.

; - Держится. - ответила Анна.

; На этом простились.

; Аркадий вышел из большой комнаты и остановился около Анны.

; - А где папа?

; Он спросил ее впервые, спустя две недели после исчезновения отца.

; Как старалась Анна не заплакать — не получилось.

; Внук внимательно смотрел на нее карими немигающими глазами и не дождавшись ответа ушел к себе в комнату. Через открытую дверь она видела, что Аркаша сидит на полу и держит в руках танк — последнюю игрушку, которую подарил ему отец.

; - Неужели он, пятилетний, что-то понимает? - со страхом подумала Анна.

; Позвонить Сольцу из дома она не решилась.

; На следующий день пришла из института растерянная Люба. Дождалась прихода матери и прямо с порога сказала, что ее не допускают к защите диплома.

; Анна обратила внимание, что на лацкане пиджака дочери нет значка КИМа. Осталась только маленькая дырочка.

;

; Заканчивался сентябрь

;

; Позвонил Готман и сказал, что у них в институте открылись курсы экономистов и он смог записать на них Любу.

; Вечером втроем сидели на кухне. Люба достала пачку папирос и посмотрела на мать. Анна не среагировала. Дочь закурила и предложила папиросу матери. Сидели курили. Молчали.

; - Меня что беспокоит, - сказала Татьяна. - Аркашка почти не разговаривает. Целыми днями молчит. И гулять его не загонишь. Сидит на полу и книжки рассматривает или игрушки перекладывает. Про отца ни разу не спросил.

; - И меня не спрашивает, - В голосе Любы послышался страх.

; - Меня спросил. - Анна достала папиросу. - Не сдержалась я, заплакала

; - А он что?

; - А он посмотрел на меня такими глазами, как будто все знает и понимает.

; - Не может ребенок все знать и понимать. - Татьяна высморкалась в передник. - Мне сколько лет, а я ничего не понимаю. Вот вам истинный крест! В голове это все не укладывается.

; Я говорить вам не хотела. Старалась не пугать вас лишний раз. Эти черные машины давно и на дачу к нам и сюда приезжали. Мимо нас в те разы проскакивали. Теперь вот наша очередь настала. Вы пока на работе, так они шастают во всю. Бывало такой крик в поселке стоял — волосы дыбом.

; Помолчали.

; - Может врачу его показать? Та врачиха, которая приходила когда он родился, вроде ничего? - Предложила Татьяна.

; - Врач тут не поможет. - Анна погасила папиросу. - Вот что, Татьяна! В

«Уране» показывают «Огни большого города». Сходи с ним завтра на дневной сеанс. А вечером приду — поговорю с ним.

; Люба дернула мать за рукав халата. Анна обернулась. В дверях кухни в ночной рубашке босиком стоял Аркадий.

; - Я не хочу, что бы ты со мной говорила. - Сказал он

; - Почему? - Испугалась Анна.

; Аркадий молчал.

; Анна взяла его на руки. Крепко обняла.

; - Мы не будем больше говорить об этом. Мы просто будем помнить. Так? - Спросила она внука.

; Тот кивнул головой.

; Черная тарелка радио замолчала. Значит время перевалило в следующий день. А они все сидели на кухне и Аркаша заснул у Анны на руках и чуть всхлипывал во сне.

;

; Заканчивался октябрь.

;

; Анна приходила с работы, снимала пальто, шла в ванную мыть руки. Приходила на кухню и садясь за стол спрашивала.

; - Кто звонил?

; Татьяна пожимала плечами. Телефон молчал и днем и вечером.

; - У тебя не складывается такое впечатление, что вокруг нас все выкошено? - Однажды спросила Люба у матери. - Знаешь, вот поле скосили все, а в середине оставили пару колосков. По моему это называется «огрех».

; - Не знаю, - Анна стала растирать ладони рук, словно замерзли они у нее. - Мы можем жить одной надеждой.

;

; Заканчивался ноябрь

;

; Анна открыла дверь квартиры и ей навстречу кинулся Аркадий. Захлебываясь от переполнявших его впечатлений он сбиваясь начал ей рассказывать, что они с Татьяной ходили в ботанический сад и их пустили в оранжерею.

; - Там такие пальмы, - Он изо всех сил тянул руки вверх, растопырив пальцы, становясь на носки. - Высоченные, высоченные. Они прямо упираются в потолок. А он стеклянный. Еще там есть настоящий пруд и в нем плавают громадные листья и цветы тоже громадные. Прямо с тарелку. Только тарелка такая громадная, что у нас таких нет. И тетя сказала, что я могу на них кататься.

; - А ты не утонешь? - Испуганно спросила его Анна.

; - Да нет! - Аркадий махнул руками. - Тетя пошутила. Но если случится кораблекрушение то на таких листьях можно спастись. Только они растут там, где тепло. Совсем в другой стране. А папа мог уехать в другую страну где тепло?

; - Мог, - Подтвердила Анна.  
; - Наверно — Вздохнул внук.  
; С этого дня Татьяна и Аркадий, взяв с собой книгу и что-нибудь перекусить уходили в ботанический сад.  
; - Вот странно, - Удивилась Люба. - Когда его водили на Чаплина, такой реакции не было.  
; - Это виноват не Чаплин, - Сказала Анна. - Это время. Время — лучший лекарь. Но я боюсь и я надеюсь, что память и печаль не покинут его никогда.  
; - Ты считаешь, что надежды никакой нет? - Люба испуганно посмотрела на мать.  
; Анна промолчала.  
; Она не стала говорить дочери, что послала запрос в прокуратуру о судьбе Вени и получила ответ, что он осужден по 58 статьи УК на десять лет без права переписки.  
; Что такое «Без права переписки»?  
;  
; Заканчивался декабрь.  
;  
; - И вы мне не перечьте! - Грозно заявила Анна. \_ На Новый Год должны быть пельмени, а есть у вас настроение и есть ли у вас желание — мне лично наплевать!  
; - На сколько человек лепить-то будем? - Поинте-ресовалась Татьяна.  
; - Готманы будут, - Стала перечислять Анна и заду-малась. - Еще кто-нибудь придет, вот уведите! И елку ставить будем! Мы что, не люди?  
; Встречать Новый Год пришли Готманы, пришла Ксения Павловна Чудинова сказала, что всем передает привет Сольц.  
; - Заходила к ним домой, - Многозначительно сказала Чудинова. - Что-то он расхворался.  
; Из-за того, что совсем плохо себя чувствует просит его извинить, но он всем желает здоровья и исполнения всех надежд.  
; Все врачи вокруг него ходят. Уговаривают лечь в больницу.  
; Все уже сели за стол, но тут раздался звонок в дверь и ввалился весь в снегу, бородатый и усатый как Дед Мороз, Коля Котов.  
; Ему дружно прокричали «Ура»  
; А потом вообще произошло чудо: снова зазвонил дверной звонок и перед Анной, открывшей дверь, предстал молодой командир.  
; - Анна Андреевна? - спросил он.  
; - Да, - растеряно ответила Анна тщетно стараясь вспомнить где она могла его видеть.  
; - С Новым Годом, - Сказал нежданный гость, вручил ей коробку конфет и бутылку шампанского, извинился и быстро сбежал по ступеням лестницы вниз.  
; - От кого? - Закричала ему во след Анна. - Скажите, ради бога, от кого!

; - Приказ пришел с Дальнего востока! - донеслось с первого этажа. Хлопнула дверь парадного.

; - Это, к сожалению, не то, о чем ты думаешь, - Анна обняла Любу. - Пойдемте, друзья, за стол. Уже пора.

; Из черной тарелки радио зазвучала мелодия гимна. Все подняли бокалы и выпили за Новый Год.

; Татьяна потихонечку крестилась и шептала, что Бог есть на этом свете и он все видит. И пусть он сделает так, что бы беды прошли стороной от этого дома.

;

; 1938 год

;

; Заканчивался январь

;

; Анну вызвали в хозяйственный отдел ЦКК. Прячущая глаза канцелярский работник - полная женщина в синем, обтягивающим ее тело, халате довела до ее сведения, что в связи с изменением состава семьи у товарища Ивановой, необходимо ей освободить занимаемую площадь.

; - Вместо жилплощади - квартиры 114 вам выделена комната в квартире 138. Получите, пожалуйста, ордер на новую жилплощадь, а старый - сдайте.

; Вы зайдите в домоуправление и вам там помогут с переездом людьми. Только вы не тяните. - Посоветовала работница хозяйственного отдела. - Что бы неприятностей не было. Казенную мебель не трогайте. В новой комнате вам будет предоставлена другая.

Пришлось идти к Шкирятову отпрашиваться в связи с переездом.

Предварительно позвонила секретарю.

- Подождите, Анна Андреевна. - Я постараюсь вас сейчас с ним соединить.

- Да-да, - Торопливо сказал Федор Матвеевич. - Какие могут быть разговоры. Ради бога не беспокойтесь.

- Ну, и какой я могу из всего этого сделать вывод? - Анна спустилась по лестнице, сдала ключи от кабинета и, предъявив часовому пропуск, вышла на улицу. - Они что, все обо мне знают и сочувствуют или сами ждут, что с ними поступят так же? С квартирой не они же решили. Или они? Откуда, черт возьми, инициатива исходит?

Она просмотрела выданный ей новый ордер.

; - Комната тридцать пять метров. Это не отдельная квартира, но не так уж трагично. Бывало хуже. Во всяком, случае с таким настроением я должна придти к своим.

; Но прежде чем подниматься в теперь уже не в свою, квартиру, Анна зашла в домоуправление и договорилась, что завтра утром к ним придет ответственное лицо и проводит в новое жилище. Заодно договорилась и насчет рабочих, которые помогут перенести тяжелые вещи.

; - Это какой же этаж получается? - спросила она у работников домоуправления.

; - Пятый, - ответили ей.

; Утром на следующий день позвонила им в дверь дворник Фариды. Анна с Татьяной накинули на себя пальто и пошли посмотреть, выделенную комнату.

; Люба осталась с Аркадием и потихонечку стала собирать вещи, готовясь к переезду.

; На удивление Анны известие о выселении и Люба и Татьяна восприняли спокойно. Только Татьяна волновалась насчет того есть ли в новой квартире ванна. Узнав, что есть — успокоилась. А вот подъем на пятый этаж дался ей с трудом.

; - Как же я с Аркашей подниматься то каждый день буду? А еще за продуктами.

- Спросила она Анну, но сразу замолчала и стала что-то шептать и креститься.

; Дворничиха Фариды позвонила в 138 квартиру. Дверь открыла высокая, атлетически сложенная, женщина в спортивном костюме с неожиданно знакомыми чертами лица. Очевидно она уже знала о появлении новых соседей, потому, что сухо поздоровавшись, ушла в свою комнату откуда слышался детский плач.

; Планировка в новой квартире была точно такой, как в их старой. Фариды открыла опечатанную дверь большой комнаты. Там уже стоял знакомый буфет, платяной шкаф, массивный квадратный обеденный стол, такие же массивные шесть стульев.

; Комната носила следы поспешного отъезда. В платяном шкафу валялись чьи-то мужские носки. В одном из ящичков буфета лежал пакет перевязанный лентой. Анна развязала ленту. В пакете оказалась стопка писем. Кто-то тут жил и неожиданно уехал.

; - Или увезли, — подумала Анна. - И завязав ленту, убрала пакет на старое место.

; Татьяна заглянула на кухню, затем открыла дверь в ванную комнату. Вдоль окна стояла, покрашенная белой краской, деревянная скамейка а перед нею стул.. На скамейке и на подоконнике стопками стояли книги, папки, чистая бумага, чернильница «непроливашка» и в стаканчике вставочки с перьями.

; - Это как понять? - громко, с вызовом, спросила она.

; - Вы не беспокойтесь, - выглянула из своей комнаты соседка. - Это мой муж пишет диссертацию. Но только ночами. Мы вам мешать не будем.

;

; Заканчивался февраль

;

; Обжились. Неожиданно была решена, казалось безвыходная проблема — на чем спать Татьяне. После того, как установили два дивана, пианино, письменный стол, книжные шкафы и внесли сундук, стало ясно, что больше ничего в комнату не поместится.

; Татьяна подошла к сундуку. Постояла, подумала, открыла горбатую крышку. Сундук пропел ей свою призывную песню.

; Ну-ка, помоги мне, - попросила она Любу и , забравшись в сундук, примерилась и легла.

; - Вполне возможно, - оценила она свою идею.

; - Ты с ума сошла, - Возразила ей Анна. - Давай купим раскладушку.

; Аркаша тяжело вздыхал и старался убедить всех, что спать в сундуке должен непременно он, так как всю жизнь мечтал об этом. Но его никто не слушал. В знак протеста он забрался под письменный стол и заявил, что теперь жить он будет там.

; - Стерпится — слюбится. - Татьяна вылезла из сундука, закрыла крышку. - Только надо что-нибудь мягкого туда наложить побольше.

; На следующий день после переезда на кухне состоялось официальное знакомство соседей.

; - Анастасия Захаровна, - Представилась соседка. - Пископпель.

; - Это как? - переспросила ее Татьяна.

; - Мой муж, Фердинанд Гансович Пископпель, - Пояснила Анастасия Захаровна. - А вы меня можете звать просто Тося.

; Вечером, того же дня когда все легли на свои места, Татьяна рассказала Анне и Любе, что Тося закончила какой-то спортивный институт, а с Фердинандом они познакомились на спортивном параде прямо на Красной площади потому, что он бывший боксер. Сына Тоси зовут Эдуард и ему один год, а Тося беременна второй раз и очень надеялась занять большую комнату. Очень жалеет, что ничего не получилось, но к нам она не в претензии.

; Фердинанд оказывается не немец, как она думала, а латыш и работает в Наркомате внешней торговли, скоро защитит диссертацию, будет большим начальником и тогда им дадут квартиру.

; - Не могу понять, - Люба укрыла одеялом размятшегося Аркашу. - Мне лицо ее знакома. Где я ее видела?

; - Ни за что не догадаетесь! - Татьяна сделала паузу и таинственно заявила. - Ей при жизни памятники по всей стране стоят. Во всех парках и на стадионах.

; - Точно! - Вспомнила Люба. - «Девушка с веслом», вот кто она такая.

; - Ее художники прямо с парада в мастерскую привели и лепили с нее. - Татьяна хихикнула. - Теперь по улице ей прямо не ходи. Все оборачиваются во след. Знаменитость!

; Анна заворочалась на своем диване, - Ужиться бы! А в моей бывшей комнате кто живет?

; В твоей комнате живет какой-то странный мужик, Появляется только по утрам, спит и уходит опять на всю ночь. Ни с кем не разговаривает, не здоровается, на кухне греет только чайник и своего стола не имеет, что меня вполне устраивает. - Закончила информацию Татьяна.

; - А о нас она ничего не спросила? - Поинтересовалась Люба.

; - Ха! - Татьяна высунулась из своего сундука. - Да про нас весь двор все знает. Ты выйди погулять с Аркашей, так от тебя как от чумы все шарахаться будут.

Ты что думаешь, мы просто так с ним в ботанический сад ходим? Он во дворе как волчонок. Ему все недруги. Уехать бы нам отсюда. Боюсь я за него. Пока он с нами — ничего, а в школу пойдет...

; Помолчали.

; - Что же Тося не шарахается?

; - А куда ей шарахаться? В одной конуре живем. Не жизнь, а чудеса в решете - дыр много, а выскочить некуда. Что молчишь, Ань?

; - Думаю, - Помедлив ответила Анна. - Решать мне надо. Про решето ты хорошо сказала.

; - Решай, - Татьяна завопилась в сундуке укладываясь поудобнее. - Ты теперь у нас голова. Только не тяни.

; Анне последняя фраза Татьяны не понравилась.

;

; Заканчивался март

;

; Люба позвонила Анне на работу.

; - Ма! Готмана арестовали прямо в коридоре института. Я боюсь. - Голос ее дрожал. - Я очень боюсь!

; - Ты где?

; - На Сретенке. Я из автомата.

; - Иди домой. Что бы лицо было нормальное. Все время помни про сына. Знаешь как на него отражаются все наши слезы и истерики.

; Опустила трубку. Пододвинула очередное дело. Но сосредоточиться не смогла. Так и сидела, бессмысленно уставившись в раскрытую на столе папку.

; Вечером Анна столкнулась в коридоре с Фердинандом. Крепко сбитый мужчина, волосы ежиком. Квадратная оправа очков подчеркивала его угловатость. Сосед раскланялся.

; - Вашим ванна больше не нужна? - поинтересовался он

; - Нет. Я последняя. - Анна перекинула полотенце через плечо и направилась к своей комнате.

; - С вашего позволения я сажусь писать.

; Фердинанд повернулся, собираясь войти в ванную комнату и в этот момент требовательно зазвенел звонок на входной двери. Анна услышала как у него лязгнули зубы.

; Приоткрыв дверь в щелку смотрела Тося.

; Никто не двинулся с места.

; Звонок прозвенел более настойчиво.

; Люба вышла в коридор, мельком взглянула на мать и пошла открывать дверь.

; Вошли двое.

; - Кто из вас гражданка Левина Любовь Аркадьевна?

; - Я, - сказала Люба и пошла в комнату.

; На этот раз все было вроде по закону. Предъявили постановление на обыск и

пригласили понятых — Тосю и Фердинанда.

; Так они и простояли почти всю ночь, пока шел обыск, в дверях комнаты. В углу за сундуком подвывая плакала Татьяна. Обыскивающие периодически цыкали на нее. Она замолкала на какое-то время, а потом все начиналось снова.

; Тося с ужасом смотрела, как вываливаются вещи из шкафа, перетряхиваются книги так, что трещат корешки. Под ногами обыскивающих валяются выданные из альбомов фотографии.

; Татьяна выбралась из своего угла.

; - Куда? - Раздался окрик старшего по званию.

; - По надобности, ирод! - Крикнула Татьяна.

; - Прикуси язык, старая!

; Согнувшись в три погибели Татьяна, стараясь не наступать на выброшенные на пол вещи, выбралась из комнаты. Вернулась не скоро.

; Обыск подходил к концу.

; - Одевайтесь! - Приказал старший Любе.

; Анна разбудила Аркадия. Он сидел сонный на диване где он спал с матерью и испугано смотрел на разгром в комнате.

; Было очень тихо. Люба и Аня стояли около буфета. Татьяна тихо плакала сидя на стуле в углу.

; - Все, - сказал старший вставая из-за стола, - Можете прощаться.

; Люба подошла к сыну, подняла его на руки и поцеловала два раза в щеки, а еще в макушку. Потом, как будто падая, обняла Аню, и они постояли так недолго. Люба резко отстранилась от матери и махнула рукой няньке Тане:

; - Прощай, крестная! И взяв узелок с собранными наспех вещами, первая направилась к двери не оборачиваясь.

; Тося и Фердинанд отошли в сторону, давая ей пройти и стояли в коридоре, уцепившись друг в друга до тех пор пока не щелкнул замок двери, закрывшейся за Любой и ее сопровождавшимися.

; На следующий день Аня не пошла на работу. Позвонила Шкирятову и попросила оформить очередной отпуск. Вместе с Татьяной она до позднего вечера убиралась, раскладывали вещи по местам, мыли пол в комнате. А потом Аня взяла ведро и тряпку и пошла мыть пол в коридоре.

; - Зачем в коридоре-то, - сердилась Татьяна. - Небось не наша очередь. Но Аня упрямо мыла коридор, а Тося выглядывала из своей комнаты и выходить не решались пока она не закончит свою работу.

; Целый день Татьяна прятала что-то в кармане фартука и уже под самый вечер протянула Анне клочки бумаги. Это была порванная на четыре части фотография Вени в военной форме с двумя ромбами в петлицах.

; В этот вечер Аня решила уложить Аркадия спать сама, вместо Татьяны, укрыла его одеялом до самого подбородка и стала баюкать, совсем как маленького.

; - Ань! - Аркаша уткнулся в нее, - А мама поехала к папе?

; - Да, деточка.  
; - А они вернутся?  
; - Или мы к ним поедem, - Ответила Анна.  
; Аркадий вылез из-под одеяла и внимательно посмотрел на Анну.  
; - Ты говоришь правду.  
; - Да, детка.  
; На следующий день Аркадий проснулся поздно. Было совсем светло. За столом, положив голову на руки, спала Аня. Татьяны нигде не было.  
; Ее не было и на следующий день, и на следующий...  
;  
; Заканчивался апрель  
;  
; Постучала в дверь Тося.  
; - Анна Андреевна! Мне рассказать вам что-то надо. - Посмотрела на игравшего под столом Аркадия. - Может на кухню пойдem?  
; - Да ничего. Садитесь, Тося — Анна пододвинула соседке стул.  
; - Я позавчера утром с Эдиком гуляла. Вы еще спали. Смотрю ваша Татьяна с чемоданом из подъезда выходит.  
; Идет вдоль дома и вижу спешит.  
; А тут в сторону пятого корпуса, где вы раньше жили, идет такой господин весь в шляпе, разодетый в пух и прах и с цветами.  
; Увидела его Татьяна и кричит: «Григорич, Григорич!» Он остановился. Подошла к нему Татьяна и стала что-то рассказывать. И все рукой показывает. Сначала на ваш старый дом, а потом на нашу голубятню. Видно все ему рассказала, подхватила чемодан и пошла дальше.  
; А он, которого она «Григоричем» кличила, постоял немного, подумал. Еще наверх, на наши окна посмотрел. А потом цветы на газон положил и пошел вслед за Татьяной. Он цветы положил прямо как на могилу.  
; Анна перебирала бахрому на абажуре настольной лампы которую когда-то купили для Татьяны, оглянулась на Аркадия. Тот сидел на своем любимом месте - под письменным столом, смотрел какую-то толстую книгу. Она могла поклясться, что он не пропустил ни одного слова.  
; Тося вздохнула, - Я вообще-то не за этим пришла. У меня сердце разрывается.  
; Время скоро пройдет, кончится ваш отпуск. Что делать то будете? - Она кивнула головой в сторону Аркадия.  
; Анна пожала плечами,  
; - Думаю.  
; - Хочу вам присоветовать.  
; Я работала до рождения Эдика в интернате.  
; Совсем недалеко отсюда. Надо перейти Колхозную площадь и по Каптельскому переулку последний дом.  
; Да вы увидите - забор высокий. Тут минут пятнадцать ходу. Директрису зовут

Локтионова Анастасия Константиновна. К ней подойдете. Она вам все расскажет и покажет. Вам там понравится.

; - Вообще-то мы детей так не берем. Нам их присылают из разных организаций.

- Директриса сделала неопределенный жест рукой не уточняя какие организации присылают им детей. - Но исключения бывают. Если вы решились, то давайте мне его документы. Я оформлю.

; - У меня нет его документов, но если вас это устроит, я вам принесу письмо от Центральной контрольной комиссии ЦК ВКПб.

; Они посмотрели друг другу в глаза.

; - Хорошо, меня это устроит, - Локтионова достала из шкафа журнал. - Давайте я его запишу.

; - Иванов Аркадий Вениаминович, - Продиктовала Анна. - Одна тысяча девятьсот тридцать второго года рождения. Адрес, где он жил раньше, нужен?

; - Нет, нам не сообщают адреса детей, которых привозят.

; - Я смогу его иногда забирать? - С надеждой спросила Анна.

; - Конечно, - успокоила ее директриса. - Вы не беспокойтесь. Мне Антонина Захаровна обрисовала положение в общих чертах. Хочу я еще вас, Анна Андреевна, проинформировать вот о чем: пугают нас последнее время, что переведут интернат куда-то очень далеко. Чуть-ли не в другую область.

; А кто пугает?

; Директриса на минуту замялась, - У нас пугать специ-алисты всегда найдутся.

; Пока суть да дело, Тося взялась кормить и смотреть за Аркашей

; Достать пустой бланк с шапкой ЦК ВКПб было не так просто, но, в конце концов, это ей удалось. Более того, она смогла напечатать текст письма на машинке, упросив машинистку разрешить ей самой поработать над сопроводительными письмами дел, находящихся у нее в производстве.

; - Хочу тряхнуть стариной, - Бодро объяснила она, - А вдруг разучилась?

; Вечером Анна сказала Аркадию, что должна с ним серьезно поговорить. Они сидели в комнате и пили чай.

; - Понимаешь, дорогой...

; - Да, - сказал он не дав ей договорить. - Ты не беспокойся. Я все понимаю. Только говорить не надо, - И он поморщился как от боли.

; Еще одна бессонная ночь на кухне с папиросой. Заглянул Фердинанд. Сел рядом с Анной.

; - Когда боксер ведет бой — он рассчитывает свои силы, что бы хватило их до конца боя. Вам так нельзя себя вести. Силы могут кончиться раньше времени.

; - Да, - согласилась с ним Анна. - Спасибо вам.

; На следующий день Анна собрала вещи Аркадия и они пошли знакомиться с его новым местом жительства.

; - Ты меня совсем сюда отдаешь?

; Анна боялась, что он сейчас расплачется, но Аркадий просто внимательно смотрел ей в глаза.

; - Ну, что ты! - Успокоила его директриса. - Бабушка обязательно будет тебя забирать на выходной день.

; - Она не бабушка, - Возразил Аркадий. - Она Аня.

; - Я вечерами после работы буду приходить к тебе, а в выходные ночевать будем дома.

; - Ну, да — Вздохнул Аркадий. - Теперь то у нас готовить некому.

;

; Заканчивался май

;

; - А у вас гость, - Встретила Тося Анну. - Очень приятный молодой человек.

; Анна скинула пальто и открыла дверь в комнату. За столом сидел Иосиф.

; При виде Анны он попытался встать, но она махнула ему рукой. Подошла и положила ему руку на плечо.

; - Какими судьбами и как ты меня нашел?

; - Мне рассказал Володя Готман. Мы просто догадались с ним, когда Люба перестала ходить на курсы. Ей до диплома оставалось всего два месяца. Вдруг исчезла.

; - Да, исчезла, - Согласилась Анна.

; - Анна Андреевна! Если вам какая помощь нужна, так вы не стесняйтесь.

; - Нет, - Анна внимательно посмотрела на Иосифа. - Стесняться я не буду. Очень ты во время пришел. Ты меня прости, но у меня выхода другого нет. Я не знаю, как ты к этому отнесешься...

; - Отнесусь так как надо, - Твердо сказал Иосиф.

; - Не спеши, сынок. Мне очень трудно тебя об этом просить, а тебе будет так же трудно соглашаться.

; Анна потерла ладони, словно мерзли они у нее.

; - Надо что бы ты забирал из интерната как можно чаще Любиного сына. Будешь забирать и приводить его сюда. Посидишь с ним до моего прихода. Это что бы он к тебе привык. В один день, я тебе заранее скажу в какой, ты его возьмешь и отведешь не сюда, а к себе домой и будешь ждать моего звонка. Очень может быть, что я не позвоню. Вообще не позвоню. Тогда ты отведешь его обратно в интернат.

; - И что дальше? - Спросил Иосиф. Анна обратила внимание как он побледнел.

; - А тогда у Любиного сына будет только один близкий ему человек на этом свете — ты.

; - Я все понял, - Иосиф внимательно посмотрел на Анну. - Вы мне доверяете?

; - Самое дорогое, что у меня осталось.

;

; Заканчивался июнь

;

; - Иосиф?

; - Да, Анна Андреевна.

; - Сегодня ты делаешь так, как когда-то мы договорились.

; - Я понял. До свидания.

; Сначала короткий, проверочный звонок телефона. Затем, по хозяйски, громкий, требовательный.

; - Вы просили о встрече с товарищем Сталиным.

; - Да.

; - Выходите. За вами послана машина.

; Она ожидала черную М-1, но пришел автомобиль иностранного производства. Шофер был одет в штатский костюм. Проехали через Спасские ворота. Машину не остановили. Около подъезда ее встретил человек в военной форме.

; - Следуйте за мной.

; Вошла в кабинет. Остановилась в торце длинного стола.

; - Ну, здравствуй. Анна! Хорошо выглядишь.

; Улыбка у нее получилась кривой. Неприятно подрагивали ноги. Она оперлась рукой о стол.

; Все, что она готовила заранее, что собиралась сказать, вылетело у нее из головы.

; - Отпусти дочь!

; Голос какой-то каркающий. Надо быть спокойной.

; - Ну что-ты, дорогая! - Сталин развел руками. - Что ты волнуешься. Она же у тебя в тюрьме родилась. Ей не привыкать! Считай, как в дом родной попала.

; С минуту они смотрели друг другу в глаза. У него глаза смеялись.

; Мундштуком трубки поправил усы. Шутка очевидно ему понравилась

; Абрек, - Пришла ей в голову фраза, сказанная Сольцем

; Анна молча резко повернулась и пошла к выходу. Открыла дверь кабинета еще надеясь, что он ее остановит.

; Не остановил.

; К ней подошел сопровождающий. Они спустились вниз по лестнице. Подошла машина. Сопровождающий открыл перед ней дверь.

; - Куда отвезут? - Пришла в голову мысль.

; Машина остановилась около подъезда ЦКК.

; Она не обратила внимания на то, что часовой, пропустив ее, позвонил кому-то по телефону.

;

; Заканчивался июль

;

; Опять ничего не происходило. Проходил день за днем похожие как близнецы.

; Анастасия Константиновна делилась с Анной:

; - Чудесный мальчик ваш Аркаша, но ни с кем не дружит. Играет один. И молчит. Вот это нас очень пугает. Спросишь его о чемнибудь — ответит, но всего пару слов. Удивительно быстро учится читать. От книги его не оторвать.

; Анна вздыхала.

- ; - Дома тоже самое. Все надеюсь, что отгадет.
- ; - А вы знаете, - Успокоила ее директриса. - Вот когда за ним приходит ваш племянник, он совсем другим становится.
- ; Однажды зазвонил городской телефон. Анна подняла трубку.
- ; - Иванова! Привет! Как живешь?
- ; У нее комок подступил к горлу.
- ; - Что вам от меня надо, Шейнин? Откуда вы взялись?
- ; - Ты мне срочно нужна.
- ; - А вы мне не нужны!
- ; Анна собралась уже повесить трубку, но Шейнин закричал, что в ее интересах с ним встретиться, что скажет он ей всего пару слов, а там уж ей решать — нужен он ей или не нужен.
- ; Они шли по тому же скверу, по которому уже однажды ходили. Он тогда был пьяненький и хвастался полученной наградой.
- ; - Вас же, Шейнин, арестовали в тридцать шестом. Или у меня неправильная информация?
- ; - Информация правильная, - Согласился Шейнин.
- ; - Как же вы тут оказались? На сколько я знаю оттуда не отпускают.
- ; - Иногда отпускают. А потом всю жизнь приходится доказывать, что ты не верблюд.
- ; - А вы, Лев, не верблюд? - Усмехнулась недобро Анна.
- ; - Почему я должен перед вами оправдываться? - Взорвался Шейнин. - Верблюд я или не верблюд вам никакого до этого дела нет.
- ; Я к вам пришел, что бы сказать вот что. - Он взял ее за локоть, подвел к скамейке, довольно грубо заставил сесть, сел рядом и, отвернувшись от нее, глядя вдоль аллеи очень тихо проговорил отчеканивая каждое слово:
- ; - На днях мне на глаза попался один документ. Короче говоря, список людей, подлежащих аресту. Среди прочих там была и твоя фамилия, имя и отчество. Да не дергайся ты, Иванова!
- ; Короче говоря, в этом списке твоя фамилия была вычеркнута жирным синим карандашом. И этим же карандашом стояла подпись хозяина.
- ; Я тебе уже однажды говорил, что над тобой кто-то простер крылья. Все сомневался: ангел или дьявол. Оказалось, что дьявол.
- ; - Спасибо, - Сказала Анна. - Только это ничего не значит.
- ; - Не за что. А значит это очень много. Ох, как много это значит! Особенно сейчас. Идти сможешь или посидеть надо?
- Посажу.
- ; Ну и правильно! - Шейнин поднялся, - Я тебе все-таки позванивать буду.
- ; - Послушайте, Шейнин. Что такое «Десять лет без права переписки»?
- ; Он снова сел рядом с ней и стал растирать лицо ладонями.
- ; - Это значит, что этого человека никто никогда больше не увидит.
- ; Он хотел еще что-то добавить, но раздумал или просто не решился. Постоял.

Помялся, махнул рукой и пошел вверх по аллее.

;

; Заканчивался август.

;

; Анна, выйдя из подъезда ЦКК, заметила женщину одетую во все черное, стоящую на трамвайной остановке. Обратила она на нее внимание потому, что в Москве редко можно было встретить женщин с Кавказа одетых в национальную одежду.

; По уже сложившейся привычке, прежде чем идти обычным путем через сквер, она какое-то время задерживалась на ступенях, словно о чем-то думая.

Женщина в черном увидев Анну, направлявшуюся в сквер, последовала за ней.

- Если это слежка, то так демонстративно не оделась бы. - Решила Анна. - Тут что-то другое. Она себя нарочно мне показывает.

; Прошли площадь, носившую теперь имя Дзержинского, миновали улицу, носившую то же имя. У Сретенских ворот Анна свернула в сквер и села на скамейку. Женщина подошла и села рядом.

; - Армянка или грузинка. Скорее грузинка - определила Анна.

; - Вы Иванова Анна Андреевна? - Тихо спросила женщина.

; Анна вздрогнула от неожиданности и повернулась к ней. Обратила внимание как дрожат у собеседницы руки.

; - Что вам надо? Я вас не знаю. Мне что, милиционера пригласить?

; - Милиционера не надо, - Вздохнула женщина, изо всех сил стараясь унять дрожь - Мне посоветовали сначала сказать вам два слова, что бы вы мне поверили. Вы, пожалуйста, меня не бойтесь. Я сама боюсь ужасно.

; - Я вижу. Да вы не волнуйтесь так. Что за слова?

; - Гагры, Майсурадзе, - Тихо сказала женщина и пос-мотрела на Анну. - Вам это ни о чем не говорит?

; - Не знаю. Может говорит, а может и нет. Давайте в загадки не будем играть, - Предложила Анна. - Я догадываюсь, о чем идет речь, но суть не понимаю.

Главное, что вы от меня хотите?

; - Мы ничего от вас не хотим. Наша семья очень вам обязана за правду, сказать которую вы не побоялись и за то, что спасли человека от смерти.

; Анна покачала головой. Она могла ожидать всего чего угодно, но только не этого.

; - Мне велели передать вам, - Торопливо продолжала собеседница. - Ваша дочь находится в лагере в поселке Сегежа. Это Карелия. Работает на строительстве бумажного комбината. Ее устроили работать экономистом. Чувствует себя хорошо. - Она смутилась, - Ну, я хотела сказать, что она здорова.

; - На сколько ее осудили? - Анна судорожно вцепилась в руку женщины. - Как вас зовут?

; Женщина поморщилась от боли и высвободила свою руку, - Ее не судили.

Таких не судят, а просто тройка решает и все. Сначала на пять лет в лагерь, а

потом отправят на поселение куданибудь как жену врага народа.

; Она вздохнула облегченно, словно сбросив с себя непосильный груз

; - Вы мне дайте ваш домашний телефон, Анна Андреевна. Я вам позвоню и возьму передачу для вашей дочери. Только не очень много. Письмо напишите. Обязательно про сына и его фотографию.

; - Запишите телефон: К-4-89-52. - Торопливо заговорила Анна. Ей было страшно, что то что сейчас произошло окажется ложью, провокацией.

; - Я запомню, - Женщина встала. - Только часто я не смогу это делать.

; - Послушайте, - Анна снова взяла ее за руку. - Это все правда? Вы меня не обманываете?

; - Нет. Мы знаем - вы делали много добра.

; Она стремительно встала и поспешила на подошедший трамвай, а Анна еще долго сидела на скамейке. Голова была абсолютно пустая. Ни одной мысли.

;

; Заканчивался сентябрь

;

; Позвонила секретарь Кагановича.

; Анна Андреевна! Пожалуста к Лазарю Моисеевичу.

; - Садитесь, Анна Андреевна, - Коганович встал со своего места и сел напротив нее за приставной стол. - Беспокоился я за ваше здоровье. Последнее время вы выглядели неважно. Женщинам, конечно, такое не говорят. Но вот последние дни вы прямо преобразились. С последним визитом это не связано? - Он подмигнул ей.

; Анна промолчала.

; - Разговор у меня с вами состоится серьезный. Тем более, что инициатива не только моя. - Он значительно поднял глаза и посмотрел на потолок. - Есть мнение, что вы выросли уже из той работы, которой занимаетесь. Расти вам необходимо дальше.

; В самое ближайшее время будет полностью реорганизовано управление хозяйством страны. Будут организованы новые наркоматы. Одно из важнейших новых образований — наркомат тяжелой промышленности поручено создавать мне. В этой связи хотелось бы мне видеть вас руководителем моего секретариата.

; - Справлюсь ли? - Засомневалась Анна.

; - Не ждал я такого ответа от члена партии с таким стажем, как у вас. Тем более, что это не только мое мнение.

; Конечно, я понимаю, новое дело, нужна стажировка. Сейчас этим подразделением управляет товарищ Межлаук. Валерий Иванович. Он в курсе дела. У него есть сейчас временный руководитель его секретариата. Вот до моего прихода, в течение трех месяцев, вы будете там стажироваться.

; Начнете с первого октября. Все ваши документы будут переданы на новое место работы.

; Каганович поднялся, - Пожелаю вам успехов на новом поприще.

; - Спасибо за доверие.

; А что она могла еще сказать? Ясно было только одно — ее убирают из Центральной Контрольной Комиссии. И правильно делают. Она тут дозревает до такого состояния, что может «наломать много дров».

; - Крылья дьявола, - Проговорила Анна выходя из кабинета Кагановича.

; - Что вы сказали? - Не расслышала секретарь.

;

; Заканчивался октябрь

;

; Постепенно она стала привыкать к новому режиму работы.

; Рабочий день начинался в одиннадцать часов утра. Заканчивался неопределенно. Уйти с работы раньше Наркома она не могла. Межлаук заканчивал работу после того, как ему сообщали, что Хозяин вышел из своего кабинета в Кремле. Обычно это случалось далеко за полночь.

; А до этого момента могли позвонить по Правитель-ственной связи и потребовать нужные сведения.

; В этом случае Валерий Иванович Межлаук звонил своему начальнику секретариата и требовал от него вызвать того или иного специалиста, дать ту или иную справку. В ожидании неожиданной свалившейся работы сидели до глубокой ночи начальники Главных управлений, машинистки, курьеры, шофера.

; Первую неделю Анна только наблюдала за всем этим со стороны, а затем стала тенью милейшего Павла Петровича Супруна - управляющего секретариатом Наркома.

; После того, как уезжал Нарком наступала очередь Павла Петровича и Анны. Вызванная из гаража машина развозила их по домам. Обычно часы в это время показывали два или три часа ночи.

; Она поднималась на свой пятый этаж. Открывала дверь квартиры. Из ванной выходил Фердинанд и, пожелав ей спокойной ночи, уходил в свою комнату.

; Анна заставляла себя встать под душ, а затем рушилась на диван. Шесть часов беспробудного сна и начинался новый день.

; Можно было бы выспаться в воскресенье, но она позволяла себе встать в девять часов, наскоро пила чай и шла к Аркадию.

; Они гуляли по Москве. Искали где бы им перекусить. Потом шли в кино или в театр. Ели всякие вкусные вещи в буфетах и возвращались в Каптельский переулок в дом за высоким глухим забором. По дороге Аркадий рассказывал, что к нему приезжает Иосиф и иногда берет его к себе в типографию.

; Когда я вырасту и буду большой, - говорил он Анне, - я буду печатником.

; - Конечно будешь, - соглашалась с ним Анна.

; - Слушай! - Спросил он ее однажды. - А Иосиф, он кто?

; - А ты как думаешь? - Растерялась Анна.

; - Я думаю, что он пока вместо папы, - Решил Аркадий.

; - Он тебе нравится?

; - Да, - сказал Аркадий. Потом подумал и добавил: - Он конечно ничего. Только жаль, что не военный. А военные печатники бывают?

; - Конечно.

; - Это хорошо, - Успокоился внук.

; Чудо, решившее все ее проблемы с питанием, случи-лось через месяц после ее перехода на новую работу.

; Ей позвонили и женщина на том конце провода представилась как организатор Общества Старых Большевиков и Политкатаржан.

; - Так как вы, уважаемая Анна Андреевна, являетесь членом нашего общества, то вам полагаются определенные блага и в частности ежедневный паек, который можно реализовать в нашем магазине в виде продуктов или в столовой общества в виде обедов и ужинов.

; Таким образом решила проблема питания ее и Аркадия по воскресениям и посылок Любе.

; Каждое воскресенье они с Аркадием чинно садились за накрытый белоснежной скатертью стол в столовой Старых большевиков и внимательно изучали меню. Потом каждый выбирал то, что ему больше всего нравилось.

; Пообедав, они спускались на первый этаж и там «отоваривали» лишние талоны на обеды и ужины продуктами.

; Однажды Анна попросила упаковать полученные продукты в три картонные коробки и они пошли на Сретенский бульвар где их ждала тетя, которую Аня называла Нино. Они поздоровались. Тетя Нино забрала коробки и протившись быстро ушла.

; Аркадий забеспокоился и спросил у Анны зачем она отдает такие красивые коробки какой-то тете и почему тетя одета во все черное?

; - Это для мамы, - ответила ему Анна.

; - Все три?

; - Но мама же не одна, - Объяснила Анна внуку.

; Он понимающе кивнул головой и больше никогда ее ни про коробки, ни про странную черную тетю не спрашивал, но однажды дал Анне лист бумаги на котором был нарисован паровоз и вагоны и попросил рисунок положить в коробку.

; - Учись писать, - посоветовала ему Анна. - Тогда ты сможешь писать письмо маме.

; Про отца Аркадий никогда ничего не спрашивал.

; День выдался на редкость спокойным. Межлаук их ни разу не вызывал. Правительственный телефон целый день молчал.

; Они с Павлом Петровичем сидели в буфете и пили чай. - - Что ж, Анна Андреевна! Сегодня последний день вашей стажировки у нас. С завтрашнего дня вы уходите на свое постоянное место. - Супрун внимательно посмотрел на

Анну - Да не бледнейте вы так, Анна Андреевна! Разве мы вас на произвол судьбы бросим? - Добродушно басил Павел Петрович. - Никогда!

; Завтра часов в двенадцать я вас познакомлю с вашим новым руководством, с товарищем Вахрушевым Василием Васильевичем. Да вы его не один раз у нас видели. Он с Нового года будет исполнять обязанности Наркомом Угольной промыш-ленности, а вы начальником его секретариата.

; - Давайте порепетируем завтрашний день. - Предложил он - Представим себе что Вахрушев спросит с чего вы собираетесь начинать свою деятельность. Тут вы смело отвечайте — с подбора кадров. Согласны?

; Анна кивнула головой и приложив руки к груди прошептала, что бы милейший Павел Петрович не бросал ее.

; - Да кто вас бросит? - Гудел Павел Петрович. - Кто же таких женщин бросает. Мы сейчас с вами набросаем проект штатного расписания секретариата. Вот его вы ему и покажете. А он его черкать начнет. Так вы не переживайте. Мы его с вами так составим, с расчетом на его черкание.

; Вот видите, у вас уже щечки порозовели.

; Почеркает, почеркает, Василий Васильевич, а потом опять спросит, мол а что дальше?

; А вы ему смело говорите, что будете изучать структуру угольной промышленности, ее мощности и принципы управления ими. А, попутно, исполнять текущую работу.

; Ну вот, вы опять побледнели. С вашей то хваткой месяца через три, четыре вы все проблемы как орешки щелкать будете. И будем мы вместе с вами смеяться над вашими страхами

; Входите, - Вахрушев вышел из-за стола, пожал руки Павлу Петровичу и Анне. Пододвинул ей стул.

; - Так, товарищи. Начнем. Проект штатного расписания мне на стол. Разберусь к вечеру. Сейчас в решении нуждается проблема нежданная и негаданная.

; Обратились ко мне профсоюзы. Есть у нас предприятия находящиеся очень далеко на севере. В прошлом году Арктикуголь выдал не гора там первый Советский уголь. Вербовать туда семейных инженеров и других руководителей и мастеров запрещено. А специалисты нужны позарез. Холостых мужиков найти не можем. Все переженились. Муж с женой — это куда ни шло. Для женщин пока там работа найдется. А детей туда вести невозможно.

; Профсоюзы горазды проблемы ставить.

; Вот, Анна Андреевна, подумайте до завтра. И вы, Супрун в сторону не уходите. Проблема государственная. Может на свежую голову и решение придет. Не ваше это дело вроде, но чужих дел у нас не бывает. Это вам на заметку, Анна Андреевна, на будущее.

; Анна прикрыла глаза. Прямо в рук шло решение Аркашиной проблемы. Тут надо разбиться вдребезги, но своего добиться.

;

; Заканчивался ноябрь

;

; - Василий Васильевич! Вроде есть приемлемое решение по проблеме, что вы мне поручили, но хотелось бы обсудить его вместе с юридической службой, кадрами, профсоюзом и финансовой службой. Если вы со мной согласны, то назначите время. - В руках Анны блокнот и карандаш .

; - И, попутно, я очень надеюсь, что вы уже выскажете свое мнение по штатному расписанию секретариата.

; - Вы меня, Анна Андреевна не понукайте. Посмотрите мой график на этой неделе, найдите приемлемое окно и организуйте совещание по этим двум вопросам. У меня все.

; - Вот так! Первый втык ты, голубушка, получила.

; Тут ей в голову пришла мысль, что такое начало ее деятельности на новом месте — традиционное. Каждый раз все начиналось с выговора. Вспомнила разгон, который устроил ей Шкирятов. Потом все налаживалось. Получается, что это хорошая примета.

; - Рад, что так быстро мы решили проблему. - Вахрушев посмотрел на Анну, - Рад, что наш новый работник подошел к делу профессионально, что позволило сэкономить время на ненужные дебаты.

; Но у меня к Андреевне один вопрос: почему выбран именно этот интернат? Какой у нее основной критерий был для оценки при выборе?

; - Основным критерий — люди, которые работают в этом учреждении. Но это не только мой выбор. Это решалось коллегиально.

; Я вам, товарищ Нарком, только один пример приведу. Во всех детских домах, интернатах, детских садах ребятам полагается дневной сон. Так вот в этом интернате детишки спят в любую погоду зимой в холодных, неотапливаемых террасах, но в теплых спальнях мешках. Одни носы торчат.

; Никто руководство интернатом и педагогов не принуждал к этому. Это их собственная инициатива.

; Надо иметь ввиду, что старшие ребята сами могут забраться в мешки, а малышей приходится укладывать. Да и следить за спящими все время надо.

; Люди нашли лишнюю работу, лишнюю заботу. И мешки не так просто было достать.

; Результат такой экзотики — отсутствие простудных болезней у ребят сто процентов.

; Я посчитала, что главное для нас и для матерей, которые будут отдавать своих детей на год, а может быть и на более длительный срок — люди. Те, которым они будут доверять свои сокровища. Товарищи, которые ездили со мной по разным интернатам, с этим выбором согласны.

; Конечно, кроме положительных факторов, есть и отрицательные. Прежде всего это, с нашей точки зрения, состояние дома, в котором помещается интернат.

; - Врубились вы, Анна Андреевна, в это дело здорово, - Вахрушев был доволен.

- Теперь юристы, финансисты, проф-союзы засучивайте рукава. Что бы к началу навигации вопрос был решен. А еще озадачите товарища Зарецкого и с Моссоветом вопрос об отводе земли необходимо решить. У меня все.

; - Кто такой Зарецкий? - Заинтересовалась Анна

; - Архитектор. - Пояснили ей.

; - А при чем тут архитектор? - Не понимала Анна

; - А это Вахрушев знает, - Засмеялись ей в ответ.

; С Нино они договорились встретиться на Цветном бульваре.

; - А потом мы с тобой пойдем в цирк, - Пообещала Анна внуку.

; Они еще издали увидели друг друга. Нино махнула им рукой. Анна села рядом с ней на скамейку, передала коробки с продуктами.

; - Анна Андреевна, - Нино говорила, как обычно, очень тихо, - Я могу устроить вам свидание с дочерью.

; У Анны пересохло в горле.

; - Когда?

; - В следующем месяце. Точный адрес и к кому вам надо будет обратиться я вам скажу позже.

; - Я смогу взять с собой внука?

; - Это я тоже скажу позже. Но учтите — дорога очень тяжелая. И потом — зима. Поездка эта очень трудная, а зимой — опасная. Вы не забывайте, это север.

; Грузинка собралась уходит, но Анна ее задержала.

; - Послушайте, Нино! А что происходит с детьми у которых арестовывают обоих родителей? Я имею ввиду маленьких детей.

; - По разному, - Нино явно не нравилась эта тема и продолжать ее она не хотела.

; - У меня будет возможность забирать их себе.

; Грузинка с удивлением посмотрела на Анну.

; - Не сейчас, - уточнила Анна. - Но скоро я смогу устраивать таких ребятишек.

; Нино еще раз посмотрела на Анну и поднимаясь со скамейки сказала, что таких сумасшедших женщин она давно не видела.

; - Своей судьбой играете, - Предостерегла она Анну. - Человек, голос которого вы однажды слышали и узнали, о вас помнит. Он знает, что вы пока молчите об этом. Но ведь вы однажды можете заговорить.

; - А вы что, ни чем не рискуете, связываясь со мной? - Спросила ее Анна.

; - Должен быть Бог и справедливость. Я так понимаю. - Нино проговорила это уже на ходу.

; В шесть часов вечера Анна отпустила домой секретаря Наркома и села на ее место. Проверяла связь со всеми угольными бассейнами страны и подразделениями управления, нужда в которых могла возникнуть. Докладывала Вахрушеву, что готовность у его аппарата на должном уровне. И начиналось томительное ожидание.

; Наконец открывалась дверь кабинета. Выходил Василий Васильевич. Говорил ей традиционное «На сегодня, Андревна, все».

; Пока он спускался вниз она успевала вызвать его машину и еще одну — себе и, обзвонив всех дежуривших, отправлялась домой.

; В самом конце месяца, подъезжая к дому она увидела стоявшую около калитки черную «Эмку». Заныло сердце. Боль перешла в руку. Словно потекла по ней.

; Анна простилась с водителем, вышла из машины. Охранник привычно кивнул ей, открывая калитку, и пожелал спокойной ночи. Анна не спеша пошла по заснеженной дорожке. Сердце болело все сильнее и сильнее.

; Подошла к парадному, открыла дверь и стала подниматься по лестнице.

; На верхнем этаже послышался топот ног. Хлопнула дверь. Она услышала, обращенный к ней, такой знакомый когда-то, окрик.

; - Стоять на месте! Лицом к стене!

; Анна послушно остановилась. Мимо нее двое в военной форме протащили беспомощное тело человека. Ноги его волочили по ступеням лестницы. Внизу хлопнули двери. Стало тихо.

; Она подождала пока сердце немного успокоится и стала медленно подниматься на свой пятый этаж, останавливаясь на каждой площадке, что бы отдышаться. Под ногами на лестнице виднелись следы крови. Она старалась не наступить на них. Начинались кровавые следы от ее квартиры.

; Открыв дверь Анна увидела Тосю, моющую пол в коридоре.

; - Кого? - Со страхом спросила Анна

; Тося молча махнула тряпкой в сторону двери их странного соседа. Дверь была опечатана.

; - Он им все кричал, что он свой, - Сказала Тося разгибаясь. - А они его били. Ужасно били.

; Вышел в коридор Фердинанд. Сказал Тосе, что бы она шла спать.

; - Да и вам, уважаемая Анна Андреевна, пора лечь. Скоро три часа. Вид у вас, прямо надо сказать, неважнецкий.

;

; Заканчивался декабрь

;

; Поезд миновал Ленинград, потом Петрозаводск. Вагон стало раскачивать все больше и больше. Кругом все скрипело, стучало. Иногда казалось, что вагон куда-то проваливается. Становилось все холоднее. Проводники сэкономили уголь и топили кое как.

; Анна сняла с себя шубу и укутала Аркадия. Она всю ночь не спала — просидела рядом с внуком опасаясь, что он свалится с полки, а теперь сидела и клевала носом.

; Со второй полки свесилось веснушчатое веселое лицо.

; Эй! Тетка Анна! Ты сосулькой скоро будешь так. А ну ка, держи!

; На колени Анне упала шинель.

; Она закуталась в нее и задремала.

; За то время, пока ехали, а это почти сутки, они в купе все перезнакомились. Шинель ей бросил демобилизованный солдат Василий. Ехал он домой. И на счастье Анны в ту самую Сегежу, куда ехала и она с Аркадием.

; На второй верхней полке расположился молчаливый моряк, всю дорогу присматривающийся к Анне.

; Улучив момент, когда Василий вышел из купе, спросил, указывая на Аркадия:  
; - Сын?

; Анна ушла от ответа, пожав плечами.

; - Смотрю молчаливый он у вас. - Продолжал моряк. - Сколько времени едем, а он как старичок все молчок. Не встречались мне такие дети. А еще я думаю, что такая дама как вы может забыть в богом проклятой Сегеже?

; Анна подняла голову и внимательно посмотрела на соседа, стараясь поймать его ускользающий взгляд.

; Помолчали, глядя друг на друга.

; - Ну, понятно, - Усмехнулся моряк. - Вид у вас, дама, обманчивый. На первый взгляд - прямо интеллигентка. Я по началу думал, что вы закончили институт благородных девиц. Если вы помните, был такой.

; Теперь вот у меня сложилось другое мнение. Ежели вас копнуть как следует - такое может открыться! Беспокоить вас расспросами больше не буду. Почти все мне в вас ясно.

; Отъехала дверь купе, появился радостный Василий.

; - Подъезжаем! Дома скоро буду! Ух, гульнем! Давай, тетка, собирай ваши шмотки. Пацана одевай как следует. Надевай на него все, что есть. На дворе мороз — будь здоров!

; Поезд стоял на станции Сегежа две минуты. Они успели выйти из вагона, как паровоз загудел, вагоны дернулись, поплыли мимо освещенными окнами и оставили их в непроглядной темноте. Только над дверью барака, изображающего станционное здание, болтался тусклый керосиновый фонарь.

; - Знаешь что, тетка, - Василий подхватил чемодан Анны одной рукой, свой вещмешок перекинул через плечо, а другой рукой подхватил Аркадия. - Пошли ко мне. Тут вы погибнете не за понюшку табака. Вот юмор будет! - Он расхохотался. - Вернулся со службы с бабой и мальцом.

; Анна с трудом поспевала за ним.

; «Юмор», как предположил Василий, состоялся. Выскочившая было навстречу им радостная толпа родни и соседей вначале растерянно остановилась, а затем с пристрастием стала выяснять кто такая Анна и какие виды она имеет на свое будущее. Больше всего волновались женщины, выясняя животрепещущий вопрос, чей ребенок.

; Василий стоял в стороне и похохатывал притоптывая ногами от удовольствия.

; Разобравшись в происходящем и успокоившись встречающие завели нежданных гостей в избу посадили за стол. Аркадия заставили выпить стопку

водки. Анна пыталась возразить, но ее никто не стал слушать.

; - Что бы малый здоров был. Смотри он весь скукожился. Лечить его срочно надо!

; После того, как он храбро выпил, под ободряющий гул голосов, поднесенную ему стопку, сунули Аркадию в рот огурец, на ложке студню с куском хлеба и уложили на печь укрыв тулупом. Через минуту Аркадий спал.

; Заставили и ее выпить. Она не очень сопротивлялась.

; Стонала всхлипывая гармошка, топали по дощатому полу сапоги пляшущих, визжали женские голоса. Анна примостилась на лавке в углу и закрыла глаза.

; Только сейчас до нее стало доходить, какой опасности она подвергала себя и внука. С ужасом подумала, что бы с ними было ночью на таком морозе не попадись им по дороге веселый солдат Василий?

; Она так и уснула сидя.

; Проснулась от холода. Лежала она на лавке укрытая ее же шубой. Под головой маленький сенник. Нестерпимо болели бока.

; Анна встала, разминаясь подошла к печке. Аркадий завернутый в чей-то тулуп мирно спал.

; Рядом с печкой лежала вязанка дров и пучок лучины. Анна разожгла печь.

; - Умеешь, - Раздался за ее спиной насмешливый голос . А с виду не сказал бы.

; Анна отошла от печи и села за, неубранный после ночного пиршества, стол.

; Заросший бородатый дед в исподнем с накинутым на плечи ватником, сел напротив нее и пододвинул к себе тарелку со студнем, плеснул в стакан из бутылки.

; - Будешь? - Предложил он Анне.

; Анна отрицательно покачала головой .

; - Религия не позволяет? - Поинтересовался дед

; - Почему религия, - Удивилась Анна.

; - Студень то из хрюшки, - Пояснил он.

; - А! - Поняла Анна, - Крещеная я. Думала, что вы мне выпить предлагаете.

Студень поем. Давненько не приходилось.

; Взяла вареную картофелену, обмакнула ее в соль, насыпанную в блюдце, взяла хлеб, положила на него дрожащий кусок студня.

; - Сын? - Дед указал пальцем на печь.

; - Внук, - Анна оглянулась, ища свои вещи. Увидела чемодан стоящий в углу, на нем лежала сумка с документами и деньгами.

; Дед перехватил ее взгляд.

; - Не беспокойся.

; - А я и не беспокоюсь, - Спокойно ответила она ему и взяла вторую картофелену. - За постой и еду заплачу.

; - Ну да, - Дед согласно кивнул головой. - Чего же не заплатить? Святое дело. А чего приехала?

; - Ладно, отец, - Анна тяжело вздохнула. - Чего мы мы-тарить друг друга

будем? Все вы знаете и понимаете.

; Дед закивал согласно головой и плеснул себе еще самогона в стакан. Выпил. Прихватил рукой квашеной капусты из плоски и сунул в рот. Захрустел пережевывая.

; - Значит ежели он внук тебе, стало быть ты к дочери приехала? А? Я ведь как соображаю. Вроде сыновей таких, что бы тебе подходили, у нас тут не водится - Налил еще, поднял стакан, посмотрел на свет и медленно выпил. Утер усы и бороду рукой. - А девок тьма тьмущая. Понавезли телячими вагонами таких мамзелей... - Он замотал головой. - Сначала мы без понятия были. Теперь разобрались что к чему. Да ты ешь!

; - Спасибо. Мне бы чаю горячего

; - Сейчас хозяйка придет. Потерпи. Ты вот лучше скажи ка мне с кем же тебя связать надо? - Посмотрел с хитрецей. - Просвети меня, грешного. Вроде бы свиданки тут не разрешены.

; - Не надо меня ни с кем связывать. Вы только помогите добраться до комендатуры. Там я разберусь.

; - Да-а-а! - Засмеялся дед. - Тебя на козе не объедешь!

; - Васька! - Вдруг закричал он. - Подымайся!

; Хлопнули двери в сенях. В комнату вошла закутанная в платок женщина.

Размотала платок, сняла ватник. Кивнула Анне.

; - Пристает он к тебе?

; - Нет, - Успокоила ее Анна. - Мы просто беседуем.

; - Хорошо, - Женщина подкинула дрова в печь. - Василий сейчас подойдет и мальцу тулупчик и валенки принесет. У соседей раздобыли. Пальтишко то у вашего не для этой погоды. Мальчонка то вам кем приходится?

; - Внуком, - Сказал дед. - К дочери она приехала. А пальтецо у пацана, правда, одним духом подбито. Известное дело, с юга приехали.

; - Меня Татьяной зовут. Это, - Женщина указала на деда. - муж мой Игнатий Прокофьевич, а Василий - сын. Вчера так и не познакомились толком.

Суматоха! - Сказала женщина. - А вас как кличут?

; - Анна я.

; Опять хлопнули двери в сенях.

; - Ну, вот и Вася, воин наш родимый - Татьяна обняла вошедшего Василия. - Дождались счастья.

; - Поздравляю, - Анна улыбнулась Василию. - Он всю дорогу радовался, что домой едет. Пойду будить своего. Спит как сурок.

; - Я лошадь запряг, - Сказал Василий. - Давайте пацана будить и ехать пора.

; - Погоди. Я их чаем напою.

; Василий протянул Анне тулупчик и валенки.

; - Для пацана. Шмотки конечно не новые, но совсем целые. Один носил. Ваш вторым будет.

; - Спасибо вам, - Анна направилась к своим вещам. - Сколько я вам должна?

; Василий и Татьяна переглянулись.

; - А чего с нее брать то! - Вдруг нараспев сказал Игнатий Прокофьевич - Голыдьба она теперь. Мы с понятием. Раз дочь тут, то значит зять был да сплыл. А где он теперь — ей искать и искать. А чего его искать? Все одно - не найдет. Теперь у нее из богатств один внук остался.

; За что боролись, на то и напоролись! Крест теперь ей свой нести до скончания века. Ты небось из партийных, Анна? А? И наверно на каторге успела побывать? Смотрел, как ты печь растапливала - понял, не всегда ты городской была.

; Ну, вот и получила за все хорошее. Сначала мы получили от вас. Теперича вы. А от кого? Вот в чем вопрос! Философия! Кончилась ваша власть! Я так понимаю. Амба! А чья началась? Ась?

; Он торжествующе расхохотался и Анна неожиданно увидела, что он не такой уж старый. Наверно они ровесники.

; - Эх, ма! Давай им, мать чаю! Поднимай, Анна, свое богатство. Отвези их, Васька и обратно забери. Пешком они не дойдут. Когда твой билет обратно, революционерочка ты наша?

; - Завтра к вечеру.

; - Ну, значит еще раз переночуете у нас. Побеседуем. Страсть я этим делом люблю заниматься. Но с тобой трудно. Уж больно ты тертая.

; Дом был деревянный, двухэтажный. Срублен был совсем недавно. Приятно пахло смолой, словно в лесу.

; Женщина в военной форме проводила их на второй этаж, открыла дверь одной из комнат и сказав, что бы они тут ждали, ушла. Анна услышала как щелкнул замок в двери.

; Аркадий подошел к окну.

; За окном был виден ряд одинаковых длинных одноэтажных деревянных домов со странными узкими, продолговатыми окнами, расположенными высоко под нависающими крышами. Из кирпичных труб вились тощие дымки.

; Широкий двор был тщательно вычищен. Убранный снег аккуратно уложен в прямоугольные, квадратные или круглые сугробы с приглаженными боками, словно какой то великан играл тут со своими гигантскими формочками, как дети играют в песочнице лепя из песка куличики.

; Вся территория была обнесена высоким забором, по углам которого стояли башенки.

; Нигде не было видно людей и над всем этим странным, казалось как бы мертвым поселком, висела тишина.

; - Мама тут живет? - Аркадий отвернулся от окна.

; - Подойди ко мне, - Позвала его Анна. - Дай я тебя причешу, что бы ты у меня красивый был.

; В дверях щелкнул замок. Открылась дверь и вошла Люба одетая в синюю робу. На голове, низко надвинутая на лоб, косынка такого же цвета.

; - Постригли наголо, - Поняла Анна.  
; Какое-то время Люба молча, с закрытыми глазами, стояла около двери, прислонившись к косяку.  
; - Доча, - Тихо позвала ее Аня.  
; Люба открыла глаза, опустила на колени рядом с Аркадием и обняла его.  
; - Сколько у нас время? - Спросила Анна.  
; - Мало, - Люба отодвинула от себя Аркадия. - Какой ты большой.  
; В ее голосе и в том, как она смотрела на сына и на мать чувствовалась какая то отрешенность. Словно она находилась совершенно в ином мире и смотрела на них со стороны, через какую то преграду.  
; - Я скоро еще вырасту, - Пообещал он.  
; - Не спеши, - Вздохнула Люба.  
; - Рассказывай, - Попросила Анна.  
; Люба чуть оживилась, поднялась с колен.  
; - У нас тут бытует такое определение: «Относительно отлично». Так вот у меня вроде того.  
; Она с сомнением посмотрела на сына.  
; - При нем можно, - Успокоила ее Анна.  
; Она обняла дочь, стараясь вытащить ее из того, страшного мира, в котором она находилась.  
; - Я не знаю кто, но получается так, что есть у меня как бы покровитель. Кто-то за руку ведет. Меня очень быстро, с первым эшелонем, переправили сюда с Лубянки. Там было страшно. - Она прикрыла глаза ладонью и Анна почувствовала, что дочь опять от них уходит.  
; - Тут, на строительстве, я проработала всего одну неделю, а потом меня почему-то, хотя я не жаловалась, забрали в лазарет, а оттуда в Управление экономистом.  
; - Тут только женщины?  
; Люба кивнула головой.  
; - Большинство по пятьдесят восьмой с различными вариациями. А я и еще несколько девочек, как у нас говорят, из под тройки вылезли. Разницы пока никакой.  
; - А мужчины?  
; - Это уголовники. Другой лагерь. Рядом со стройкой.  
; - Живешь со всеми?  
; - Да.  
; - Нары?  
; - Пятидесятиспальные кровати. Так это у нас назы-вается.  
; Ну, вот слава богу пошутила, глаза заблестели. Нет. Показалось.  
; Сердце у Анны разрывалось от боли. Аркаша весь сжался. Со страхом смотрит на мать. Господи! За что нам все это?  
; - Вначале, после того как меня перевели в Управление, было очень тяжело.

Морально. Косились на меня девочки. Все думали, что я стукачка. Проверляли без конца. До истерики меня доводили. Потом откачивали. Сначала доведут, потом откачают. Под горячую руку и убить могли. Получалось так, что чем лучше мне, тем мне хуже. Сейчас вроде поверили.

; У нас ведь компания изумительная. Практически все с высшем образованием. И из консерватории, и из университета, художницы есть, и с литфака, врачи... Откуда хочешь! Работают девчонки на стройке. Обмораживаются часто. Это вот самая большая беда. Ну и похлебка. Хотя повара тоже наши. Поварихи из себя вылезают, но продукты...

; - К другим приезжают?

; - Нет, что ты! Вы первые. Мне сказали, что на свидание иду только по дороге сюда - не поверила. Все знают, что переписка и свидания запрещены. Передачи только твои. Делюсь. Минут на десять хватает. Все гадают, кто ты такая. Ты на старом месте?

; - Нет, слава богу! Но ты не волнуйся. Там, где я теперь - лучше. Люди хорошие.

; Помолчали.

; - Как я им расскажу, что вас видела? Я и говорить не буду. Для них это очередная травма. Только бы охрана не протрезвонилась - Люба опять закрыла глаза и молча сидела чуть покачиваясь, уходя в свой мир. Одна, без них.

; Чуть встрепенулась. - Нам обещали, что скоро разрешат переписку. Но только, как они говорят, отличникам про-изводства.

; Вздрогнули от щелчка замка в двери.

; - Пора, - в комнату заглянула женщина в форме. - Прощайтесь.

; Люба подошла к матери, прижалась к ней.

; - Мам, за что нас?

; - Он так решил.

; - Будь он трижды проклят!

; - Мы еще приедем, - Твердо сказала Анна. - Ты не беспокойся.

; - Теперь я не беспокоюсь. Теперь я совсем не бес-покоюсь, - Люба обняла сына и не отпуская его пошла с ним к выходу.

; Так они, обнявшись, дошли до двери. Люба провела носком ботинка по порогу.

; - Дальше нам с тобой вместе нельзя.

; Ушла.

; Им пришлось еще немного посидеть в этой комнате, пока за ними пришла все та же в военной форме женщина, и вывела их за ворота.

; Около проходной, пританцовывая на морозе, их ждал Василий. Они сели в сани. Аркадий прижался к Анне и тяжело вздохнул.

; - Ты чего? - Забеспокоилась она.

; - Жалко, что мы с тобой вместе поехали. Если бы отдельно, то я рассказал бы тебе и про поезд, и про то, как на лошади ездили, и про печку, на которой я спал, и про солдата Василия, и даже как мне водку давали. Ты бы все ахала и

делала вид, что не веришь мне. А так мне и рассказывать некому. Даже Иосифу?

; - Даже ему, - Подтвердила Анна.

; - Ань! А почему мама такая стала?

; - Какая, деточка?

; - Я не знаю. Другая совсем.

; Татьяна проводила их до порога, а Игнатий Прокофьевич и Василий повезли на вокзал. Приехали рано. До поезда ждать надо было минут двадцать.

; - Поезжайте, - Анна протянула руку провожающим. - Спасибо вам за все.

; - Э нет! - Игнатий Прокофьевич замотал головой. - Я тебя Анна должен в вагон запихнуть вместе с внуком твоим. Вот тогда я спокойный буду.

; А еще я тебе последний вопрос задать должен. Вот ты женщина грамотная. Судя по всему везде побывавшая. Подозреваю, что до самого верха доходить тебе приходилось. Ты первая к нам такая прикатила - не побоялась. Значит за твоей спиной сила какая-то есть, которая тебя сюда пустила. Или храбрости в тебе через край?

; Скажи ка мне, бывшему, как вы говорите, кулаку, а теперь тоже не бедному человеку потому, что если голова есть и руки растут откуда надо, бедствовать не будешь, чем вся эта бодяга кончится?

; - При жизни нашей с вами - ничем.

; Анна посмотрела на Игнатия Прокофьевича и усмехнулась. - Вот так и будет.

; - Значит все молчать будут и как овцы на заклание идти? И не найдется человека, который заговорит?

; Анна продолжала смотреть на него с усмешкою.

; - Тогда такая вещь получается. Выходит половина народу в России нашей сидеть будут, а другая половина — их сторожить. Размножаться в такой обстановке будут только те, кто сторожит и семя от них пойдет такое, что работать не сможет, а только сторожить. Чем такая хреновина кончится?

; Загудел подходящий паровоз.

; - Не ответишь ты мне по тому оторопь, что берет тебя оторопь от слов моих. А ты думаешь я один так думаю? Прав?

; - Она молчала.

; - Тогда прощай, товарищ Анна.

; - Прощай, Игнатий! Прощай, Васенька! Не поминайте лихом. Чего это вы так с нами обошлись?

; - Ищи в себе, - Сказал Игнатий Прокофьевич, подсаживая Анну в вагон и передавая ей Аркадия.

; - Эй! - Закричал Василий, - Чемодан ваш дома забыли.

; - Пустой он теперь, - Засмеялась Анна. - Вам на память.

; - Ха-ха-ха! - Заливался Василий. - Чемодан забыли! Ну, юмор!

Поезд тронулся.

; 1939 год

;

; Анна сидела в маленькой комнатке без окна, очевидно бывшем чулане, приспособленном под кабинет директора интерната.

; - Вы мне, Анастасия Константиновна, через коммутатор не звоните. - Просит Анна. - У вас же мой прямой телефон есть?

; Локтионова согласно кивала головой.

; - И не стесняйтесь, - Анна доверительно дотронулась до руки директрисы. - Если у вас появляются какие-нибудь проблемы, я всегда готова вам помочь.

; Ох, беспокойно на душе у Анны. Зачем Локтионова пригласила ее сразу на следующий день после их возвращения из поездки в Сегежу?

; Она знает, что во время ее отсутствия в интернат была зачислена первая партия ребяташек, родители которых уезжали на работу в Заполярье. Среди них двое, фамилии и имена которых, передала ей Нино. Включить их в общий список детей горняков проблемы не составило. Первая проба реализации ее плана пока проходила вроде нормально.

; Анна мысленно сплюнула три раза, чуть повернув голову налево, что бы не сглазить.

; На сколько это возможно, Нино детей подготовила, но дети есть дети. Если с ними как следует поговорит опытный человек — правда неминуемо откроется.

; - Анна Андреевна, голубушка!

; - Очень хорошо, что я голубушка, - Думает Анна. - Только что ты мне сейчас преподнесешь?

; - Мне очень не хотелось вас расстраивать. - Анастасия Константиновна всем своим видом показывает как ей неприятно причинять боль Анне и если бы не крайняя необходимость, она бы ни за что не начала бы этого разговора.

; Анне кажется, что стук ее сердца колоколом разносится в маленькой комнатке.

; Тут до нее начинает доходить, что пути отступления, в случае провала, она не продумала. Все ведь просчитывала кроме одного, что делать в случае если правда откроется. Совершенно непростительно для человека, прошедшего ее школу.

; Господи! - Неожиданно приходит ей в голову мысль, - Я же у себя. В своей стране. Партия, моя партия, членом которой я являюсь, - победила и пришла к власти! И после ее победы чем я вынуждена заниматься?

; Где Веня? Где Люба? Где «Совесть партии» Сольц?

; Тут ей в голову приходит мысль что, Сольц знал, что будет так? Если знал, то тогда зачем все это? Какой смысл жить?

; Может кулак Игнатий, спрятавшийся в Сегеже, как таракан в щель, попивающий самогон и философствующий в свое удовольствие, прав?

; - Вы меня слышите, Анна Андреевна?

; - Да, да, конечно.

; - Аркадий после того, как он у вас провел неделю, всю ночь плакал. Понимаете, спит и плачет. Во сне. Что же такое может сниться, что доводит ребенка до такого состояния? Юлия Васильевна еле-еле его успокоила.

; Анастасия Константиновна горесно вздыхает.

; - Главное в чем у нас с ним проблема. Он плачет, а почему — молчит. И добиться причины мы так и не смогли. Он целый день просидел волчонком. И не ел почти ничего. Слава богу, сейчас немного успокоился.

; Я вам свое мнение выскажу, как педагог. Только вы на меня не обижайтесь. - Локтионова наклоняется к Анне. - Не надо его надолго брать. Он у нас привыкает, успокаивается.

; - Полностью согласна с вами, - Анна поднялась. - Я хотела как лучше. - Добавила она потеряно, как бы извиняясь посмотрела на Локтионову. - Как знать, что правильно, а что нет? Сейчас очень я жалею, что так поступила. - Она облизала пересохшие губы. - Водички у вас тут нет? Пить ужасно хочется.

; - А вот компотику попробуйте. Он кисленький. Как раз, то что надо.

; - И еще, - Локтионова многозначительно посмотрела Анне в глаза. - Не считаете ли вы, что будет лучше включить его в список детей горняков? А то письмо, из ЦКК, мы уберем.

; О, черт! Неужели догадывается? Долго она меня мучить будет? Так ведь с ума сойти можно.

; Но не выложишь же ей всю правду. Дама она умная, кажется порядочная.

; А что значит «порядочная»? Куда она должна пойти, считая себя законопослушной, порядочной гражданкой с такими сведениями?

; Что бы правду ей сказать — два года проверять ее надо и после этого решать, что открываться не стоит.

; О чем это она говорит про Аркадия, мол он у нее успокаивается? От чего успокаивается? После чего ребенок вынужден успокаиваться? Как же из этого чертова круга можно выбраться?

; - Конечно, Анастасия Константиновна. Сейчас готовится вторая партия ребят и во второй список я включу Аркадия. А компот у вас, действительно, просто замечательный.

; - Понимаете, - Локтионова старается говорить потише. - Если Аркадий будет в списке горняков, то вам придется платить меньше. И разница будет чувствительная.

; - Вы правы, - Изображая неподдельную радость сог-лашается Анна. - Экономия — дело важное. В нашей жизни каждая копейка... Да что я вам говорю! Вы же все понимаете.

; - Конечно все понимаю, - Директриса взяла Анну под руку, провожая ее к выходу. - Хочу с вами поделиться. Наблюдаю я за людьми, которые едут в Заполярье и приводят ко мне детей. До чего разный народ, скажу я вам. На одних смотришь — настоящие горняки. Прямо чувствуешь, что приехали из Сибири или из Украины. Здоровяки такие! У некоторых даже на лицах черные

точки. И жены у них такие же дотошные. Прежде чем детей отдавать, все у нас посмотрят. И с воспитателями поговорят. Чувствуется, что за своих детей болеют. И, что интересно, дети у них прямо несут на себе отпечаток провинции. Ну, не городские это дети. Другие то по русски плохо говорят.

; А тут привела к нам двоих мальчиков чернявая такая дама. Фигурка у нее тоненькая и одета, доложу я вам, шикарно. Шуба норковая, все заграничное. И в шляпе. Духи у нее, доложу я вам, умопомрачительные! «Красная Москва» перед ее духами просто укус. Я уже забыла, что такие шикарные дамы бывают. Давно не видела. Вы же понимаете, все на работе, на работе.

; Пока она детей оформляла, все наши девочки бегали на нее смотреть. По акценту — грузинка, но лицо странное. Вдруг щека у нее стала дергаться, когда я спросила про дети, что они у нее вроде русские. Потом вроде успокоилась. А детей она привезла каких-то пришибленных. Что-то у них общее с нашим Аркашенькой. Сейчас они вроде как отогрелись.

; Мы думали, что она на машине приехала. А потом смотрим, пешком пошла на Мещанскую. Господи! Да что она там делать будет с такой фигурой за Полярным Кругом?

; - Наверно кто-нибудь попросил ее детей отвести. Может кто-то сам не смог, - Предположила Анна.

; - Я тоже так подумала, - Согласилась с ней Локтионова. \_ Наверно кто-то не смог и попросил. Грузины люди отзывчивые.

; - Слушайте, Анна Андреевна! Я ж вам самого главного не сказала. Вчера приходил к нам ваш архитектор. Его Зарецкий фамилия, правильно? Ну так вот. Началось строи-тельство нашего нового дома. Знаете где? На Красной Пресне.

; Признаюсь вам, что когда я вас первый раз увидела, то подумала: это счастье наше пришло. Вот честное слово!

; Распрощались.

; Анна прошла на Мещанскую. Ей повезло. Только она подошла к остановке, как подкатил троллейбус второй номер.

; - Остановка кинотеатр «Уран», - объявила кондуктор.

; Анна вышла из троллейбуса, отошла к витрине кинотеатра, что бы не мешать прохожим, открыла сумочку. Фотография Вени, когда-то демонстративно порванная чекистом при обыске и подобранная тайком Татьяной, была на месте.

; Нянька тогда сказала, наблюдая как Анна пытается склеить кусочки фотографии, что жизнь не склеишь.

; Была права. Где она теперь? Ушла не простившись. Не по человечески. Очевидно решила, что теперь каждый только за себя.

; Сначала все намеривалась искать ее. Котовым звонила. Коля в горы, как обычно, подался, а с женой его, что со стенкой говорить.

; Да Бог с ней! Страшно, что после стольких лет прожитых вместе, человек может так поступить. Это как же перепугать людей надо, что бы они обо всем святом забыли.

; Художественное фотоателье находилось в следующем от кинотеатра доме.

; - Что же я так волнуюсь? Ну, порвалась фотография. Это ведь можно объяснить как угодно. Просто случайно рвала ненужные бумаги, а она лежала между ними, - Анна толкнула дверь ателье.

; Звякнул колокольчик прикрепленный к двери. На его звон, откинулся синий занавес, вышел прихрамывающий маленький человечек.

; Сняв на ходу клеенчатый фартук он оказался одетым в черную бархатную кофту с белым галстуком «бабочкой». Он радостно улыбнулся Анне, как старой знакомой, и церемонно поклонился.

; - Как мадам желает сфотографироваться? Может быть портрет? - Усадив Анну в кресло, фотограф пригладил ладонью остатки шевелюры на своей голове и положил перед нею альбом. - Посмотрите на мои работы и вы поймете что правильно сделали, мадам, что пришли ко мне. Я последний фотограф-художник в этом городе. Иных уж нет, а те далече. Остановимся на портрете? Я могу позвать парикмахера, если вы пожелаете.

; Анна переворачивала плотные листы альбома. С фотографий на нее смотрели молодые и пожилые лица людей. Дамы с распущенными волосами или в умопомрачительных шляпах с вуалью. Усатые щеголи, одетые в костюмы с желетами, опирающиеся на трости. Семья, сидящая вокруг граммофона с большущей трубой.

; - Погибший век, - Подумала Анна. - Осталось только изображение.

; Она закрыла альбом.

; - Да, я закажу вам портрет. И такой большой, какой вы только сможете сделать. - Анна открыла сумочку и достала порванную фотографию Вени и положила ее на стол перед фотографом.

; Фотограф долго смотрел на снимок не прикасаясь к нему потом поднял глаза и так же долго смотрел на Анну.

; - Я это сделаю, - Просто сказал он и спрятал фото-графию в ящик стола. - Вы можете не волноваться.

; Это будет прекрасный художественный портрет в раме под стеклом, который будет висеть у вас долго-долго. Всю вашу жизнь и жизнь ваших детей.

; Он будет переходить по наследству от поколения к поколению и не бояться солнца. Я умею это делать. Он будет смотреть на вас и радоваться, что вы его помните.

; И это значит, что жизнь его будет продолжаться. Вы будете жить за него. Мы все в этой жизни живем за кого-то, кого любим. Мы должны прожить ту жизнь, которую они не дожили. Они нам ее дарят.

; - Спасибо, - Анна вышла из фотоателье и уже через полчаса подходила к зданию Наркомата.

; Около входа стояла черная «Эмка».

; Сердце сжалось.

; Наркоматские шофера около этого подъезда свои машины никогда не ставят, а

заезжают под арку во внутренний двор.

; - О, черт! Пуганая ворона куста боится. Пропади все про-падом! - Анна решительно открыла дверь и вошла в вестибюль Наркомата.

; Она почувствовала прикосновение чьей-то руки к своему плечу. Вздрыгнув обернулась. Перед ней стояла Нино, одетая, как обычно, во все черное.

; - Не волнуйтесь, Анна Андреевна. Ничего не случилось. Все в порядке. - Нино взяла ее под руку и отвела в сторону.

; - Я должна уехать из Москвы. Наверно совсем. Теперь к вам будет звонить и вы будете встречаться вон с тем товарищем. — Она чуть заметным движением руки указала на стоящую в пол оборота к ним изящную женщину в норковой шубе. - Ее зовут так же как и меня.

; - Ей можно доверять? - Анна с сомнением посмотрела на норковую шубу.

; Нино рассмеялась

; - Поверьте, даже больше чем мне.

; Женщина в норковой шубе повернулась к ним и улыбнулась Анне.

; - Прощайте, дорогая, - Нино крепко пожала Анне руку. - Вы очень хороший товарищ. Очень жаль, что мы расстаемся. Мечтаю о том времени, когда мы сможем принять вас в нашем доме в горах. Клянусь, вы будете самым дорогим гостем нашей семьи.

; Анна почувствовала, что она хочет обнять ее, но вторая Нино нетерпеливо указала ей рукой на выход.

; - Прощайте.

; Анна проводила женщин взглядом. Через стекло витрины она видела как они сели в, испугавшую ее, машину.

; Она не стала ждать пока спустится лифт и пошла на свой этаж пешком по лестнице.

; - В вечном страхе жить нельзя! В вечном страхе жить нельзя! - Повторяла она в такт шагов. - Смысл жизни есть борьба! Смысл жизни есть борьба!

; Тут она вынуждена была признаться себе, что с поэзией у нее получается не очень. «нельзя» и «борьба» не очень рифмовались.

; Она поднялась на свой этаж и пошла по широкому коридору с сивым от частого мытья, паркетом.

; Ей навстречу шли люди, мужчины и женщины. Улы-бались ей. Кто-то приветственно поднимал руку, кто-то кланялся. Кого-то она уже знала, кого-то, как ей казалось, видела первый раз. Но все они так искренно радовались встрече с ней.

; И с каждой встреченной улыбкой, с каждым поклоном, с каждым пожатием руки, сердце ее билось все спокойнее и спокойнее.

; - Андреевна! - раздался в телефонной трубке сердитый басок Вахрушева, - Где тебя носит?

; - Я дома, - Неожиданно для себя самой сказала Анна,

; - Где? - Не понял Василий Васильевич.

; - Прошу прощения, товарищ Нарком. Я вам нужна?

; - А как же!

;

; 1940 год

;

; Сопещание закончилось. Народ потянулся к выходу из кабинета. Вахрушев задержал секретаря парткома.

; - Ты вот все должен знать. Объясни мне такой феномен: Все нормальные работники рвутся в отпуск летом и желательно в Сочинский «Шахтер». А вот Иванова - все не как люди, говорит, что пойдет отдыхать в октябре месяце.

; Допрашиваю я ее с пристрастием, куда ехать хочет. А она мне — в Ленинск-Кузнецкий.

; Что-то я в сомнении, насчет этого курорта, - Хохотнул Вахрушев. - Там же кроме двух терриконов, на поверхности никаких достопримечательностей нет.

; Шутки шутками, но она же у нас в таком режиме работает по пятнадцать часов ежедневно, что ей без лечения никак нельзя. Угробим женщину.

; Объясни мне ,пожалуйста, Николай Николаевич, что она забыла в этом Ленинске-Кузнецком, чего ее туда несет? Если не знаешь — выясни.

; - А тут никаких секретов нет. Если вы, Василий Васильевич, разрешите мне выкурить тут у вас папиросу, то я вам объясню этот, как вы выразились, феномен, а то все товарищи позаседали и курить пошли, а вы меня одного мытарите. За что мене такие страдания?

; - Кури. Черт с тобой! Я окно открою.

; - Надо вам знать, что Ленинск-Кузнецкий до двадцатых годов именовался станцией Кольчугино. - Начал секретарь парткома, устроившись около приоткрытого окна.

; - Так вот, исходя из анкетных данных члена ВКПб с 1912 года товарищ Ивановой и из устных рассказов, хорошо ее знающих товарищей, в октябре 1918 года в Кольчугино был расстрелян Колчаковцами член Центрального Исполкома Советов Сибири Иванов Аркадий Федорович.

; - Теперь понятно, - Шкирятов поморщился от папи-росного дыма.

; - Понятно, да не все. История эта с продолжением. - Николай Николаевич с сожалением погасил папиросу. - Жена его, Анна Андреевна, которая была в то время на нелегальном положении, явилась из Томска в Колчаковскую контрразведку в Кольчугино и потребовала, что бы ей выдали тело мужа.

; Своего добилась и захоронила мужа, как полагается, в поселке.

; Неужели вы не знали эту историю?

; - Не знал. А у тебя откуда такие сведения?

; - Каганович рассказывал, когда переводили ее сюда из ЦКК. Утверждал, что услышал такие подробности от самого Иосифа Виссарионовича. Говорил, что Сталин с Ивановым большими друзьями были. С Аркадием Федоровичем и с Анной Андреевной Иосиф Виссарионович вместе Нарымскую ссылку отбывали.

; - Вон, откуда тянется! А ведет она себя... - Вахрушев прошелся по кабинету. - В жизни не подумаешь! И напор у нее есть и хватка, а все получается не для себя старается.

; Это ведь она первая из начальников канцелярий наркоматов стала секретарей в шесть вечера отпускать домой и самой за них тут со мной париться - Вахрушев покачал головой и поднял трубку телефона.

; - Местком? Вот что, дорогие товарищи. Напишите ка мне служебную записку с просьбой откомандировать Иванову Анну Андреевну в Кузбас на шахты в городе Ленинск-Кузнецкий.

; Как для чего? Вы же на нее интернат взвалили? Вот пускай едет и делится своим опытом работы с детскими учреждениями . Нет, еще не все.

; Необходимо обеспечить ее путевкой в «Шахтер».

; Это ничего, что она заявление не подавала, получит рас-поряжение — подаст как миленькая. У меня все.

; - Вы ее плохо знаете, Василий Васильевич. Она скандал поднимет, - Глядя, с нескрываемой жалостью на Наркома, сказал Николай Николаевич.

; - А это тебе, секретарю парткома, с ее скандалами разбираться. У меня все.

; - Гражданка! Что с вами? Вам плохо?

; Анна открыла глаза. Над ней склонилось незнакомое женское лицо. Кругом что-то стучало. Под ней все раскачивалось. Она никак не могла сообразить где находится.

; - Вы спали и плакали во сне, - Сказала женщина. - Просто ужасно плакали и по этому я вас разбудила.

; Анна села, чуть не ударившись о верхнюю полку и, наконец, проснулась окончательно. Стучали колеса на стыках. Раскачивался вагон .

; Этот проклятый сон, который ее постоянно преследует. Бесконечный строй барачных уходящих за горизонт, тощенькие дымки из кирпичных труб, вычищенный плац и снег, сложенный в прямоугольные, квадратные и круглые сугробы. А кругом забор до неба опутан колючей проволокой.

; - Мы так играем, - Говорит Анне Люба, показывая на странные сугробы, - Это наши куличики. Нам говорят, что надо так делать, что бы было красиво.

; - Они так играют! - Кричат с вышек вохровцы — Мы их стрижем наголо, что бы было красиво!

; Анне не по себе, потому, что Люба смотрит не на нее, а куда-то мимо, словно ищет кого-то. Наконец она поворачивает голову в ее сторону и пытается дотрагиваться до ее руки, но Анна прикосновения не чувствует.

; Она старается схватить дочь за руку, что бы вытащить ее из того состояния, в котором она находится, но Люба руку медленно отводит и начинает неспешно уходить, словно растворяться, все дальше и дальше, вдоль барачных, сугробо-куличиков и чем дальше она уходит, тем становится все меньше и меньше и, наконец, исчезает совсем.

; Остается только забор с колючей проволокой. Тут появляется знакомое усатое

лицо и успокаивает Анну: «Ну, что ты так волнуешься? Она же у тебя привыкла!»

; - Извините, - Анна села, укрывшись одеялом. - Ужасно несправедливо. Мне почему-то снятся только ужасы севера, а приятные южные сны не получаются. Мечтаю, что бы приснился пляж и набегающая волна.

; Мне знающие люди сказали, что если я найду на пляже «куриного бога» - это такой голыш с дырочкой, то будут сниться только хорошие сны и все они сбудутся. За месяц перекопала весь пляж и все таки нашла я этого «куриного бога».

; Рада была, вы даже не представляете как, а сны снятся все плохие. Обманули меня наверно.

; - Нет, - Уверенно возразил ей тенорок с верхней полки напротив. - Вас просто не научили главному. Вашего «куриного бога» надо носить на шее на веревочке и снимать только тогда, когда вы идете на партийное собрание, что бы не подумали, будто вы носите крестик. Конечно, если вы член партии. Вот тогда сны будут то, что надо!

; С полки над нею захихикали.

; - Давайте сменим тему, - Строго сказала соседка, разбудившая Анну и стала устраиваться на свой полке. - Кому как, а у меня дорога длинная. Я спать хочу.

; В купе стихло. Анна легла, закрыла глаза, но сон не шел и она стала думать о том, что все ее замыслы в этом году получаются.

; За то, что она поедет отдохнуть в Сочи она выклянула для интерна на следующее лето целых шесть дач в поселке Ильинское. При этом ей удалось убедить Наркома Вахрушева, что он еще легко отделался в связи с ее хорошим настроением в настоящий момент. Могло быть гораздо хуже.

; Вахрушев довольно похахатывал и похлопывал ее по плечу, выпроваживая из кабинета.

; А потом первый раз в жизни она увидела бездонное синее небо, бескрайнее синее море и белые гребешки волн. Конечно ее мучила совесть. Наверно по этому ее преследует этот сон. Наверно по этому. И никуда от него не уйти и не спрятаться.

; Бараки, колючая проволока, часовые на вышках; Аркаша в интернате, ставший, не по своей воле, Ивановым; Иосиф, старающийся подружиться с сыном Любы и Вени; она, вздрагивающая при виде черной «Эмки» и идущая, озираясь, на свидание с Нино, что бы отправить в зону очередную передачу с продуктами, полученными в распределителе Старых Боль-шевикиов и Политкатаржан.

; От всего этого она наверняка сошла бы с ума, если бы однажды, по чьей-то воле, она не пришла бы на площадь Ногина в темно-серое громадном здании Наркомата угольной промышленности с Наркомом Вахрушевым во главе и многими другими людьми, приютившими ее, интуитивно старающимися спрятать ее от всего этого ужаса.

; Трое суток не уставая стучат колеса, раскачивается вагон. На завтрак, обед и ужин заранее сваренные яйца и курица, кусок хлеба и чай, который приносят проводники. Бесконечные разговоры с попутчиками о погоде, о детях, о кинофильмах, о чем угодно. Главное в этих беседах тщательно избегать опасные темы.

; В Томске, где она должна была пересесть на поезд идущий через Ленинск-Кузнецкий, с ней случился казус.

; В ожидании поезда она бродила по городу вспоминая с грустью все, что было связано с этим городом. Хорошее, плохое и страшное. В конце-концов, судьба привела ее на улицу, на которой стояла городская тюрьма.

; Анна подняла голову и прочитав вывеску с номером дома к своему изумлению узнала, что находится на улице имени Аркадия Иванова.

; Это ее так поразило, что она простояла около здания тюрьмы несколько дольше, чем это можно было чем-то объяснить, кроме явно нездорового интереса к этому объекту. Одинокая женщина, долго стоящая у стен узилища, так взволновала охрану, что срочно был вызван наряд, препроводивший Анну в помещение комендатуры.

; Тут же состоялся звонок по телефону в местный отдел НКВД, откуда немедленно прибыл оперативный сотрудник для выяснения обстоятельств задержания подозрительной особы.

; После того как прибывший чекист, внимательно ознакомившись с документами товарищ Ивановой А. А. и сделавший несколько звонков по телефону, события начали развиваться с такой быстротой и по такой программе, что Анна стала серьезно опасаться, что на свой поезд, который должен доставить ее в Ленинск-Кузнецкий, она определенно не попадает.

; Прежде всего ей пришлось провести экскурсию по городской тюрьме для ее сотрудников.

; Попутно показать дверь камеры-одиночки, в которой провела время до и после родов дочери, по ходу информируя о порядках, царящих в царском застенке.

; В ответ на ее просьбу посмотреть саму камеру, начальник тюрьмы предпочел сменить тему разговора, дав понять абсурдность подобного желания.

; Затем она попала в городской отдел НКВД, где поделилась с сотрудниками, срочно собранными в Ленинской комнате, воспоминаниями о работе Томской милиции, которой руководил ее муж, в те далекие годы становления Советской власти в Сибири.

; После этого состоялась встреча в горкоме ВКПб.

; И только решительно отказавшись от обеда, она добилась, что ее с почетом вернули на вокзал за несколько минут до отхода поезда следующего в Ленинск-Кузнецкий.

; Прибываем, - Сообщила ей проводница, заглянувшая в купе.

; Анна вышла в тамбур. Платформа была на уровне рельс. Она взялась за поручни и стала осторожно спускаться по ступенькам крутой вагонной

лестницы.

; Мужчина в кожаном пальто с неожиданно знакомыми чертами лица, подал ей руку и помог спуститься.

; - Вы Иванова? Я Родюков Иван Николаевич. - Представился он. - Главный инженер шахты имени Кирова.

; - Да, это я - Анна уже ничему не удивляясь подтвердила Анна..

; - А где ваш багаж?

; - Вот, - Она подняла саквояж.

; - Понятно, - Иван Николаевич забрал его и, взяв решительно Анну под руку, повел ее мимо здания вокзала на площадь.

; - Сколько дней в дороге?

; - Четыре, - Вздохнула Анна.

; - Понятно.

; Они подошли к машине. Анна с удовольствием отметила, что «Эмка» покрашена в, непривычный глазу, коричневый цвет.

; - В гостиницу, - Скомандовал Родюков шоферу.

; Анна смотрела в окно. Конечно узнать, что-то через столько лет невозможно. Единственное, что ей напомнило то время - дощатые тротуары.

; Иван Николаевич забрал у дежурной ключи от номера.

; - Пойдемте, - Пригласил он Анну. - Посмотрим, что они вам приготовили.

; Придирчиво осмотрев номер он остался доволен.

; - Располагайтесь. Сегодня мы вас трогать не будем. Вам после такой дороги один день отмокать и два отлеживаться.

; Анна рассмеялась.

; - Вы обо мне плохо думаете.

; - Ну, почему плохо, - Родюков внимательно посмотрел на Анну. - Нормально думаю. Вот вам телефон шахтоуправления. Если что — звоните. Я пошел. До завтра.

; Они стояли около невысокой пирамиды заканчивающейся жестяной красной звездой. На лицевой стороне надгробия надпись: Иванов Аркадий Федорович. 24 января 1881 — 25 октября 1918. На земле лежали искусственные цветы.

; Очевидно пирамида была выкрашена в голубой цвет совсем недавно. Буквы тщательно выведены золотом.

; - Это они к моему приезду постарались, - Подумала Анна. - А так, наверно, могила запущена.

; Она вздохнула и решила, что надо договориться со сторожем, что бы присматривал.

; Анна повернулась к стоящему рядом заросшему седой бородой деду и аккуратно, что бы не обидеть сопровождавшего ее Родюкова, высказала ему свою просьбу.

; Открыв сумочку она стала совать старику в руки деньги, но он стал отмахиваться от нее.

; - Тут однажды человек приходил. - Сообщил он Анне. - Может в этом году. А может быть в прошлом. Запомнил я. Но не зимой. Это точно! Он памятник красил и буквы выводил.

; - Какой человек? - Спросила Анна.

; - Да, странный, какой-то. Борода седая, усы седые. Всклокоченные. Худющий. Говорил, что художник.

; - А еще что говорил?

; - Сторож пожал плечами.

; - Выпили мы с ним за упокой праведника, а больше ничего.

; - Но он себя как-то называл? - Пытала старика Анна

; - Не местный. Это точно. Такого в городе бы все знали. У нас похожих на него нету. - Уверенно сказал сторож. - С мешком он был. А там у него все, что надо было. И краски и кисти. - Он помолчал немного, стараясь что-то вспомнить. Потом добавил: - Вроде Николаем его кличут. Как покрасил, так он отсюда сразу на вокзал пошел.

; Родюков и сторож отошли, оставив ее одну.

; - Тебя нет, - Прошептала Анна. - Валериана нет, Сольца нет, Косарева нет.

; Ты не думай, я ни о чем не жалею.

; Все так получилось потому, что наших сил не хватило, но все еще впереди. Я в этом уверена потому, что я не одна. Очень много настоящих людей. У Любы — сын Аркадий. Он со мной. Очень постараюсь, что бы он был похож на тебя.

; Я буду тверда, как ты велел, уходя от меня. Я не сетую и не горюю, как ты мне велел. Клянусь тебе, что постараюсь уберечь Любу и Аркадия.

; Она обернулась к спутнику.

; - Иван Николаевич! Мне стыдно, что я вас от дела отвлекаю. Вы не волнуйтесь, я одна теперь справлюсь.

; - Не сомневаюсь, - Родюков открыл дверь машины, вынул из салона букет цветов и передал его Анне. - И за могилу вы не переживайте. Присмотрим за ней.

; Только раз вы мне поручены, то должен вас познакомить со всем, в объеме утвержденной программы.

; Сейчас к нам присоединится председатель шахткома, мы с вами перекусим, а потом покажем наши достижения.

; Председателем шахткома оказалась обладательница крепко сколоченной фигурой и зычным голосом, женщина.

; - Нина Ивановна, - Протянул решительно руку.

; После дружеского рукопожатия Анне потребовалось усилие, что бы не вскрикнуть и даже не поморщится. С удовлетворением почувствовала, что произвела на председательницу должное впечатление.

; Машина медленно ехала вдоль улицы.

; - Стоп! - Скомандовал Родюков шоферу. - Дальше мы пешком пройдемся.

; - Вот, Анна Андреевна, эту школу шахта построила три года тому назад. А за

школой — ремесленное училище. В прошлом году открыли. Дальше стройка. Вот туда мы и пойдём.

; Он открыл калитку и пропустив вперед Анну они подошли к строящемуся двухэтажному зданию.

; - Давай, шахтком, хвастайся.

; - Это, товарищ Иванова, - детский сад на сто пятьдесят ребятишек. Шесть групп. Строится по проекту архитектора Зарецкого. Вашего, наркоматского. Планируем открыть в июне будущего года.

; Видите какие большие окна? Это зимние террасы. В них дети днем будут спать.

; - Не замерзнут? - Подыграла председателю шахткома Анна, догадываясь заранее какой ответ услышит. - Сибирь, все таки.

; - А они у нас спать будут в спальнях мешках. Мы знаем, что у вас в Москве дети спят тоже на холодных террасах в ватных мешках. Мы, правда, на шахткоме решили, что лучше меховые заказать, - Небрежно добавила Нина Ивановна.

; - Так сказать, москвичей переплюнуть. - Засмеялась Анна.

; - Ага! - Весело подтвердила председатель шахткома. - Мы тоже не лыком шиты! Вы когда уезжать собираетесь?

; - Завтра.

; - Очень жаль. В воскресенье у нас во Дворце культуры детский концерт-смотр будет. Вроде как соревнование среди детских садов шахт города. Вас бы в судейство выбрали бы.

; - Пора и честь знать, - Анна озаботилась как избежать прощального рукопожатия. - На работе ждут.

; Председатель шахткома протянула Анне руку, но рукопожатие не состоялось. Анна обняла Нину Ивановну. - Очень мне у вас понравилось.

; - Спасибо вам за все, Иван Николаевич — Анна положила ключи от номера на конторку дежурной. - Мне очень приятно было с вами познакомиться.

; Она помолчала, думая стоит ли продолжать разговор и спрашивать о том, о чем очень хотелось спросить.

; - Жаль, что не хватило время поговорить.

; - Да, время немного осталось, - Родюков посмотрел на часы. - Машина есть. К поезду успеем. А может вы и уезжать раздумаете?

; - Нет, не раздумаю. Я в семье крайняя. От меня родные люди зависят. Вся их жизнь. Так сложилось.

; Помолчала немного.

; - Что спросить я вас хочу. Родюков Алексей Дор-мидонтович вам дядей приходится?

; - Приходился. - Иван Николаевич сумрачно посмотрел на Анну. - Революция его жизнь остановила. Из Родюковых нас двое осталось от всего рода. Пока.

; Вас, как я понимаю Юрий Александрович интересуется? Так он сначала на

Хасане был, а после Халкин Гола в госпиталь попал, а из госпиталя прямо на Финскую.

; Пока сведений о нем не имею, но что жив — знаю точно. Сослуживец его недавно мимо проезжал. Привет передавал.

; Он мне привет, я — ему. А больше некому. Бобыли мы с ним. Еще знаю, что писал он вам, но письма возвращались «За отсутствием адресата».

; - Да, - Усмехнулась Анна. - Адресат действительно по тому адресу отсутствовал. - Еще раз спасибо! - Анна подняла с пола саквояж. - Теперь уж точно пора.

; - Если Юрий Алексеевич объявится, что ему передать?

; - Вы ему скажите где меня искать. Хорошо? И привет ему передайте.

; Родюков кивнул головой.

;

; 1941 год

;

; - Иванова! Будь человеком!

; - Не паясничайте, Лев Романович.

; - Не паясничая я, а коленопреклоненный прошу тебя: пойдём в кино.

; - Вы с ума сошли, товарищ Шейнин. Какое кино?

; - «Ошибка инженера Кочина». Анна Андреевна, очень тебя прошу.

; - Когда же идти? Я же до полуночи работаю.

; - Знаю. Но воскресенье-то есть. Я ни приставать к тебе, ни ныть не буду. Я, если скажешь, на другой ряд билет себе куплю. Ты послушай, какие актеры играют: Доронин, Любовь Орлова, Жаров, Раневская! Фильм века!

; - Лев, признайтесь, кто автор. Вы? Что молчите? Ладно, берите билеты на воскресенье. Только не раньше восьми вечера. Раньше я не смогу.

; - Спасибо. Я билеты в «Уран» возьму. Там сеанс в восемь тридцать.

; На окне кассы их встретила табличка «Все билеты проданы»

; Шейнин помахал перед носом контролерши документом в красном переплете и потребовал пропустить их к администратору.

; - И не начинайте этого разговора, граждане! Не терзайте мое старое сердце! - Администратор изо всех сил старался закрыть перед Шейниным дверь своего кабинета. - Приходите завтра. - Натужено хрипел он.

; Лев Романович, упираясь ногой в дверь, продолжал размахивать своим документом.

; - Что значит у вас нет билетов? Вы знаете с кем вы имеете дело? Я Шейнин! Я автор этого фильма! Вы прочитайте, что написано в документе, который я вам предъявляю. Что тут написано? Вы видите? «НКВД СССР»

; - Что же вы раньше молчали, дорогой товарищ Шейнин? - Замурлыкал администратор, оставив дверь своего кабинета в покое и обняв Льва Романовича за талию. - О каких билетах может идти речь? Вы не один? Вы с дамой? Прошу покорно простить меня за то, что сразу не признал вас. Разрешите я провожу вас

на подготовленные специально для вас места.

; Предварительно согнав с мест какую то молодую пару, он усадил их в центре пятого ряда и поспешно взобрался на маленькую сценку перед экраном.

; - Дорогие товарищи зрители! Разрешите сообщить вам приятнейшее известие. Этот наш сеанс посетил автор прекрасного фильма, который вы сейчас увидите, товарищ Шейнин. - Он подождал реакции зала. Раздались жидкие аплодисменты.

; Лев Романович встал и небрежно поклонился залу.

; Анна готова была провалиться сквозь землю.

; Слава богу свет погас и на экране инженер Кочин стал совершать ошибку за ошибкой. Наконец его бездумные поступки переросли в преступления, но бдительные органы нашей страны во время остановили его и направили на путь истинный. Врагам нашей Родины не смогла помочь даже ослепительная улыбка Любовь Орловой. Анна поймала себя на том, что ей очень было очень обидно, за такую блистательную актрису, которую заставили играть шпионку.

; Из глубины экрана выплыло лаконичное слово «конец». В зале стали зажигаться люстры. Зрители шумно начали вставать и дружно двигаться к дверям, над которыми горели надписи «выход».

; К Шейнину подбежало несколько девиц и восторженно защебетали, делясь с ним своими впечатлениями и протягивая билеты с просьбой дать автограф.

; Лев Романович расстегнул пальто и достал отливающую перламутром авторучку, чем поверг своих почитательниц в священный трепет и начал священно действовать милостливо раздавая автографы.

; Анна в сторонке терпеливо ждала пока Шейнин насладиться успехом у прекрасной половины человечества и, наконец, вспомнит о ней, но девицы продолжали щебетать, Лев Романович вертел авторучку в руке. Последние зрители покинули зал.

; - Шейнин, - Анна направилась к выходу. - Я пошла. Спасибо за вечер.

; - Иванова! - Опомнился Лев Романович. - Да, постой ты, Иванова. - Он подхватил ее под руку. - Ну, что тут поделаешь! Издержки славы!

; Они вышли в темный двор и тут оказалось, что встреча со зрителями у автора не закончилась. Их обступила компания с требованием продолжать процедуру раздачи автографов. На этот раз, кроме девиц Анна увидела подходящих к ним поклонников мужского пола.

; Группа окружила их. Один из парней оттер ее от Шейнина и, схватив за ручку ее сумочки, дернул на себя.

; Анна совершенно не была настроена расставаться с дорогой для нее вещью, тем более, что в сумочке лежал партийный билет и пропуск в Наркомат. Она решительно потянула сумочку к себе.

; - Отдай! - сказал парень и снова потянул сумочку к себе.

; - На! - Сказала Анна и размахнувшись, изо всех сил ударила грабителя ногой.

; Очевидно удар пришелся именно в то место, куда целилась Анна, потому, что

парень скрючился и сел на корточки.

; В это время раздался истошный женский крик: « Автора грабят! Караул!»

Крику стала вторить трель милицейского свистка.

; Двор моментально опустел. Сидящий на корточках парень попытался последовать за своими товарищами, но Анна, схватив его за шиворот, прижала к земле.

; К ним подбежал милиционер, осветил фонариком. Тонем победителя сказал:

; - Спокойно, товарищи! Без паники! Предъявите доку-менты.

; - А этого куда? - Анна кивнула головой в сторону сидя-щего и тихо поскуливавшего грабителя.

; - А! Гражданин «Верблюд». - Радостно сказал милици-онер, направив на парня луч фонарика. - Идти-то можешь? Куда тебе угодили? - Милиционер сочувственно хмыкнул. - Так и без наследников не долго остаться.

; Они вышли на освещенную Сретенку.

; Анна посмотрела на Шейнина и с трудом сдержалась, что бы не рассмеяться. Лев Романович весь был обляпан грязным снегом, шляпа исчезла, рукав пальто был оторван.

; Милиционер взял протянутую Шейниным красную книжечку. Внимательно прочел и став по стойке «смирно» отдал честь.

; - Вот ведь, какая история, товарищ оперуполномочен-ный. Тут у нас и Сухаревка и Минаевка. Шпаны - пруд пруди! Но вы не сомневайтесь! Ваших мы всех выловим, - Он указал на парня, которого держала Анна. - Этот вот как раз из Минаевских. Он нам всех сдаст. У вас что пропало?

; - Кошелек, - Пробурчал Шейнин.- И шляпа. Велюровая. - Уточнил он

; - И авторучка, - Напомнила Анна. - Вся такая перламут- ровая. Заграничная. Очень ценная вещь. Без нее писателю и такому следователю, как товарищ Шейнин никак нельзя.

; - Мы понимаем, - Милиционер взял под руку Мина-евского «Верблюда». - Пошли! Попал ты, парень, по полной программе. - И обернувшись к Шейнину добавил, что очень извиняется, начальству будет все доложено и меры будут приняты.

; - Так, - Сказал Шейнин. - Придерживая оторванный ру-кав пальто. - Меры они, конечно примут, но что мне делать? Куда я в таком виде и без копейки денег?

; - Ладно, - Вздохнула Анна. - Пошли.

; Пока Анна и Тося пытались очистить пальто и брюки Льва Романовича, Фердинанд дал ему одеть свои спортивные трико, с трудом натянув их и посмотрев на себя в зеркало, Шейнин окончательно расстроился.

; Он сел на стул и придвинувшись вплотную к столу, спрятав таким образом свою нижнюю половину, стал с интересом оглядывать комнату. Прежде всего он обратил свое внимание на сундук, затем его заинтересовал «Шредер» красного дерева и, наконец, взгляд его остановился на портрете Вени, висящем над пианино.

; Лев Романович уже собирался о чем-то спросить Анну, но тут на столе, конечно после Тосиноного разрешения, появилась бутылка коньяка. Анна достала банку шпрот и коляску колбасы из распределителя Старых Большевиков.

; Тося пошла гладить писательские брюки, а Анна, сев на диван, стала колдовать с рукавом пальто. Предварительно женщины переглянулись и шепотом наметили, на всякий случай, план действий, как вежливо выпроводить писателя, когда наступит время прощаться, а у него возникнет желание остаться на ночь.

; По мере того, как бутылка пустела, разговор Льва Романовича с Фердинандом Гансовичем становился все оживленнее и оживленнее. Тося и Анна стали беспокоиться все больше и больше. Они тщетно пытались вклиниться в разговор и направить его в нужное им русло. Но Льва Романовича понесло.

; - Вот вы, уважаемый Фердинанд Гансович один из ведущих специалистов в международных отношениях.

; - Ну что вы, Лев Романович!

; - Защитили докторскую диссертацию!

; - Нет, ну что вы. Только написал и получил одобрение и прошел апробацию.

; - Вот! - Поднял указательный палец Шейнин. - Следовательно вы будете согласны, что международное положение, к настоящему времени, сложилось критическое. Как мы уже с вами успели обсудить, нашему западному визави доверять нельзя. Нас ждут не простые времена.

; Он с грустью разлил остатки коньяка в рюмки и вопросительно посмотрел на Фердинанда Гансовича. Тот в ответ тяжело вздохнул и попытался подняться со стула.

; Маневр этот не остался незамеченным и Тося, предварительно прижав мужа к стулу, торжественно вручила Льву Романовичу отглаженные брюки.

; - Это повод! - Ухватился за спасительную нить Шейнин. - Необходимо выпить за прекрасные женские руки.

; - Чаю, - Безапелляционно заявила Тося.

; Тоскующий взгляд Льва Романовича вновь остановился на портрете Вени.

; - Надо выпить за этих людей, - Сказал он торжественно указывая на портрет. - Они стоят того, что бы остаться в памяти человечества навечно. Я, пожалуй, могу рассказать вам одну историю. - Заинтриговал он.

; Анна достала из буфета бутылку Кагора, - Все что у меня есть. Не обессудте.

; Тося с укоризной посмотрела на нее.

; - Рассказывайте! - Анна отложила пальто Шейнина, села за стол и налила вино в рюмки.

; - Ну, не историю, а так, сказочку, - Поправил себя Шейнин. - В некотором царстве, в некотором государстве собралась однажды лихая компания. Ну, не то что собралась, а скорее некие компетентные органы собрали ее.

; Все мужики в этой компании подобрались опытные, жизнь прошедшие сложную, смелые и, что главное, с большим чувством юмора. Надо вам сказать, что в том месте, где они пребывали, юмор главный помощник и спаситель.

; Сели однажды эти ребята друг напротив друга и решили пойти навстречу тем, кто их собрал. Так сказать, облегчить им жизнь и самим придумать, за какие такие дела их тут всех собрали. Дело в том, что с поводом собрать их, были большие трудности, а если честно говорить, то повода вовсе не было. Одно желание. Но приличие-то надо соблюсти.

; Короче говоря, через пару часов сформировали они подпольную организацию, целью которой было свержение существующей власти. Для достижения этой цели они разработали коварный план — осушить Каспийское море. А чего мелочиться? Размах должен быть!

; По мере того, как с каждым из них провели беседу они во всем признались. Протоколы бесед подписали.

; Так в протоколах и было записано черным по белому: «Осушали Каспийское море». Что и требовалось доказать.

; За это они все получили по заслугам, но по мере возможности, избежали лишнего физического воздействия и сократили срок своего пребывания в этом гиблом месте.

; Потом, когда разобрались — было уже поздно, так что решили на такие пустяки не обращать внимания.

; Теперь давайте выпьем за отвагу, юмор и презрение к смерти.

; - Это вы сами только что выдумали, Шейнин?

; Тося даже вздрогнула от хриплого голоса Анны.

; - Нет, - Шейнин опрокинул в рот рюмку и налил снова. - Но никто не докажет, что я вам эти сказочки рассказывал. - Он помолчал и, вздохнув, добавил, что они там и не нуждаются в доказательствах. Доказательства — пустяки.

Пережитки это.

; Анна подала ему пальто.

; - Допью сначала.

; Шейнин взял бутылку, подумал немного и, задрвав голову, выпил остатки вина прямо из горлышка.

; Анна с Тосей вышли в коридор провожать гостя. Лев Романович надел пальто, подергал, пришитый Анной рукав, и вдруг обратил внимание на опечатанную дверь комнаты.

; - А это что?

; - То самое, - Анна открыла входную дверь. - Спасибо за вечер.

; - Черт! - Выругался Шейнин. - У меня все не как у людей! Мечтал я закончить этот вечер... - Он не закончил фразу и пошел спускаться вниз по лестнице. За его спиной хлопнула дверь.

; Женщины вернулись в комнату Анны. За столом сидел Фердинанд Гансович и остановившемся взглядом смотрел куда-то вдаль.

; - Фердик, ты что? - Забеспокоилась Тося.

; Фердинанд тряхнул головой, словно пробуждаясь от гипнотического сна.

; - Я, пожалуй, еще чегонибудь выпил.

; - У меня больше ничего нет, - Извиняясь сказала Анна.

; - Сейчас принесу, - Тося вышла из комнаты.

; - Черт бы его подрал, - Фердинанд стукнул кулаком по столу. - Он ведь не врал! Писания свои он из жизни берет. Я сегодня спать не буду.

; По утрам Анну будил бодрый стук доносящийся с улицы. Дворники скалывали, образовавшийся после оттепели, лед на тротуарах.

; Ничего не подделаешь! Март месяц. Днем солнце растит сосульки на карнизах. Теперь не только под ноги смотри, что б не попасть в колдобину, но и что висит над тобой интересуйся.

; Министр сдержал слово и первого июня интернат переехал на дачу в Ильинское.

; - Вы волшебница, Анна Андреевна, - Анастасия Кон-стантиновна обняла Анну. - О такой роскоши мы и мечтать не могли. Когда вы к нам первый раз пришли я сразу поняла, что это к нам судьба пришла. И не обманулась.

; Аркадий прижался к Анне.

; - Знаешь! Мы ехали на автобусах далеко-далеко и долго. Я никогда так далеко не ездил без тебя. Ты теперь ко мне редко будешь приезжать?

; - Да что ты, родной. Я постараюсь быть у тебя каждое воскресенье. Тебе тут нравится?

; - Ага! - Сказал Аркадий и убежал потому, что Юлия Васильевна позвала всех детей старшей группы на обед.

; - Вам на той неделе проведут телефон, - Сообщила Анна - Вы мне позванивайте.

; - Непременно, - Заверила ее директриса.

; В кабинете у Вахрушева сидел начальник особого отдела.

; - Проходите, Анна Андреевна. - Василий Васильевич был необычно хмур. - Тут у нас с вами некоторые изменения намечаются.

; Особист кашлянул, достал какую-то бумагу и, заглядывая в нее сказал, что надо будет товарищу Ивановой распорядится, что бы в ее кабинет перенесли пишущую машинку.

; - Вы ведь работать на ней умеете? Теперь некоторые документы особой важности придется печатать вам самим.

; Анна посмотрела на Вахрушева. Тот в подтверждении слов особиста кивнул головой.

; - Все? - Поинтересовалась Анна.

; - Все, - Подтвердил особист.

; - А что я с этим документом дальше делать буду?

; - Вам скажут, - Особист укоризненно покачал головой. - Вы свою инициативу не проявляйте. Каждый должен заниматься своим делом. Мы своим, а вы своим.

; Вахрушев поднял голову и посмотрев на Анну и уселся в кресле поудобнее, очевидно предвкушая удовольствие от продолжения разговора.

; - Мои требования следующие, - Анна приготовилась за-гибать пальцы на руке.

; - Вот как вам скажут — так оно и будет, - Повысил голос особист.

; - Мои требования следующие, - Спокойно повторила Анна.

; Совершенно неожиданно для себя она отчетливо вспомнила текст документа, регламентирующего распечатку секретной документации, который они составляли вместе с Аркадием Федоровичем в Томске.

; - Черновик документа, который я буду перепечатать, должен приносить мне работник особого отдела в специально отведенный для этой цели кабинет.

; Вместе с черновиком он приносит необходимое количество бумаги для печати и для копирования. После того, как я отпечатаю документ, он относит его вместе с использованной копиркой в место, предусмотренное инструкцией.

; Все время, пока я буду работать с этим документом этот сотрудник должен находиться рядом со мной.

; В отведенном помещении кроме стола без ящиков, двух стульев и пишущей машинки больше ничего не должно быть. Соответственно у представителя вашего отдела должен быть журнал передачи особо важных документов.

; Ключи от этой комнаты должны находиться в особом отделе в единственном экземпляре в запечатанной шкатулке. Естественно, что вам придется разработать инструкцию размножения документов особой важности.

; Она перевела дыхание.

; - Кажется я высказала все требования.

; - У нее все, - Удовлетворенно сказал Вахрушев.

; Начальник особого отдела обиженно подобрал нижнюю губу и направился к двери.

; - погоди! - Вахрушев добродушно усмехнувшись остановил его.

; - Ты же всех наших машинисток сначала забраковал, а ее анкету, вдоль и поперек изучал, да со своим начальством согласовывал, прежде чем к такому делу допускать. Ведь наверняка читал, что она политкатаржанка со стажем. Думаешь столько лет подполья ее ничему не научило?

; Насчет мужа ее покойного интересовался? Нет? А зря. Он в Сибири в восемнадцатом году милицию организовывал, а Андревна вместе с ним была. А ты обижаться вздумал!

; - Ладно, - сказал особист. - Проехали. Суровая вы женщина, товарищ Иванова.

; - Это у нее есть, - согласился Вахрушев. - Палец в рот ей совать не рекомендуется.

; Особист вышел.

; Анна посмотрела на Наркома.

; - Иди, Андревна, - Устало сказал Василий Васильевич. - Надо подготовиться к большой работе. Силы понадобятся, мозги понадобятся и удача ох как будет нужна. Про тебя говорят, что удачливая ты.

; - Не знаю, - И уже подходя к двери кабинета Наркома тихо сказала: - По мелочам - наверно, а так — нет.

; Опять ей на ум пришла пьяная болтовня Льва Романовича. Что-то они с Фердинандом рассуждали насчет визави? Надо будет остороженько попытаться соседа. Только Пископель не Шейнин. Из него ничего не вытащишь. Но попробовать надо.

; На днях она печатала инструктивное письмо руководству Западных угольных бассейнов, предписывающее уничтожение шахт в случае ситуации «Ч». А перед этим письмом целый день пришлось печатать план эвакуации предприятий угольной промышленности. И опять в случае этой ситуации. Что это за ситуация «Ч»?

; На днях небольшая группа хозяйственников укатила в командировку в город Молотов. Что там угольщики потеряли или что собирались найти?

; Значит ли это, что такая ситуация под грифом «Ч» предполагается? А если так, то почему бы и ей не приготовиться к такой ситуации самой?

; Председатель шахткома в Ленинск-Кузнецком помнится хвасталась, что здание детского сада на сто пятьдесят мест они должны открыть к маю этого года. Надо будет проверить.

; «Уважаемый Иван Николаевич!

; Пишет Вам Иванова Анна Андреевна, с которой вы познакомились в прошлом году во время моей командировки в Ленинск-Кузнецкий. Я хочу Вас еще раз поблагодарить за то отношение, которое было проявлено в отношении меня.

; Мне очень приятно было узнать, что шахта, на которой Вы работаете очень хорошо закончила 1940 год и перевыполнила план добычи угля. По итогам прошлого года многие члены вашего коллектива, в том числе и вы, удостоены правительственных наград. Поздравляю Вас.

; Удалось ли Вам выполнить свои обязательства по вводу в действие еще одного детского учреждения, строительство которого Вы мне показывали?

; Конечно мне хочется узнать, есть ли у Вас сведения о Юрии Алексеевиче.

; Хочу пожелать Вам всяческих успехов на производстве, в личной жизни и сибирского здоровья.

Сообщаю Вам мой адрес: город Москва, Панкратьевский переулок, дом № 6, квартира № 138

; С товарищеским приветом,

; А. Иванова

; Теперь каждую ночь возвращаясь домой она, прежде чем открыть дверь в квартиру, заглядывала в почтовый ящик.

; Как обычно, ее встречал Фердинанд Гансович. Он выходил из ванной, размахивая затекшими руками, сжимая и разжимая кулаки, массировал поясницу, снимал очки и, протирая их замшевой салфеткой, сочувственно отвечал на ее немой вопрос, что почты сегодня опять нет.

; - Но это ничего не значит, - Успокаивал он ее. - Все еще впереди. В жизни очень важно, когда есть надежда. Ее ни в коем случае нельзя терять, потому, что вместе с надеждой мы потеряем и саму жизнь. По этому поводу я ухожу спать и

желаю вам спокойной ночи.

; Ей позвонили из хозяйственного отдела

; - Анна Андреевна! Пожалуйста завтра зайдите к нам и принесите ордер на вашу комнату.

; - В чем дело? - Стараясь не выдать волнения, строгого спросила Анна.

; - Мы вам выдадим другой в связи с тем, что вам выделяется дополнительная жилплощадь. У вас в квартире есть свободная комната. Теперь она будет передана вам.

; Анна шла домой и думала о том, как она посмотрит в глаза своим соседям. Пископпели семьей ютятся в одной комнате, а я, практически только приходящая, что бы переспать, буду занимать две комнаты.

; - Ордер получу, а комнату отдам Тосе, - Решила она. - Сразу так им и скажу.

; Она открыла дверь квартиры и с удивлением увидела, что ее встречает не только Фердинанд. Около двери в свою комнату стояла Тося в праздничном платье. Тут Анна обратила внимания, что и Фердинанд одет в костюм.

; Автоматически она посмотрела на часы. Часы показывали два часа ночи. Что за праздник намечается в такое неурочное время?

; - Вот, что я хочу сказать вам, дорогие соседи... - Начала было Анна приготовленную речь.

; - Дорогая Анна Андреевна! - Торжественно перебила ее Тося. - Поздравьте нас. Во первых Фердинанд защитил докторскую диссертацию, во вторых в июле месяце его назначают заместителем Наркома, в третьих — нам дают квартиру, - Взвизгнула она.

; - В четвертых, - Фердинанд протянул Анне конверт. - И по всем этим поводам мы должны немедленно выпить!

; Анне хватило характера отложить чтение письма. Они выпили поочередно за каждое событие.

; - Я закурю, - Попросила Анна.

; - Конечно! - Тося махнула рукой. - Но, скажу вам по секрету, эту комнату я сдавать не собираюсь. Жизнь такая, что и не знаешь где поглядят, а где и ударят. Да и вам соседей менять — приключения искать.

; Анна затянулась, сложив губы бантиком направила в открытую форточку тонкую струйку дыма.

; - Фердинанд Гансович! Когда покой закончится?

; Фердинанд поковырял вилкой в своей тарелке, подцепил пару шпрот, отправил их в рот.

; - Скоро.

; - Пойду я спать, - Анна погасила папиросу. - Спокойной ночи. Еще раз поздравляю.

; « Дорогая Анна Андреевна!

; Иван Николаевич передал мне Ваш адрес и вот я пишу Вам первое в жизни письмо.

; Я небольшой любитель эпистолярного творчества. Уверен, что при отсутствии таланта, выразить чувства невозможно. Напишется не так и прочтется нето, что хотелось бы высказать.

; Жизнь у меня сложилось так, что я все время опаздывал на встречу с Вами. Все время Вы ускользали от меня.

; Только однажды внук Ваш расстарался и организовал мне нашу встречу, за что ему большая благодарность.

; Милая, Анна Андреевна! К великому сожалению, по долгу службы и чести, я лишен права распоряжаться своей судьбой, но в июле месяце у меня будет очередной отпуск.

; Прошу Вашего согласия на нашу встречу.

; Мой адрес: Войсковая часть полевая почта 10953

; Всю жизнь преданный Вам,

; Юрий Родюков.

;

; Анна посмотрела на часы. Шел четвертый час ночи, а Нарком из кабинета не выходил. Она перевернула лист календаря на своем столе. 22 июня 1941 года. В 1872 году в Москве открылась Первая Всероссийская выставка...

; - Иванова!

; - Слушаю, товарищ Нарком.

; - Вызвать всех сотрудников по спискам 1 и 2.

; До Ильинского ей удалось дозвониться только к вечеру.

; - Анастасия Константиновна! Вы должны быть постоянно готовы по первому требованию вернуться в Москву.

; Ей в кабинет принесли раскладушку, подушку, одеяло и комплект белья. Она позвонила Тосе и предупредила, что бы ее не ждали.

; Тося что-то кричала ей в трубку, но в это время зазвонил местный телефон и разговор с соседкой пришлось прервать. Только на следующий день она смогла еще раз дозвониться домой.

; - Анна Андреевна! - Торопливо сообщила ей Тося. - Письмо вам пришло. Военное.

; - Прочтите, Тося, - Попросила Анна

; - А тут всего несколько слов. Он пишет, что возможно их часть будет проезжать через Москву и он постарается к вам забежать.

; - Ну, да, - Вздохнула Анна. - Он конечно забежит только меня, как всегда, не застанет. - Положила телефонную трубку. Подумала о том, что это действительно судьба так распоряжается - не встретиться им никогда.

; - Иди-ка ты, горемыка, заниматься делами. Благо их у тебя по горло.- Приказала она себе.

; - Василий Васильевич! Я к вам с такой проблемой, решение которой только в вашей власти.

; - Давай Андревна, только скоренько.

; - Распорядитесь, что бы были мобилизованы все машины Наркомата для вывоза детей из Ильинского. Кончается август. Достать машины в другом месте не получается.

; - Давай, действуй от моего имени. Постой, - Остановил, он ее. - На сколько ходов вперед ты просчитала, Иванова со своим детищем.

; - На два, Василий Васильевич.

; - За моей помощью будешь обращаться?

; - Да.

; - Просвети.

; - В Ленинске-Кузнецком только что построено, но еще не сдано в эксплуатацию здание детского сада на сто пятьдесят мест.

; - Готовь проект распоряжения. Цены тебе нет, Иванова!

; - Василий Васильевич, и письмо к железнодорожникам.

; - Анастасия Константиновна! Завтра машины будут у вас.

; Три месяца она не видела Аркадия. Три месяца она не передавала передачи Любе. Связь с Нино была односторонняя. Где ее искать? Как ее искать? Что дальше будет?

; В июле начались бомбежки. Стали привычными вой сирены, в небе мрачные громады аэростатов ПВО, мечущиеся, словно фантастически длинные сабли, лучи прожекторов, пальба зениток, натуженный рев моторов бомбардировщиков и пожары.

; Каждый вечер приходилось спускаться в подвал, служивший бомбоубежищем.

; Заканчивался сентябрь. Ей позвонили из комендатуры. Сказали что пришла к ней женщина и просит побыстрее спуститься в вестибюль первого подъезда.

; Новая Нино подняла руку, что бы Анна ее увидела. На этот раз она была одета скромно, но все равно выделялась среди людей, толпившихся в вестибюле в ожидании встречи или оформления пропуска, удивительно изящной фигурой и манерой держаться.

; Анну так и подмывало спросить ее, не из старинного ли грузинского княжеского она рода происходит.

; Нино отвела ее в уголок. Зло улыбаясь рассказала:

; - Вся администрация лагеря разбежалась, а за ней вохровцы. Говорили, что у них уже канонада слышна была. Врали.

; Женщины организовались и решили самостоятельно идти в Петрозаводск по железной дороге. Не знали, что это триста километров. Ко всему прочему они обнаружили, что продуктовый склад пуст. Все равно пошли. У них другого выхода не было. Триста женщин в возрасте от восемнадцати до сорока лет.

; Анна увидела, что одна щека у Нино подергивается и злая улыбка на ее лице становилась страшной.

; - На третий день дошли до полустанка Пергуба. Не все. Ваша дочь дошла. На их счастье стояла там пустая баржа с буксиром. Команда над ними сжалась и доставила на Волховстрой. Там свой лагерь. Так что их под охрану снова взяли

и сумели отправить этапом дальше на восток.

; Постояли молча, думая каждая о своем.

; - С ложкой во рту они все родились. Шансов выбраться от туда у них практически не было. Баржа эта к ним с неба упала

; - Откуда такие сведения? - Спросила Анна. - Я понимаю, что вопрос глупый.

; - Результат следствия и суда над администрацией и охраной по законам военного времени.

; - А дальше что с ними будет?

; Нино пожала плечами - Они свой срок отбыли. С учетом их добровольного возвращения будет им снисхождение. Возможно, - Поспешила она поправиться.

- Скорее всего отправят на поселение. Северный Урал, Сибирь, Казахстан. Пока у меня сведений других нет. Будут — сообщу если жива буду. Вы на казарменном положении? Значит сюда к вам звонить буду. Прощайте.

; Началась эвакуация.

; - Давай, товарищ Иванова, действуй! - Приказал Вахрушев.

; Ей удалось получить разрешение на «теплушки», обо-рудованные для перевозки людей.

; - Каждый вагон рассчитан на 8 лошадей или сорок человек. Ваших ребятишек влезет больше.

; - У меня их сто пятьдесят. И еще обслуживающий персонал.

; - Можете рассчитывать на пять вагонов. Готовьте списки для оформления пропусков. Место погрузки получите по сек-ретной связи.

; Шестнадцатого октября Анна бежала вдоль состава скользя по колдобинам замерзшей земли, изо всех сил стараясь не упасть и кричала, что бы Аркадий выглянул в окошко теплушки. Наконец она увидела его испуганную физиономию.

; - Мы тут, мы тут! - кричала ей Юлия Васильевна. Она сняла его с нар, устроенных в два этажа по обе стороны вагона и подвела к двери.

; - Миленький ты мой! - Сказала ему Анна и протянула флягу наполненную молоком и плитку шоколада. - Родненький ты мой!

; Ее оттолкнула в сторону женщина и стала подсаживать в вагон плачущую девочку.

; - Вы что делаете? - Стала говорить ей Юлия Васильевна. - Мы не можем вас взять с собой! У вас нет пропуска. Вас просто высадят.

; - Возьмите ребенка! - Кричала женщина. - Я вас умоляю, возьмите ребенка!

; Состав медленно начал двигаться.

; Аркашенька! Мы будем вместе! Ты слышишь? - Кричала Анна. Стараясь не отставать от вагона. - Ты меня слышишь. Аркашенька-а-а?

; За ней бежали другие женщины, стараясь на ходу посадить своих детей в открытые двери вагонов.

; Анна выбилась из сил и остановилась.

; У нее за спиной остановилась та, что сумела посадить своего ребенка в вагон к

Юлии Васильевне.

; - Вы успели? - Голос хриплый. Чувствуется, что женщина еле переводит дыхание. - Наверно это последний поезд.

; Анна кивнула головой.

; - Это что, детский дом?

; Анна снова кивнула головой. Говорить она не могла. Перехватило горло. Заплакать бы, но слез не было.

; - Куда их повезли?

; - Ленинск-Кузнецкий — Голос какой-то сиплый. Связки наверно повредила когда кричала.

; К ним подошли еще несколько женщин.

; - Где это?

; - Сибирь.

; Раздались сдавленные рыдания

; - Туда может немцы не дойдут, как думаете?

; Последняя теплушка в хвосте состава, помаргивая красным фонарем, уезжала все дальше и дальше и скоро затерялась среди переплетения рельсов.

; Взвыли сирены объявляя воздушную тревогу.

;

;

; 1968 год

;

; Анна стоит внизу около машины, держа в руках портфель в котором лежат самые главные документы нашей семьи. Портфель она держит двумя руками прижимая его к груди, а мы, с моим приятелем Иваном Менжерицким, носим книги.

; - Я вообще, по жизни, везунчик, - Просвещает нас Иван. - Представляете, что бы было со мной, если бы эти книги пришлось бы носить не вниз, а вверх на пятый этаж, да еще без лифта.- Он закрывает глаза очевидно представляя себе этот кошмар.

; - Да, - Соглашается с ним Анна. - Мне в жизни везло меньше. Ровно тридцать лет тому назад я носила все эти книги вверх.

; - Одна? - Изумляется Иван. - И вам никто не помогал? -

Он с укоризной смотрит на меня. - А ты где был?

; - Он помогал, - Защищает меня Анна.

; Она всегда меня защищает. Всю мою жизнь.

; Если как следует вспомнить все перипетии в нашей жизни, то не хватит пальцев на обеих руках у меня, у моей жены Маргариты и дочери Тани, когда Анна спасала нас от оче-редных неприятностей.

; - Отдохните, мальчики, - Командует Анна и мы втроем садимся на садовую скамейку. Она достает свои папиросы «Беломор», а мы с Иваном сигареты «Наша марка».

; - Как вы можете курить эту махорку, - Возмущается Иван. - Попробуйте наши и поймете сколько вы потеряли в своей жизни.

; - Каждому — свое, - Анна разминает туго набитую табакон папиросу, дует в мундштук. - Что касается того, что я много потеряла в жизни, то ты прав. С другой стороны я и нашла много. - Она думает с минуту, словно сравнивая свои приобретения и потери - Но, к великому сожалению это не уравнивается. Потерь — больше.

; - Если как следует вдуматься, то такая ситуация у всех, - Успокаивает ее Иван.

; Шофер вылезает из машины и интересуется у нас долго ли мы еще собираемся грузить книги и выдержат ли у его машины рессоры.

; Иван со вздохом гасит сигарету.

; - Такой разговор испортил. - Выговаривает он шоферу и обращается ко мне, - Пошли. Я бы этому архитектору, который забыл спроектировать в этом доме лифт...

; - Я тебя познакомлю с ним, - Обещаю я ему. - Он живет в соседнем доме.

; Мы забираем последние пачки книг и задерживаемся, потому, что Тося выстраивает свою гвардию в коридоре и грозя пальцем поочередно Эдику, Алику и Марине проводит с ними инструктаж:

; - Дети, - Сурово требует Тося. - Без меня ни кому и ни при каких обстоятельствах, не открывать дверь! Кто бы не пришел.

; - А при тебе? - Эдик уточняет ситуацию.

; - И при мне тоже! Мы будем жить на осадном положении! - Квалифицирует их будущее Тося.

; - Даже если милиция, - Робко спрашивает Алик.

; - Даже если милиция! Я эту жилплощадь никому не отдам! - Заверяет, теперь уже бывшая, наша соседка. - Пусть звонят, пусть стучат на здоровье, а мы открывать не будем.

; Инструктаж закончен. Теперь нам путь открыт и мы спускаемся вниз последний раз.

; Мы перевозим Анну на новую квартиру. Во-первых, в новой квартире не две, а целых три комнаты. Правда все три комнаты по площади немного меньше наших старых двух.

; - Эти комнаты немного напоминают мне встроенные шкафы, - Грустно говорит моя мать, - Но на это можно не обращать внимания. Самое главное, квартира расположена на третьем этаже и в новом доме есть лифт

; Накануне переезда Анна позвала Тосю к себе, - Вот все мои жировки, Тося - Сказала ей Анна. - И за квартиру и за телефон и за газ. Плати за все, стой насмерть и ты победишь! Твое дело правое! Твоя вечная мечта об отдельной квартире должна наконец свершиться.

; Тут я должен сделать отступление от повествования о переселении Анны Андреевны и Любовь Аркадьевны на новую квартиру.

; Считаю своим долгом рассказать, что в свое время все Тосины надежды на

назначения Фердинанда Гансовича заместителем наркома и получение по этому поводу долгожданной жилплощади в одночасье рухнули с началом войны.

; Вернувшись из эвакуации Пископпели какое-то время еще уютись в своей комнате в нашей «голубятне», пока в 1945 году Фердинанда Гансовича назначили полномочным представителем нашей страны в международной объединенной репарационной комиссии стран-победительниц и Пископпели всей семьей уехали в Германию.

; Когда работа комиссии закончилась, главу семейства наградили за отлично выполненную работу, а потом арестовали, обвинив его в измене Родине. Так в то время бывало.

; В чем конкретно выражалась эта измена ему толком не объяснили, но присудили к высшей мере наказания.

; Правда, надо отдать должное правосудию тех времен, наказание быстро пересмотрели в сторону смягчения и высшую меру заменили пожизненным заключением.

; Антонина Захаровна с тремя детьми вернулась в свою комнату на пятом этаже и, проявив недюжинные организаторские способности, кормила и одевала свое семейство, одновременно ожидая, тогда вполне возможное, изменение в своей судьбе, прислушиваясь ночами к посторонним звукам, доносящимся с лестничной клетки.

; Слава Богу - обошлось.

; А в одно прекрасное воскресенье января 1954 года позвала ее Анна в свою комнату и сказала, что нечего сидеть сложа руки. Надо действовать!

; - Пиши Тося о пересмотре дела Фердинанда. Требуешь его полной реабилитации. Вот тебе бумага и ручка. Пиши. Что писать и куда я тебе продиктую.

; Через год Фердинанд Гансович приехал домой. На работу в Министерство он не вернулся, а стал преподавать в одном элитном высшем учебном заведении экономику.

; Время, проведенное в лагере, сказалось на его здоровье не лучшим образом и через три года Тося стала вдовой.

; Мы прощаемся с Пископпелями и спускаемся вниз с последними пачками книг.

; Раз по ходу повествования мы были решили перенестись в 1954, то простится мне еще одно отступление, связанное с этим годом.

; В один прекрасный день в самом конце ноября позвонил в квартиру 138 почтальон и, попросив предварительно расписаться, вручил гражданке Ивановой Анне Андреевне повестку. Повестка эта предписывала ей явиться в здание, расположенное на площади Дзержинского в такой-то подъезд, в такой-то кабинет, к такому-то часу.

; Конечно, о том, что она чувствовала, направляясь по указанному адресу, Анна Андреевна никому, даже мне, своему внуку, рассказывать не стала.

; Встретил ее очень любезно молодой человек в партикулярном платье и

состоялся между ними примерно следующий диалог:

- ; - Уважаемая Анна Андреевна! Не смогли-ли вы пере-числить всех политических ссыльных в Нарымской ссылке в период 1911 — 1915 год.
- ; Анна Андреевна сделала большие глаза и вежливо напомнила своему собеседнику, что, во-первых прошло уже много времени с тех пор, а, во-вторых, в те годы ссыльных в Нарыме насчитывалось более трехсот человек.
- ; - Хорошо, - Согласился с ней собеседник. - Давайте ограничимся фракцией большевиков.
- ; На что его собеседница напомнила ему в каком учреждении они находятся и что она должна отвечать за каждое свое слово, а память ее может подвести.
- ; - Ладно, - Вздохнул молодой человек. - Придется идти другим путем. Что вам говорит фамилия Лубенский Николай Михайлович?
- ; - Ничего, - Хорошенько подумав сказала Анна Андреевна. - А в чем, собственно дело? Что вы от меня хотите? Вы задаете мне такие вопросы, ответы на которые можете спокойно получить в вашем же архиве или в институте Марксизма-Ленинизма.
- ; - Да вы не волнуйтесь, ради бога, Анна Андреевна! Вот посмотрите.
- ; И выкладывает он перед нею фотографию человека с холеной физиономией лет так под пятьдесят, а может быть и старше.
- ; Посмотрела она на эту фотографию и откровенно сказала, что хоть человек этот ей абсолютно не симпатичен, знать она его не знает и никогда не видела, и что касается человека с такой фамилией, среди ссыльных в Нарыме, в бытность ее там, не было.
- ; - Что дальше? - поинтересовалась она у собеседника.
- ; - Дальше мы попросим Вас в течение двух недель Москву не покидать и навестить нас по нашей просьбе. А мы постараемся это фото омолодить.
- ; - Что вы с ним сделаете? - Удивилась Анна.
- ; - Создадим с помощью этого фото фотографию этого же человека но на сорок лет моложе.
- ; - Это можно?
- ; - Можно.
- ; - А зачем?
- ; - Что бы вы его опознали.
- ; - А зачем?
- ; Он просто ей улыбнулся.
- ; На этом они расстались.
- ; А через неделю опять они сидели напротив друг друга. Анна Андреевна рассматривала фотографию молодого bruneta. И лицо ее стало неподвижно, глаза ее карие, обычно теплые, стали холодными.
- ; - Что-то вы Анна Андреевна долго молчите. Узнали?
- ; - Почему он вас интересует?
- ; - Мы хотим понять как Советский генерал, большевик с дореволюционным

стажем работы в партии, политкаторжанин, мог так переродиться.

; - Это Заинчковский. Это тот человек, который сдал колчаковцам моего мужа. Кроме того он был разоблачен как провокатор, ново время успел сбежать из Нарыма. Я это знаю.

; - Можете подробно все написать?

; - Давайте бумагу.

; Прощаясь она не выдержала и высказала своему собеседнику претензию:

; - Раньше, - С усмешкой сказала Анна Андреевна. - Вы посылали за нужными вам людьми машины с сопровождением, а теперь заставляете ездить на городском транспорте.

; Шутка эта была достойно оценена.

; - Все? - Спросила Анна моего приятеля Ивана Мен-ражерицкого. - Ничего не забыли?

; Почему-то она считает, что Иван — человек более надежный чем я. Может быть потому, что при росте 190 сантиметров он весит сто тридцать килограмм? Для нее это довод.

; - Я вас в машину не посажу, - Категорически заявляет шофер. - Посмотрите, рессоры еле выдерживают. А если еще он сядет. - Шофер посмотрел оценивающе на Ивана и безнадёжно махнул рукой.

; - Мы дойдем пешком, - Решил за меня Иван. - Тут ходу минут пятнадцать.

; - Это ж надо такому совпадению, - Начала рассказывать ему Анна садясь в машину на переднее сидение и придерживая дверцу, что бы она не закрылась, а до Ивана дошло все, что ею рассказанное - чудо - Когда-то почти на этом месте, где выстроили наш новый дом, стояло здание Аркашиного интерната. Ты помнишь? - Обратилась она ко мне.

; Я все помнил. Даже удивительно, как все запечатлелось в моей голове.

; - Давайте, Анна Андреевна, портфель. Я его сзади пристрою. - Продолжал распоряжаться Иван.

; - Нет, - Решительно заявила Анна, прижимая портфель к груди. - Он не очень тяжелый.

; Шофер нажал на кнопку гудка. Иван захлопнул открытую дверцу. Водитель начал сдавать машину задом, что бы развернуться в узком дворе, а мы с Иваном пошли пешком. Перешли Колхозную площадь, мимо института Склифасовского, Каптельским переулком вышли на Грохольский. Повернули налево и подошли к девятиэтажному кирпичному дому.

; Машины с книгами еще не было и мы сели на лавочку и достали наши сигареты.

; - Великое дело отдельная квартира, - вздохнул Иван. - Мне с матерью, пока такое и не светит.

; - Великое, - Согласился я с ним. - Вообще этот год у Анны Андреевны сумасшедший. Такое впечатление, что время сжалось и очень важные события в ее жизни, произошли и еще будут происходить в течение всего этого года.

; Как она выдержит такие нагрузки? Возраст не маленький? Семьдесят пять лет — это серьезно!

; Это переселение происходило в погожий воскресный день в мае месяце, а все великие, для нашей семьи события начались гораздо раньше. В начале года мы и знать не знали, что в апреле Анну вызовут в Райисполком и в торжественной обстановке вручат ей ордер на новую квартиру.

; Анна долго будет стараться выяснить откуда подул такой благодатный ветер, но внятного ответа на ее вопросы ей так и не удалось получить.

; Одни сведущие люди говорили что-то насчет какого-то письма Министерства угольной промышленности, а другие намекали на запрос чуть ли не из самого ЦК КПСС о том, что члена партии с дореволюционным стажем в семьдесят пять лет заставляют подниматься на пятый этаж без лифта просто пешком.

; Короче говоря, первоисточник и благодетель найден не был. Все происходившее было отнесено к разряду чудес, которые иногда в нашей жизни еще случаются.

; Теперь мы вынуждены начать это повествование с самого начала.

; Год начался с того, что Анна решила выйти на пенсию. Решила и все! Так никто толком и не понял, что послужило причиной такому решению.

; - Ну, хорошо, Анна Андреевна, - Сказал ей Министр Братченко. - Решила — значит решила. Только учти, что тебя никто не гонит. Работай в свое и наше удовольствие.

; После того, как состоялся этот разговор, сведущие люди сообщили Анне по секрету, что Министр пригласил к себе председателя месткома и начальника отдела кадров и приказал им готовить торжественные проводы Почетного работника угольной промышленности, проработавшего в отрасли тридцать лет.

; Нашептали ей и о том, что начальник отдела кадров проинформировал Министра, что по его сведениям Томский Обком партии, в связи с пятидесятилетием установления Советской власти в Сибири, вышел с ходатайствами в ЦК КПСС и Совет Министров о награждении ряда старых большевиков, в том числе и товарищ Иванову, правительственными наградами.

; - А еще, - Сделав большие глаза продолжали посвящать Анну информаторы, - На совещании у Министра было решено наградить вас Почетной грамотой Министерства, значком «Отличник угольной промышленности СССР», дачей в поселке Ильинское и автомашиной «Победа».

; - Ты представляешь, как это я буду выглядеть управляя автомашиной и копая грядки на даче? - Спросила меня Аня. - Вот и я не представляю. Поэтому, - Продолжала она свой рассказ. - Я пошла к Борису Федоровичу и решительно отказалась от таких подарков так как это неприлично.

; - И от почетной грамоты? - Заволновался я

; - Не ерничай, - Оборвала меня Аня. - Слушай дальше.

; - Пришла я к Борису Федоровичу и так ему и сказала: - Товарищ Министр не валяйте дурака!

; Ты знаешь, что он ответил мне на это? Ты учти, что мы были у него в кабинете вдвоем и по этому он не стал стесняться в выражениях. Тем более, что мы знакомы с ним не один год и разговоры у нас, в течение многих лет, бывали всякие.

; - Ты дура, Иванова, - Вот что сказал мне Министр и еще кое-что добавил, но это тебя уже не касается. Это не для твоих молодых ушей.

; Прежде чем продолжать рассказывать дальше, ей срочно понадобилось закурить папиросу.

; - Потом он совершенно распоясался и выгнав меня из кабинета, вызвал целый синклит советников и приказал произвести оценку дачи и автомашины, после чего открыть сберегательную книжку на мое имя и перечислить на нее всю эту сумму денег.

; - И никуда она не денется! То же, понимаешь, совесть партии! - Вот так он выражался, как мне передали сочувствующие мне товарищи.

; - А я денусь. Очень даже денусь! Пусть не мечтает. Тут у меня, Аркадий, созрел план и эти деньги мне очень и очень понадобятся для его воплощения в жизнь.

; Тем боле, что позвонила мне Ксения Павловна Чудинова и сказала, что ее и меня приглашают в Томск на торжества. И скорее всего удастся организовать поездку на теплоходе в Нарым. В Нарым! - повторила она мечтательно.

; - Я тебя понимаю как никто, - Пооткровенничал я с Анной. - Меня тоже тянет иногда в Кузему, где пришлось мне служить целых два первых года. Поднялся бы я на высокий берег, где Паньгома впадает в Белое море и прокричал бы все, что я по этому поводу думаю.

; К стати, все хочу тебя спросить. Ты не в курсе дела по- чьему велению и по чьему хотению меня перенесло с Северов на Балтику? Чьих это рук дело?

; Анна сказала, что совершенно не в курсе моих служебных дел. Она даже предположила, правда с большим сомнением, что меня перевели за большие достижения в боевой и политической подготовке.

; Вот так начался этот год.

; А сегодня мы закончили переезд и моя мать Люба, моя жена Маргарита и моя дочь Таня возьтятся на кухне, накрывают стол, Иван принимает в этом самое живейшее участие, а нам с Аней милостиво позволено отдыхать в ее новой комнате.

; В порядке исключения нам даже разрешили покурить. Но только один раз. А Анна, в предвкушении своего путе-шествия в Нарым разрешила мне заглянуть в портфель.

Прежде всего я перечитываю копию записки, которую написала Аня в МГБ по поводу господина Заинчковского.

; - Слушай, - Спрашивая я Аню. А почему только тебя вызвали?

; - А потому, что «Огрех». Я единственная, кто остался в живых. Всех остальных выкосили. Когда поле убирают и оставляют случайно один колосок

— его называют огрехом.

; Собственно говоря, из всех документов, хранимых в этом портфеле, меня интересуют два. Эти документы я могу перечитывать без конца.

;

; Военная коллегия

; Верховного Суда

;

; СПРАВКА

; Дело по обвинению Левина Вениамина Ароновича, 1896 года рождения, необоснованно осужденного по статьям 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к ВМН — расстрелу, пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 8 октября 1955 года

; Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 20 января 1938 года отменен и дело прекращено.

; Левин Вениамин Аронович, как жертва политических репрессий, по данному делу реабилитирован посмертно.

;

; Зам. Начальника отдела Военной коллегии

; Верховного суда Российской Федерации

; В. Полуянов.

; Военная коллегия

; Верховного Суда

;

СПРАВКА

; Дело по обвинению Левиной Любовь Аркадьевны, 1912 года рождения, необоснованно репрессированной несудебным органом (без вменения конкретных статей Закона) как члена семьи изменника Родины, осужденной к 5 годам ИТЛ, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 7 мая 1955 года

; Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 21 марта 1938 года в отношении Левиной Л. А. отменено и дело прекращено.

; Левина Любовь Аркадьевна, как жертва политических репрессий, по данному делу реабилитирована.

; Зам. Начальника отдела Военной коллегии

Верховного суда Российской Федерации

; В. Полуянов

;

; О том, что фактически Левиной Любове Аркадьевне пришлось просидеть не пять ей обещанных лет, а целых пятнад-цать, в этом и в других документах не говорилось ни слова, но какое это теперь имеет значение?

; Из своего детства я очень хорошо помню как мы с Аней приходили на встречи со странной женщиной одетой во все черное. Мы передавали ей коробки с

продуктами для мамы.

; Однажды, спустя три года, когда наш интернат уже вернулся в Москву и Аня взяла меня жить к себе, мы встретились совсем с другой женщиной.

; Она была очень красивая и одета совсем не так, как были одеты женщины вокруг нас. На нее все обращали внимание. А она никак не реагировала на то, что все пялятся на нее. Вот и я в свои тринадцать лет сначала никак не мог отвести от нее глаз. Вот хочу перестать на нее смотреть, а глаза сами собой смотрят на нее.

; Наверно она это почувствовала потому, что погрозила мне пальцем. И пальцев таких как у нее я никогда не видел. У нее были очень длинные ногти, покрашенные в нежно красный цвет.

; Мы сели на скамейку в сквере и я отвернулся, делая вид, что не слушаю о чем они говорят.

; Эта тетя рассказала Ане, что маму в 1941 году отправили работать на северный Урал в город Кранотурьинск.

Она сказала, что называется это Богословсклаг. ПФЛ 0305

; - Там строится алюминиевый комбинат. И самым главным там товарищ Дураков. Очень хороший человек.

; Про него даже товарищ Сталин сказал, что побольше бы нам таких умных Дураковых и поменьше дураков Умновых. Мама работает экономистом.

; - Долго она там пробудит? - Спросила Анна. - Срок ведь кончился.

; Женщина как-то очень зло рассмеялась в ответ.

; Аня грустно сказала, что ей все понятно.

; Они договорились, что в следующее воскресенье они встретятся снова насчет передачи.

; Потом, когда мы с ней простились, я спросил у Ани, что это за женщина? А Аня сказала, что эта женщина очень несчастная. Тогда я этого понять не мог и сейчас не понимаю. У меня в голове никак не укладывается, что такая красивая женщина может быть несчастной.

; Наверно, что бы понять это, надо знать кто она такая и чем она занимается, но я почему-то знаю, что Аня никогда мне этого не расскажет.

; Я перебираю бумаги, а Аня сидит в кресле и курит свой Беломор.

; К нам в комнату загадывает мать.

; - Идите к столу. - Зовет она нас.

; В это время зазвенел звонок на входной двери. Я пошел открывать и, чуть было не был снесен, в квартиру ворвалась Тося размахивая какой-то бумагой.

; - Привет, - Сказал я. - Давно не виделись!

; - Анна Андреевна! - Кричала Тося не обращая на меня никакого внимания. - Вам Правительственная телеграмма. Я сама за вас расписалась. А еще звонили из Министерства.

; Тося села на стул, отдышалась и добавила:

; - После завтра вам надо явиться в Кремль для вручения награды.

; Началась суматоха. Срочно попытались решить в чем Anne идти в Кремль, но тут вмешался Иван, сказав, что такие проблемы решать на голодный желудок невозможно.

; Очевидно, принимая во внимание его рост и вес, с ним все согласились и сели за стол.

; - В каком же это было году, когда мы вот так же решали проблему в чем же тебе идти в театр с Григоричем? - Моя мать прикрыла глаза. - Я тогда проявила инициативу и утром мы поехали в торгсин. Это было в позапрошлой жизни.

; - Почему в позапрошлой? - Не понял Иван. - Выходит, Любовь Аркадьевна, вы уже прожили две жизни?

; - Выходит, - Согласилась с ним мать. - Сейчас проживаю третью.

; - Пусть Аня оденет шахтерский мундир, который ей сшили на работе. - Посоветовала Таня. - И все награды. Пусть все знают!

; Обед был кое как закончен. Женщины пошли разбирать гардероб Анны. А нас с Иваном послали мыть посуду.

; - Женщины что хотят, то с нами и делают. Кон-статировал Иван.

; В конце-концов, отказавшись от мундира, платье было выбрано и на первый план теперь явилась проблема размещение на нем орденов, медалей и значков.

; Все награды были выложены на стол, проверены чистота их лент и целостность застежек.

; То, что их надо надевать - сомнений ни у кого не было.

; - А может быть обойдемся планками? - Слабо сопротивлялась Аня.

; Но на нее все хором зашумели и ей пришлось покорно замолчать.

; Но так как никто не запрещал ей вздохнуть она этим и занялась.

; Новая проблема обозначилась чисто случайно.

; - Ой! - Сказала Таня, - А это что за орден?

; - Называется это «Орден Независимости и свободы» - Анна нежно погладила знак кончиками пальцев.

; - Анна Андреевна, - Иван осторожно, двумя пальцами взял массивную звезду и стал ее разглядывать. - Это Корей-ская награда?

; Анна отрицательно покачала головой.

; - Вьетнамская?

; - Нет?

; - Остается Китай. - Иван дождался подтверждения. - Когда ж вас им наградили?

; - В 1944 году.

; - За что?

; - У-у-у, что вы хотите узнать! - Сказала Анна. - Была в Китае такая «Особая зона». Вот однажды мне пришлось там побывать.

; Тут Иван узнал, что есть такие сведения, которые вытащить из Анны невозможно.

; - И вы знакомы с Мао Цзе-дуном?

; - Я его видела.

; - Пойдите, - Таня посмотрела на тыльную сторону наград. - Для того, что бы его надеть надо дырку в платье делать. Жалко ведь!

; Все посоветовались и пришли ко всеобщему мнению, что действительно платье жалко, а наград, и без этого ордена, достаточно.

; Потом все стали пытаться Тосю: каким орденом наградят Анну послезавтра, но Тося клялась, что ничего по этому поводу не знает, но по ее мнению, меньше чем орден Ленина, награда быть не может.

; Все с этим согласились и пошли провожать ее и Ивана. А за одно и меня с женой и дочерью. Потому, что завтра всем рано на работу.

; Тося оказалась права. Анне вручили орден Ленина.

; По этому поводу в следующее воскресенье за столом собралось много народу.

; Люба спросила мать какие рюмки ей ставить на стол, но Анна пожала плечами и сказала, что все равно.

; Тем не менее поставили рюмки Григорича.

; Готман взял в руки рюмку, долго вертел ее и, тяжело вздохнув, поставил на место.

; Сначала подняли тост за новую квартиру, затем за орден Ленина.

; Анна встала и сказала, что уж коли мы все собрались за столом, мы должны обязательно вспомнить всех отсутствующих дорогих людей. И перво-наперво помянем самого дорогого человека - Левина Вениамина Ароновича.

; Все встали и посмотрели на портрет моего отца, который я повесил на стену, когда мы приходили смотреть квартиру.

; Самая большая ценность — верные друзья, - Продолжала Анна и обязала всех выпить за здоровье Готмана, попутно рассказав, как его выпустили в сороковом году за то, что сидя в «шарашке» он изобрел незамерзающую смазку для танков,

; - Правда потом опять посадили, - Добавила она. - Ну, это были такие времена.

; - А еще я очень прошу выпить за здоровье товарища Майсурадзе и его родню. - Попросила Аня. - Пусть им всю жизнь сопутствует удача.

; Все стали вспоминать ее таинственную поездку в Грузию и требовать подробности, но Анна ловко перевела разговор в другое русло и напомнила всем, что необходимо вспомнить Николая Котова.

; Я вызвался сбегать за дополнительным количеством вина, потому, что если решили вспоминать всех верных друзей, то застолье кончится только к концу следующей недели.

; Тут начались разговоры, что в Правительстве жадничали. Могли, вполне, присвоить звание Героя Социалистического труда, но Анна заявила, что орден Ленина для нее самая дорогая награда, она счастлива, и всякие разговоры по этому поводу надо немедленно прекратить.

; Потом она взгрустнула и поделилась с нами, что очень ей горько, но не дожидаясь до этого времени Лев Романович Шейнин и теперь никто не позвонит ей по телефону и не станет орать: «Иванова!»

- ; - Между прочим, Лауреат Сталинской премии. Тоже, как Готмана, два раза сажали. А я его однажды несправедливо обидела.
- ; Помянули Фердинанда Гансовича. А Тося, не очень в тему, почему-то рассказала историю, как в 1944 году, когда они только что вернулись из эвакуации, пришел к ним очень красивый полковник и спросил Анну Андреевну.
- ; Очень он огорчился, что Анна Андреевна в командировке и когда вернется — неизвестно. Вдохнул он и сказал что-то нехорошее по поводу судьбы и попросил передать ей коробку.
- ; Потом, когда Анна Андреевна вернулась и коробку вскрыли, в ней оказалась пишущая машинка «Континенталь».
- ; - И зачем ей такой подарок? - Закончила свое повествование Тося.
- ; - Удивительной судьбы человек, - Вдохнула Анна. - Мы с ним познакомились в Томске в восемнадцатом году.
- ; Прошел он Гражданскую войну, воюя на стороне белых, прошел Хасан, служа уже в Красной армии, затем Ханкин-гол. Был ранен. А из госпиталя вышел и продолжал воевать уже в Финляндии.
- ; Виделись мы в 1936 году в течение пяти минут. Вон Аркадий нам эту встречу устроил — Аня кивнула в мою сторону.
- ; - Потом в нашей семье началось такое, о чем вспоминать не хочется. Опять мы с ним потерялись.
- ; О его гибели в 1945 году написал мне его двоюродный брат. И в архиве мне это подтвердили.
- ; Тут ее рассказ прервал звонок во входной двери. Прибежал Эдик Пископпель и принес Правительственную телеграмму, подписанную Первым секретарем Томского Обкома КПСС Егором Кузьмичем Лигачевым.
- ; Прежде всего в телеграмме было поздравление товарища Ивановой в связи с получением Правительственной награды, а еще приглашение на празднование пятидесятилетия установления Советской власти в Сибири.
- ; Ксения Павловна Чудинова предложила лететь в Томск на самолете. На что Ання ей сказала, что она не возражает. Тем более, что у нее в жизни уже был случай связанный с авиацией и кончился он вполне благополучно.
- ; И этот вопрос утрясли.
- ; Ты знаешь, - Сказала мне Маргарита после того, как мы приехали домой и уложили спать Таню. - Вчера мне звонил Иосиф и спрашивал какую награду получила Анна. Я сказала, что орденом Ленина.
- ; - Он остался доволен? - Спросил я и пожалел об этом. К сожалению из меня, против моей воли, выскакивают глупые фразы и мне за них потом становится стыдно.
- ; - Мне его жалко, - Ответила мне Маргарита. - Это очень одинокий человек и редкой честию
- ; Анна улетела в Томск и вернулась почти через месяц.

; Я уже взрослый и могу понять, что стоило ей эта поездка. Особенно путешествие на теплоходе в Нарым.

; И пусть каюта, в которой она плыла, была комфортабельна, а в ресторане теплохода им подавали изысканные блюда, но на пристани в Нарыме среди встречающих их, с должным пиитетом, ответственных товарищей, не было ни одного знакомого лица.

; Жизнь выкосила всех тех, с кем связывало ее прошлое. И на встречу с кем она так надеялась.

; Грустное это было путешествие, как я понимаю, нервное.

; Уже накануне их отъезда из Томска состоялся прием у Лигачева. Гости выслушали добрые слова в свой адрес и, в свою очередь, поблагодарили хозяев за прекрасный прием.

; Егор Кузьмич поинтересовался будут ли у гостей какие-нибудь просьбы. Спросил он из вежливости, будучи абсолютно уверенным, что после такой пышной встречи, просьб просто не может быть.

; - Будут, - Сказала Анна. Вот какое дело у меня к вам, уважаемый Егор Кузьмич.

; С самого начала этого года я веду переговоры со скульптором товарищем Данилиным. Он ваш, Томский. Встретились мы с ним на днях в его мастерской и он показал мне вылепленную пробу памятника Аркадию Федоровичу. Она мне очень понравилась.

; Вот, посмотрите фотографии, - Она протянула Лигачеву стопку снимков.

; - Должна вам сказать, что после того, как я увидела эскизы, мы с товарищем скульптором заключили договор, тем более, что он вел переговоры с главным архитектором и художественным советом и получил самые лестные оценки своему творению.

; Только вы не хмурьтесь, Егор Кузьмич. Все работы согласно этому договору оплачиваю я.

; - Это, как я понимаю, - Проговорил Лигачев, - Деньги не малые. Поторопились вы, товарищ Иванова.

; - Нет, - Возразила ему Анна. - Не поторопилась. У меня не так много времени осталось.

; Теперь к вам у меня такая просьба:

; Нужно ваше решение по поводу места, где будет установлен памятник. Предварительно скульптор вел прего-воры с главным архитектором, но я была решительно против таких переговоров.

; Установка памятника — дело политическое и целиком и полностью находится в вашей компетенции.

; В крайнем случае у меня есть запасной вариант. Можно установить этот памятник в Ленинск-Кузнецком на могиле Аркадия Федоровича. - Успокоила она Лигачева.

; Егор Кузьмич молча рассматривал фотографии.

; - А деньги, Анна Андреевна, вы уже перечислили скульптору?

; - Да. Все до копейки согласно договору. У меня еще осталась сумма, которую я хочу перечислить городу за производство инженерных работ, связанных с установкой памятника.

; - Вы, товарищ Иванова, всю жизнь работаете в таком темпе и с таким напором?

; - Стараюсь, Егор Кузьмич. - Твердо сказала Анна. - Хоро-шую школу прошла.

; - Как, в таких случаях, говорят ваши друзья шахтеры?

; - Врубилась я крепко, Егор Кузьмич, - Улыбнулась Анна. - Так они говорят.

; - Ну, что ж, ждите вызова на торжественное открытие памятника.

; Анна не дождалась.

; Но до самой последней минуты верила, что последнее ее дело кончится победой.

Судьба распорядилась так, что на открытии памятника Аркадию Федоровичу Иванов в городе Томске присутствовала его дочь Люба.